

Валентин МАСАЛЬСКИЙ

СКОБЕЛЕВ

Коротко об авторе

Валентин Николаевич Масальский родился в Ростове-на-Дону в 1924 г. Участник Великой Отечественной войны, командовал огневым взводом арtpолка. В 1951 г. окончил исторический факультет Ростовского университета, в 1952 г. — годовые курсы преподавателей общественных наук. Преподавал в вузах политическую экономию и историю, доцент, автор 40 печатных трудов. В настоящее время живет в Донецке.

С 1975 г. В.Н.Масальский изучает жизнь и деятельность генерала Скобелева. Результатом многолетней работы стала книга, посвященная этому русскому богатырю, которую автор отдает на суд читателей.

От автора

Задачей этой книги является возрождение в сознании народа великого патриота, военного героя, прозорливого политика и общественного деятеля Михаила Дмитриевича Скобелева. Задача трудная. Хотя литература о Скобелеве довольно велика, все ценное было опубликовано в дооктябрьский период. В течение же всего довольно долгого советского периода, когда имя Скобелева находилось фактически под запретом, серьезной литературы о нем не было, а то, что издавалось, было незначительно, неверно, поверхностно, бедно и бледно. Большинство очень немногих авторов видели свою задачу лишь в том, чтобы опорочить Скобелева как колонизатора, и кратко и неохотно упоминали о его подвигах в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Правда, к столетнему юбилею освобождения Болгарии от османского ига советские писатели создали несколько романов, где Скобелев представлен как талантливый военачальник, но обращение этих писателей с историей так свободно, что подлинного Скобелева в их романах узнать трудно. Законный вопрос: а военно-историческая литература? Неужели и она молчит о Скобелеве? Увы, ответ и здесь приходится дать неутешительный. О Скобелеве мало-мальски идет речь только в труде военных историков, посвященном войне 1877–1878 гг., — рассказывая об этой войне, обойти Скобелева невозможно.

До наших дней остается справедливым упрек сподвижника Михаила Дмитриевича: «С именем Скобелева соединяется столько великих мыслей, планов и ожиданий, что еще долго, без сомнения, будут писать и говорить о нем. К сожалению, хотя редко кто более Скобеле-

ва заслуживает к себе общественного внимания, о нем мало знают даже среди родного ему народа. Из числа тех немногих, которые близко знали Михаила Дмитриевича, не находится еще того, кто сумел бы показать нам Белого Генерала не только как замечательного полководца, но как истинного гражданина своего народа, как благороднейшего представителя национальной идеи в России. Этот упрек я посылаю, конечно, нашей родной литературе, где до сих пор нет даже биографии Скобелева»^[1].

Сейчас мы начинаем переосмысливать нашу историю, оценивать ее объективно и действительно научно, бесцензурно анализировать свое прошлое, события давней и недавней истории и ее деятелей. Это относится и к М.Д.Скобелеву. Задача эта связана не только с необходимостью нового, свободного от внешнего давления взгляда на события более чем столетней давности и роли в них Скобелева, но в очень большой степени и с состоянием источников. Как уже отмечалось, из литературы советского времени взять нечего. Нельзя, правда, умолчать, что в нашей стране есть немало почитателей Скобелева, которые ведут самостоятельную исследовательскую работу, но пока, как известно автору из переписки с некоторыми из них, они видят свою задачу в собирании материала, и немало в этом преуспели. Но до-революционная литература довольно богата. Это — приказы, письма, выступления Скобелева в ограниченном кругу, его публичные политические речи, многочисленные публикации в периодической печати. Кроме того, о Скобелеве писали очень многие авторы: и серьезные ис-

¹ «Quelques mots sur le général Skobeleff par un officier russe. (Несколько слов русского офицера о генерале Скобелеве.) По поводу брошюры г-жи Адам «Генерал Скобелев». Paris, 1887, p. III. В дальнейшем — «Quelques mots...». (Здесь и далее прим. автора.)

следователи, и популяризаторы, и беллетристы, а также немало мемуаристов. Сложнее обстоит дело с архивными материалами. Большой архив Скобелева, находившийся в Минске, после его смерти был опечатан и перевезен в столицу. Местонахождение его в настоящее время неизвестно. Но в российских архивах и в отделах рукописей библиотек Москвы и С.-Петербурга имеется все же немало скобелевских документов. В совокупности весь этот материал дает достаточную источниковую базу для воссоздания образа и деятельности Скобелева. Разумеется, эти документы и литература, как и исторические источники вообще, нуждаются в критическом анализе, в проверке и перепроверке, чем автор неизменно занимался. В целом в книге использован весь известный на сегодня материал о Скобелеве.

Выводы автора базируются на строгом следовании источникам. Конечно, и решению отдельных проблем, и всей авторской концепции могут быть даны и другие толкования. Но внимательный анализ, продолжавшийся в течение многих лет, привел к тем выводам, которые высказаны здесь и представляются автору единственно убедительными. Во всяком случае он счастлив уже тем, что внес вклад в изучение Скобелева. Как говорили древние римляне: сделал что мог, могущие пусть сделают лучше.

Глава I. Родословная.

годы учения

*...Император Александр III,
желая, чтобы военные доблести
связывали войско и флот
общими памятованиями,
повелел корвет «Витязь»
впредь именовать «Скобелев».*

**Энциклопедический
словарь Брокгауза и
Эфрона. Т. 59. СПб, 1900,
с.216.**

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17 (29) сентября 1843 г. в Петербурге в потомственной военной семье: и отец, и дед его были генералами, оба — Георгиевские кавалеры. Такая традиция и обязывала и учила. Но самым знаменитым, самым прославленным стал внук. Три поколения генералов — Георгиевских кавалеров!

Род Скобелевых был не из знатных. Своим родоначальником они считали Никиту Скобелева, однодворца, дослужившегося до чина сержанта. Было это в XVIII в. Говорить о древности рода, таким образом, не приходилось. Высоких чинов отец и дед достигли только благодаря собственным заслугам. Правда, семейные предания Скобелевых утверждали, что род их восходит к царствованию Ивана Грозного или кого-то другого из московских государей и был дворянским. Не желая нести военную службу, их предки скрывались, сказывались в нетях, от чего якобы захудали и перестали считаться дворянами. Но эта версия не внушает доверия. Документальных подтверждений она не имеет никаких. Все исследователи со-

гласны, что Скобелевы были простолюдинами и лишь дед героя нашего повествования получил дворянство, заслужив его в боях. Начиная с того же деда, Скобелевы возвысились, породнились с титулованной аристократией, и М.Д.Скобелев по своим родственным связям принадлежал уже к высшему, аристократическому обществу.

Однодворец Никита, первый, кого можно достоверно отнести к представителям этого рода, выйдя в отставку, поправил свои дела женитьбой на Татьяне Михайловне Коревой, девице из известной в Калужской губернии дворянской фамилии. Этот брак принес ему имение — село Чернышино.

Один из сыновей Никиты, Иван, дед белого генерала (1778–1849), был весьма примечательной личностью. Начав службу нижним чином, он закончил ее генералом от инфантерии и, будучи почти неграмотным, стал писателем.

Службу Иван Никитич начал четырнадцати лет и лишь через одиннадцать лет был произведен в первый офицерский чин. Боевое крещение получил 28 февраля 1807 г. в чине подпоручика 26-го Егерского полка в сражении с французами в Пруссии. В финляндскую кампанию 1808–1809 гг. Иван Никитич участвовал в двадцати боях и сражениях и два раза был ранен, потерял два пальца правой руки, третий был раздроблен. Я.П.Кульнев, оценивший его храбрость и находчивость, представил его к награждению орденом св. Владимира IV степени с бантом. На молодого офицера обратил внимание генерал Н.Н.Раевский и предложил ему перейти в его корпус, действовавший в Болгарии, с повышением, на генеральскую должность. В длительной турецкой войне, продолжавшейся до 1812 г., Скобелев участвовал почти во

всех сражениях, особенно отличился при взятии Силистрии и Шумлы, опять был несколько раз ранен и контужен и вновь награжден. Продолжению службы помешали открывшиеся старые раны. Получив отставку «за ранами и увечьем с мундиром и жалованьем», он лечился, живя в Петербурге. С началом Отечественной войны вернулся в строй. После смерти М.И.Кутузова Скобелев в мае 1813 г. сопровождал его тело в Петербург. Потом он снова в армии. Командуя полком, совершил подвиг под Реймсом. Здесь Наполеон подстроил ловушку, окружив русские войска. Всем удалось выскочить, кроме прикрывавшего отход Рязанского полка Скобелева. Трижды полк ружейным огнем отражал кавалерийские атаки французов. Скобелев не только спас свой полк от неминуемой, казалось, гибели, но и дал время артиллерии и обозу войти в Реймс, куда за ними и сам пробился на штыках, сорвав тем самым замысел Наполеона. За этот подвиг он был награжден орденом св. Георгия IV степени, а полку были пожалованы знаки отличия на кивера. При взятии Парижа полк Скобелева снова отличился, захватив 18 марта на Монмартрских высотах шестиорудийную батарею, за что командир получил орден св. Владимира III степени и прусский «Pour le mérite».

9 мая 1815 г. манифест императора Александра I возвестил о начале новой войны с Наполеоном. Скобелев снова в действующей армии, после вторичного занятия Парижа вернулся с армией в Россию. С 1817 г. — генерал-майор, командир бригады. Женившись на дворянке Надежде Дмитриевне Дуровой, получил за ней хорошее имение и 1000 душ. С 1821 г. — генерал-полицмейстер 1-й армии.

После известного возмущения в Семеновском полку (октябрь 1820 г.) Иван Никитич вступился за полк и вы-

сказал командующему армией мнение, что полиция в армии не нужна. В рапорте он в крепких выражениях и в своем особом кудрявом стиле ругательски ругал тех получивших «французско-кучерское воспитание»^[2] недоумков, кто своим неумением обращаться с русским солдатом вызвал мятеж. Поступок для генерала того времени не обычный, очень смелый. Это мнение и этот рапорт стоили ему долгого перерыва в строевой службе. Лишь в 1828 г. фортуна, наконец, снова улыбнулась Скобелеву: он — начальник 3-й пехотной дивизии, а в следующем году — генерал-лейтенант. Во время польской кампании в сражении под Минском ядро оторвало ему руку. Когда отпиливали остаток руки, он, сидя на барабане, продиктовал прощальный приказ, в котором объявлял, что для службы отечеству ему и «трех оставшихся пальцев с избытком достаточно». За это дело он был награжден Георгием III степени.

После лечения Иван Никитич проводил время в имении. По рассказам современников, много заботился о крестьянах. В 1839 г. был вызван в Петербург и 8 июня назначен комендантом Петропавловской крепости, что было знаком особого монаршего доверия, и одновременно — директором Чесменской богадельни и членом комитета о раненых. В 1843 г. был произведен в полные генералы. В Петербурге 40-х гг. пользовался широкой и лестной популярностью. Умер 19 февраля 1849 г. Ему были устроены пышные похороны, по отзыву современника, «достойные фельдмаршала».

² За недостатком места автор не имеет возможности давать подробные примечания по каждому цитируемому источнику. В конце книги приведен список использованных литературных и архивных материалов.

Для полной характеристики Ивана Никитича следует добавить, что он был довольно известным в свое время писателем. Как военный писатель, он выступил еще в 20-х гг., а в 30-х заявил о себе и как беллетрист. Пользуясь в старости богатством и всеобщим почетом, Скобелев говорил: кому я этим обязан, кроме личных достоинств? Только русским солдатам, друзьям-товарищам. Желая поделиться своими наблюдениями и воспоминаниями, он стал писать. В борьбе с «непримиримым врагом», грамматикой, ему помогал Н.И.Греч. В 1833 г. вышла в свет книга Скобелева, посвященная «друзьям-товарищам, старым и малым»: «Подарок товарищам или переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым», в 1836 г. — «Собрание приказов» (отражение деятельности Скобелева в Нижнем Новгороде в должности инспектора резервной пехоты), потом рассказы, публиковавшиеся им за подписью «Русский инвалид», в 1838 г. — «Беседы русского инвалида или новый подарок товарищам» (инвалид тогда означало ветеран, но не исключало понятия инвалид в нынешнем значении). Критика и публика встретили нового автора сочувственно, отмечая его оригинальность, искренность и безыскусственность. Из деревни в Петербург Скобелев прибыл с литературным багажом. В 1839 г. появились две его пьесы: «Кремнев — русский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году». Обе пьесы были поставлены на сцене Александрийского театра и имели успех. Скобелев вошел в круг литераторов, стал участником литературных вечеров. В своих «Литературных и житейских воспоминаниях» И.С.Тургенев рассказывает, что на литературном вечере у П.А.Плетнева в марте 1838 г. был «Скобелев, автор «Кремнева», впоследствии комендант С.-Петербургской крепости, всем тогдашним петербургским жите-

лям памятная фигура с обрубленными пальцами, смысленным, помятым, морщинистым, прямо солдатским лицом и солдатскими, не совсем наивными ухватками — тертый калач, одним словом».

Блестящий послужной список и славный жизненный путь Ивана Никитича был омрачен, надо признать, совершенным им однажды низким поступком. Во время своей опалы он, по его же выражению, «проштыкнулся», написав несколько доносов — на своего начальника генерал-губернатора А.Д.Балашова (за «парламентаризм»), князя А.Н.Голицына, А.А.Закревского, А.С.Пушкина. В письме о Пушкине от 17 января 1824 г. говорилось: «Я не имею у себя стихов сказанного вертопраха... но, судя по возражениям, до меня дошедшим (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки; последние осмеливаюсь представить». Сожалея, что автор «употребил изрядные свои дарования» для сочинения «развратных стихотворений», Скобелев считал, что полезно-де содрать с него за это «несколько клочков шкуры». Как отмечали биографы, мотивами доносов, наряду с желанием вернуть утраченную милость высших сфер, были фанатическая преданность Скобелева службе и его политическая ограниченность, связанная с отсутствием образования.

Будучи комендантом Петропавловской крепости, Иван Никитич оставил о себе добрую память как о сострадательном человеке, стремившемся по возможности облегчить участь узников. Как сообщала в 1870 г. «Русская старина», он «испросил пересылку из крепости в Сибирь на поселение Гаврилы Степановича Батенкова^[3], человека, замечательного умом, государственными тру-

³ Современное написание фамилии декабриста — Батеньков. (Прим. ред.)

дами, поднятыми вместе со Сперанским по устройству Сибири в 20-х гг., и затем двадцатилетним заключением в Петропавловской крепости за участие в событиях 14 декабря».

Много видевший и много знавший Греч, коротко знакомый и с Батеньковым, общавшийся с ним и после его освобождения в 1856 г., рассказывал в своих записках: «Кто помог Батенкову в его ужасном положении? Командант Иван Скобелев, простой русский человек, выслужившийся из солдат, даже не говоривший по-французски. Он при случае напомнил государю о бедном Батенкове и наконец добился, что его освободили из крепости и отослали на поселение в Томскую губернию».

По поводу другого узника, прапорщика Браккеля, И. Н. Скобелев в ходатайстве военному министру А. И. Чернышеву писал: «Браккель виноват по молодости и неопытности, но он, как вижу, сформирован на благородную статью с чувствами возвышенными, похвальными, а посему, быть может, и я сам подвергнусь Вашему гневу, но осмеливаюсь испросить исходатайствовать ему перевод в место, менее грозное — на гауптвахту».

Собственноручная резолюция государя императора: «Старику Скобелеву я ни в чем не откажу, надеюсь, что после его солдатского увещания виновному из Браккеля опять выйдет хороший офицер, выпустить и перевести в армейский полк тем же чином». На благодарственное письмо Скобелева, в котором он выражал готовность умереть за царя и отечество на поле чести (желание, в старости не раз выражавшееся Скобелевым), «на подлинном написано: государь император изволил прочитать с удовольствием». Это — документ из отдела рукописей Публичной библиотеки.

Отзывчивость Скобелева как коменданта крепости увековечена Н.С.Лесковым в «Левше». Он много заботился о порученной ему Чесменской богадельне, доход от издания своих сочинений обращал на благотворительные цели, в пользу солдат-инвалидов.

Представителям трех поколений рода Скобелевых, главным образом Ивану Никитичу, посвящен рассказ А.И. Куприна «Однорукий комендант». Рассказ этот так интересен и так насыщен информацией, что трудно было удержаться от соблазна привести из него обширные выдержки. Рассказ ведется от лица Ефима Андреевича Лещика, ординарца белого генерала под Плевной, управлявшего после турецкой войны имением Скобелевых. Об Иване Никитиче этот Лещик рассказывает со слов жившей в имении древней старушки Анны Прохоровны, няньки сына Ивана Никитича и землячки его самого, родом из соседней деревни.

Допустима мысль: можно ли доверять рассказу Куприна, ведь это художественное произведение? Но в основу своих произведений, посвященных историческим событиям и лицам, Куприн всегда клал действительные факты. В основном характер и этапы жизни И.Н.Скобелева в его рассказе совпадают с тем, что нам доподлинно известно. Не выдуман и рассказчик. На это указал сам писатель: «Обо всех трех Скобелевых, внуке, отце и дед, на днях очень много и хорошо мне рассказывал личный ординарец Скобелева-третьего, почтенный и милый старик».

Весной 1986 г. проживающая в Ленинграде продолжательница рода другого ординарца Скобелева (о ней и обо всем роде я подробно расскажу в своем месте) написала мне о ленинградской радиопередаче, в которой со-

общалось, что в дар Пушкинскому Дому переданы 29 писем А.И.Куприна. Факт сам по себе значительный, так как архив Куприна утерян. Но для меня важным было следующее указание: письма были адресованы жившему в 20-х гг. в буржуазной Эстонии сыну скобелевского ординарца, и в передаче говорилось о работе Куприна над этим рассказом и в связи с этим — о Скобелеве. Эта же ленинградка, имеющая связи в Пушкинском Доме, установила имя дарительницы и ее адрес. Ею оказалась живущая в Таллине Лидия Константиновна Гущик. Я поспешил ей написать, она без промедления ответила, и вот что я узнал.

Сведения для рассказа Куприн действительно получил от ординарца Скобелева, который приходился дедом мужу дарительницы. В рассказе Куприн изменил его имя, на самом деле это был Ефим Викентьевич Гущик. Бессменный ординарец белого генерала во время турецкой кампании, он после войны жил в Петербурге на Инженерной улице у музея Александра III, ныне Русского музея, где заведовал хозяйственной частью. Он рано овдовел и остался с большой семьей: четыре сына и четыре дочери. Все сыновья были военными, исключая Владимира Ефимовича, который служил в почтово-телеграфном ведомстве и писал, сначала в виде опыта, потом, поощряемый Куприным, стал печататься. В книге «Жизнь» (сборнике рассказов), переданной Лидией Константиновной в ПД вместе с письмами Куприна^[4], по интересующему нас сюжету он писал: «Мой отец был ординарцем белого генерала, Скобелева Михаила Дмитриевича, героя турецкой кампании и сына того Дмитрия Ивановича Скобелева, ко-

⁴ Отрывки из писем А.И.Куприна 17.09.86 г. опубликовала «Литературная газета» с выражением благодарности Л.К.Гущик.

торый закончил жизнь флигель-адъютантом и был прямым отпрыском знаменитого Однорукого коменданта, Ивана Никитича Кобелева. О нем-то и написан писателем Куприным прелестный рассказ со слов моего отца, которому в свою очередь много рассказывал о Кобелеве сам белый генерал. Был этот Кобелев ветераном войны 1812 года и записками его увлекались еще современники отца». Читатель, конечно, обратил внимание, что дед белого генерала выступает под именем Кобелева, а его сын и внук — уже Скобелевы. Куприн по этому поводу писал, что лишь после соизволения Николая I, разрешившего Ивану Никитичу добавить к фамилии «с», она стала более благозвучной: Скобелев вместо Кобелев. Об этом еще раньше упоминал писатель В.И.Немирович-Данченко. Но эта версия не кажется убедительной: в документах войны 1812 года Иван Никитич именуется всегда Скобелевым, да и его отец, однодворец Никита, — также Скобелев. Если бы был еще жив муж дарительницы, я мог бы выяснить что-либо дополнительно. «Мой муж Гущик Георгий Владимирович умер в 1982 г., — писала Лидия Константиновна. — Он мог бы Вам рассказать многое, не то что я». Как видит читатель, я опоздал совсем немного. Отец Георгия Владимировича, Владимир Ефимович, и познакомил Куприна со своим отцом, ординарцем белого генерала. После революции Куприн и В.Е.Гущик покинули Гатчину и оказались в эмиграции в Нарве, откуда Куприн уехал в Финляндию и затем в Париж, а Гущик остался в Эстонии.

Не могло меня не заинтересовать и указание Лидии Константиновны о том, что в книге Владимира Ефимовича «Жизнь», вышедшей в 1939 г. в Брюсселе, есть связанный со Скобелевым рассказ «Таинственный талисман», о котором она добавляла: это быль, и этот талис-

ман хранится у меня. После просьб о разъяснении я узнал следующее. Во время турецкой кампании небольшая команда с участием Ефима Викентьевича набрела на раненого турка. Уверенный, что его добьют, турок приготовился к смерти и закрыл глаза. Но его привезли и сдали в госпиталь. Случайно Гущик на следующий день зашел туда и услышал, что его окликают. Это был вчерашний турок.

— Эфенди! Ты спас мою жизнь, и я хочу отблагодарить тебя хорошим подарком. Вот гляди! — сказал он, снимая с шеи какой-то амулет и извлекая оттуда скомканную бумажку. — Это обыкновенная наша кредитка, деньги благословенного Аллахом султана. — Он поцеловал бумажку и подал ее отцу (рассказ ведет Владимир Ефимович). — Но она не простая. В ней заключена сила доброй воли, и я передаю ее тебе в знак своего уважения и благодарности. Пусть сила, заложенная в ней, сохраняет и твое потомство.

Эта турецкая кредитка находится в семье Гущик больше ста лет. Отец, сообщила Лидия Константиновна, описывает несколько случаев, как этот талисман охранял от гибели деда, братьев и потом его самого.

Очень интересно, может сказать читатель, но никак не связано со Скобелевым.

Не совсем так. Писатель рассказывает: «А я помню, как говорил нам отец:

— И Скобелев никогда не шутил над такими вещами, а уж он-то любил пошутить. Бывало, разглядывает эту кредитку и задумчиво качает головой. Почем знать! — говорил он. — Возможно, твой раненый далеко не обманщик. Азия удивительная страна, в ней все возможно».

Кредитка хранится в семье Гущик и поныне. «Сейчас она висит на стене под портретом деда, закрытая прозрачным плексигласом с двух сторон», — писала мне Лидия Константиновна...

Заключая об Иване Никитиче, стоит подчеркнуть, что современники, писатели и историки, были единодушны в том, что он — оригинальный, самобытный русский тип, талантливый народный самородок.

Из детей Ивана Никитича дочь Вера вышла замуж за полковника К.Ф.Опочинина, внука, по женской линии, М.И.Кутузова. Сын Дмитрий (1821–1880) вступил, подобно отцу, на военную службу, но, в отличие от отца, ему не было необходимости начинать службу солдатом, первые шаги карьеры были ему обеспечены. Службу он начал в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (почти одновременно с М.Ю.Лермонтовым), затем служил в Кавалергардском полку. Участвовал в венгерском походе 1849 г., во время Крымской войны — в военных действиях на Кавказском фронте. Сумел приблизиться к придворным сферам: командовал лейб-гвардии конным полком и царским конвоем. Вместе с сыном участвовал в войне 1877–1878 гг. Вообще же этот второй генерал скобелевского рода был значительно менее яркой фигурой, чем отец. Был Дмитрий Иванович дельным и в меру храбрым генералом, но без особых талантов и амбиций. Подвигов он не совершил, был лишь исполнительным и старательным служакой. Широко распространено было выражение: сын знаменитого отца и отец знаменитого сына. Справедливости ради нужно все же отметить, что Дмитрий Иванович добывал честь не при дворе и не в канцеляриях, а на войне. Если однорукий генерал получил свои два Георгиевских креста при взятии Парижа и Варшавы, то его сын, по словам М.И.Полянского, «ездил

за своими двумя Георгиевскими крестами на... погибельный Кавказ... и затем в Турцию».

В собственных хозяйственных делах был он довольно прижимист, что позволило ему многократно увеличить полученное от отца состояние и сделать своего сына богатым человеком. В армии он получил кличку «паша» за находившие на него временами припадки самодурства, безвредные, впрочем, для окружающих. Был он вместе с тем человеком отзывчивой души. Как и отец (а затем, особенно, сын), он всегда старался помочь нуждающемуся, используя для этого все возможности. В Историческом архиве в Петербурге хранится его письмо своему зятю, министру двора, от которого зависело многое: «Милый друг Саша! Душа моя осталась навсегда тебе признательна за семейное счастье, которое ты, по моей просьбе, сделал Никифорову. Что раз радостно и глубоко взойдет в сердце, то иногда жаждет повторения. Товарищ мой по службе, адъютант его высочества ротмистр Андреев, отдавшись чувствам артистке императорского балета Елисавете Волковой, имеет от нее детей. Средства его весьма ограничены, дети скоро потребуют воспитания, а мать больна, страдает грудью и службу при театре продолжать не может, на что имеется докторское свидетельство. Если только есть возможность, сделай, ради Бога, доброе, незабываемое дело. Пролей луч счастья на моего Андреева. Прикажи уволить Волкову в отставку с полным пансионом, чего и я, как свидетельство твоего ко мне расположения, вовек не забуду».

Современники оставили описание внешности и привычек второго Скобелева. Вот, например, рассказ А.В.Верещагина, брата известного художника-баталиста, относящийся ко времени русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: «Старик Скобелев был высокого роста, с

крупными чертами лица, с длинной рыжей бородой. Ходил он в синей гвардейской черкеске (он тогда командовал Кавказской казачьей дивизией. — *В.М.*), обшитой серебряными галунами. Говорил медленно, в нос и в разговоре постоянно мычал; спрашивал ли он, или отвечал, все равно, за каждой его фразой следовало гнусавое ммм-м. На большом пальце правой руки носил перстень с огромным брильянтом и когда здоровался с кем-то, то подавал только три пальца». Имел представительный вид. А вот что писал сам художник В.В.Верещагин. «Румыны немало дивовались на статного, характерного русского генерала... Скобелев-отец поразил меня своей фигурой: красивый, с большими голубыми глазами, окладистой, рыжею бородой, он сидел на маленьком казацком коне, к которому казался приросшим».

Дмитрий Иванович женился на дворянке Ольге Николаевне Полтавцевой. О матери нашего героя и ее ближайших предках стоит сказать особо. Если при взгляде на родословие Скобелева по мужской линии бросается в глаза преданность военной службе, суровая солдатчина, то родословие матери связано с романтической, трогательной, по-своему даже идиллической историей в духе жизни старинных провинциальных помещиков. Кто не знает прелестной пушкинской новеллы «Барышня-крестьянка»? Представьте себе, в ней описана история ближайших предков Скобелева по материнской линии. В конце XVIII в. богатый помещик генерал Алексей Александрович Пашков вышел в отставку и поселился в своем имении в Тамбовской губернии. Он рано овдовел и остался с единственной дочерью Дашей, умницей и красавицей, в которой не чаял души и не жалел денег на ее домашнее воспитание. Характером Пашков напоминал пушкинского Троекурова: был своенравен и гневлив, вся

округа перед ним трепетала. Но, подобно тому же Троекурову, он на удивление соседей дружил с мелкопоместным дворянином Полтавцевым. Тот тоже похоронил жену и остался с единственным сыном Колей, который был несколькими годами старше Даши и также был умен и хорош собой. Желая дать ему наилучшее образование, отец отправил его на учебу в Петербург, а затем за границу. По возвращении молодого Полтавцева в отношениях богатого и бедного соседей все шло сначала хорошо, образованный юноша по-прежнему вызывал симпатии Пашкова. Но случай поссорил две семьи. Оба помещика были страстными охотниками, у Пашкова была огромная псарня, а Николай Полтавцев привез из-за границы двух собак новой в России породы. На просьбу Пашкова продать их отец и сын ответили отказом. Взбешенный Пашков прекратил с ними всякие отношения.

Между тем окрестные барышни были без ума от Николая Полтавцева. Прослышав об этом, и Даша захотела взглянуть на него. Узнав, куда он ходит на охоту, она переделалась крестьянкой и отправилась в рощу, где ее не на шутку испугала бросившаяся на нее собака молодого охотника. Дальнейшее в основном совпадает с изложением событий у Пушкина: та же взаимная влюбленность, перерывы в свиданиях, обучение грамоте, переписка через дупло старого дуба. Похож и эпизод, приведший к примирению двух семей: на охоте лошадь Пашкова понесла, выручили находившиеся поблизости Полтавцевы. Получивший ушиб Пашков отправился в коляске соседей в их имение, где за столом было торжественно отмечено примирение, и Николай Полтавцев подарил генералу двух так заинтересовавших его собак. На следующий день в доме Пашкова ждали обратного визита Полтавцевых, и Даше пришлось во всем признаться отцу. Тот

реагировал как в повести Пушкина: «Чему быть, того не миновать. Думал я вас когда-то поженить, да не знал, придетесь ли вы друг другу по сердцу. А вы и без родителей успели сладиться. Ну что ж, совет вам да любовь!»

Семейная жизнь влюбленных оказалась счастливой. Как бывает при браке красивых родителей, женившихся по любви, у них родились здоровые и красивые дети. Старшая дочь вышла замуж за графа Александра Владимировича Адлерберга, министра двора при Александре II, известного также бескорыстной поддержкой многих русских литераторов, в том числе Н.А.Некрасова, средняя — за графа Э.Т.Баранова, а младшая, Ольга Николаевна, стала женой Дмитрия Ивановича Скобелева, отца героя нашего повествования. Вот как история скобелевского рода второй раз, но теперь уже совсем по-другому, перекрестилась с именем Пушкина: белый генерал оказался внуком пушкинской барышни-крестьянки.

Ольга Николаевна родила трех дочерей и сына. Старшая, Надежда Дмитриевна, вышла замуж за князя К. Э.Белосельского-Белозерского, вторая, средняя, Ольга Дмитриевна, — за В.П.Шереметьева, а младшая, Зинаида Дмитриевна, — за Евгения Максимилиановича, князя Романовского, герцога Лейхтенбергского, сына великой княгини Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского. В замужестве стала носить имя графини Богарне.

Как видим, браки всех сестер Михаила Дмитриевича Скобелева в социальном отношении возвысили их, привели в высший свет. Помимо того, что они и сами принадлежали к хорошей фамилии, такие удачные браки в определенной степени следует, наверное, объяснить и тем, что все сестры были очень хороши собой. О Зинаиде Дмитриевне, ставшей графиней Богарне, художник В.В.

Верещагин в письме брату Александру высказывался: «Сестра М.Д.Скобелева — славная баба, не только видная, но, кажется, и с хорошим характером, она, во всяком случае, стоит князя Евгения Лейхтенбергского». Отзыв вполне определенный и принадлежит он художнику, следовательно, эстетически развитому человеку, тем более что художник был далеко не рядовой. Такому наблюдению можно доверять.

Недоумение возможно по другому вопросу: почему графиня Богарне? При чем Богарне, французская фамилия?

Есть интересное старинное разыскание Е.П.Карновича, историка и писателя: «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими». В нем содержится следующая справка: «При браках герцогов Лейхтенбергских, князей Романовских, их супругам из невладельческих домов и потомкам от этих браков была предоставлена родовая фамилия Их Высочеств де Богарне, с графским титулом, заменившим присвоенный этой весьма древней французской дворянской фамилии титул маркиза».

Нужно ли, могут спросить некоторые читатели, столько рассказывать о предках и родственниках? По-моему, нужно. Прежде всего потому, что во внуке можно проследить прямую, генетическую наследственность, полученную от деда. Изучавшие М.Д.Скобелева находили в них много общего. Фактом является любовь обоих к солдату и забота о нем, хотя в крепостническую и пореформенную эпохи эта сторона проявлялась по-разному. Но оба одинаково презирали и преследовали всех, кто пытался поживиться за счет солдата. Главное же, указывали, что внук унаследовал от деда военный талант.

Другие добавляли, что и непостоянство относительно женщин, но все соглашались, что и в том, и в другом он превзошел деда. Со мной, надеюсь, согласятся и в том, что такие предки не могли не повлиять на интересы, взгляды и вкусы потомка. Да и надо все-таки знать его родственников и свойственников. Иначе как же можно судить о его общественном положении? В последнее время у нас вполне законно вырос интерес к генеалогии. Не приходится доказывать его правомерность, когда история данного рода соприкасается с известными в нашей истории именами. Теперь многие изучают свое родословие, и занятие это не только интересно, но и похвально, оно содержит в себе гражданский и патриотический смысл.

О рождении Михаила Дмитриевича Скобелева в метрической книге Петропавловского собора за 1843 год под № 15 имеется следующая запись:

«Месяц и день рождения — 17 сентября, крещение — 14 октября 1843 г.; имя родившегося: Михаил.

Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания: Кавалергардского ее величества полка поручик Дмитрий Иванов сын Скобелев и законная жена его Ольга Николаева, оба первобрачные и православные.

Звание, имя, отчество и фамилия приемников: С.-Петербургской Петропавловской крепости комендант, генерал от инфантерии и разных орденов кавалер Иван Никитич Скобелев и адъютанта его императорского высочества государя-наследника цесаревича штабс-капитана Александра Владимировича Адлерберг жена Екатерина Николаева».

Свои первые годы мальчик провел в крепости, где служил дед. Современники вспоминали, что Миша был

стройным, живым, высоким для своих лет мальчиком. Когда его однажды для христосования подняли за оба уха, ему на глаза навернулись слезы и он крикнул «больно», но после этого не проронил ни звука и, продолжая смеяться, стал рассказывать о новой военной награде отца. В этом эпизоде уже проявились некоторые черты характера взрослого Скобелева: сила воли и мечты о военной славе и отличиях. Чтение его началось с сочинений деда: «Беседа русского инвалида», «Приказы», пьесы, «Письма из Бородина от безрукого к безногую инвалиду» и «Переписка и рассказы русского инвалида». Формуляр деда восхищал мальчишку. Дедовский Георгиевский крест он носил вместе с нательным под рубашкой, пока не получил свой.

О своем детстве и воспитании первых лет Скобелев нередко рассказывал друзьям и знакомым, сохранившим эти рассказы в своих воспоминаниях. Он очень любил и уважал мать, умную, волевою и энергичную женщину. От нее у него не было секретов, с ней — и только с ней — он был вполне откровенен, она знала не только его мечты и планы, но и всю его интимную жизнь. Такими отношения между матерью и сыном остались до конца, вплоть до трагической смерти Ольги Николаевны в 1880 г. Иными были отношения с отцом. Дмитрий Иванович любил сына и по-своему заботился о нем. Но он был слишком формален и суров, чтобы вызвать в сыне те чувства, какие тот питал к матери. Да он и не добивался этого. В те времена отцы были для детей довольно строгим начальством, даже ласка считалась тогда слабостью, которая могла только повредить воспитанию.

Домашнее воспитание дворянских детей обычно поручалось гувернерам-иностранцам, большей частью немцам. Хотя в середине прошлого века уже вывелись такие

анекдотические воспитатели, как описанный Д.И.Фонвизиным Вральман или мосье Бопре из «Капитанской дочки» Пушкина, все же и тогда гувернеры нередко сильно смахивали на этот классический тип. Дмитрий Иванович, желая воспитать сына в строгости, нанял гувернера-немца и дал ему неограниченную власть над мальчиком. Гувернер оказался грубым, тупым и подлым. Он бил Скобелева прутьем за плохо выученный урок, за всякий пустяк. Независимый с детства, пылкий, подвижный ребенок возненавидел своего мучителя и мстил ему чем мог. Гувернер за кем-то ухаживал и, отправляясь с визитом, надевал фрак, цилиндр и новые перчатки. Скобелев мазал ручку двери ваксой, и гувернер пачкал свои перчатки. Ненависть к нему Скобелева была такова, что он, стиснув зубы, молчал под ударами, не желая ни криком, ни стоном выдать свою боль. В его характере появились скрытность и мстительность. Неизвестно, чем закончилось бы это воспитание, если бы не произошел случай, который положил ему конец. Скобелев был детски влюблен в девочку своего возраста и катался с ней верхом. Однажды в ее присутствии гувернер грубо выбранил Скобелева, тот что-то ответил, и гувернер ударил его по лицу. Взбешенный Скобелев, до тех пор мстивший только исподтишка, не стерпел унижения, плюнул немцу в лицо и ответил на удар пощечиной. Не ожидавший такой развязки, гувернер побежал жаловаться.

Лишь теперь, увидев плоды установленной им системы воспитания, Дмитрий Иванович понял ее негодность и определил сына к Дезидерию Жирарде (Girardet), державшему в Париже пансион. Жирарде был полной противоположностью своему предшественнику. Это был воспитатель мягкий, гуманный, высокообразованный, умевший и в ребенке уважать человека. Неудивительно,

что он стал для Скобелева идеалом честности и благородства и после матери — самым близким человеком. Большое внимание, наряду с преподаванием положительных знаний, Жирарде уделял воспитанию нравственных качеств. По выражению одного из биографов Скобелева, он стал развивать в своем питомце «религию долга». Скобелев стал его любимым учеником. Жирарде так к нему привязался, что закрыл в Париже свой пансион и последовал за ним в Россию. Он оставался его другом и наставником, был с ним в Новгороде, Фергане, Сан-Стефано, в Ахал-Теке по окончании экспедиции и в Спасском во время приездов туда Скобелева. Он провожал своего питомца и в последний путь. Неизбежное, хотя вначале, может быть, безотчетное сравнение первого и второго воспитателей повлияло на позднейшие национальные симпатии и антипатии Скобелева, хотя, конечно, не могло быть в их формировании решающим фактором.

По словам Жирарде, Скобелев был мальчиком своевольным и живым. Друзей он не имел, только товарищей, с которыми любил играть в войну и всегда брал роль командира. Близок он был только с одним юным англичанином, который по окончании пансиона уехал в Америку. С родными и близкими часто был резок, но умел искупить свою вину лаской и тонкой лестью, выражавшей, впрочем, искренние чувства. Живя в пансионе, Скобелев проходил лицейский курс. Основными учебными дисциплинами были языки и изящные искусства. Языки Скобелев изучал с увлечением и был к ним очень способен, но музыкой не интересовался, а танцев стыдился. Считал, что упущением в его воспитании было отсутствие обучения искусству рисования. Позже, в академии, он научился неплохо чертить. Театр его занимал мало, но литературу он очень любил. Из русских поэтов больше

других почитал Лермонтова, из иностранных — Гете, Байрона, Гюго, из которых на языке оригинала заучивал большие куски. К наукам, не относящимся к военному делу, был равнодушен, хотя и проявлял разносторонние способности. Не хотел учить латынь, пока не обнаружилось, что один из товарищей (Арапов) обгонит его по успехам в учебе. Этого Скобелев, с его самолюбием, допустить не мог.

Учеба у Жирарде дала Скобелеву хороший общеобразовательный фундамент и определила его высокую культуру, не часто встречающуюся среди военных того времени. Знание языков ему очень пригодилось. Он говорил: «Каждый обогатившийся знанием языков столько раз становится культурным человеком, сколько ему удалось изучить языков». Повзрослев, он полюбил и музыку. Дальнейшим учением и самостоятельной работой он многое добавит к полученному в детстве и отрочестве. Этому будут способствовать живой ум, быстро усваивающий и впитывающий знания, хорошая память и любовь к книге. Жирарде всегда говорил, что, не стань Скобелев военным, он был бы ученым, так он жаждал знаний и так был способен.

По окончании учения у Жирарде встал вопрос о дальнейшем образовании. Родители желали, чтобы сын завершил образование в России. Хотя семейная традиция требовала определения его на военную службу, родители под влиянием общественной атмосферы 60-х гг. решили дать ему сначала высшее, университетское образование. Как люди богатые и не жалевшие средств для воспитания единственного сына, в поисках репетитора они обратились не к кому-нибудь, а к академику А.В.Никитенко, известному в свое время литератору, ученому-филологу и цензору, оставившему заметный след в истории русской

литературы. В качестве репетитора Никитенко рекомендовал популярного тогда педагога Л.Н.Модзалевского, друга и единомышленника К.Д.Ушинского, отца будущего известного пушкиниста Б.Л.Модзалевского. В 1897 г. вышла из печати его мемуарная книга «Из педагогической автобиографии». В ней есть строки и о подготовке Скобелева. В «Русской Старине» было опубликовано письмо к нему его ученика. Между прочим, это Модзалевскому принадлежат знаменитые, известные многим поколениям русских и советских школьников стихи «Кончил дело — гуляй смело».

Для оценки воспитательного влияния репетитора важным является следующий факт. Во время учебы в Гейдельбергском университете Модзалевский, будучи главой русского землячества, организовал сбор денег с целью обеспечения поездки Н.И.Пирогова в Италию для лечения раненого Гарибальди. От денег Пирогов отказался, но к Гарибальди, в сопровождении Модзалевского, поехал и вылечил его раненую ногу. Вряд ли Скобелев мог об этом не знать. Несомненно также, что Модзалевский воспитывал своего ученика в духе демократических идей 60-х гг.

После занятий с Модзалевский, продолжавшихся с 1858 по 1860 г., 21 мая 1860 г. на квартире графа А.В.Адлерберга, сын которого проходил подготовку вместе с молодым Скобелевым, в присутствии нескольких профессоров и попечителя учебного округа состоялся «предварительный» экзамен. Экзамен прошел, по словам А.В.Никитенко, «с большим успехом». Решено было поступление Скобелева на математический факультет Петербургского университета.

Вступительные экзамены проходили в мае 1860 г. О некоторых обстоятельствах, сопровождавших эти экзамены, и о впечатлении, которое в те годы производил Скобелев на окружающих, можно составить представление по воспоминаниям А.Ф.Кони, известного судебного и общественного деятеля, патриарха пореформенной русской юриспруденции. «Толпа экзаменуемых в этот последний день была особенно оживлена, — вспоминал Кони много лет спустя. — Из нее вышел ко мне навстречу молодой стройный человек высокого роста, с едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко остриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание... — Извините, — сказал он мне, — я знаю, что вы отличный знаток математики, а у меня — и он слегка покраснел — вот какая беда: я не приготовил двух последних билетов из тригонометрии, да и вообще слаб по этой части и сам себе помочь не могу. Не можете ли вы мне объяснить их?.. Я с удовольствием согласился; мы сели в сторонке за край большого стола, и я преподал моему неожиданному ученику два тревожившие его билета, повторил свое объяснение и предложил ему попробовать мне ответить. Ответ обличил его чрезвычайную понятливость... Мы расстались...» После экзамена «...вышел мой незнакомец. Его красивое лицо было радостно взволновано. Он быстро подошел ко мне и, протягивая обе руки для крепкого рукопожатия, воскликнул: — Представьте! Последний билет! Последний!!! И — весьма удовлетворительно! Как я вам благодарен! Мы, конечно,

будем встречаться. — Вы ведь, без сомнения, юрист? — Нет, я иду на математический факультет по чисто математическому разряду. Но, все-таки, мы будем встречаться. Не правда ли? — Конечно, — отвечал я».

Успешно сдав остальные экзамены (тригонометрия была последней), Скобелев был принят в университет. Но учеба продолжалась недолго. Волнения среди студентов, связанные с революционным подъемом 60-х гг., побудили правительство 20 декабря 1861 г. закрыть университет, как оказалось, на целых три года. Да Скобелева и не привлекала математика и вообще гражданское поприще. Он мечтал не о студенческой тужурке, а о военном мундире и с завистью смотрел на своих сверстников, уже носивших эполеты. Мечты о военной карьере были связаны и с примером отца и деда. Не будем забывать, что в ту пору военная служба в дворянских семьях была большей частью наследственным занятием, переходившим от поколения к поколению. Будучи студентом, Скобелев просиживал свободное время не над университетскими лекциями, а над книгами по военным наукам. Поэтому закрытие университета стало для него, наверное, желанным предлогом, чтобы расстаться с гражданской жизнью и связать свою судьбу с военной службой.

22 ноября 1861 г. Скобелев поступил вольноопределяющимся в Кавалергардский полк; с 19 декабря того же года — юнкер; 8 сентября 1862 г., по сдаче экзамена на офицерский чин, — портупей-юнкер; 31 марта 1863 г. произведен в корнеты. Но дальше продолжать службу в Кавалергардском полку Скобелев не смог. Как говорится в документе из полкового архива (дело № 28 от 7 марта 1864 г.), от нескольких падений с лошади у Скобелева появились боли в груди, которые усиливались при ношении кирасы, почему полковой лекарь рекомендовал «пе-

ременить род службы и поступить в легкую кавалерию». 19 марта 1864 г. Скобелев был переведен в Гродненский полк, не такой блестящий, как Кавалергардский, но тоже гвардейский, лейб-гусарский, тот самый, в четвертом эскадроне которого в 1838 г. служил другой корнет — М. Ю. Лермонтов. Получив отпуск и направляясь в полк, Скобелев по дороге примкнул к Преображенскому полку, преследовавшему один из польских повстанческих отрядов, и с ним остался на весь отпуск. В боях с повстанцами он получил свое боевое крещение. Уже эти первые шаги обнаружили те качества, которым Скобелев был обязан своей блестящей карьерой: военный талант и личная храбрость, сочетавшаяся с великодушием к побежденным. За участие в этой кампании он получил и первую награду — орден св. Анны IV степени с надписью «За храбрость».

Над смыслом польского национального движения Скобелев тогда не задумывался, общественные вопросы его в ту пору не занимали, интерес к ним придет позже. Это был просто честолюбивый, с юношески воинственными наклонностями молодой человек, мечтавший о войне, подвигах и славе. Но после польского восстания он не мог найти применения своей жажде боевой деятельности. Россия в это время не вела войн. На Западе в 1864 г. шла только одна война — Пруссии против Дании, точнее, австро-прусско-датская. Скобелев испросил заграничный отпуск, но на войну опоздал. Однако он изучил театр военных действий и новинки военной техники. Его особенно интересовало действие новых игольчатых ружей, которые, как ожидалось, должны были произвести переворот в тактике. 30 августа он был произведен в поручики.

Жизнь, которую вел молодой гродненский гусар, была типичной для жизни тогдашней военной молодежи.

Скобелев при его азартности даже выделялся из общей среды. В это время он много кутил. Попойки сопровождались разного рода выходками ради сильных ощущений. Однажды Скобелев выпрыгнул из окна второго этажа, но как-то остался жив и даже не покалечился. В другой раз его товарищ Вейс на пари со Скобелевым верхом в походной форме взялся переплыть Вислу во время ледохода. Когда он миновал середину, в реку бросился и Скобелев, «*con amore*», без пари. «Хотя пари проиграл, но первенства не дал — в этом весь Скобелев», — замечает современник. С тем же Вейсом он затеял в лесу верхом очень опасную игру в пятнашки. Преследуя Скобелева, Вейс на полном скаку ударился о дерево ногой и раздробил ее. Опасались за его жизнь. Он выжил, но на всю жизнь остался инвалидом. В Варшаве Скобелев увлекался преодолением на коне барьеров сумасшедшей высоты, и каких: не легких, сбиваемых копытами коня, а толстых, сплошных, глухих. При неудачном прыжке через такое препятствие и всадник и конь вполне могли свернуть себе шею. В Туркестане, куда скоро попадет Скобелев, между молодыми офицерами была распространена игра в кукушку. В темном сарае один подавал голос, «кукукал», а другой стрелял на звук. Промахнувшийся платил штраф, если же промаха не было, то «кукушка» платилась раной или жизнью.

В отношениях с товарищами Скобелев вел себя как член военной семьи, какой был в те времена полк. Но есть свидетельства, что характер его был тогда довольно неприятный, заносчивый. Многие порицали его честолюбие, стремление выделиться, быть популярным. Однако, по рассказам современников, Скобелев умел этого достигать. Офицер-кавалергард Н.Н.Врангель, сблизившийся со Скобелевым в эти молодые для обоих годы и остав-

шийся близким к нему и в дальнейшем, вспоминал о времени службы Скобелева в Гродненском полку: «Скобелеву было тогда лет двадцать. Он не был тогда ни богат, ни красив (и богатым, и красивым он стал только впоследствии), ни родовит, пороха еще не нюхал — словом, ничем из большинства офицеров полка не выделялся. Но странное дело. Не прошло и полгода, все заговорили о нем как о герое даже не будущем, а уже настоящем. Как он этого добился, уже не знаю, но знаю, что причин к этому тогда еще никаких не было. Самолюбие у него было необычайное и «хотеть» он умел, а стать великим было его мечтой чуть ли не с детства. Быть популярным было для него насущной потребностью, и все его усилия были направлены к этому. Мы часто трунили над этой его слабостью. Достаточно было ему намекнуть, что кто-то им не восхищается, его недолюбливает, и Скобелев уже лезет из кожи, чтобы так или иначе строптивного покорить — и в конце концов покорял».

Привычки Скобелева сложились в юности и в начале службы и остались неизменными. Он был чистоплотен, но при этом и брезглив, даже привередлив. Употреблял духи. Немного играл на рояле, подпевая небольшим приятным баритоном. В его репертуаре были, между прочим, песни многих европейских и азиатских народов, каждую из которых он исполнял на языке оригинала. В карты не играл и запрещал их подчиненным. Из напитков предпочитал легкие кавказские вина, больше всего любил шампанское. Водку и другие крепкие напитки не пил. Все мемуаристы подтверждают, что много читал.

При всем увлечении Скобелева соблазнами описанной выше жизни, уже в бытность его в Гродненском полку он отдавал много времени самостоятельному изучению военных наук, выделяя из них стратегию и военную

историю. В напечатанной в 1898 г., после смерти Скобелева, истории полка ее автор, офицер того же полка Ю. Елец, собравший все материалы о пребывании Скобелева в этом полку, «честь и славу которого он составляет», писал: «Вне службы Михаил Дмитриевич часто предавался своему любимому занятию военной историей. Это не было поверхностное чтение, а обстоятельное изучение предмета с циркулем в одной и карандашом в другой руке, с планами, занимавшими часто полкомнаты, над которыми по целым дням на полу пролеживал молодой Скобелев, запираясь на ключ от мешавших ему товарищей». Как офицера расторопного и знающего языки, дипломатическая канцелярия наместника не раз посылала его с поручениями в Париж, Берлин, Вену, Дрезден, Торн. Вообще «...в полковых воспоминаниях он остался истым джентльменом и лихим кавалерийским офицером».

Мы располагаем несколькими описаниями внешности молодого Скобелева, сделанными современниками. Вот наиболее полное. «Это был высокий, стройный, плотно сложенный молодец. Настаиваю на слове плотный, отнюдь не худощавый, как говорят некоторые, а крепко сложенный человек (в этом пункте есть разногласия, другие мемуаристы утверждают, что Скобелев был жидковатого сложения. — *В.М.*). Черты лица его были правильны, но грубоваты; прекрасный лоб, но нос несколько мясистый; глаза светло-серые, пожалуй бесцветные, немного выпуклые; при светлых волосах цвет лица сероватый; в лице не было красок юности, — ее свежести, ее очарования, отсутствие которых как-то шло вразрез с очевидной молодостью лица, едва покрытого растительностью. Спешу, впрочем, оговориться, что я никогда не видел Скобелева ни смеющимся, ни даже улыбающимся, пожалуй, даже веселым... Впоследствии, когда Скобелев

возмужал и отпустил себе великолепные светлые бакенбарды, он удивительно похорошел. Но в юности это был далеко не тот тридцатишестилетний красавец с пышной, светлой бородой...» Описание, как видим, совпадает с краткой характеристикой Врангеля, но несколько расходится с описанием Кони. Впрочем, последнее относится ко времени, когда Скобелев был еще отроком.

В 1866 г. Скобелев решил поступить в Николаевскую Академию Генерального штаба. Это решение было продиктовано присущей ему жаждой знаний, но немалую роль сыграли, конечно, и соображения карьеры. При поступлении подготовка его была признана блестящей, способности — отличными. Но учеба Скобелева несколько разочаровала начальство и преподавателей. По их мнению, Скобелев не был достаточно старательным и показывал знания худшие, чем мог бы, отчего он приобрел репутацию способного, но ленивого. В действительности Скобелев работал очень много, но, как это часто бывает с незаурядными людьми, тяготился учебной рутинной и имел собственное мнение о том, что ему нужно и чего не нужно. Свое свободное время он отдавал чтению и проработке интересовавших его военно-научных книг, отдавая предпочтение вопросам стратегии и ее воплощению полководцами разных стран в минувших войнах. Нередко он составлял по прочитанному записку, нечто в роде доклада, посвященного походам Наполеона или какому-нибудь событию из русской военной истории, и читал его товарищам по учебе. Такие чтения вызывали у них живой интерес и бурные дискуссии. Но начальству эта работа оставалась неизвестной, и оно по-прежнему считало, что Скобелев ничего не делает. Сложившееся о Скобелеве мнение не изменило и появление в «Военном сборнике» его первого печатного труда — статьи «О военных учре-

ждениях Франции». Профессору военной истории А. Витмеру Скобелев признался, что хочет совсем бросить академию. Витмеру удалось его отговорить, но к учебе Скобелев оставался равнодушен. Он оживлялся и показывал свои настоящие способности, лишь когда дело касалось его любимых дисциплин. Получив учебное задание, в котором предлагалось найти способ прикрыть Аугсбург от наступления с севера, он изучил карту Баварии и пришел к выводу, что это невозможно и что единственный выход — наступление. Свой вывод он обосновывал с такой убедительностью и увлеченностью, что захватил всех присутствовавших. «Упоминаю об этом случае потому, — вспоминал Витмер в 1908 г., — что он ярко рисует, как Скобелев неохотно укладывал себя в готовые рамки, каким могучим духом инициативы он проникнут был просто по своей натуре: живой, деятельной, смелой, и как это свойство своей природы он выказывал даже среди скучных учебных занятий».

Выпускные экзамены, проходившие летом 1868 г., Скобелев сдал довольно посредственно и лишь в своей любимой области поразил профессоров. Ему достался вопрос о Рымникском сражении. Витмер считал его неинтересным с точки зрения военного искусства, но изложение Скобелева было таким захватывающе увлекательным, что сосед Витмера по экзаменационной комиссии, толкнув его в бок, шепнул: «Это профессорская лекция», на что Витмер отвечал: «И профессора талантливого! Думаю, это не будет преувеличением, — продолжал Витмер, — если скажу, что хотя в академии я не раз слышал от офицеров прекрасные ответы на экзаменах, но такого *талантливого, увлекательного* изложения положительно не слышал. Видно было, что бой, самый механизм его, его поэзия близки сердцу молодого воина, будущего героя».

Вот оценки, полученные Скобелевым на выпускных экзаменах (по 12-балльной системе), извлеченные из академического архива (каждый член комиссии ставил свой балл).

Тактика — 10,7

Стратегия — 12

Военная история — 12

Военная администрация — 9

Военная статистика — 8

Геодезия — 6,5

Съемка — 8

Русский язык — 11

Артиллерия — 9

Фортификация — 11

Иностранные языки — 12

Политическая история — 10

Получив не лучшие оценки по ряду дисциплин, по предметам военного искусства Скобелев был в числе лучших, а по военной истории — первым во всем выпуске, не говоря уже о том, что по предметам высшего образования, характеризующим культуру выпускника, был одним из первых.

Тем не менее совокупность полученных оценок давала право на окончание академии лишь по второму ряду.

После экзаменов по теории следовали практические испытания в поле. Тут-то Скобелеву, который всегда стремился к практическому воплощению теоретических

знаний, представился, наконец, случай показать, на что он способен, и одним махом исправить свои академические дела. Съёмки и рекогносцировки происходили в Северо-Западном крае. Скобелеву было задано отыскать наиболее удобный путь для переправы кавалерийского отряда через Неман. Для этого требовалось произвести рекогносцировку почти всего протяжения реки. Скобелев же все отведенное ему время провел на одном пункте, не трогаясь с места. Когда явилась проверочная комиссия, в числе членов которой был профессор Г.А.Леер, Скобелев, не пускаясь в объяснения, вскочил на коня, подстегнул его плетью и, бросившись прямо с места в Неман, переплыл его в оба конца. При виде такой находчивости и решительности Леер пришел в восторг и тут же настоял на причислении Скобелева к Генеральному штабу.

В связи с этим важным в жизни Скобелева событием следует сделать некоторые пояснения. Генрих Антонович Леер, генерал и несколько позже начальник академии, был крупным теоретиком, законодателем академической науки. Он вел курс стратегии, которая, по его определению, является синтезом всего военного дела, его обобщением и философией. Он был воспитателем нескольких поколений русских военных, многие из них поминали его добрым словом, отмечая, что идеи и курс этого маститого ученого были на высоте требований своего времени, и воздавая должное его заслугам в подготовке квалифицированных кадров для русской армии. Что же касается зачисления в офицерский корпус Генерального штаба, то этот институт составлял одну из особенностей русской армии. Офицеры, причисленные к Генеральному штабу, носили особую форму одежды и пользовались правом на ускоренное чинопроизводство. Принадлежность к Генеральному штабу открывала путь не только к военной ка-

рьеру, но и к дипломатическому поприщу и по некоторым другим гражданским ведомствам. Понятно, что попасть в офицерский корпус Генерального штаба стремились многие. Хотя к нему причислялись офицеры только из окончивших академию по первому разряду, Скобелев, который окончил ее по второму разряду, получил эту привилегию благодаря своей удаче. Что же касается сомнений в обоснованности решения комиссии, то военный человек, наверное, сразу понял Леера и других членов комиссии. На военной службе ценится умение не рассуждать, даже умно, а действовать: быстро взвешивать обстановку, решаться, достигать. Эти качества и продемонстрировал Скобелев. Он доказал возможность переправы не словом, а делом. И при этом еще показал свою смелость и физическую выносливость. Скобелев переплыл Неман дважды. Какое доказательство возможности переправы могло быть более убедительным?

В Военно-историческом архиве хранится важный документ, характеризующий службу и учебу Скобелева в академии. Это — послужной список Скобелева. Я приведу его полностью, не только для характеристики Скобелева, но и как любопытный памятник эпохи и как образец военного делопроизводства того времени. Форма для ясности немного упрощена.

**Дело Николаевской Академии Генерального штаба
 Послужные списки офицеров, выпущенных из Академии в 1868 г.
 Полный послужной список Скобелева составлен к 6 ноября 1868 г.**

I Чин, имя, отчество и фамилия	ШР* Михаил Дмитриевич сын Скобелев
II Должность по службе	Состоял в чине офицеров, образующихся в Н.А.Г.Ш.
III Ордена и знаки отличия	Орден св. Анны 4 ст. с надписью "За храбрость" и имеет светло-бронзовую медаль за усмирении польского мятежа 1863—1864 годов.
IV Когда родился	17 сентября 1843 г.
V Из какого звания происходит и какой губернии уроженец	Из дворян Рязанской губернии
VI Какого вероисповедания	Православного
VII Где воспитывался	В доме родителей и кончил курс
VIII Получаемое по службе содержание	В Н.А.Г.Ш. по второму разряду

IX

Прохождение службы

	Годы	Месяцы	Числа
В службу вступил унтер-офицером в Кавалергардский полк	861	ноябрь	22
Юнкером	861	декабрь	19
Портупей-юнкером	862	сентябрь	8
Произведен в корнеты	863	март	31
По прошению переведен Л.Гв. в Гродненский Гусарский полк	864	март	19
Отправлен	864	март	27
Прибыл	864	март	31
Поручиком	864	август	30
За отличие в деле против польских мятежников Всемилоостивейше пожалован орденом св. Анны 4 ст. с надписью "За храбрость"	865	июня	10
Отчислен в резервный эскадрон сего полка	865	декабрь	16
Прибыл	866	январь	6
Отправлен в Николаевскую Академию Генерального Штаба для образования в высших военных науках, куда и прибыл	866	август	25
По окончании курса наук в Академии приказом по Генеральному Штабу за № 144 причислен к оному штабу и назначен на службу в Штаб Туркестанского Военного Округа	868	ноябрь	1

X Бытность вне службы (Малонинтересные сведения об отпусках. — В. М.)	
XI Холост или женат, на ком, имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания	Холост
XII Есть ли за ним, родителями его, или, когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное	За отцом его состоит ро- дового имения в Цар- стве Польском Майорат и в губерниях: Калуж- кой, Рязанской и Там- бовской 40 т. десят. зем- ли и два винокурных завода
XIII В штрафах по суду или без суда, также под следствием, был ли, когда, за что именно и чем дело кончено	Не был

XIV Бытность в походах и делах противу неприятеля, с объяснением, где имен- но, с какого и по какое время, ока- занные отличия и полученные в сра- жениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанно- стей, по Высочайшим повелениям, или от начальства; подсудность, не подлежащая внесению в штрафную (XIII) графу	года мес. числа Находился в со- ставе войск, усми- рявших мятеж в Царстве Польском с..... 864 марта 31 по..... 864 мая 1 864 года апреля 7-го дня был в стычках против польских мя- тежников при уничто- жении отрядом под- полковника Занкисо- ва шайки Шемиота в Радковицком лесу.
---	--

В службе офицер этот обстоятельствам, лишающим права на получение знака отличия беспорочной службы, не подвергался.

Командир эскадрона полковник

(подпись)

Документ дает исчерпывающие сведения о службе Скобелева, об имущественном положении родителей и о значении на службу после окончания академии.

Учение можно было считать законченным. Начинаясь служба.

Глава II. В Туркестане

Двадцатого мая 1868 г. Скобелев был произведен в штаб-ротмистры, 19 ноября того же года причислен к Генеральному штабу с назначением в штаб Туркестанского военного округа. Перед молодым офицером открывалась широкая дорога вверх по служебной лестнице. Полный энергии, избытка сил, честолюбивых надежд, Скобелев жаждал деятельности, которая дала бы ему возможность проявить свои способности, в существовании которых он не сомневался. Но будем справедливы: Скобелева вовсе не привлекало повышение в чинах само по себе, любыми средствами, чего добивались многие так называемые военные, никогда не нюхавшие пороху, старавшиеся быть поближе к царскому двору или к важным канцеляриям и успешно совершавшие там свою карьеру. При связях Скобелева он легко мог бы пойти по этому пути. Но такой путь ему претил, и таких «военных» он всегда глубоко презирал. Не привлекала его и честная, но небоевая, мирная карьера, например в министерстве, штабах, даже на ученом поприще, несмотря на его любовь к наукам. Он был человеком инициативы и действия, причем практического, а точнее — боевого действия. В этом заключалось его настоящее, неподдельно искреннее призвание, что впоследствии снискало ему, по крайней мере у многих поклонников, не лишнее пафоса название поэта и рыцаря войны.

В декабре 1868 г. Скобелев прибыл в Туркестан. Сначала ему было поручено руководство работой съемочной партии в районе Самарканда, затем, весь 1869 год, он участвовал в действиях на бухарской границе войск генерала А.К.Абрамова, храброго и деятельного воина, из

простого штабс-капитана выросшего в начальника Зеравшанского округа. Служба у такого начальника стала для молодого офицера превосходной школой.

Командуя казачьей сотней, тренируя ее в стрельбе и джигитовке, Скобелев в короткий срок превратил казаков в лихих наездников, а сотню — в сплоченное, полюбившее своего командира подразделение. Современники, например генерал В.Д.Дандевиль, оставили описания методов Скобелева. Одним из них было преодоление местных садовых стенок. Эти ограды делались из глиняных комьев, сложенных на краю неглубокого, но широкого рва, откуда бралась и глина. Такая стенка имела до 2,5 аршина в высоту (аршин — 71,12 см), суживаясь кверху, она образовывала тонкий гребень, обсаженный сухим колючим кустарником. Для ее преодоления следовало во рву ударом нагайки поднять коня на дыбы, чтобы он копытами обрушил верхнюю часть стенки. После нескольких новых ударов нагайкой высота стены уменьшалась и лошадь оказывалась лежащей брюхом в провале стены, отчаянно брыкаясь и продолжая уменьшать ее высоту копытами и своей тяжестью. Еще нагайка — и стенка позади. Другим средством боевой выучки была переправа кавалерии через реки вплавь. Не раз сотня Скобелева переплывала Сыр-Дарью. Все обучение Скобелев вел личным примером. Это — характернейшая особенность его искусства обучения и, как увидим дальше, вождения войск.

Но служба в Туркестане на этом этапе у Скобелева не сложилась. Причиной была история, на которой нам придется подробно остановиться. В литературе дается несколько ее описаний. Первое состоит в следующем. Возвратившись весной 1869 г. с небольшим отрядом после выполнения боевого задания, Скобелев доложил о

поражении, нанесенном им шайке бухарских разбойников. Но один из его казаков со своей стороны доложил, что «офицер сочинил от начала до конца всю историю о разбойниках». Потом выяснилось, что казак имел повод к личной мести. Однажды, погорячившись, Скобелев позволил себе то, чего впоследствии никогда не позволял и за что сурово взыскивал с подчиненных, — ударил казака. Он, правда, тотчас же устыдился своего поступка и, когда появился удобный случай, представил казака к производству в урядники. Но тот все же затаил злобу и отомстил командиру. Начальство и многие офицеры поверили не Скобелеву, а казаку. Такую же позицию занял художник В.В.Верещагин, в изложении которого мы и передаем эту версию. Его знакомство со Скобелевым произошло в Ташкенте, в единственном тогда в городе ресторане. До этого знакомства Верещагин ничего не знал ни о М.Д.Скобелеве, ни о его отце, но был весьма наслышан про деда — однорукого генерала. Вот как описывает художник это знакомство: «Некто Жирарде, очень милый француз, учивший детей тогдашнего генерал-губернатора Кауфмана, подвел ко мне юного, стройного гусарского штаб-ротмистра. — Позвольте вам представить моего бывшего воспитанника Скобелева. — Я пожал руку офицерику, почтительно поклонившегося... Фигура юного Скобелева была так привлекательна, что нельзя было отнестись к нему без симпатии, несмотря на то, что история, висевшая тогда на его шее, была самого некрасивого свойства. Дело в том, что, возвратившись из рекогносцировки по бухарской границе, он донес о множестве разбитых, преследованных и побитых разбойников, которых в действительности не существовало, как оказалось, и которые им были просто сочинены для реляции».

Привлекая воспоминания В.В.Верещагина, биограф Скобелева М.М.Филиппов справедливо отмечал, что они имеют большую ценность, когда художник сообщает то, чему сам был свидетелем. В том же, что он сам не наблюдал, он склонен был домысливать или доверять чужим рассказам, да и суждения его не лишены некоторой легковесности. «Неглубокий наблюдатель», справедливо охарактеризовал В.В.Верещагина и Н.Н.Кнорринг, автор самого полного исследования о Скобелеве. В данном случае Верещагин, несомненно, опирается на слухи, другого источника у него не было. Некоторые офицеры, по его словам, открыто обвиняли Скобелева в неправде, он же в запальчивости осуждал всех, кто верил не ему, а подчиненному ему лицу низшего звания. С двумя ссора дошла до дуэли. Рассказывая об этом, Верещагин вновь становится на сторону противников Скобелева, но добавляет, что он просил офицеров «пощадить малого», как он снисходительно именовал 27-летнего капитана. Однако заступничества не понадобилось. Во время дуэли Скобелев блеснул лучшими своими качествами — храбростью, соединенной с хладнокровием. Один из противников, отдавая должное его поведению, пожал ему руку, другой был опасно ранен Скобелевым. Рассказывая эту историю и отмечая сомнительный характер некоторых сообщаемых Верещагиным деталей, биографы указывали, что, как всегда, когда рассказчик основывается на слухах, вымысел здесь сочетается с элементами истины. Когда в результате дуэли дело получило совсем скандальную огласку, генерал-губернатор решил, что пришло время вмешаться. Он собрал офицеров в большом зале своей резиденции и публично разнес Скобелева.

Совсем по-другому инцидент выглядит в работе М.И. Полянского, излагающего его с военной точностью и при-

влекающего документы. Бухарский эмир просил у генерала Абрамова помощи от шайки разбойников, с которыми он не мог справиться (это — исторически достоверный факт). Скобелев с сотней прибыл к границе, где принял еще одну сотню, находившуюся под началом корнета Г., посланного в Туркестан «на исправление». Силами этого сводного отряда Скобелев ночью окружил и перебил шайку. Об этом ночном деле Кауфман официально доносил, и его описание было опубликовано в «Русском инвалиде», так что, как подчеркивал Полянский, версию Верещагина о сочинении Скобелевым эпизода с разбойниками следует считать несостоятельной. Но через несколько дней генерал Абрамов к общему удивлению известил о назначении формального следствия о ночном бое по просьбе Скобелева, о котором пошли слухи как о трусившем в бою. Председателем комиссии Кауфман назначил всеми уважаемого полковника. Следствие выяснило полную неосновательность обвинений Скобелева. Полковник дознался и до источника слухов. Их распространителями оказались корнет Г., недовольный, очевидно, что командование отрядом было поручено не ему, а Скобелеву, и подполковник П., в деле не бывший. Собрав офицеров, Кауфман информировал о результатах следствия и объявил, что считает дело оконченным, а распространителей слухов — виновными перед товарищем. Но Скобелеву было мало официального оправдания, ему была важна и частная, товарищеская сторона дела, и он потребовал от двух офицеров признания клеветнического характера пущенного ими слуха. Те отказались. Последовала дуэль. Ее описания у Полянского и у М.М.Филиппова совпадают.

Еще одно, близкое к содержащемуся у Полянского, освещение инцидента дает Е.Толбухов в обстоятельном

исследовании службы Скобелева в Туркестане, основанном на значительном документальном материале и опубликованном в трех номерах «Исторического вестника» за 1916 год. Он, кстати, расшифровывает имя корнета Г. (подполковника П. мне установить не удалось). Да вот еще интересно: корнет Г. назван полным именем уже в 1882 г. в посвященном Скобелеву некрологе бывшего к нему близким офицера П.Пашино. Вырезка из этой газеты находится в ЦГАЛИ. Но этот материал прошел, по-видимому, незамеченным. До Е.Толбухова все писавшие о Скобелеве сознательно или по незнанию указывали только начальную букву.

Как в свое время на Кавказ, так теперь в Среднюю Азию приезжали знакомые между собой столичные гвардейцы в поисках чинов и наград или высланные сюда за разного рода провинности, в основном амурного характера. Таким был молодой корнет Герштенцвейг, слишком увлеченный французской актрисой, на которой он хотел жениться, и для предотвращения этого легкомысленного шага высланный в Туркестан по просьбе матери. Хотя местные армейцы были не очень дружелюбны к приезжим столичным офицерам, видя в них карьеристов, Герштенцвейг, прибывший несколько раньше Скобелева, быстро завоевал всеобщую симпатию добротой души, бесшабашной удалью и товарищескими чувствами по отношению к окружающим. Его любили и жалели, так как, не забывая свою француженку, он искал утешения в вине. К Скобелеву относились иначе, что вполне объяснялось контрастом между ним и окружавшими его храбрыми, но простыми армейскими офицерами. Блестящий генштабист, высокообразованный, полиглот, с аристократическими манерами и придворными связями, Скобелев поневоле вызывал отчуждение, а его постоянное стремле-

ние выделиться рождало еще ревность и зависть. С Герштенцвейгом же у него были искренние приятельские отношения.

Во время одной из экспедиций генерал Абрамов выделил небольшой отряд под командованием Герштенцвейга, в составе которого был и Скобелев. По возвращении отряда в Самарканд пошли слухи, что Герштенцвейг дрался храбро, а Скобелев трусил и чуть ли не уклонился от участия в стычке. Но одновременно стала циркулировать и другая версия: пьяный Герштенцвейг налетел на племя мирных кочевников, Скобелев же, трезвый и спокойный, заметив ошибку, хотел удержать приятеля, а когда это не удалось, не пошел за ним. Офицер, отправившийся в Ташкент с докладом генерал-губернатору, жалея Герштенцвейга, умолчал об этой второй версии, но не удержался, чтобы не сообщить о «трусости Скобелева». Узнавший об этом Жирарде немедленно сигнализировал своему воспитаннику, что его чести грозит опасность. Скобелев примчался в Ташкент и потребовал от Герштенцвейга оглашения истины. Герштенцвейг отказался, ссылаясь на свое состояние и плохую память. Вызвав его на дуэль, Скобелев ранил его в ногу. Через год Герштенцвейг умер от чахотки или от вина, но недруги Скобелева приписали смерть своего любимца полученной им ране. Расположенный к Скобелеву Кауфман считал вредным для него самого защищать его своей властью, и Скобелев покинул Туркестан.

Совокупность материалов дает достаточно полное и, несмотря на некоторые противоречия, в основных чертах ясное представление о всей истории. Дополнительный свет на нее проливает не известный авторам цитированных исследований строгий документ, опубликованный только в 1950 г. Это «Дневник» Д.А.Милютина, военного

министра в правительстве Александра II, известного деятеля реформ и пореформенной эпохи. В ответ на запрос Милютина о качествах и службе Скобелева Кауфман в письме от 30 сентября 1870 г. сообщал: «Скобелев весьма исполнителен и усерден; берется за дело с увлечением, энергически, но не в такой же степени «преследователей». Призвание его — полевая служба в войсках; он имеет много данных к успеху в этом роде деятельности; в административной же должности едва ли долго выдержит. Вообще, человек способный, но не довольно еще аккуратен. Непомерное честолюбие, желание выскочить, отличиться от других побуждают его смотреть снисходительно на средства. Он подорвал доверие мое к нему неправдою, которую даже похваляется. Товарищи ненавидят его; у него одна история за другою, и в историях этих он был неправ. Про него распустили слух, что он трус; но это неправда. Последствие этого слуха было то, что Скобелев выдержал дуэль с двумя офицерами, одну за другою, и готов был продолжать с другими, если б не был остановлен».

Как видно, информация Кауфмана в главных чертах подтверждает выводы исследований Полянского и Толбухова. В то же время Кауфман говорит и о какой-то неправде Скобелева. Что именно он имел в виду, сказать с полной уверенностью нельзя, но, поскольку Скобелев, по его словам, этой неправдой даже похвалялся, можно предположить, что Кауфман подразумевал преувеличение им своих заслуг в разгроме разбойников. Из письма также следует, что Кауфман верно понял многие черты характера Скобелева.

Столь подробный разбор инцидента может показаться излишним. В действительности же он очень важен как для понимания характера Скобелева и его дальнейшего

жизненного пути, так и для того, чтобы проследить формирование его военной этики. В.В.Верещагин, явно критически относившийся к молодому Скобелеву, в своих воспоминаниях доказывал, что когда они познакомились в 1870 г., Скобелев был человеком, лишенным твердых правил и понятий о военной честности, а затем в течение нескольких лет развил в себе эти качества самостоятельно. Вряд ли правильно в оценке личности Скобелева принимать такие крайние мнения. Он был в те годы молодым человеком, еще далеким от нравственного совершенства, и, конечно, в нем отнюдь еще не преобладало преклонение перед идеалом долга. В этом отношении он не мог сильно отличаться от большинства окружавших его молодых людей. Приходится признать, что честолюбие Скобелева тех лет, стремление отличиться проявлялись в нем настолько очевидно, что подавляли щепетильное отношение к представляемой по службе информации, уважение к сослуживцам, скромность и т. п. С другой стороны, рассмотрение инцидента показывает, с какой ревностью, завистью, интригами он встретился в самом начале своей службы. Его способности заявляли о себе слишком явно, и это было невыносимо для тех, кто был этих способностей лишен, но хотел, тем не менее, добиться славы и чинов. Нельзя не согласиться со следующим выводом М.И. Полянского: «Пожалуй, все видели, что молодой Скобелев желает сделать карьеру в Туркестанском крае, но как же не понять, что всякая карьера может быть зазорна только тогда, когда делающий ее не достоин повышений, не заслужил их ничем особенным, получил их по протекции? Что можно было сказать против начинающейся карьеры Скобелева, который в каждом своем подвиге, в каждом труде делал в десять раз больше иных, получавших те же повышения, те же награды?» Но, как бы то ни

было, Скобелев получил хороший урок. Хотя все происшедшее отрицательно отразилось на его начинавшейся карьере, урок пошел на пользу.

До ноября 1870 г. Скобелев продолжал командовать 9-й Сибирской казачьей сотней. В этот период он провел смелую операцию по преследованию и пленению двух шахрисябских беков, отложившихся от бухарского эмира и грабивших соседний Зеравшанский округ, расположенный в пределах генерал-губернаторства. В декабре 1870 г. Скобелев получил назначение на Кавказ, но и там долго не задержался и был переведен в Закаспийский край, где ему была подчинена кавалерия отряда полковника Н.Г.Столетова, основателя Красноводска и будущего героя русско-турецкой войны (но там роли переменятся: Столетов будет под командой Скобелева).

В Закаспийском крае у Скобелева произошла новая «история». Побуждаемый жаждой подвигов, он 13–22 мая самовольно произвел скрытую рекогносцировку Саракмыша хивинского. С шестью всадниками он совершил через пустыню пробег в 410 верст. Сама по себе эта рекогносцировка, сопровождавшаяся съемкой местности и приобретением другой важной информации, должна была с полным основанием рассматриваться как подвиг и полезное для Кавказского штаба дело. Описание местности и результаты съемки были даже опубликованы в таком ученом органе, как «Известия Императорского Русского Географического Общества» в 1872 году. Но начальство посмотрело на действия Скобелева совсем по-другому. Поскольку они не планировались штабом и противоречили его расчетам, поступок Скобелева был оценен как нарушение служебной субординации и воинской дисциплины. Формальные основания для этого действительно были. Следствием конфликта была высылка Ско-

белева из Закаспийского края в Петербург. Скобелев метался, искал и не находил себя, своего места и поведения. Повседневная служба давалась ему с трудом, не удовлетворяла его. Молодость, а главное, сама его натура, бьющая через край энергия и инициатива требовали боевой жизни, без которой он не чувствовал себя способным проявить свои силы и дарования. Вместе с тем, как верно подметили биографы, уже в эти годы, в частности в саракамышской рекогносцировке, обнаружилась склонность Скобелева к разведкам и рекогносцировкам, которая перерастет в один из основных принципов его своеобразного военного искусства. Четко определилась и сочетавшаяся с ней потребность в доскональном изучении местности.

К первому пребыванию Скобелева в Туркестане относится важная страница его жизни, не отмеченная никем из биографов, так как она стала известной только после опубликования дневника Д.А.Милютина. Речь идет о его попытке принять участие во франко-прусской войне. Поскольку это была не русская, а иностранная война, участвовать в ней русскому офицеру можно было только в частном порядке, как добровольцу, волонтеру. На чьей стороне воевать? Как ни странно это может показаться для Скобелева, известного впоследствии своими резко антигерманскими настроениями, он хотел воевать на стороне Пруссии. Но понять это нетрудно. Пруссия, как и другие германские государства, в те годы еще традиционно считалась другом России. Тогда можно было только догадываться, как изменится политика Германии после образования Германской империи. Иное дело — Франция. Вместе с Англией она была противником России в Крымской войне 1853–1856 гг. и являлась одним из гарантов Парижского мирного договора 1856 г. Когда начиналась

франко-прусская война, еще сохраняла силу статья этого договора, запрещавшая России содержать военный флот и укрепления на Черном море. Кроме того, в России еще свежи были воспоминания о конфликте 1863 г., когда Англия и Франция, используя как предлог польское восстание, пытались оказать давление на Россию. К ним присоединилась и Австрия, поддерживавшая, правда довольно вяло, требования этих держав, в действительности несколько не интересовавшихся судьбой Польши. Хотя дело тогда не вышло за рамки дипломатии, ограничившись многочисленными нотами, общественное мнение в России было сильно возбуждено. В дальнейшем, до 1870 г., русско-французские отношения оставались прохладными, а в отношениях с Пруссией дипломатия Наполеона III потерпела ряд крупных неудач. Заносчивая и плохо обдуманная политика Наполеона помогла Бисмарку не только найти повод к войне, но и представить Францию нападающей стороной. Такая международная обстановка вполне объясняет решение Скобелева сражаться на стороне Пруссии против Франции.

Чтобы добиться разрешения соответствующих высоких инстанций, он приехал в Петербург и пустил в ход все семейные связи. В своем дневнике Милютин писал: «Скобелев тогда же, в октябре 1870 г., узнав о начавшейся войне между Пруссией и Францией, рвался принять в ней участие и уехал из Туркестанского края. Я был тогда атакован со всех сторон, и матерью Скобелева, и сестрой ее графиней Е.Н. Адлерберг, и самим графом Александром Владимировичем, просившими о командировании пылкого ротмистра в прусскую армию. Но ходатайства не могли быть удовлетворены; Скобелев вернулся в Туркестанский край...»

С конца июля 1871 г. в службе Скобелева наступила пауза в виде долгого, многомесячного отпуска. 25 апреля 1872 г. он был прикомандирован к Главному штабу, где принимал участие в работе Военно-Ученого комитета, а 5 июля был назначен старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии в Новгороде с переводом в Генеральный штаб капитаном. Опыт военно-научной и штабной работы способствовал расширению кругозора Скобелева, повышению его профессионального уровня, помогал ему выработать такие качества, как система и аккуратность. Урок, полученный в Средней Азии, заставил его, как человека волевого и целеустремленного, заняться воспитанием более строгого отношения к себе, хотя и сейчас еще давали себя знать такие его свойства, как несдержанность (проявившаяся, в частности, в столкновении с его начальником Левицким) и недостаточное понимание служебной ответственности.

30 августа 1872 г. Скобелев был произведен в подполковники с переводом в штаб Московского военного округа. Быстрая карьера, может заметить читатель. Да, придворные связи работали, отрицать это не приходится. Но, еще не начав службы на новом месте, Скобелев был прикомандирован для командования батальоном к 74-му пехотному Ставропольскому полку, квартировавшему в районе Майкопа, в станице Крымской. Это был славный полк, с большими боевыми традициями кавказской войны и с созданным долгим участием в этой трудной и специфической войне особым молодецким духом, с развитым чувством военного товарищества. Полк приумножил свою славу подвигами в войне 1877–1878 гг. и в Ахал-Текинской экспедиции. Третьему батальону полка, которым командовал Скобелев на Кавказе, за отличия в этой по-

следней кампании были пожалованы Георгиевские серебряные трубы.

В 1873 г. Скобелев узнал о подготовке похода на Хиву и загорелся принять в нем участие. Добиваясь назначения, он говорил товарищам: «Или меня убьют, или вернусь генералом».

Кратко напомним основные этапы русского продвижения в Средней Азии. Ко времени описываемых событий Казахстан, кроме его южной части, добровольно присоединившись к России, составлял территорию империи. После взятия летом 1853 г. кокандской крепости на Сыр-Дарье Ак-Мечети вдоль Сыр-Дарьи была создана система крепостей, получившая название Сыр-Дарьинской военной линии. В 1854 г. было основано укрепление Верное (впоследствии город Верный, ныне Алма-Ата), и от Верного до Семипалатинска была построена Сибирская военная линия. Для соединения обеих линий нужно было присоединить лежавшее между ними Кокандское ханство. Но Крымская война и реформы отодвинули исполнение этого плана на Шлет.

Неудачи Крымской войны сильно поколебали положение России на Востоке, в том числе в Средней Азии. Усилили свои происки англичане и турецкие агенты, с территории среднеазиатских ханств участились нападения на русские крепости и караваны. Ханская верхушка Бухары, Хивы и Коканда готовила совместное выступление против России. Все эти обстоятельства требовали от русского правительства срочных мер к укреплению и расширению своего влияния в Средней Азии. В 1858 г. в Хиву и Бухару была направлена миссия полковника Н.П.Игнатьева (дипломата, будущего министра внутренних

дел), но решительных результатов не добились, прежде всего из-за враждебности Хивы.

После Крымской войны и реформ, подавления польского восстания и завершения покорения Кавказа Россия получила условия для более активной политики в Средней Азии. Развивавшийся русский капитализм, нуждавшийся в новых рынках и в сырьевой базе для хлопчатобумажной промышленности, и интересы укрепления позиций самодержавия побуждали правительство к решительным действиям. В 1864–1865 гг., наступая на Коканд, генерал М.Г.Черняев взял штурмом Чимкент и затем Ташкент, после чего часть территории ханства с Ташкентом отошла к России. В 1866–1868 гг. был разбит бухарский эмир, и часть территории эмирата также была присоединена к России. Из земель Коканда, Бухары и Южного Казахстана в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Генерал-губернатором назначили выдающегося администратора и дельного боевого генерала К.П.Кауфмана. Подталкиваемый английскими агентами, эмир объявил России джихад, но был вновь разбит. Согласно договорам 1868 г., занятые войсками земли отходили к России и оба хана признавали ее протекторат.

Русское продвижение не на шутку испугало Англию. В 1865 г. английское правительство попыталось заставить Россию отказаться от дальнейшей активности в Азии, но встретило твердый отпор. Конфликт был разрешен в 1873 г. с помощью компромисса: Россия признавала сферой английского влияния территории, лежавшие к югу, а Англия отказывалась от притязаний на Хиву.

Еще год назад, во время пребывания Кауфмана в Петербурге, Александр II сказал ему: «Возьми мне, Кон-

стантин Петрович, Хиву.» В 1873 г. было принято решение о походе. Чтобы участвовать в нем, Скобелев добился (кстати, незаконно) годового отпуска. Узнав, что вопрос об отпуске решен, он у знамени своего батальона торжественно произнес: «Клянусь этим знаменем, что если буду жив, то через год я буду стоять на этом месте с Георгиевским крестом». И действительно, ровно через год командир Ставропольского полка генерал Шак услышал на своей квартире звуки исполнявшегося на рояле его любимого Даргинского марша. Это был Скобелев с крестом.

Еще в августе 1873 г., во время службы в Тифлисе, Скобелев представил в штаб Кавказского военного округа записку с планом занятия Хивы. После гибели отряда Бековича-Черкасского и неудачи посланной Николаем I экспедиции Перовского, потерявшей много людей от снежных буранов и не достигшей цели, Хива решила, что она неприступна. В ханстве процветало рабовладение, немало было и русских рабов, добытых путем разбойничьих набегов. Неудачи экспедиций, обусловленные трудностями пути, связывали с могуществом хана, которое на самом деле оказалось весьма незначительным.

В своей записке Скобелев писал, что с населением Коканда уже достигается искренняя дружба. Того же можно достигнуть и с Хивой, хотя сторонники военного решения вопроса считают, что иначе нельзя добиться спокойствия в Арало-Каспийской степи и обеспечить Орско-Казалинский тракт. Но после поездки через Иргиз осенью 1870 г., продолжал Скобелев, он пришел к выводу, что набеги и грабежи совершают также кочевники, кочующие в русских пределах. Чтобы их парализовать, он предлагал построить цепь укреплений от Эмбы до Аральского моря. Для обеспечения дружественной по-

зиции Хивы он считал необходимым занять на правом берегу Аму-Дарьи Шурахан и хорошо бы урочище Дау-Кара, находящееся на большом караванном пути из форта № 1 в Хиву. Если же Хива не проявит склонности к дружбе, то при этих опорных пунктах «достаточно нескольких дней и нескольких рот, чтобы ее занять почти без возможности неуспеха». Скобелев подчеркивал необходимость изучения страны и путей к столице ханства, а от нее — к Каспийскому морю. Записка содержит детальный расчет сил отряда, если дело дойдет до завоевания ханства, политические расчеты. В заключение Скобелев предлагал для изучения страны направить его в Хиву с купеческим караваном под видом приказчика.

Как видно из записки, Скобелев предлагал меры для того, чтобы добиться дружественной позиции Хивы по отношению к России и лишь при конфликтной ситуации считал необходимым занять ее. Снова обращает на себя внимание и склонность его к тщательному изучению местности, на которой предвидятся военные действия, желание все видеть своими глазами, для чего он хотел провести личную разведку путей в страну и самой столицы. Хотя записке в свое время не придали значения, через два года все было осуществлено так, как предлагал Скобелев. «Шурахан стал Петро-Александровским», — писал он в 1882 г.

Поход под общим командованием К.П.Кауфмана начался в апреле движением трех отрядов с трех сторон — со стороны Каспия, из Оренбурга и Туркестана, с расчетом, чтобы хоть один достиг цели, в лучшем же случае планировалось соединение всех отрядов под Хивой. Самым большим был туркестанский отряд, который вел Кауфман. Поскольку здесь еще жива была память о Герштенцвейге, Скобелев прикомандировался к кавказскому

отряду, выступавшему двумя колоннами: из Красноводска — колонна полковника Маркозова, из Мангышлака — полковника Ломакина. Скобелев состоял в этой последней.

Необычайно трудным оказался переход. Подробный рассказ Скобелева о сопровождавших поход нечеловеческих лишениях, вызванных безводьем и жарой, был позже, уже после турецкой войны, записан с его слов П.А. Дукмасовым, его верным ординарцем, и в 1895 г. опубликован под названием «Со Скобелевым в огне. Воспоминания П.Дукмасова».

Маркозов не смог преодолеть пустыню и повернул назад. Ломакин 2 мая привел свой отряд в Кизил-Агир, откуда оставался один переход до хивинской границы. Созванный им военный совет решил выслать к озеру Ай-бугир небольшой авангард под командованием Скобелева, который немедленно двинулся вперед. 5 мая произошла первая схватка авангарда с крупным отрядом, сопровождавшим шедший в Хиву караван. В коротком бою несколько человек из конвойного отряда были убиты, русские понесли потери ранеными, ранен был и Скобелев. Авангард захватил 180 верблюдов и 800 пудов хлеба. Достигнув оазиса, авангард соединился с частью сил генерала Веревкина, возглавлявшего оренбургский отряд, затем произошло соединение всех сил оренбургского отряда с колонной Ломакина. Принявший общее командование Веревкин снова поручил Скобелеву авангард, а 26 мая послал его на рекогносцировку самой столицы. Выполняя задание, Скобелев успешно провел несколько крупных боев с численно превосходящим противником и обстрелял город огнем артиллерии и пехоты. 28 мая под Хивой соединились все три отряда.

Обстановка, сложившаяся в городе, дала впоследствии новый повод к нападкам на Скобелева. В стенах Хивы вместе с ее жителями заперлась большая группа воинственных и непокорных туркмен, не подчинявшихся распоряжениям хана. Русским это, конечно, не было известно. Видя бесполезность сопротивления, хан заявил о капитуляции. Но в это время, согласно версии критиков Скобелева, на противоположном конце города раздались ружейные залпы и крики «Ура». Виноваты были Скобелев, жаждавший боя и желавший взять город штурмом, и так же воинственно настроенный молодой и пылкий граф Шувалов. Кауфман (находившийся еще в 15 верстах от города) был «поражен и возмущен». Получалось, что Скобелев пошел на штурм города, уже отдавшего себя в руки победителей.

Но обвинения Скобелева перекрываются рядом свидетельств, говорящих в его пользу. Наиболее авторитетное — описание похода по официальным источникам, опубликованное в том же 1873 г., когда Скобелев еще не был известен ничем особенным, но которое, тем не менее, его уже неоднократно упоминает, отмечая его храбрость и инициативу. Из мемуарных работ заслуживает внимания свидетельство сопровождавшего армию американского корреспондента Мак-Гахана, сама профессия которого обязывает к объективности и точности. Его книга была издана в России всего через два года после описанных в ней событий, когда еще живы были все их участники, и не вызвала протестов и опровержений. Вот как развивались события в изложении этих источников, сверенных с другими материалами.

В самом начале боевых действий под стенами города был ранен генерал Веревкин, командовавший всеми осаждавшими войсками. Команду он сдал полковнику Са-

ранчеву. По приказанию Саранчева была начата бомбардировка города, которой руководил Скобелев. В ответ хан предложил капитуляцию. Едва бомбардировка была остановлена, как из города возобновилась стрельба, и Скобелев вновь открыл огонь артиллерии. Снова явился посланец хана, заявляя от его имени о готовности капитулировать, чему препятствуют туркмены (впоследствии выяснилось, что хан говорил правду, он действительно не имел никакой власти над туркменами, и вообще в городе царило безначалие). Но на этот раз его заверения восприняли как надувательство, и огонь по городу был продолжен. Тогда хан послал письмо Кауфману, бывшему в полупереходе от города, с просьбой прекратить бомбардировку и принять капитуляцию. Кауфман направил войскам письменный приказ остановить огонь, а в письме хану предложил ему утром следующего дня выехать из города для оформления капитуляции. Когда все уже, казалось, было решено, из города вновь донеслась стрельба. Это туркмены, разъяренные сдачей города, решили продолжать борьбу. С разрешения Вережки-на Скобелев, Шувалов, есаул Имеретинский и окружавшие их молодые офицеры обстреляли укрепления, выломали ворота и, увлекая за собой солдат, ворвались в город. Бой был прекращен по приказу Кауфмана, мирно вступавшего в город с противоположной стороны. Встречавшие его саванники заявили, что хан, не справляясь с положением, выехал из города и бой, вопреки воле населения и его собственной, самовольно вели туркмены и другие зачинщики сопротивления, провозгласившие ханом его брата, наркомана, старца за 70 лет. Так закончился «один из достопамятнейших и славнейших походов, когда-либо предпринятых в обширных и пустынных степях Средней Азии». Сравнивая его с экспедициями англичан в Абисси-

нии и французов в Алжире, нельзя не воздать должного русским войскам, для которых при умелом руководстве «нет ничего невозможного», — справедливо заключало официальное описание.

В городе русские обнаружили невольничий рынок, где торговали, между другими, и русскими рабами. По словам Мак-Гахана, их численность доходила до двух тысяч. Во время экспедиции Перовского большая их часть была освобождена и выслана в Оренбург. Хан обязался впредь не допускать торговли русскими пленными. Этот пункт содержался и в новом договоре 1858 г. Несмотря на эти обязательства, торговля русскими невольниками продолжалась. «Как персияне, так и все другие рабы с безумным восторгом приветствовали приближение русских, зная, что занятие русскими какого бы то ни было пункта в Центральной Азии сопровождалось немедленным освобождением рабов», — свидетельствовал американец в книге «Военные действия на Оксусе и падение Хивы».

Хивинский поход стал определенным этапом в развитии природного военного таланта Скобелева. В течение всего похода он проявлял не только отвагу, но и предусмотрительность, распорядительность, энергию, внимательно вникал в организацию, материальную часть, маршрут, широко и уже умело использовал моральный фактор воздействия на солдат. Добиваясь точного знания местности и ясности ориентировки, он заблаговременно разведывал колодцы, дважды, опережая отряд, захватывал их и удерживал до подхода своих сил. Что же касается лавров, то при его подчиненной должности за ним могли признать лишь определенные заслуги, но не какую-либо роль единоличного характера, тем более не честь взятия города. В 1896 г. в «Русском архиве» была

помещена публикация, в которой доказывалось, что эта честь по праву принадлежит генерал-лейтенанту Н.А.Веревкину, наказному атаману Уральского казачьего войска, а не К.П.Кауфману, хотя он и командовал всеми отрядами. Скобелев же, довольный участием в этом славном походе, с точки зрения личных отличий и наград не был полностью удовлетворен. Кроме того, как мы знаем, он дал клятву вернуться в свой полк с Георгиевским крестом, а заработать крест можно было только подвигом. И Скобелев искал случая совершить подвиг или погибнуть. Случай не замедлил представиться, и Скобелев воспользовался им в полной мере.

Маркозова втихомолку и громко обвиняли в том, что не пройденный его колонной путь все же проходим. Чтобы это проверить, нужно было исследовать пространство, которое колонне оставалось пройти до Хивы, нанести на карту местность, обозначить колодцы и запасы воды в них. Начальники предполагали решить эту задачу с помощью значительного отряда пехоты с кавалерией и артиллерией. Скобелев предложил другой план, вызвавшись выполнить задачу один с несколькими проводятыми. Он исходил из того, что цель требовала от разведчиков быстроты и подвижности, которые были недоступны большому отряду, отягощенному орудиями и обозом. Предприятие очень рискованное, но Скобелев полагался на свою счастливую звезду. С тремя всадниками, два из которых были надежными, давно служившими у него туркменами-проводниками, он, в туркменской одежде, на рассвете 4 августа углубился в пустыню. Его не было до 12 августа. Уже исчезала надежда на его возвращение, когда он, наконец, появился, очень утомленный, но с сообщением, что задание выполнено, представив съемку и описание пройденного пути. За время рекогносцировки

он прошел в оба конца 600 верст. Оказалось, что первая часть пути (60 верст до Змукшира и 24 до колодцев Чагыл) проходила по твердой глинистой равнине, идти по ней было удобно и можно было вырыть колодцы. Но на следующем этапе длиной 229 верст было всего три пункта с колодцами, путь проходил по высоким барханам, на которые лошади взбирались с большим трудом, а перевозка артиллерии и грузов была невозможна. Переход в 151 версту был совсем безводным. От колодцев Нефес-Кули, куда группа пришла 7 августа, оставалось 40 верст до колодцев Орта-Кую, не дойдя до которых, Маркозов повернул обратно. Здесь Скобелев встретил двух пастухов, которые рассказали, что к этим колодцам пришли иомуды, бежавшие из Хивинского оазиса, и текинцы. Между ними произошло побоище. Понеся потери, иомуды завалили колодцы и отошли к своему аулу. Было очевидно, что нет смысла идти к заваленным колодцам с риском встретить многочисленные партии текинцев или иомудов, тем более что невозможность преодоления предстоявшего колонне Маркозова пути была доказана и задача разведки выполнена. Во время разведки Скобелев несколько раз был на волосок от гибели. Спасали находчивость проводников и быстрота коней.

Вернувшись, Скобелев доложил результаты и оправдал, таким образом, возвращение красноводской колонны. Кауфман, тщательно проверив факты, поблагодарил команду и наградил всех Георгиевскими крестами. Кавалерская Георгиевская дума большинством голосов признала Скобелева достойным награждения орденом св. Георгия IV степени по статье 315 статута. «Вы исправили в моих глазах свои прежние ошибки, но уважения моего еще не заслужили», — сказал Скобелеву Кауфман (скоро

ему придется снять эту оговорку). Мечта Скобелева сбылась.

Это опасное предприятие, «подвиг смелости», как его назвал Мак-Гахан, совершенный Скобелевым в любимой им области разведок и рекогносцировок, уже рисует образ того Скобелева, которого знала и любила вся Россия: отважного, не признающего никаких преград, презирающего смерть и стремящегося только к победе. Замолчать его заслуги было уже невозможно. О его подвигах говорили войска, им было довольно начальство. Мемуаристы, включая на этот раз и Верещагина, писали о его действиях, не скрывая своего восхищения. Но награда возбудила и старых недоброжелателей, находивших всевозможные изъяны в поведении Скобелева.

В хивинской экспедиции Скобелев близко подружился с Мак-Гаханом. Этот корреспондент впоследствии присутствовал на театрах других войн с участием Скобелева, подробно и правдиво освещал в американской и английской прессе военные события, чем способствовал известности Скобелева в этих странах, особенно в Англии. Во время турецкой войны Мак-Гахан, сопровождая русскую армию, дошел с ней до Константинополя и умер в столице Турции от тифа. Скобелев горько оплакивал безвременную смерть своего друга.

Расположение русского офицера Мак-Гахан завоевал своей смелостью, всегда импонировавшей Скобелеву. Когда войска выступили из Хивы в направлении на Оксус (24 августа), Скобелев задержался в городе, чтобы написать донесение Кауфману. В только что взятой чужой столице с ним находилось всего два человека. До выезда он предложил американцу остаться с ним во дворце хана, чтобы потом вместе двинуться вдогонку ушедшим вперед

войскам. Несмотря на риск, журналист согласился. В своей книге он рассказывает об этом эпизоде: «Войска выступили около двух часов и к трем часам скрылись из виду, а полковник Скобелев (ошибка, тогда еще подполковник. — *В.М.*), его два служителя и я, ничтожный остаток победоносной армии, остались одни среди неприятеля. На другой день, рано утром, мы пустились в путь, чтобы присоединиться к войску. Часа три или четыре мы ехали среди цветущих полей и садов оазиса, встречая по пути узбеков, которые кланялись нам почтительно, но видимо радуясь, что последние русские уезжают. Никто не выказал, однако, ни малейшего поползновения оскорбить нас, и наш отряд в четыре человека ехал так же спокойно, как если бы нас была тысяча».

Следствием похода было заключение с хивинским ханом мирного договора, согласно которому он уступал России земли по правому берегу Аму-Дарьи. Над Хивой фактически устанавливался русский протекторат, на нее накладывалась контрибуция (около 2 млн. рублей), уничтожалось рабство.

Приехав после похода в Петербург, Кауфман на сей раз дал боевой деятельности Скобелева высокую оценку и в споре с одним скептиком высказал твердое убеждение, что «Скобелев себя еще покажет». Последовали новые повышения: 22 февраля 1874 г. Михаил Дмитриевич был произведен в полковники, а 17 апреля назначен флигель-адъютантом. Но в службе его наступила новая пауза: по возвращении из Средней Азии он был отчислен из полка и оказался не у дел. В Петербурге ему пришлось довольствоваться весьма скромными назначениями. Некоторое время он служил в должности начальника штаба кавалерийской дивизии, которой командовал его отец, Скобелев-первый. После расформирования дивизии Ско-

белева-второго причислили к главной квартире, что также не могло его удовлетворить. Томясь бездействием, он взял отпуск и отправился отдохнуть в Париж, а оттуда переехал на юг Франции. Здесь его внимание привлекла происходившая по соседству, в Испании, гражданская война между правительственными войсками и сторонниками принца дона Карлоса, стремившимися посадить на испанский престол этого ретрограда, чтобы восстановить средневековые порядки. Политически Скобелев вовсе не сочувствовал карлистам, но его заинтересовал опыт их горной партизанской войны. Регулярная же испанская армия его не интересовала, да она тогда и не имела ничего, заслуживающего заимствования. Мотив поездки очень характерен для Скобелева: «Мне надо было видеть и знать, что такое народная война и как ею руководить при случае».

Решив изучить опыт карлистов, Скобелев пересек границу и присоединился к ним. Неофициальный и даже негласный характер этой поездки вполне объясняет отсутствие документов об этой странице жизни Скобелева. Ее описания мы не найдем и в биографических работах, даже в работе Н.Н.Кнорринга. Единственный источник — воспоминания о Скобелеве Василия Ивановича Немировича-Данченко, известного в свое время писателя, брата знаменитого театрального деятеля (Владимира Ивановича). Об этом писателе следует попутно заметить, что его воспоминания (вместе с которыми опубликованы несколько важных писем Скобелева) представляют собой один из основных надежных источников как незаменимое свидетельство близкого человека. Немирович-Данченко не преувеличивает и того, что Скобелев был с ним весьма, даже более чем со многими другими, откровенен. Но восторженное отношение писателя к личности Скобеле-

ва, его увлечение своим героем, о котором он написал, кстати, и несколько романов, иногда приводит к тому, что рисуемый им портрет становится непохожим на оригинал. Эту слабую сторону его воспоминаний отмечали биографы Скобелева, например М.М.Филиппов, а также другой современник, к свидетельствам которого нам придется не раз обращаться: «...этот искусный рассказчик одарен очень пылким воображением, и в его известных воспоминаниях нередко затемнена самая истина»^[5]. Но все сказанное не мешало Немировичу-Данченко быть несогласным со Скобелевым по ряду общественно-политических вопросов, о чем он писал без обиняков. Что же касается фактической стороны сообщаемых им сведений, то они заслуживают полного доверия. Во всяком случае, сравнение их с доподлинно нам известными фактами не дает никакого основания в этом сомневаться.

Дело было так. В 1882 г. Немирович-Данченко путешествовал по Италии, и здесь его настигла весть о кончине Скобелева. В вагоне поезда его соседом оказался знакомый со Скобелевым по германским маневрам 1879 г. (о них я еще расскажу) итальянский офицер, который дал русскому писателю адрес приближенного дона Карлоса, испанца, разделявшего с принцем изгнание в Италии. Писатель отправился по указанному адресу и действительно нашел испанца. Это был дон Алоиз Мартинес. Его рассказ о пребывании Скобелева у карлистов очень интересен.

Скобелев приехал из Байонны с рекомендательным письмом от одного из карлистов. Его арестовали на аванпостах, завязали глаза и привели к Алоизу. Михаил Дмит-

⁵ «Quelques mots...».

риевич отрекомендовался русским путешественником, оставшимся полковником. Сразу заявил, что в политическом плане не сочувствует карлистам. На вопрос, зачем он в таком случае приехал, Скобелев отвечал: «Во-первых, я люблю войну, это моя стихия, а во-вторых, нигде в целом мире теперь нет такой гениальной обороны гор, как у вас. По вашим действиям я вижу, что каждый военный должен учиться у вас, как со слабыми силами, сплошь почти состоящими из мужиков, бороться в горах против дисциплинированной регулярной армии и побеждать ее...» — «А если мы вас не пустим?» — «Я не уеду отсюда!» — «А если вас за ослушание расстреляют?» — «Я военный и смерти не боюсь, только не верю тому, чтобы это могло случиться. Я ваш гость теперь и потому совершенно спокоен», — и он положил на стол револьвер... Нам он очень понравился тогда, а в тот же вечер мы научились и уважать его, рассказывал дон Алоиз.

Далее дон Алоиз рассказал ряд эпизодов из пребывания Скобелева в отряде, подчеркивая такие его черты, как храбрость, находчивость, неутомимость в верховой езде, интерес к партизанской войне в горах. Заимствуя у испанцев их опыт, Скобелев делился своим. «Он нам очень много помог даже, — говорил дон Алоиз. — Оказалось, что ему хорошо известен был способ фортификации в горах... Он у нас учился нашим приемам, а нам сообщал свои. Он первый научил наших топливо носить в горы на себе, по вязанке на человека. Таким образом... мы не страдали там от холода и от недостатка горячей пищи... Меня поражала в нем одна замечательная черта — Скобелев способен был *con amore* работать как простой солдат». Дон Алоиз подметил и неодолимую, нам уже известную, потребность Скобелева в доскональном изучении местности, жизни и быта окружающего народа и его

армии: «Что ему, например, до нашего пиренейского крестьянина?.. А уже в конце второй недели он одарил нас сведениями о быте, знанием мельчайших потребностей испанского солдата. Я уже не говорю о его военной учености. История наших войн была ему известна так, что он не раз вступал в споры с Педро Гарсиа, много писавшим у нас по этому предмету, и как это ни обидно для испанского самолюбия, а нужно сказать правду, Скобелев выходил победителем из таких споров... У нас в отряде он сумел нравственно подчинить себе почти всех...» И еще одно добавлял дон Алоиз: «Он был красив в бою, умел сразу захватить вас, заставлял любоваться собой».

Во всем, что здесь рассказано, в каждой черте этого портрета немедленно и безошибочно узнается Скобелев. Он участвовал и в крупных сражениях этой внутренней испанской войны при Эстелье и Пепо-ди-Мурра. Из Испании он привез, кроме двух диковинных попугаев (что было замечено всеми), массу рабочих материалов, местонахождение которых неизвестно.

Прибыв из отпуска в Петербург, Скобелев в сентябре 1874 г. был командирован в Пермскую губернию для введения в действие нового устава о воинской повинности. Зимой 1874–1875 гг. в его жизни произошло событие, которое рано или поздно случается у большинства нормальных людей, — женитьба. В литературе это событие описывается очень скупно, о жене Скобелева почти ничего не говорится. Это следует объяснить, по-видимому, тем, что, пока она была жива (умерла в 1906 г. в Баден-Бадене), писать о ней считалось неудобным, да у исследователей, далеких от личного общения со Скобелевым и родней его жены, не было и материала. Только М. И. Полянский, близкий к некоторым людям этого круга, сообщает нечто связное. Кое-что добавляет Н. Н. Кнор-

ринг на основании материалов, оказавшихся после 1917 г. за границей.

Молодой полковник, Георгиевский кавалер с флигель-адъютантскими вензелями, связанный родственными узами с высшей петербургской аристократией, к тому же красавец мужчина, Скобелев был завидным женихом. Если к этому добавить богатство семьи, то станет понятно, что от невест не было отбоя, хотя потенциальный жених к браку не стремился. Невестой мать ему выбрала княжну Марию Николаевну Гагарину, племянницу князя Меншикова (очень родовитая связь). Она не была красавицей, но в ней было много привлекательного и она, в отличие от многих великосветских невест, вовсе не охотилась за Скобелевым. За жениха и невесту дело решили родители. Венчание состоялось в январе 1875 г. Вопреки обычаю, молодые супруги не поехали ни в заграничное путешествие, ни в великолепный лифляндский замок жены Обер-Пален с его богатейшим арсеналом средневекового оружия, библиотекой редких книг и другими сокровищами (Скобелев ни разу не посетил этот замок). Время до мая 1875 г. они безвыездно провели в Петербурге, в роскошно отделанной для них квартире на Большой Морской, в аристократическом районе города. Читатель, наверное, ждет описания идиллической жизни молодых супругов, семейного счастья. К сожалению, этого не произошло. Неудача, постигшая Скобелева в создании семейного очага (хотя сам он, как сейчас увидим, смотрел на этот исход без всякого сожаления), в конечном счете очень отрицательно отразилась на его жизни. Но не будем забегать вперед.

Несмотря на окружающие его блага, Скобелев, как всегда, мечтал о войне и внимательно следил за всем происходившим на границах России. Когда в предвиде-

нии новых событий в Туркестане он отправился на эту отдаленную окраину, Мария Николаевна, безгранично любившая мужа, поехала с ним. По достижении Нижнего Новгорода она, не обладавшая крепким здоровьем, следовать дальше без передышки отказалась, настаивая хотя бы на трехдневном отдыхе. Скобелев же требовал немедленного продолжения пути. Размолвка обратилась в ссору. Супруги расстались и больше не встретились. Из Ташкента Скобелев телеграфировал жене с просьбой о приезде, угрожая в противном случае разводом. Мария Николаевна, ссылаясь на расстояние и трудные дороги, ехать отказалась, и развод был осуществлен в 1876 г. Но, судя по всему, это было не формальное расторжение брака, а лишь разъезд. Об этом говорит, например, приводимое Н.Н.Кноррингом письмо Марии Николаевны (из находящегося в Лондоне архива Белосельских-Белозерских) с просьбой о разводе, посланное ею Скобелеву в ноябре 1877 г., во время осады Плевны. «Какой смысл теперь в этих разговорах, — писал Скобелев сестре Надежде 29 ноября «Devant Plevna», — когда смерть над нами витает ежеминутно... Я, право, не думаю ни о чем другом, как умереть за веру и отечество и, конечно, нашел бы в себе силу отвернуться в настоящую боевую минуту *даже от образа страшно любимой женщины*. Но, как ты знаешь, мне до сих пор этого и делать не приходилось», — не без иронии прибавлял Скобелев. Отсюда можно заключить, что Мария Николаевна пыталась заново устроить свою жизнь, но попытка эта осталась неосуществленной. Достоверно известно лишь то, что после разлуки со Скобелевым она вела затворническую жизнь, пережив своего знаменитого супруга почти на 25 лет.

Такова история недолгой семейной жизни Скобелева. Нельзя умолчать, что, вступая в брак, 31-летний полковник далеко еще не созрел для семейной жизни, до понимания святости брачных уз. Даже в день свадьбы поведение его было анекдотическим. После венчания молодых ждали на Английской набережной в доме князя Меншикова, дяди молодой жены. Собрались родственники, приехала Мария Николаевна. Скобелев же исчез. Гости разъехались, так его и не дождавшись. Как смотрел Скобелев в это время на брак, можно представить по воспоминаниям того же Врангеля. «Скобелев, крайне предусмотрительный в делах службы, в частной своей жизни был легкомыслен как ребенок, на все смотрел шутя... я узнал о его женитьбе. На следующий день мы встретились в вагоне по пути в Царское. Я его не видел два года и не узнал. Он удивительно похорошел. Разговорились.

— Что ты делаешь вечером? — спросил он...

— Ничего.

— Поедем к Излеру, потом поужинаем с француженками.

— Да ведь ты, кажется, на днях женился, — вспомнил я.

— Вздор. Это уже ликвидировано. Мы разошлись. Знаешь, что я тебе скажу. Женитьба — ужасная глупость. Человек, который хочет делать дело, жениться не должен.

— Зачем же ты женился?

— А черт его знает, зачем. Впрочем, ведь это ни к чему не обязывает».

Читателю, наверное, хочется знать: а что собой представляла эта княжна как личность?

В том-то и дело, что М.Н.Гагарина была бы для Скобелева вполне подходящей подругой жизни. Она была умна, ровна и уживчива. Скобелев за ее кроткий нрав называл ее чудным ребенком. Ее портрет (насколько мне известно, единственный в литературе) помещен в работе М.И.Полянского. На нас смотрит строго одетая молодая женщина, не красавица, но не лишенная привлекательности, лицо серьезное, взгляд умный, без тени кокетства. К слову, хорошо ездила верхом. После свадьбы молодые супруги совершили верховую прогулку из Петербурга в Царское Село. Исход этого брака объясняется, возможно, еще и тем, что, как ни странно (ниже мы рассмотрим эту его черту), при всех великосветских связях Скобелева его не притягивало аристократическое общество. Княжна Гагарина не покорила его сердце. А позже он серьезно увлекся бедной девушкой, на которой едва не женился.

Весной 1875 г. Скобелев прибыл в Ташкент, в распоряжение штаба Туркестанского военного округа. Это третье, самое продолжительное пребывание в Туркестане принесло Скобелеву боевые успехи, славу и головокружительную карьеру.

Затишье в Туркестане было обманчивым. Опасность взрыва назревала в Коканде, где в 1873–1874 гг. народ уже поднимал восстание. Местный Худояр-хан, жестокий и подлый, задавил население налогами и притеснениями. Предостережения Кауфмана хан игнорировал. Не было ничего удивительного, что против него поднялось новое народное восстание. Начал мятеж его племянник Абдул-Керим, но был разбит и бежал к русским. После консультации с Петербургом Кауфман решил его выдать. Для

разрешения этого и некоторых других дипломатических вопросов, а также чтобы убедить хана изменить отношение к народу, Кауфман направил к нему миссию в составе Скобелева, чиновника дипломатического ведомства Вейнберга, говорившего на местных языках, и свиты из 22 казаков и 6 джигитов. После выполнения этой задачи Скобелеву поручалось предлагавшееся им еще раньше щекотливое дело — посещение Кашгарии, находившейся под влиянием враждебной Англии, и демаркация границы. Одновременно он должен был, насколько позволят условия, провести политическую, военную и топографическую разведку страны. То, что Кауфман доверил столь ответственные задания Скобелеву, показывает, насколько высокого мнения он был не только о военных качествах, но и об уме и дипломатических способностях молодого полковника.

Однако выполнение порученной миссии шло далеко не так мирно, как предполагалось. Прибыв 13 июля в Коканд, посланцы Кауфмана 15-го были приняты Худояр-ханом. Вейнберг передал письмо и устно просил хана от имени Кауфмана простить Абдул-Керима. Хан удовлетворил просьбу Ярым-падишаха (полцаря). Скобелеву он разрешил поездку по ханству (для съемок), но предупредил, что это опасно, так как его противники поднимают на восстание кочевников.

Восстание возглавлял мулла, принявший имя Пулатбека. Высланный против него отряд под командованием видного кокандского сановника Абдурахмана Автобачи изменил хану и примкнул к восставшим. Старший сын Худояра Наср-эд-дин провозгласил себя ханом и успешно завоевывал страну. Брат, правитель Маргелана, также присоединился к восстанию. Напуганный Худояр обратился за помощью к Кауфману, но джигита с письмом пе-

рехватили повстанцы, которые уже шли на столицу. Трудность положения Скобелева заключалась в том, что хотя судьба Худояра как правителя была уже решена, он был признан русским царем, и послы также обязаны были его признавать и не входить в сношения с восставшими. А Скобелев, если не сочувствовал, то понимал возмущение и гнев измученного народа.

Накануне отъезда, назначенного на 22 июля, Худояра покинули его джигиты и больше половины 4-тысячной охраны со вторым сыном Мухамед-Амином. К миссии присоединились девять русских торговцев с прислугой, после чего общая численность русских составила 30 человек. Не желая двигаться закоулками, Скобелев пошел к ханскому дворцу через центр, сквозь озлобленную толпу. Переход потребовал большой выдержки, так как из толпы не раз делались попытки вызвать инцидент. Соединившись с ханом и его войском, двинулись в путь, но войско изменило хану и ушло. Скобелев остался один с маленьким отрядом. Помог бежавший из кокандского плена сибирский казак, который повел отряд садами. Во время часового перехода отряду пришлось отбивать непрерывные кавалерийские атаки, а потом он попал и под артиллерийский огонь. Скобелев был все время в арьергарде. Догнав хана, дальше пошли вместе, но и теперь ханская охрана таяла по пути. Тридцать шесть часов продолжался этот переход, из них шесть часов — с непрерывными боями. Когда, наконец, дошли до пограничной кокандской крепости Махрам, Вейнберг объявил Худояру, что считает задачу миссии оконченной: она была послана к государю Коканда и не оставляла его до границы ханства, теперь русские уходят. Хан отвечал, что в Махраме он не останется и хочет искать убежища в генерал-губернаторстве. Вместе с русскими он продол-

жал путь до Ходжента и отсюда благодарил Кауфмана за спасение. По ходатайству Кауфмана приказом по войскам Туркестанского военного округа Скобелев был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

Новый хан Наср-эд-дин и лидер повстанцев Абдурахман Автобачи прислали к Кауфману посольство с заверениями дружбы, но едва послы уехали, кокандцы вторглись в пределы генерал-губернаторства, начав резню и грабежи. Социальное движение, направленное против ханского деспотизма, явно принимало окраску религиозной нетерпимости, антирусский характер. Это было результатом усилий фанатично настроенного Автобачи, поднявшего знамя пророка и объявившего джихад. Отряд генерала Н.Н.Головачева отбил нападение, но по долгому опыту местной войны командование знало, что отбитием атаки ограничиться нельзя и что новые нападения можно предотвратить только нанесением противнику полного и решительного поражения. Началась долгая и кровопролитная кокандская война.

Читатель, наверное, уже решил: Скобелев выступал завоевателем, поработителем.

Вот это и есть то ходульное представление, которое обусловлено незнанием подлинных событий и создает слепое предубеждение против Скобелева. Кокандская война вовсе не была войной народа за свою свободу. Это была борьба феодальной верхушки и фанатичного духовенства за сохранение своих привилегий, своего деспотизма. Некоторую поддержку этой борьбе оказывала только одна этническая группа — воинственные кипчаки (одна из ветвей потомков древних половцев), державшие в страхе узбекское население и заинтересованные в сохранении прежнего положения, при котором они могли

грабить и терроризировать народ. Кипчаком был и Автобачи. Население же, измученное разбоями и произволом, желало жить в составе России. В первой половине 1874 г. жители Узгена в своем письме на имя Джура-бека (служившего переводчиком в канцелярии туркестанского генерал-губернатора) просили его ходатайствовать перед генералом Кауфманом о принятии их в подданство России. В этом письме подчеркивалось, что «при согласии его превосходительства несчастные кокандские поданные могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие». Известны и другие многочисленные факты подобных обращений, также встретивших отказ, и случаи бегства тысяч семейств на русскую территорию в поисках безопасности и спасения от невыносимой тирании.

Нет необходимости подробно рассказывать о ходе войны и ее перипетиях. Обозначим только самые главные события. Первое, оно же самое большое и решающее сражение произошло под Махрамом, сильной крепостью, занимавшей выгодную по рельефу местность. Оно закончилось полной и убедительной победой немногочисленного русского отряда. Исход боя решил ураганный натиск кавалерии под командованием Скобелева. За это дело он был в тридцать два года произведен в генерал-майоры и зачислен в императорскую свиту. Теперь Кауфман выказывал ему уже свое полное уважение.

После Махрама движение на Коканд было триумфальным, жители, уставшие от террора шаек разбойников и религиозных фанатиков, встречали войска хлебом и солью. Оседлое узбекское население, мирное и трудолюбивое, стояло от движения в стороне или участвовало в нем пассивно, лишь под давлением кипчаков, не желавших теперь смириться со своим поражением. Борьба с

кипчаками составила второй период кокандской кампании. Действия в ней Скобелева были более чем успешными. И Кауфман, отклонив многие другие кандидатуры, назначил его начальником управления Наманганского отдела (области). Это решение вызвало тайную зависть одних и явное возмущение других, считавших себя более опытными и достойными этого поста. Но Кауфман все продумал. Ему нужен был сотрудник не только решительный, знающий местные условия, понимающий события и лично честный, но, главное, разделяющий его взгляды на цели и методы управления. Скобелев вполне отвечал этим требованиям. Для решения вопроса о дальнейшей судьбе Кокандского ханства Кауфман выехал в Петербург, оставив за себя генерала Колпаковского. Скобелеву он предоставил довольно большой отряд и снабдил его инструкциями, предусматривавшими, между прочим, и возможность занятия Коканда.

Тем временем упорный Автобачи не сложил оружия и, собрав большие силы, продолжал нападения. В нескольких новых сражениях Скобелев разбил его, за что был удостоен нового Георгиевского креста, уже III степени.

Однако Автобачи и теперь не отказался от борьбы. 9 октября он разбил ханские войска и захватил Коканд, а затем Маргелан. Наср-эд-дин, подобно отцу, бежал к русским. Новым ханом был провозглашен Пулат-бек. Кипчаки вторглись в Наманганскую область, но под селом Балыкчи 11 ноября были разбиты Скобелевым. До конца 1875 и в течение января 1876 г. Скобелев вел непрерывные бои. Заключительное сражение произошло под Андижаном. После двукратного отклонения предложения о капитуляции лагерь подвергнули бомбардировке и взяли штурмом. Вслед за этой победой был занят Андижан.

Автобачи сделал еще одну, последнюю попытку добиться успеха. Недалеко от Андижана он собрал 15-тысячное войско и готовился к нападению. Но Скобелев предупредил его намерения, разбив его войско при Ассаке.

24 января Автобачи сдался на милость царя. Из Петербурга пришло предписание разрешить ему взять одно из трех его семейств и отправить на жительство в Россию. Четырехмесячная война, разорявшая край, закончилась. Но это еще не означало спокойствия.

Население стремилось к миру и вхождению в состав России. Но ханские слуги решили использовать Наср-эддина, формально остававшегося ханом, чтобы сохранить свои привилегии. С довольно большим отрядом выступил и Пулат-бек, но, разбитый, бежал. Из-за эгоизма и алчности феодалов, которые никак не могли поделить власть, продолжались нестабильность, террор, доводившие до крайности бедствия истерзанного населения. 5 февраля 1876 г. замещавший Кауфмана генерал Колпаковский получил телеграмму из Петербурга, в которой объявлялось, что, удовлетворяя желание кокандского народа принять подданство России и не видя иной возможности успокоить население, император соизволил принять ханство в состав империи, переименовав его в Ферганскую область. Начальником области, по ходатайству Кауфмана и к неудовольствию и возмущению многих старослужащих, был назначен Скобелев. Ему Кауфман сообщил о петербургском решении в то же время, что и генералу Колпаковскому.

Характерно, как реагировали на эту телеграмму ташкентская администрация и Скобелев. Ташкентцы рассчитывали на серьезную экспедицию и на лавры, поэтому и не спешили. Надев походную форму, они отпра-

вились в ней в театр. При такой неторопливости экспедиция могла привести к новой, хотя, наверное, и небольшой войне. Совершенно иначе действовал Скобелев. Предвидя петербургское решение, он своевременно подготовил воинские части к выступлению и, получив телеграмму, проявил те качества, которым, собственно, и был обязан тем, что стал полководцем и крупным администратором: во-первых, он мгновенно оценил обстановку, во-вторых, на основе этой оценки действовал решительно, смело и без промедления. Телеграмма пришла 5 февраля, а 8-го он уже занял Коканд, телеграфировав об этом Колпаковскому. Впечатление в Ташкенте было ошеломляющим, возмущению всех, кто потерял возможность принять участие в историческом событии, не было предела. Скобелева обвиняли в самовольстве и превышении власти, требовали его судить, даже казнить. Но приехавший Кауфман разочаровал недовольных, разъяснив: не Скобелев вас опередил, а вы опоздали.

Прибывшим из Ташкента войскам Скобелев устроил торжественную встречу: парад, офицерам — пир, солдатам — угощение. Население же приняло весть о вхождении в состав России с восторгом. В донесении после инициативного занятия Коканда Скобелев писал: «При движении отряда жителям кишлаков объявлялось о принятии их в подданство великого государя. В кишлак Бульбы пришли ночью. Улицы были освещены кострами; народ повсеместно ликует, узнав о присоединении к России». О движении другого отряда он доносил: «Объявление о присоединении к России... принималось народом восторженно. Жители Маргелана просили отряд войти в город, что и было исполнено; улицы города и базары были иллюминированы. По дороге жители кишлаков встречали радостно; везде достархан».

Отношение населения Коканда к вступлению в состав России вполне соответствовало объективному историческому значению этого факта. Вхождение Средней Азии в состав Российского государства имело исторически прогрессивный характер. Оно принесло мир и спокойствие, законность и равноправие. Рабство было упразднено, ускорился переход кочевников к оседлой жизни. Началась консолидация племен и народностей в узбекскую нацию. Получили начало развитие промышленности, железнодорожное строительство, становление экономики на капиталистические рельсы. Присоединение Средней Азии к России ускорило ее социально-экономический и культурный прогресс. Следует отметить и другую, очень важную, но менее известную сторону.

Русская политика в Средней Азии фактически направлялась прогрессивной частью общества — интеллигенцией в лице Императорского географического общества и деятелями передового тогда российского востоковедения. Пределы вмешательства власти в местные дела строго ограничивались. Уклад жизни населения, религиозные верования и обряды, деятельность культовых учреждений — все это оставалось в неприкосновенности. Вместе с обеспечением политической стабильности в крае, где ежегодно происходило до двухсот междоусобных войн, присоединение к Российской империи сразу изменило к лучшему жизнь народа. Помимо «господ-ташкентцев» в Среднюю Азию пришли и многочисленные специалисты, которые самоотверженно и бескорыстно трудились на ниве просвещения, здравоохранения, агрономии, техники. Чиновники по инициативе генерала Кауфмана были обязаны изучать местные языки, знать и уважать местные обычаи и нравы. Войск в Средней Азии было мало, границы с Персией и Афганистаном остава-

лись открыты. Управленческий аппарат был также очень немногочисленным. Русские жили рядом с местным населением, вместе трудились, тесно общались. Выше стали оцениваться плоды труда дехкан. Если в прошлом местные купцы за бесценок скупали продукты сельского хозяйства и ремесла, то теперь доход дехканина повысился. Когда началось развитие хлопководства, за килограмм чистого хлопка земледелец получал сумму, достаточную для покупки коровы. На рынок потекли промышленные товары из России. Все сказанное в полной мере относится и к Туркмении, о которой скоро пойдет речь. Россия умела строить национальные отношения.

Скобелев был противником произвола и всякой жестокости. Казни, проводившиеся англичанами в Индии, Афганистане и в других колониях, вызывали в нем протест. Против этих расправ восставала не только его гуманность — он считал, что они вместо покорности вызывают ненависть и приносят не пользу, а вред. В 1882 г., в момент наивысшего подъема славы Скобелева, английский корреспондент Марвин добился встречи и беседы с ним, которую затем опубликовал. «Казни, предпринятые генералом Робертсом в Кабуле, были ошибкой, — говорил Скобелев. — Каков бы ни был род вашей казни, он все-таки уступит изобретательности восточного деспота. К этому туземцы привыкли; мало того, совершение казни вызывает в них ненависть. Я предпочел бы бунт целой области казни одного туземца. Если вы победите их силой в бою и нанесете жестокий удар, они этому подчинятся как воле Божией. Моя система — сразу сильно ударить и наносить удар за ударом, пока не сломлено сопротивление. Но с наступлением этого момента вводится строжайшая дисциплина, кровь перестает литься и с по-

бежденным обходятся мягко и гуманно». (На личной практике Скобелева остановимся ниже.)

В связи с колониальной политикой России и лично Скобелева необходимо и важно подчеркнуть коренное различие между колонизацией, проводимой русской и западными державами. Расширение России происходило и мирно, путем расселения русских крестьян на неосвоенных землях необъятных просторов Урала, Сибири и Дальнего Востока или путем добровольного вхождения тех или иных соседних территорий в состав России, и не мирно, путем завоевания. В Средней Азии, как и за Уралом, имел место и тот, и другой путь. Но здесь, как и везде, — в этом и состоит принципиальное отличие — русские поселенцы не ставились в положение народа-господина по отношению к коренному населению и не добивались такого положения. Поэтому не было отчужденности и вражды между русским и нерусским населением. Политика Скобелева в Средней Азии была не открытием, хотя непосредственно опиралась на его личные убеждения и свойственное ему великодушие к побежденным, а продолжением многовековой традиции русского государства. Сам Скобелев подчеркивал, что он следует исконным принципам Московского царства, не делавшим различия между русским и нерусским населением, как на новоприсоединенных, так и на коренных территориях. Иностранцы, в том числе англичане, при ознакомлении с положением в русских колониях быстро убеждались, что дело обстоит именно так. После присоединения к России Туркестана лорд Керзон, специалист по колониальному вопросу, предпринял путешествие по Бухаре, Коканду и Хиве. Вот его непосредственные впечатления: «Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой...

Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами. Его непобедимая беззаботность делает для него легкой позицию невмешательства в чужие дела; и терпимость, с которой он смотрит на религиозные обряды, общественные обычаи и местные предрассудки своих азиатских собратьев, в меньшей степени итог дипломатического расчета, нежели плод врожденной беспечности. Замечательная черта русификации, проводимой в Средней Азии, состоит в применении, которое находит завоеватель для своих бывших противников на поле боя. Я вспоминаю церемонию встречи царя в Баку, на которой присутствовали четыре хана из Мерва... в русской военной форме. Это всего лишь случайная иллюстрация последовательно проводимой Россией линии, которая сама является лишь ответвлением от теории «объятий и поцелуев после хорошей трепки» генерала Скобелева. Хань были посланы в Петербург, чтобы их поразить и восхитить, и покрыты орденами и медалями, чтобы удовлетворить их тщеславие. По возвращении их восстановили на прежних местах... Англичане никогда не были способны так использовать своих недавних врагов». К сказанному Керзоном я мог бы добавить другие не менее характерные примеры. Вот один из них, приводимый М.И.Полянским и относящийся к судьбе плененных Скобелевым в 1870 г. двух шахрисябских беков: «Дальнейшая судьба беков хорошо характеризует отношение России к побежденным. Оба бывших правителя поступили на нашу службу. Оба умерли: Баба-бек — подполковником, а Джура-бек — генерал-майором».

Керзон с удивлением передает свои впечатления от того, что было необычно для англичан, но совершенно естественно для русских. Он по-своему формулирует «теорию» Скобелева, познакомившись с ней, по-видимому, по вышецитированной беседе Скобелева с Марвином, хотя английский лорд все же не удержался от термина «низшие расы».

Кокандская кампания сыграла важную роль в становлении Скобелева как полководца. Эта своеобразная война, в которой ему постоянно приходилось иметь дело с численно превосходящим противником, заставила его выработать умение, не теряя времени и быстро передвигаясь, наносить молниеносные и точные удары. Любимые им разведки приобрели целесообразное и осмысленное значение, стали реально и действенно готовить бой и достижение победы. Определилась и такая главная форма ведения боя, как атаки и штурмы (она станет в дальнейшем неотделимой от самого имени Скобелева), а также личное вождение войск. Скобелев всегда был впереди, и это, особенно в условиях азиатской войны, играло важную психологическую роль. Он выработал единственно правильную для этой войны тактику в виде быстрого и решительного натиска в сомкнутом строю, которого не могли выдержать массы храбрых, но не организованных в дисциплинированное войско восточных воинов. Скобелев уже вполне владел такими необходимыми полководцу умениями, как изучение обстановки и постановка ближайших задач и конечных целей, обеспечение тыла и похода, подготовка боя, организация взаимодействия родов войск.

Важные сведения в этом отношении сообщает Марвин в своем отчете о беседе со Скобелевым. От политики Англии и России в Азии разговор перешел к боям кокан-

дской кампании, в которых довелось участвовать Скобелеву, в частности к Махраму. «Когда Кауфман осмотрел позиции, — рассказывал Скобелев, — он обратился к штабу и спросил: «Кто знает что-либо о битве при Феразеше?» Я читал все, что ее касалось, но промолчал, ожидая ответа других офицеров. Никто, оказалось, не знал ничего про этот бой. Тогда я его изложил генералу. Мы не сделали ошибку, которую допустил в первый день боя английский генерал при Феразеше. Мы сразу воспользовались возвышенностями, обошли неприятеля и загнали его в реку».

Корреспонденция Марвина говорит о многом, прежде всего о четкости и ясности тактического мышления Скобелева. Из нее следует, что во время этого сражения Скобелев был единственным из офицеров, кто благодаря своей начитанности знал ход боя, проведенного англичанами в сходной обстановке, и допущенные ими ошибки. Командуя кавалерией, Скобелев ясно представлял не только свои задачи, но весь замысел Кауфмана и свою роль в его осуществлении. Уже в это время он был не просто лихой рубака, который лишь исправно выполняет свое дело, но не видит и не понимает всю картину боя, в нем уже формировались черты полководца.

В этой кампании сложился и внешний ритуал, сопровождавший появление Скобелева на поле боя, его, так сказать, обрядовая сторона, снискавшая ему имя «белого генерала». Скобелев считал, что для военного человека бой есть главное событие в жизни, своего рода праздник. Поэтому и выходить на него надо как на праздник, который может к тому же стать последним днем в жизни. И он появлялся нарядный и надушенный. Одет он был во все белое: белый китель, белая фуражка и всегда на белом коне. Поскольку его окружали ординарцы, одетые в

темную форму, получалось сочетание красок, противоположное тому, которое рисуют на мишенях: белый центр и черный круг. Это создавало оптический эффект, мешавший прицельному выстрелу и попаданию в белую фигуру, особенно при быстром передвижении всадников (Скобелев, как мы знаем, был прекрасным кавалеристом). Нельзя, правда, сказать, что Скобелева никогда не коснулись пуля или шашка. Во время хивинского похода пиками и шашками ему нанесли семь ран, несколько контузий он получил в турецкую войну. Но эти попадания можно считать нулевой величиной по сравнению с тысячами пуль, которые в него направлялись. И свои, и чужие солдаты считали его заговоренным. Врач, проведенный со Скобелевым его последнюю кампанию, вспоминал: «Как вообще текинские пули, назначенные собственно для Михаила Дмитриевича, убивали или ранили его врачей, ординарцев и лошадей, а его же не трогали, то как солдаты, так и азиаты верили, что он неуязвим (храним)». При этом еще нужно учесть, что Скобелев сам возглавлял все атаки, штурмы и разведки, часто вырывался вперед один, не обращая внимания на смертельную опасность.

Еще одна особенность боевого ритуала Скобелева — боевой значок, следовавший за ним во всех его походах, который вез и развертывал во время боя один из ординарцев. Вот типичный пример поведения Скобелева в бою, уже во время турецкой войны, описанный сопровождавшим его В.И.Немировичем-Данченко: «Сам он стал в центре имеющего начаться боя. По обыкновению, вокруг сгруппировались его ординарцы, на позиции был развернут значок, следовавший за ним как в Фергане, как во всех туркестанских походах, так и здесь... Сосредоточенный огонь 15-ти орудий был направлен сначала исключительно против группы Скобелева. После несколь-

ких перелетов гранаты стали ложиться около нас, но генерал не менял своего места, дорожа пунктом, откуда видны были все наши позиции».

В литературе не раз делались попытки ответить на вопрос, почему у Скобелева сложилась привычка быть во всем белом. Указывали на его нелюбовь к черному цвету и пристрастие к белому. Тот же Немирович-Данченко зафиксировал следующий, широко, впрочем, известный факт (под Плевной). «Скобелев был очень суеверен. Накануне отец ему подарил черный теплый полушубок, в котором его контузили — тотчас же. Через два дня он опять надел его — его контузили опять». Причиной этих контузий Скобелев считал черный цвет полушубка. Известен также случай, когда Скобелев выругал денщика, подавшего ему белый китель с черным пятном. Генерал сказал, что это пятно — место, куда может попасть пуля. Указывали (например, Н.Н.Кнорринг) и на эпизод из академической жизни Скобелева, когда во время практических занятий он квартировал у крестьянина Никиты, жившего на берегу Финского залива. Помогая хозяину в заготовке жердей для крыши, он чуть не утонул в трясине. Вытянула белая лошадь. «Она спасла меня. Я никогда ее не забуду. Если где придется мне на лошади ездить, так, чтобы мне твою сивку помнить, всегда буду белую выбирать», — сказал Скобелев Никите.

Но все это не объясняет, почему одетый во все белое генерал неизменно был впереди, даже, как казалось многим, без нужды, как бы вызывая на себя неприятельский огонь. Между тем вопросы эти — белая одежда и поведение во время боя — связаны. Наиболее убедительное объяснение, которое почему-то осталось незамеченным писавшими о Скобелеве, дал его академический профессор А.Витмер. Белый на белом коне — прекрасная

цель. «Зачем так бравировал умный, расчетливый Скобелев? — ставит вопрос Витмер. — Чтобы действовать на войска, импонировать им своим бесстрашием? Очень может быть... Но достаточно раз, два выказать перед войсками свое бесстрашие, а не представлять из себя постоянно заметной цели. Не было ли здесь и другого рода соображения?» Отвечая на этот вопрос, Витмер рассказывает о рекомендациях, которые он давал в своих лекциях офицерам — слушателям академии. Из множества храбрцев наполеоновской эпохи выделялись своей картинной храбростью два — Мюрат и Милорадович. Они гарцевали впереди цепей в своих ярких костюмах, и никогда их не поражала пуля, а вокруг пули поражали всех. Ермолов говорил: чтобы быть ординарцем у Милорадовича, надо иметь не одну жизнь, а две. Разъясняя обязанности офицера Генерального штаба, Витмер особенно рекомендовал рекогносцировки неприятельских позиций с близкого расстояния, что сберегает людей и решает бой. В этом, конечно, есть риск, но он нужен и не так велик. Хотя Мюрат и Милорадович считались заговоренными, здесь не было ничего чудесного, наоборот, в основе была естественная причина. «Чтобы понять ее, взгляните на мишень после продолжительной стрельбы, — пояснял я. — Вы увидите, что мишень вся испещрена пулями, а самое яблоко, та точка, куда все метили, осталась нетронутой. Такое яблоко во время боя, когда дистанция определена неточно и стрелок лишен хладнокровия, представляет собой человек, которого стараются снять с седла. Пули жужжат вокруг него, а сам он остается невредимым. Вот почему и Мюрат, и Милорадович оставались точно заговоренные... Поэтому-то и рекомендую вам, господа, делать рекогносцировки с самых близких расстояний не только во имя долга, но и потому, что это совсем

не так опасно, как кажется с первого взгляда». И в подтверждение Витмер сослался на собственный опыт участия в польской кампании 1863 г., когда польский «наиперший стршелец» несколько раз, как рассказывали поляки после боя, «визировал пана» в белом кителе и не попал. Погиб лишь конь.

Очевидно, рекомендации Витмера запали в сознание Скобелева, а после их удачного практического испытания такое поведение вошло в привычку. Кроме того, белый конь всегда символизировал победу. Выезжая в бой на белом коне, Скобелев как бы бросал неприятелю вызов, заявляя о своем намерении победить. Но в любом случае нужно огромное самообладание, чтобы сознательно сделать себя мишенью для неприятельских пуль. Этим Скобелев заслужил безграничное доверие и любовь солдат. Его боевой ритуал получил широкую известность и оброс в дальнейшем подробностями, придававшими ему легендарный характер и сообщавшими славе Скобелева в глазах широкой публики своеобразное обаяние и налет некоей таинственности.

Нужно отдать Скобелеву справедливость: он никогда не старался представить себя сверхчеловеком, которому чужд страх и который отличается от массы обычных людей особыми, данными природой свойствами. Когда его спрашивали о сущности человеческой храбрости и, случалось, высказывали мнение, что есть люди, которые ничего не боятся, не испытывают страха смерти, он отвечал:

— Плюнь в глаза тому, кто скажет, что он ничего не боится. Боятся все. Но трус не может совладать со своим страхом, он поворачивается и бежит, тогда как храбрый

человек находит в себе волю подавить, преодолеть страх и, несмотря на опасность, заставляет себя идти вперед.

Из разъяснений Скобелева следовало, что различие между мужественным, храбрым человеком и трусом заключается не в том, что второй испытывает страх, а первому он якобы не присущ, чужд. Страх — естественная реакция на угрожающую человеку смертельную опасность и потому присущ всем людям. Различие состоит в присутствии или отсутствии достаточной силы воли и чувства долга, необходимых для преодоления страха. И это различие между людьми, как правило, не врожденное, а воспитывается сознательным отношением к выполнению воинского долга и долгим опытом боевой жизни.

Перейдем, наконец, к гражданской, административной деятельности Скобелева. Его генерал-губернаторство продолжалось ровно год. В новой для него административной деятельности он руководствовался такими главными целями, как экономическое процветание края, законность и спокойствие. Путь к их достижению он видел в замещении административных должностей достойными кадрами, в подборе которых исходил из принципов честности и прочной оседлости, привязанности к месту службы и проживания. С помощью политики, построенной на этих началах, он считал возможным завоевание доверия и уважения населения. Указывая на гнет Худояр-хана как на причину народного восстания, он нисколько не закрывал глаза на злоупотребления русской администрации. «Ханство стонало под непомерным гнетом свирепого Худояр-хана, и русская администрация на него полагалась, — позже анализировал события Скобелев. — Чрезвычайно интересно и поучительно это предисловие к кровопролитной кокандской войне и в смысле политическом, и в смысле административном. Оно доказывает всю нашу

беспомощность и близорукость, всю ежеминутную опасность для нашего владычества, пока мы в Средней Азии будем продолжать держать худшие элементы нашей бесчисленной гражданской и военной бюрократии и не будем стремиться рядом экономических и воспитательных преобразований создать из туземцев надежный и преданный оплот... Генерал-губернатор Кауфман обратился к Худояр-хану письменно с советами, в которых выражалась необходимость более справедливого отношения к своему народу... Но... в нашей собственной Сыр-Дарьинской области народонаселение было задавлено поборами не менее, чем в соседнем ханстве... Сотни семейств хищнически сгонялись с родной земли самим правителем канцелярии туркестанского генерал-губернатора (ныне преданным суду)... уездные начальники... пользуясь правом административной ссылки, уже довели народ до отчаяния...»

Эта оценка, которую нельзя назвать иначе как честной и дальновидной, лучше всего характеризует цели и смысл административной деятельности Скобелева. Перед своим аппаратом он поставил четкое требование: управлять населением честно и справедливо. Так же — и с кипчаками. В письме начальнику Андижанского уезда он требовал «обращаться с кипчаками твердо, *но с сердцем*. Кипчаков, как всякий честный народ, можно привлечь к себе честным управлением и вниманием к ним в обширном смысле этого слова».

В области наступили мир и спокойствие, непосильные налоги, установленные Худояром, были сокращены, оживились сельское хозяйство, ремесла, торговля. Население радовалось происшедшим переменам и с доверием относилось к новой власти. Скобелев пресекал злоупотребления некоторыми располагавшими к этому местны-

ми обычаями, например достарханом (подарки населения прибывшему начальнику). Когда ему в Андижане поднесли богатый достархан, он распорядился продать его с аукциона, на вырученные деньги купил участок земли, провел к нему воду и построил кишлак, назвав его Кауфманом. В кишлак он поселил семьи, больше других пострадавшие от происходивших здесь военных действий. Скобелев ревниво относился к созданию для себя репутации справедливого правителя. Объявления о часах приема всех желающих были расклеены по всему городу. Он был действительно доступен и прост, да и дом его был широко открыт для гостей званых и незваных. Канцелярской работы он не знал, но, как всегда, быстро разобрался в новом деле.

Заслуживают внимания в этом отношении воспоминания одного из сослуживцев. Скобелев часто приглашал товарищей на пирушки, во время которых «велись свободные разговоры на разные злобы дня... На одном из обедов, когда развязались языки от выпивки, над ним начали подсмеиваться, какой-де он губернатор, правитель и устроитель области, когда он не имеет никакого понятия о гражданских законах, а их 16 томов... Скобелев не возражал, промолчал и задумался. Этим, по-видимому, дело и кончилось, и все забыли о разговоре. Кажется, месяц спустя я зашел к Михаилу Дмитриевичу... Смотрю, у него на письменном столе какие-то новые книги, томы свода гражданских законов, один из коих раскрыт и, видимо, он только что читал его...

— Помните, как-то раз за обедом надо мною подсмеивались и говорили, что я не могу быть хорошим губернатором, потому что незнаком с гражданскими законами? Так я же вам докажу, что могу быть и гражданским правителем не хуже других!...Он начал говорить, что

недостаточно только вызубрить статьи законов, на что способен и мелкий чиновник... нужно знать дух законов, да не одних только русских... Из его слов было видно, что он составил себе довольно-таки обширный план и горячо принялся за его исполнение... Потом я несколько раз... заставлял его за усердным изучением искусства быть хорошим правителем. Он не был лишен настойчивости и упорства во всяком деле, за которое брался».

Эти качества помогли Скобелеву стать если не мудрым, то достаточно компетентным правителем. Вообще работоспособность его не знала пределов. Несколько раз он верхом объехал всю область, поражая сопровождавших выносливостью и неутомимостью.

Скобелев придавал большое значение поддержанию престижа армии и административной власти, но в то же время в каждом местном жителе видел полноправного гражданина и по возможности старался обходиться без репрессий. Казни он считал злом и прибегал к ним лишь при крайней необходимости, но обставлял их, как и другие наказания, торжественно, стремясь обеспечить прежде всего их воспитательное воздействие. Один такой факт — казнь Пулат-бека. Это был в полном смысле изверг и садист, упивавшийся жестокостью. Двор цитадели, где совершались зверства, пропитался кровью, заражая смрадом воздух. За три месяца он казнил четыре тысячи человек. Скобелев поручил его поимку много от него потерпевшим джигитам. Его удалось схватить. 29 февраля 1876 г. Пулат-бека повесили в Маргелане. Другой случай, когда Скобелев счел необходимым применить смертную казнь, был связан с появлением в окрестностях Андижана шайки авантюриста, назвавшегося Джатым-ханом.

В рапорте К.П.Кауфману о поимке Джатым-хана от 5 октября 1876 г. Скобелев сообщал, что по получении сведений о появлении шайки он (сам губернатор!) выступил с сотней казаков 3-го Оренбургского полка, но по пути узнал, что другие казаки этого полка уже имели столкновение с шайкой и одного ее участника захватили в плен. Пленного Скобелев казнил на базарной площади Ханабада при одобрительных криках народа. С помощью джигитов он пошел в преследование и рассеял шайку. Население, подчеркивал Скобелев, не поддержало и не сочувствовало этому «сброду бродяг». В заключение он докладывал: «Мною предписано полковнику Гродекову казнить смертью расстрелянием 16 (шестнадцать) человек, взятых в шайке Джатым-хана, из них 15 на базарной площади в Узгенте, завтра, 6-го октября, и одного на базарной площади в Ханабаде по усмотрению полковника Гродекова. Обряд смертной казни предписано произвести со всевозможной торжественностью». Требование публичности и торжественности имело глубокий смысл: власть не расправлялась тайно, в застенках, с лицами, не удобными ей по каким-то непонятным народу причинам, не мстила, а заслуженно карала вооруженных бандитов во имя обеспечения населению спокойствия и мирного труда. Этими двумя фактами и ограничилось применение Скобелевым такой крайней меры, как смертная казнь. В обоих случаях народ громкими возгласами одобрял решение генерал-губернатора. Когда же юродивый на базаре ударил палкой русского офицера, то, хотя ему полагалась суровая кара, Скобелев оставил его без наказания, рассудив, что «это — животное, таковым и останется», и незачем делать из него мученика.

Вообще жестокость была органически чужда Скобелеву. Это свойство присуще, как известно, лично трусли-

вым людям. Настоящий же герой — а именно таким был Скобелев — не может расправляться с честным, открытым противником. Так Скобелев учил и солдат: «лежащего не бьют», «никогда храброе русское войско не умело бить лежащего врага». Его рыцарственность, благородство, великодушие были так же неотделимы от его имени, как личная храбрость.

Уже в туркестанский период четко прослеживается отличавшая Скобелева любовь к солдату, забота об условиях жизни и быта, а также боевой подготовке войск. По его приказу в частях были устроены чайные и при каждой чайной — библиотека. Офицеры обучали солдат грамоте. По праздникам устраивались спортивно-воинские состязания и спектакли. Для облегчения колонизации и поддержания нравственности солдат, а также для избежания столкновений с местным населением он разрешил проезд семей, которые поселял в специально построенных слободках, превратившихся в богатые поселки. Многие солдаты остались в крае и после службы. Из нездорового климатом Коканда, порождавшего заболевание зобом, Скобелев решил переместить административный центр. Изучив местность, как он докладывал Кауфману, «для приискания места под областной город», он заложил новый Маргелан. При нем же были сделаны первые шаги по планировке и застройке города (в 1907–1924 гг. город Скобелев, ныне Фергана). Много внимания Скобелев уделял своим помощникам и сотрудникам, как военным, так и гражданским. К каждому он подходил индивидуально, соответственно руководил и поощрял, внимательно следил за удовлетворением своих представлений к наградам.

В конце 1876 г. область посетил Кауфман, торжественно встреченный Скобелевым. Познакомившись с со-

стоянием дел, он остался весьма довольным. Своему начальнику штаба генералу Троцкому, находившемуся в Петербурге, он писал: «17 ноября 1876 г. Вас интересует знать, какое впечатление на меня произвела поездка в Ферганскую область. Общее впечатление самое хорошее. Михаил Дмитриевич занимается серьезно своим делом, вникает во все, учится и трудится... Войска везде строились и во время моего объезда. Войска славные, с прекрасным духом». Население довольно. В общем, он спокоен за Фергану, добавлял Кауфман.

Летом 1876 г. Скобелев осуществил экспедицию к границам Кашгарии, к Тянь-Шаню, которая была решена год назад, но отложена из-за народного восстания против Худояра. В 70-х гг. прошлого века Кашгария (таково было название страны, Кашгар — река и стоящий на ней город, ныне Синцзян-Уйгурская автономная область КНР) представляла неизвестную, даже таинственную страну. Со времен Марко Поло проникнуть в нее удалось считаным иностранцам. Точно это известно лишь об иезуите Гаесе и о немецком географе Шлагинтвейте. Первый посетил Кашгарию еще в XVII в., второй был в ней в середине XIX в., но судьба его оказалась трагичной: за свою любознательность ему пришлось заплатить головой, которую отсек топор кашгарского палача. Лет за десять до экспедиции Скобелева путешествие в эту страну совершил Чокан Валиханов, первый европейски образованный казах, офицер русской службы, талантливый ученый и друг Ф.М.Достоевского. Он прибыл в составе купеческого каравана, сделав все, чтобы не возбуждать к себе внимания и подозрительности. Ему наверняка не поздоровилось бы, если бы узнали, что этот ничем с виду не примечательный путник в действительности — русский офицер. Первое, что увидел Валиханов в Кашгарии, были клетки с

человеческими головами, выставленные на устрашение. Подвергаясь тем же опасностям, что и другие иностранцы, Валиханов все же сумел увидеть и записать многое, относящееся к истории, географии, хозяйству, языку и нравам страны. По возвращении он доложил результаты своих исследований в Петербурге, на специальном заседании Русского Географического общества.

Скобелев не имел цели вторгаться в Кашгарию, напротив, он хотел предупредить любые конфликты. Кашгария, конечно, интересовала его, но он не был намерен предпринимать что-либо большее, чем внешний осмотр страны, однако границу изучал детально. С этой точки зрения экспедиция представляла собой не более как рекогносцировку.

Экспедиция включала 8 рот, 4 сотни, 3 горных орудия, ракетную батарею. Кроме войск, в состав экспедиции входили специалисты для проведения физико-географических, естественно-научных, топографических и статистических исследований и работ. Отряд выступил 15 июля тремя колоннами, которые должны были соединиться в долине Алая в начале августа. Отряду пришлось совершить при жестоких морозах переход через перевалы Сары-Могул, Кары-Кызак, Арчат-Даван, по высоте значительно превосходящие альпийские и кавказские. Вот где Скобелеву пригодился испанский опыт, который был теперь приумножен несравненно более трудными условиями. Алайская царица Курман-Джан, узнав о движении русских, бежала в Кашгарию, но там ее ограбили, и она вернулась (ее земля исторически и формально была частью Кокандского ханства). Скобелев принял ее ласково, сделал богатые подарки, убеждал ее успокоить население и дал ей полную свободу. Курман-Джан сдержала слово. Население без сопротивления подчинилось рус-

скому правлению, немногие непокорные были обложены небольшим штрафом и направлены на строительство Гульчинско-Алайской дороги, получившей название «скобелевского пути».

7 августа Скобелев выступил к кашгарской границе. Он внимательно изучал местность и население, наиболее удобный путь из Ферганы. Его «Письма с кашгарской границы» К.П.Кауфману — образец научного исследования и глубоких стратегических оценок. Он считал, что Ферганский Тянь-Шань, этот, по его определению, «снеговой бруствер», территориально и по населению тяготевавший к Коканду и исторически составлявший его провинцию, должен быть в составе России. Он необходим как для отражения возможных набегов с юга и востока, так и для осуществления его идей борьбы с Англией, которые будут рассмотрены ниже. В результате экспедиции Скобелева граница была занята. Экспедиция имела и большое научное значение: открыты новые страны, впервые нанесены на карту 26 тыс. верст неизвестной местности, проведены естественно-научные исследования, собраны богатые коллекции. В сентябре Скобелев вернулся в Фергану, где все нашел в спокойствии и порядке.

Все же почетная и ответственная, но мирная губернаторская деятельность начинала тяготить Скобелева. Сначала, когда прошел слух о возможном переводе генерала Троцкого в Петербург, он хотел занять становившуюся вакантной должность начальника штаба при Кауфмане. Но вскоре в Туркестан начали поступать вести о готовящейся войне против Турции, и теперь Скобелев всеми своими мыслями устремился на Балканы. О настроениях его этой поры Кауфман писал Троцкому в Петербург: «Скобелев высказал мне желание быть начальником окружного штаба. Вы знаете, что это была и моя мысль...

Я... сказал, что буду рад такому начальнику штаба, как он, если вы не возвратитесь. Михаил Дмитриевич трудится и вникает во все, но любит он только военное дело. Он весь проникнут мыслью полететь в армию, которая по-видимому собирается на берегах Дуная. Если война будет в Европе, его нельзя будет удерживать. Он мне пишет: «Я буду служить, где вы потребуете, но должен вас предупредить, что душа моя и мысли мои будут там, где будут греметь наши пушки». И Скобелев умолял Кауфмана отправить его на войну. В ответ из Петербурга пришла шифрованная телеграмма: «Государь не соблаговолил на перевод Скобелева».

Кауфман, представления которого всегда уважались, был удивлен и поражен. Сам Скобелев стал нажимать в Петербурге на все пружины, засыпал письмами дядю А.В.Адлерберга. Через неделю пришла новая телеграмма: «Генералу Скобелеву высочайше поведено немедленно прибыть в Петербург для направления в действующую армию». Радость Скобелева была омрачена сухой формой вызова. Было очевидно, что в Петербурге им за что-то недовольны. Неизвестность его угнетала.

Проводы Скобелева и войсками, и населением были очень теплыми, даже сердечными. Жители ценили и любили Скобелева, прежде всего за справедливость. Михаил Дмитриевич был искренне растроган. К войскам он обратился со следующим прощальным приказом: «Расставаясь с доблестными войсками Ферганской области, которыми я имел счастье командовать в столь памятное и славное время, с благодарностью и гордостью вспоминаю о совершенных вместе подвигах... В продолжение полуторагодового командования... я имел случай неоднократно убедиться... что войска относились ко мне с доверием и сознавали ту беспредельную привязанность к их славе и

благосостоянию, которая постоянно меня одушевляла в этот продолжительный и незабвенный период. Благодаря всем офицерам и нижним чиновам вверенных мне войск. Воспоминание о службе с ними навсегда останется лучшим воспоминанием моей жизни... Прошу их не поминать меня лихом и верить, что только надежда на вероятное близкое столкновение с неприятелем может одна, хотя отчасти, заглушить глубокую скорбь расставания с ними».

Приказ искренен и прост, но не лишен своеобразного красноречия. Не может быть сомнения, что он правдиво передавал состояние грусти, которое испытывал Скобелев, прощаясь с любимыми и любившими его войсками и ставшей ему милой Ферганой.

В связи с отъездом Скобелева Кауфман объявил прощальный приказ по округу, в котором выражал грусть расставания и благодарил Скобелева за его труды на военной и административной службе. Кауфман сыграл большую и полезную роль в воспитании Скобелева. Михаил Дмитриевич это хорошо понимал и был благодарен своему другу-начальнику. Выехав из края 16 февраля 1877 г. и достигнув его рубежа, он из форта Казалинск направил Кауфману письмо, в котором были следующие строки: «Позвольте еще и еще раз выразить Вам мою глубокую и сердечную признательность... я в особенности должен никогда не забывать, каким *человеком* я прибыл во вверенный Вам край в 1869 г. и каким человеком я теперь еду от Вас в действующую армию».

Приглашаю читателя, в том числе (и здесь даже в первую очередь) узбекского читателя, к выводам из туркестанской главы жизни Скобелева. По-моему, на основании всего, что я рассказал, — а рассказ мой построен на

строгом следовании источникам, — должен быть сделан вывод, что Скобелев не был ни деспотом, ни злодеем, ни грабителем. Узбеки не за что обижаться на бывшего губернатора. И в Узбекистане стоит памятник ему, который никто не сможет снести. Я имею в виду город Фергану. Несмотря на новостройки, Фергана сохраняет скобелевскую планировку, да и отдельных зданий той поры сохранилось немало. И насколько мне известно, жители Ферганы поминают Скобелева добрым словом. Думается, что оно заслужено Михаилом Дмитриевичем.

Глава III. Болгария

День 5 марта 1877 г. был одним из самых тяжелых в жизни Скобелева. Наверное, даже самым тяжелым. Это был день царской аудиенции. О том, как проходила беседа, мы знаем из письма генерала В.Н.Троцкого Кауфману от 12 марта: «Приехал сюда М.Д.Скобелев. Он поражен, да и я вместе с ним, приемом у государя. Не подав руки, Е.В. сказал Скобелеву: «Благодарю тебя за молодецкую боевую твою службу, к сожалению, не могу сказать того же об остальном» (о чем именно — ни слова). Затем, волнуясь и возвысив голос, государь продолжал: «Я помню, я знал твоего деда, и я краснею за его славное имя». Это место из слов государя так сразило Михаила Дмитриевича, что он говорит, что и не помнит, так ли именно была произнесена его величеством эта фраза, но что в его, Скобелева, ушах особенно тягостно отозвалось слово «краснею». Была еще и такая фраза: «Я осыпал тебя милостями». Государь закончил свое обращение словами: «Я надеюсь, что на новом назначении, которое я тебе дам, ты покажешь себя молодцом»». Скобелев, писал Троцкий, всюду выпытывает, что все это значит, он просит защиты Кауфмана, и продолжал: «По всем признакам, выяснившимся пока, все это крупная интрига, имеющая началом личные доклады *x* и письма *z* к *и*, доведенные и читанные. Военный министр (Д.А.Милютин. — *В.М.*) принял его очень сухо и, не объясняя ему и не указывая, в чем, собственно, он, Скобелев, провинился, говорил о беспорядках у нас в крае, об открытых злоупотреблениях. Вообще тон всего, что говорил военный министр, не понравился Скобелеву и произвел на него тяжелое

впечатление... Нельзя не заметить, что что-то недоброе тут делается и интрига работает».

В этом же письме Троцкий писал о том, что же, в конце концов, конкретно инкриминировалось Скобелеву: «Обвинительные против Скобелева пункты — распущенность войск, панибратство с офицерами, демократизация, умышленное непривлечение помощников с громкими именами и проч... Военный министр пополнил свои обвинения, что на государя произвели впечатление письма о Скобелеве из Коканда, что он фамильярничает с офицерами, в штабе его слишком свободно критикуют правительство и что, наконец, Скобелев будто бы мечтал устроить поход на Кашгар». Последние строки действительно проливают свет на то, за что могли ухватиться лица, создавшие интригу.

В литературе давно отмечалось, что такого рода обвинения всегда выдвигались против военачальников, командовавших войсками, действовавшими на окраинах, например на Кавказе против Ермолова или в данном случае — против Скобелева. В условиях специфической горной войны или войны в пустыне, где офицерам приходилось одинаково делить с солдатами трудности и лишения, вызванные местными природными условиями и своеобразной тактикой противника, обычные, строго уставные отношения между солдатом и офицером не годились, определенное сближение между ними было неизбежным и оправданным. Обвинения в панибратстве и фамильярности шли от тех, кто исходил из принципа, что «война портит войска». Скобелев же считал, что армия существует не для парадов, а для войны. Кроме того, молодое офицерство и сам Скобелев были проникнуты либеральными идеями, духом реформ 60-х гг. Отсюда обвинения в демократизации. Что же касается непривлечения помощ-

ников с громкими именами, то именно обиженные этим «громкие имена» и были авторами доносов и клеветы.

Наше представление о механизме интриги несколько дополняют свидетельства иностранцев. Военный агент США Грин рассказывает о ней в книге «Sketches of army Life in Russia» (его цитирует в своих воспоминаниях о Скобелеве и французская журналистка Ж.Адан^[6]). Я не располагаю подлинником книги Грина, но ее подробный обзор был опубликован в 1892 г. в газете «Новое время». Грин близко знал Скобелева, был его горячим поклонником. Вот что он пишет: «...генерал Скобелев, со своим обыкновенно строптивым нравом, пустился в поход против «интендантских чиновников». Эти последние приняли вызов, и так как они столь же ловки, сколь и неразборчивы, то и не замедлили обвинить его в Петербурге в весьма серьезных злоупотреблениях. Один флигель-адъютант послан был для расследования дела; холодно принятый генералом... флигель-адъютант вернулся в Петербург с докладом, в котором Скобелев обвинялся во взяточничестве на сумму около миллиона рублей. Как только Скобелев услышал об этом, он тотчас же испросил по телеграфу отпуск у генерала Кауфмана... и отправился в Питер. По приезде в столицу он представил все свои счета в государственный контроль. После самого тщательного следствия генерал был оправдан... Но человек со столь задорным характером всегда имеет врагов. Хотя официально он и был оправдан, но все-таки некоторая тень осталась на его репутации».

Грин и вслед за ним г-жа Адан говорят лишь об обвинениях во взяточничестве и, очевидно по недостатку

⁶ По-французски пишется Adam, произносится Адан.

информации, ничего не говорят о политических обвинениях. Между тем именно они оказались для Скобелева самыми опасными.

Это со всей определенностью утверждают вышедшие в Париже в 1887 г. воспоминания о Скобелеве «*Quelques mots sur le general Skobeleff par un officier russe*. По поводу брошюры г-жи Адам «Генерал Скобелев»», которые уже цитировались в этой книге.

Судя по всему, воспоминания принадлежат боевому товарищу и близкому к Скобелеву офицеру, много писавшему о его походах и о нем самом под псевдонимом NN. Воспоминания, единственное в советской литературе упоминание о которых содержится в исследовании академика А.З.Манфреда «Образование русско-французского союза» (М., 1975), вышли на французском и параллельно, в виде несброшюрованного оттиска, на русском языке (я пользуюсь этим последним). Этот крайне интересный и содержательный источник до сих пор еще ни разу не цитировался ни в русской, ни в советской литературе. И неудивительно: его нет в советских хранилищах. Брошюру прислала парижская *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine*.

Автор компетентно и существенно уточняет и дополняет то, что писала о Скобелеве французская журналистка г-жа Адам. Он снимает налет сенсационности, явственно ощущаемый в ее работе, и как бы приземляет ее описание, старается, по его собственным словам, сделать рисуемый ею портрет более похожим на оригинал. Приведем его свидетельство по интересующему нас вопросу: «Отчасти правда, что Скобелеву повредила здесь интрига интендантов, с которыми он всю жизнь боролся за интересы солдата. Но это не главное. Сама по себе ин-

трига была бессильна скомпрометировать Скобелева, но здесь на стороне интендантов стал сильный человек, который и после, с упорством ожесточенной злобы и безграничной зависти, неотступно следует за триумфальной колесницей Скобелева... Командированный в Ферганскую область, флигель-адъютант князь Долгорукий... представил своего товарища в Петербурге как вора, утаившего миллион казенных денег, и как человека, политически неблагонадежного, опасного для престола. В своей честности Скобелев оправдался, представив точные счета расходам государственному контролю, но политический донос возымел свое действие. Впечатлительный государь, Александр Николаевич, поверил гнусной клевете».

Что именно Долгорукий был главным интриганом, свидетельствует запись в дневнике Д.А.Милютина: Скобелев «оказал многие отличия, получил одну награду за другой до тех пор, пока не свернул ему шею флигель-адъютант князь Долгорукий, командированный в Ташкент по особому высочайшему повелению в 1876 г. и привезший оттуда рассказы о предосудительном поведении Скобелева. Князь Долгорукий пользовался особенным покровительством государя. Скобелев, занимавший уже в то время пост начальника Ферганской области, в чине генерал-майора свиты е. в....попал в такую немилость, что в начале войны 1877 г. не смел даже показываться государю и скромно состоял вместе со своим отцом при штабе командующего армией».

Для полной ясности следует сказать несколько слов о моральном и общественном лице Долгорукого. Отпрыск влиятельной семьи, любимец всемогущей великой княгини Ольги Федоровны, скандалист и придворный паразит, это был тип аристократа-космополита, в семье которого русский язык был изгнан даже из детских. Он жаждал бо-

ево́й славы, но не отличался ни умением, ни храбростью. Во время турецкой кампании он отказался от командования стрелковым батальоном, предложенного ему после гибели его прежнего командира под Горным Дубняком. Союзником Долгорукого по интриге был князь Витгенштейн, беспринципный наемник, изгнанный с австрийской службы и поступивший на русскую благодаря протекции одного из немецких принцев. В России он вел жизнь ландскнехта, смотревшего на военную службу как на выгодное ремесло и занимавшегося некрасивыми проделками, всегда сходящими ему с рук.

Вот кому обязан был Скобелев тем, что не смог отправиться на Балканы в должности, соответствующей его чину и заслугам. Биографы Скобелева не раскрывают этих лиц, отчасти по цензурным условиям, отчасти из-за недоступности или неизвестности им использованных здесь источников. Характерно: ни в одной работе о Скобелеве, напечатанной в России, не были названы эти имена. Даже в 1916 г. Е.Толбухов именовал их *x*, *y* и *z*, а дневник Д.А.Милютина был опубликован только в советское время. Напечатанный же в Париже отзыв о работе Ж.Адан был предназначен, по-видимому, для ограниченного и доверительного пользования. Только этим я могу объяснить, что даже Н.Н.Кнорринг, работавший после эмиграции в Париже, не использовал столь важные воспоминания русского офицера и, в сущности, не раскрыл всего содержания интриги.

Несколько штрихов добавляет в своих кратких записках, опубликованных в 1908 г., граф Ю.А.Борх, служивший со Скобелевым в 1875–1877 гг. Отношения его с Михаилом Дмитриевичем неясны. Он признает существование разногласий, но они были чисто боевого свойства, когда каждый остается при своем мнении, поэтому оба

решили впредь не встречаться на одном поле боя. По словам Бор-ха, «в горной экспедиции на Алай приняли участие незадолго перед тем приехавшие из Петербурга два лица, принадлежавшие к высшему цвету столицы, члены яхт-клуба, имевшие, кроме того, далеко не заурядное положение при высочайшем дворе. Так или иначе, но господа эти не поладили с Михаилом Дмитриевичем, а может быть и наоборот. О причинах возникнувших неладов говорить я не намерен, но в итоге нелады эти тяжело отозвались... на служебном положении Скобелева... В феврале 1877 г. разразился громовой удар над головою Скобелева» — телеграммой из Петербурга ему было приказано немедленно сдать должность и выехать в столицу. Приказ застал Скобелева врасплох и без гроша денег. Борх пригласил его к себе. Встреча была сердечная, «многое в прошлых недоразумениях быстро стало ясным для обоих». Официальные проводы Скобелева, как утверждает Борх, были запрещены. Это противоречит нашему описанию, почерпнутому из обстоятельного исследования Толбухова. По-видимому, запрет поступил после официальных проводов. С дороги Скобелев прислал Борху два письма, опубликованные вместе с записками.

Хотя в этом воспоминании имена не названы и о причинах конфликта автор говорить даже избегает, все совпадает с тем, что мы установили по другим источникам. Тон записки можно было бы считать оправдательным, но письма Скобелева действительно дружественны. Эти сведения еще пригодятся, так как имя Борха встретится нам в связи с другим эпизодом.

В отделе рукописей Российской Государственной библиотеки я увидел в листе использования одного из документов подпись: Н.Н.Кнорринг. Документ как раз скобелевский. Я сейчас же спросил работников отдела,

тот ли это Кнорринг, ведь он жил за рубежом. Наведя справки, они ответили: да, тот самый. Запись была сделана в пятидесятых годах. Получалось, он вернулся из эмиграции после войны, наверное с той волной, с которой прибыл и Лев Любимов, автор воспоминаний «На чужбине».

Получив сведения, я отправился на поиски. Но было уже начало восьмидесятых, шансов на то, что Кнорринг жив, оставалось мало. Действительно, в адресном столе Москвы выдали справку: «Не значится». Позже я узнал, что Кнорринг, который в эмиграции не совершил ничего антисоветского, возвратился на родину вместе с дочерью Ириной, поэтессой, выступавшей в советской печати. В 1957 г. он умер. Я опоздал. А жаль. Как интересно было бы обменяться мнениями! А может быть и информацией.

Пятно, легшее на Скобелева, особенно после слухов, касавшихся царской немилости, вызывало и позже неблагоприятные для него толки. Об этом говорят, например, хранящиеся в ЦГВИА и нигде еще не опубликованные воспоминания о Скобелеве генерала Д.Г.Анучина. Этот генерал, познакомившийся со Скобелевым в 1864 г. в Варшаве, а в 1877 г. снова встретившийся с ним на Дунае, предупреждает, что со Скобелевым он не был близок, но скобелевская легенда слагалась на его глазах и записывает он то, что знает доподлинно: от кого слышал — со ссылкой, виденное лично — без прикрас. Туркестанская служба, писал Анучин, уже положила начало скобелевской легенде, но прервала ее, так как «...породила ряд недоразумений чисто личного, нравственного свойства... неблагоприятные о Скобелеве слухи ходили в обществе и даже высказывались ему в глаза публично...». В Болгарии, после переправы через Дунай, Анучин со свитским генералом М.А.Домонтовичем (в академии во

время учебы там Скобелева Домонтович, еще не бывший генералом, исполнял обязанности наблюдавшего за слушателями) направились в ресторан. «Между посетителями был высокий, стройный и по виду не знакомый мне свитский генерал. М.А.Домонтович прямо направился к нему, и я, к крайнему моему удивлению, услышал следующее: — Мишка, да это ты? Как ты носишь свитский мундир, ведь тебе, подлец ты этакий, следовало быть в арестантских ротах, с рваными ноздрями, в каторге... А он в генеральских эполетах!

Скобелев — это был он, — видимо, смутился, поспешил навстречу Домонтовичу и, торопливо прервав его неприличные излияния, стал дружески с ним здороваться, обнимаясь и целуясь. Видно было, что сказанные Домонтовичем слова были в тоне того, что говоривалось в широком круге, считавшем Скобелева за своего присного. Через несколько секунд поздоровался с ним и я. Хоть Домонтович снова пытался ставить свои некрасивые вопросы, кто-то перебил его, начав рассказывать о новых подвигах Скобелева... дравшегося простым волонтером».

Эпизод, рассказанный Анучиным, отражая ходившие в обществе слухи, позволяет в то же время допустить, что Скобелев совершал какие-то проступки «личного, нравственного свойства», обусловленные, скорее всего, его холостяцкой жизнью. Но едва ли это могло вызвать столь тяжкие обвинения и последствия. Основа обвинений была, безусловно, политическая: «слишком свободная критика правительства», демократизм, планы похода на Кашгар и т. п. Это то, что мы знаем из письма генерала Троцкого. Можно не сомневаться, что сверх этого Долгорукий добавил еще многое.

О чувствах и мыслях Скобелева, связанных с этим делом, говорит его письмо тетке графине Адлерберг от 20 мая 1878 г., хранящееся в вывезенном из России лондонском архиве князей Белосельских-Белозерских (потомков сестры Скобелева Надежды), опубликованное наряду со многими другими документами Н.Н.Кноррингом, единственным, кто использовал этот архив. «В минуту тяжких испытаний, — изливал душу Скобелев, — когда не думал вернуться живым, я всякий раз спрашивал себя, виноват ли я настолько, чтобы краснеть перед государем, и всякий раз совесть говорила мне, что нет... Я, наверное, делал ошибки, но ведь мне выпало на долю управлять более чем миллионного по числу жителей областью в 32 года. Да, наконец, теперь говорит за меня и время.

1. До сих пор, а я сдал область полтора года тому назад, не поступило на меня ни одного местного, ни контрольного начета.

2. Административное деление осталось без изменения.

3. Личный состав администрации, скажу это с гордостью, мной избранный, остался по сие время в главных своих представителях, почти без изменения и при генерале Абрамове.

4. Инспектировавший войска округа генерал Нотбек нашел их везде без исключения в блистательном состоянии. Это было в свое время доложено государю. Мне слишком больно оправдываться, не догадываясь до сих пор, в чем меня обвиняют...» Незаслуженная обида осталась в душе Скобелева вечной, незаживающей раной.

Теперь Скобелев оказался перед проблемой, как быть, что делать. Решение соответствовало его характеру и было, как всегда, смелым и основанным на уверен-

ности в своих силах. Если ему не дали ни дивизии, ни полка, то надо ехать на войну без назначения и участвовать в ней хотя бы нижним чином, а там его талант и отвага сами сделают дело, несмотря на происки завистников и интриганов. Так примерно он рассуждал. Так и поступил. Расчет оказался верным, и действительность даже превзошла его надежды. О мыслях и планах Скобелева в этот решающий момент его жизни говорит только один источник — воспоминания Н.Н.Врангеля. В беседе со Скобелевым он спросил:

«— А если тебе никакого назначения не дадут?

— Если! Не если, а наверное не дадут. Я сам, брат, возьму, что мне нужно. Поверь, ждать подачек не стану. Мы сами с усами.

Он, как известно, при переправе через Дунай так и сделал».

Помимо стремления принять участие в большой войне и этим быть полезным армии и родине, Скобелевым руководил и такой принципиальный мотив, как страстное желание бороться за свободу славянских народов, томившихся под диким в своей беспощадности османским игмом. «...Как глубоко искренний и честный по характеру человек, Скобелев всеми силами своей души отдался тому освободительному движению, которое в 1876 г. (после подавления турками восстания болгар и последовавшей за ним грандиозной резни. — *В.М.*) распространилось в русском обществе и народе. Как и известный Аксаков, он был одним из самых горячих и сознательных представителей этого движения. Да, Скобелев был идеалистом в самом чистом значении этого слова. Никто так страстно не принимал к своему сердцу дело освобождения славян...» — писал автор той же парижской брошюры.

Появление в Дунайской армии молодого, со многими наградами генерала было встречено с настороженностью и недоброжелательством. Говорили, что карьеру он сделал не на настоящей войне, что свои награды он должен еще заслужить. Сначала Скобелеву удалось получить лишь временную должность начальника штаба Кавказской казачьей дивизии, которой командовал его отец. Пребывание в этой дивизии все же дало Скобелеву возможность провести небольшой, но важный, оперативного значения бой. Русские войска, выступившие из Румынии 12 апреля, шли тремя колоннами. Левая колонна генерал-лейтенанта Ф.Ф.Радецкого с дивизией Скобелева-первого в авангарде двигалась по направлению к городу Журжево. Ее движение могло быть задержано, если бы турки взорвали Барбошский железнодорожный мост через реку Серет. Нужно было во что бы то ни стало овладеть мостом в день объявления войны. Эту задачу выполнил отряд казаков под командой М.Д.Скобелева. Пройдя за сутки 100 верст, отряд захватил мост и обеспечил переправу войск.

При прибытии к театру военных действий дивизия была расформирована и вместо нее образована Кавказская казачья бригада, командиром которой был назначен полковник Тутолмин. Скобелев потерял и эту, не удовлетворявшую его должность. Мучимый бездеятельностью, он предложил Тутолмину уже не раз испытанный им способ — переправить бригаду через Дунай вплавь. Был разлив, ширина Дуная в районе г. Журжево, где стояла бригада, достигала четырех верст. Тутолмин, конечно, не согласился. Тогда Скобелев в одной рубахе, но с Георгием на шее, вскочил на коня, погнал его в воду и поплыл, сначала сидя в седле, а потом держась за хвост и помогая коню руками и ногами. Несколько охотников, по-

плывших с ним, скоро вернулись. Но Скобелеву вернуться было нельзя — засмеют. С большим трудом он преодолел Дунай. Его лошадь через два часа пала. Конечно, о переправе всей бригады таким способом не могло быть и речи. Но Скобелев добился, что о нем заговорили. Да и после этого случая он несколько раз переплывал Дунай и хозяйничал в тылу турок. 8 июня, с целью отбросить турецкую батарею, мешавшую своим огнем движению судов русской флотилии, Скобелев участвовал в боевых действиях моряков.

Следующим, уже настоящим делом, в котором пришлось участвовать Скобелеву, была переправа авангарда армии через Дунай и бой за овладение высотами южного берега и городом Систово. В переправе Скобелев участвовал в качестве ординарца генерала М.И.Драгомирова, учителя его в академии, командовавшего теперь дивизией. Переправа, подготовлявшаяся в глубокой тайне (о ее месте и времени до ее осуществления не знал даже император), была организована классически и вошла в учебники тактики. В этом большая заслуга высшего командования и Драгомирова. Но и Скобелев немало способствовал ее успеху. Ночью, третьим рейсом лодок, Драгомиров со своим штабом и адъютантами под турецкими пулями переправился через Дунай. Был с ним и Скобелев. В бою на турецком берегу Михаил Дмитриевич выказал те качества, которых не имели другие его участники, лишенные боевого опыта, в том числе его начальник и учитель, — умение ориентироваться, направлять удары, чувствовать ход боя. В суматохе боя, когда Драгомиров не мог сориентироваться в обстановке, вдруг раздался голос Скобелева:

— Ну, Михаил Иванович, поздравляю!

— С чем?

— С победой, твои молодцы одолели.

— Где ты это видишь? Ведь дело еще в начале.

— Где? На роже у солдата. Гляди на эту рожу! Такая у него рожа только тогда, когда он одолел; как прет, любо смотреть.

Прогноз Скобелева оправдался, бой действительно кончился победой. Умение читать победу на лицах дается только опытом тесного общения с солдатом в боевой обстановке и даже при этом условии — далеко не каждому. Никакие учебники и лекции дать такое умение не могут.

— Не пора ли остановить солдатиков? — спросил Скобелев Драгомирова.

— Пора-то пора, да некого послать, все ординарцы в расходе.

— Хочешь, пойду?

В белом кителе, спокойной походкой Скобелев направился в самую гущу боя, проходя между огнем турок и своих. Останавливаясь, чтобы передать приказ, он ободрял стрелков, разъяснял обстановку.

Поведение Скобелева может показаться ненужной бравадой, но только на первый взгляд. Спокойный вид генерала, не боявшегося вражеских пуль, понятное всем разъяснение приказа и обстановки снимали страх первого боя, внушали необстрелянным солдатам уверенность в командовании и победе. Это понял и оценил Драгомиров. В письме товарищу он рассказывал: «Если бы Скобелев был плут насквозь, то не стерпел бы и пустил бы гул, что удача этого дела (переправы. — *В.М.*) принадлежит ему, а между тем, сколько мне известно, такого гула не бы-

ло... напросился он сам на переправу, и я его принял с полной готовностью, как человека, выдавшего уже такие виды, каких я не видел; принял, невзирая на опасения, что Скобелев все припишет себе и, как видишь, не ошибся, а между тем, его помощь действительно была велика. Он первый поздравил меня с «блестящим», как он выразился, «делом», и при этом в такую минуту, когда я был глубоко возмущен безобразием творившегося; он же пешком (лошадей тогда у нас ни у кого не было) передавал приказ, как простой ординарец, набиваясь сам быть посланным, а не ожидая предложения сходить туда или сюда. Ему во мне нечего искать, ибо как же я могу его подвинуть? Почему я полагаю, что во всем этом он явил себя человеком даже весьма порядочным». Выше, из воспоминаний генерала Анучина, мы видели, что поведение Скобелева в этом бою вызвало одобрение и других офицеров, о нем много говорили.

После того, как войска, оставив Дунай позади, начали продвижение вглубь страны, Скобелев участвовал во все более важных делах: 25 июня — в разведке и занятии города Белы, 3 июля в отражении турецкой атаки Сельви и 7 июля, в авангарде Габровского отряда, в занятии Шипкинского перевала.

Для понимания дальнейшего бросим беглый взгляд на обстановку того времени на Балканском полуострове и на предвоенное состояние русской армии. Описываемое время было периодом подъема национально-освободительного движения балканских славян. В июне 1875 г. восстала Герцеговина, за ней Босния, а в апреле 1876 г. вспыхнуло восстание в Болгарии, зверски подавленное турками. Вслед за этими турецкими провинциями в июне 1876 г. выступила независимая, но не имевшая юридических суверенных прав Черногория и за ней — вассальная

Сербия. Осенью того же года огромная турецкая армия разбила сербов. России удалось предотвратить турецкую оккупацию этой страны, но усилия русской дипломатии добиться от Турции улучшения положения ее христианских подданных оказались бесплодными, из-за противодействия прежде всего Англии. Становилась очевидной неизбежность войны. Чтобы вести войну, требовалось решить две дипломатические задачи: обеспечить нейтралитет Австро-Венгрии (Англия без континентального союзника, как всегда, не пошла бы на войну с Россией) и договориться с Румынией, еще остававшейся вассалом Османской империи, о пропуске русских войск к Дунаю, в Болгарию.

Добиться нейтралитета Австро-Венгрии оказалось нелегко. Еще 28 июня (8 июля) 1876 г. в замке Рейхштадт (Чехия) на встрече Александра II с австрийским императором Францем-Иосифом выяснилось, что австрийцы по-прежнему против образования крупного славянского государства на Балканах, даже за свое согласие на автономию областей со славянским населением Австро-Венгрия хотела аннексировать Боснию и Герцеговину. Соглашение было зафиксировано лишь в записях, причем русский и австрийский тексты расходились друг с другом в ряде существенных пунктов. 15 января 1877 г. в Будапеште была подписана секретная конвенция (дополненная 18 марта). В обмен за свой нейтралитет Австро-Венгрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину, вновь подтверждалась недопустимость создания большого славянского государства на Балканах. Соглашение было явно невыгодным, но у русского правительства не оставалось другого выхода. В апреле была подписана конвенция с Румынией. Подготовив войну дипломатически, Россия сделала еще одну попытку мирного урегулирова-

ния кризиса, но Турция отклонила все предложения. Теперь Россия уже не могла отступить. 12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал манифест об объявлении войны.

60—70-е гг. XIX в. были в России периодом очень важных, во многом даже коренных реформ. Они распространялись и на армию, прежняя система рекрутских наборов была заменена всеобщей воинской повинностью. Реформированию подверглось все военное устройство и управление. К началу войны реформы далеко еще не были закончены, почему война в это время и была нежелательна. В записке военного министра Д.А.Милютина, составленной по его поручению начальником Генерального штаба Н.Н.Обручевым и представленной Александру II 8 февраля 1877 г., говорилось: «Внутреннее и экономическое перерождение России находится в таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма. Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено... По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем... Война в подобных обстоятельствах была бы поистине великим для нас бедствием... вся полезная работа парализовалась бы...» Попутно заметим, что Скобелев правильно понимал обстановку и считал войну преждевременной. Позже в частной беседе он говорил: поспешили мы с этой войной, мы были к ней еще не готовы, следовало начать ее на восемь лет позже.

Однако военно-политическая обстановка сложилась так, что царю и правительству пришлось принять решение о войне, несмотря на незавершенность реформ и неготовность армии. Этому решению немало способствова-

ло настроение общественности и печати, возмущенных турецкой резней в Болгарии и требовавших от правительства решительных мер по отношению к Турции, вплоть до войны.

В советской литературе была распространена следующая точка зрения: царизм решился на войну, преследуя собственные цели и уступая требованиям общественности, и лишь объективно выступая освободителем славянских народов Балкан. Мы не можем с этим согласиться. Государственные цели отрицать не приходится. Они были. Но была и цель освободительная, причем она проявлялась не только объективно, но и преследовалась субъективно. Следует помнить, что Александр II, воспитанный В.А.Жуковским, был лично гуманным человеком, впечатлительным и даже чувствительным. Информация о турецких зверствах не могла не вызывать в нем чувства сострадания. Можно было бы указать на факты прямого обращения к государю общественных организаций и отдельных лиц с призывом к активным дипломатическим действиям и к военному вмешательству в защиту страдающих единоверцев. Учтем также, что государь был искренне верующим, религиозным человеком и не мог равнодушно наблюдать издевательства иноверцев над христианами. Эти настроения разделяла значительная часть окружения царя, в том числе наиболее влиятельные лица. Армия же вдохновлялась исключительно лозунгами гуманности, ей был совершенно чужд и непонятен всякий прагматизм. Как вспоминали некоторые мемуаристы, в беседах с иностранцами, чтобы не выглядеть совсем смешными идеалистами, отдельные офицеры даже придумывали в действительности не существовавшие прагматические цели. Все это не исключает двойственности поведения правительства и самого царя, опасавшихся

социальных последствий войны, направленной на поддержку освободительного движения народа.

Предвидя войну, Генеральный штаб разработал оригинальный и смелый план. Автором его основной идеи и руководителем всей работы был начальник Генштаба генерал-лейтенант Н.Н.Обручев. Согласно плану, после частичной мобилизации армия должна была форсировать Дунай и посредством быстрого и решительного наступления, обходя крепости и громя турок в полевых сражениях, овладеть Константинополем. Но поскольку война была отложена в надежде добиться от Турции уступок дипломатическими средствами, турки использовали зиму для сосредоточения сил и получения помощи от Англии. «Осенью, — писал Н.Н.Обручев, — пока Балканский театр был совершенно беззащитен, пока вся турецкая армия была отвлечена на запад (для борьбы с освободительным движением в Сербии и Черногории. — *В.М.*), можно было даже с небольшими регулярными силами достигнуть самых решительных результатов...Теперь совсем не то... только при более обширных средствах мы можем опять выиграть *время и быстроту похода*. Необходимо, чтобы армия, двигавшаяся в Турцию, могла бы сразу выделить за Балканы не слабый отряд, а вполне достаточные силы для безостановочного движения и взятия Константинополя. Иными словами, нам теперь нужно подготовить уже не *одну*, а можно сказать *две армии*, из коих *одна* приняла бы на себя всю борьбу в Придунайской Болгарии, а *другая*, тотчас по переправе, двигалась бы прямо в Константинополь, видела бы перед собой только 500 верст пути и стремилась бы пройти их возможно скорее, в 5 — буде возможно в 4 недели, не отвлекаясь от этой цели никакими побочными

операциями...» Кавказскому фронту отводилась вспомогательная роль.

Хотя план был в конечном счете реализован, ошибки командования привели к затяжке войны и к неоправданным жертвам. Главная ошибка в начале войны состояла в том, что в Передовой отряд были выделены слишком малые силы, всего 11 тысяч, в результате чего вместо решительного наступления на Константинополь получилось, по словам полковника Генерального штаба М.Газенкампа, «наездничество». Преодолев Балканы и ведя успешные наступательные бои, Передовой отряд генерала И.В.Гурко занял Казанлык и оказался в тылу турецких войск, оборонявших Шипку. Одновременным ударом с юга и с севера противник был сбит с Шипкинского перевала и отступил к Филиппополю (Пловдив). Перевал был занят. Но перебросив из Черногории корпус Сулеймана-паши и собрав другие резервы, турки перешли в наступление с ближайшей целью вернуть Шипкинский и Хаинкиойский перевалы. Чтобы не допустить их к перевалам, Передовой отряд, овладев в конце июля городами Стара Загора и Нова Загора, занял этот рубеж перед Шипкой. Свои главные силы турки направили против Стара Загоры, оборонявшейся небольшим русско-болгарским отрядом под командованием генерала Н.Г.Столетова. Несмотря на стойкую оборону, под натиском превосходящих сил отряд должен был оставить город, в котором турки учинили кровавую резню. Силы Гурко, шедшие на помощь Столетову, 31 июля разбили встретившийся им отряд Реуфа-паши, но, установив нахождение впереди крупных сил противника, отошли к перевалам, где соединились с войсками генерала Ф.Ф.Радецкого. Таким образом, Забалканье на этом этапе войны было оставлено, русские остановились и закрепились на перевалах. Более спокой-

ной была обстановка в районе действий Руцукского отряда, на левом, восточном фланге. Здесь находился четырехугольник турецких крепостей — Руцук, Шумла, Варна, Силистрия, в которых противник имел 70-тысячное войско. Половина его могла, оставив крепости, вести полевое сражение. Русское командование приняло правильное решение не штурмовать крепости, а блокировать их, не допуская со стороны турок никаких активных действий. Эта цель была в полной мере достигнута.

Западному отряду сначала сопутствовал успех. 15 июля войска 9-го корпуса под командованием генерала Н.П.Криденера (но не благодаря ему) штурмом овладели важной турецкой крепостью Никополь. Но из-за нераспорядительности Криденера, не сумевшего правильно оценить значение находившегося неподалеку города Плевна, он не был своевременно занят. Это позволило талантливому военачальнику Осману-паше ввести в Плевну лучшую из турецких армий и возвести сильные укрепления. Теперь войска Западного отряда оказались перед необходимостью вести не полевое сражение, а штурмовать хорошо укрепленный лагерь, построенный в выгодной для обороны местности. К тому же русское командование не имело ясного представления о силах турок в Плевне, считая их небольшими, и об организации ее обороны. Поэтому атака слабого отряда генерала Ю.И.Шильдер-Шульдера была 8 (20) июля отбита турками.

Началась длительная, затянувшаяся почти на пять месяцев, кровавая эпопея Плевны. Задержка у Плевны, которая приковала Дунайскую армию и остановила русское наступление, означала если не отказ, то значительное отклонение от стратегического плана, предусматривавшего обтекание крепостей. Правильным решением было бы выставить против Плевны достаточный блокиру-

ющий отряд, как это было сделано на восточном фланге, и всеми свободными силами продолжать наступление. Однако Александр II отклонил эту идею. Он опасался наступать, пока крепости на востоке и Плевна на западе оставались в руках турок, находясь под гипнозом преувеличенного представления об их силах и их способности к наступательным действиям. Таким образом возникли и возобладали теория и практика, которые породили ненужную эпопею Плевны, столь дорого обошедшуюся и затянувшую войну. Историки, сразу после войны занявшиеся всесторонним анализом ее уроков, например Е.А. Епанчин, Е.И. Мартынов, М.А. Домонтович, уделили Плевне большое внимание. Е.И. Мартынов в работе, специально посвященной этому вопросу и отличающейся высоким профессиональным уровнем, писал, что вплоть до падения Плевны были и сторонники решительных действий, доказывавшие, что проблему Плевны нужно решать за Балканами. К ним он относил И.В. Гурко и «талантливейшего из русских генералов — Скобелева». После разгрома главных сил турок крепостям осталось бы только капитулировать, как это и произошло с крепостями на левом фланге. Но высшее командование было неспособно на смелые и решительные действия. Дилетант в военном деле главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, его начальник штаба дряхлый канцелярист А.А. Непокойчицкий, бездарный Криденер не соответствовали своему назначению. «Войска наши превосходны, но начальники оставляют слишком много желать», — писал в своем личном дневнике М. Газенкампф, занимавшийся при Главном штабе ведением журнала военных действий и составлением донесений царю.

Подготавливая новый штурм, напуганный Криденер на этот раз завышал численность гарнизона Плевны, считая

его в 60 тысяч. В действительности он достиг ко второму штурму 30 тысяч, из которых 6–8 тысяч Осман-паша отправил в Ловчу. Главное командование имело верные сведения о численности плевненского гарнизона, но делало неправильный вывод из факта количественного превосходства русской артиллерии, не понимая неспособность полевых орудий с маломощным снарядом к разрушению возведенных турками укреплений. При планировании штурма решающее значение могло бы иметь использование полученных Скобелевым сведений о расположении турецких укреплений. Он выяснил, что к западу от реки Тученицы у турок не было укреплений фронтом на юг и на запад и что наносить удар надо именно здесь. Сильный удар в этом направлении заставил бы турок выйти из укреплений в поле или вовсе оставить Плевну.

Но донесения и предложения Скобелева не были использованы Криденером именно потому, что он не верил в победу и еще до штурма думал о его неудаче и об отступлении на восток. Диспозиция, разработанная Криденером, предусматривала наступление двумя главными группами — правой и левой. Войска правой группы под командованием генерала Н.Н.Вельяминова наносили главный удар с востока на Гривицу, левая группа во главе с генералом А.И.Шаховским — вспомогательный удар с юго-востока на Радишево. С севера наступление прикрывал конный отряд генерала П.С.Лошкарева, с юга — отряд Скобелева, состоявший из Кавказской казачьей бригады и двух батарей. Затем Шаховской придал ему батальон пехоты и одну батарею. В резерве была пехотная бригада с тремя батареями. Из всех возможных вариантов Криденер выбрал самый невыгодный, да и инструкции командирам о способе ведения боя и руко-

водстве войсками во время самого боя были такими же бездарными. Все это предопределило неудачу штурма.

На главном направлении войска попали под сильный огонь и существенного продвижения добиться не смогли. На вспомогательном направлении было занято Радишево, но турецкий огонь заставил войска сначала остановиться, а затем в беспорядке отступить. Скобелев в этом бою играл второстепенную, но уже заметную роль, ему был поручен один из участков штурма. В отличие от Лошкарева, бездействовавшего в течение всего дня, его конный отряд действовал активно. Решительной атакой он захватил гребень Зеленых гор и прорвался к самой Плевне. Поддержка Скобелева крупными силами могла бы решить исход штурма. Но поддержки он не получил. Его немногочисленный отряд не мог преодолеть убийственный огонь турок и должен был отойти. Тем не менее атака Скобелева значительно облегчила наступление Шаховского, а во время отступления Скобелев спас его войска от угрожавшего им поражения. С горстью солдат Скобелев бросился навстречу наступавшим туркам, которые при виде такой дерзости решили, что перед ними авангард крупной контратакующей части. Шаховской официально доносил, что спасением от окончательного поражения его отряд обязан Скобелеву.

Во время атаки Скобелев, как всегда, когда требовалось воодушевить солдат, был впереди. Под ним была убита лошадь, потом ранена вторая. С.Верещагин соскочил с седла и предложил свою.»— Вижу, простая гнедая, — сказал Скобелев, добавив крепкое слово. — Нет, не хочу. Неужели нет коня?» Но огонь турок был так густ, что пришлось воспользоваться не самой красивой кобылой. В этом бою проявились и другие лучшие качества

Скобелева. Готовясь к отступлению, он подозвал С.Вере-
щагина и сказал ему:

— Поручаю вам удаление с поля раненых. Я не сой-
ду с места, пока не получу от вас известия, что послед-
ний раненый унесен с поля.

Лишь получив подтверждение, что последний ране-
ный подобран, Скобелев дал сигнал к отступлению.

Помимо неумелого использования войск, в основе
неудачи лежало непонимание командованием (кстати, и
военной мыслью всей Европы) самого характера боя, ко-
торый должна вести армия, атакующая укрепления при
возросшей скорострельности и дальнобойности ручного
оружия. Всего двадцать лет назад именно русская армия
во время обороны Севастополя, который, как и Плевна,
не был сухопутной крепостью, положила начало полевой
окопной войне. Даже с гладкоствольными ружьями вой-
ска одиннадцать месяцев держали оборону в борьбе с
сильнейшим врагом, вооруженным винтовками. Оборона
укреплений была в то время сильнее наступления, преж-
де всего из-за маломощности артиллерии. Однако в
1877 г. под Плевной эти уроки не пошли впрок, командо-
вание пыталось добиться успеха лобовыми атаками, по-
лагаясь лишь на героизм русского солдата.

Можно себе представить возмущение и бешенство
импульсивного Скобелева, видевшего ошибки командова-
ния и не имевшего возможности повлиять на его реше-
ния! По общему мнению, зафиксированному тем же Га-
зенкампом и многими другими, один Скобелев заслужил
одобрение войск. Указывали на его инициативу, умение
быстро и точно ориентироваться, решительность, личную
храбрость. Командованию пришлось обратить на него
внимание, и 22 июля решено было дать ему под команду

отряд из трех батальонов пехоты, 22 эскадронов и 22 орудий. Это была уже значительная сила, обещавшая некоторую самостоятельность. С подвигов, совершенных Скобелевым летом 1877 г., начинается слава, которая сделает его в глазах армии и народа главным героем всей войны.

После второй Плевны положение русской армии изменилось к худшему. Наступать, имея в тылу армию Османа, командование не решалось. Турки же воспряли духом и, собрав за Балканами большие силы, планировали наступление. Д.А.Милютин, находившийся при Западном отряде, оценив положение, в записке Александру II от 2 августа предложил временно перейти к обороне и в ожидании пополнений готовить решительное наступление. В течение оборонительного периода предусматривалось удержание перевалов и срыв турецкого контрнаступления, отражение возможных вылазок противника в районе действий Руцук-ского отряда и ликвидация Плевны. Царь согласился с этим мнением.

Задача овладения Плевной была тесно связана с защитой позиций на Шипке. Если бы превосходящим силам Сулеймана-паши удалось захватить перевалы, то турецкое наступление стало бы реальностью, и армия Сулеймана могла бы соединиться с запертой в Плевне армией Османа. Это угрожало переломом всего хода войны в пользу Турции.

Командование Дунайской армии, конечно, понимало значение Шипки. Скобелеву, в частности, было поручено осмотреть эти позиции и доложить их состояние. Как сообщает на основании архивных материалов автор фундаментального советского исследования об этой войне Н.И. Беляев, Скобелев после осмотра сделал ошибочный вы-

вод, что «позиция у Шипки в настоящее время чрезвычайно сильна». Однако в оценке Скобелева, если ее правильно понимать, не было ничего ошибочного. Сила позиции была в рельефе местности, в нахождении русских на гребне перевала. Но Скобелев вовсе не утверждал, что эту позицию не следует укреплять в инженерном отношении и огневыми средствами, припасами и людьми. Напротив, безразличие командования к нуждам защитников Шипки вызывало с его стороны возмущение и требования конкретных мер по оказанию помощи слабому шипкинскому гарнизону. Лишь благодаря героизму солдат и болгарских ополченцев в ожесточенных августовских боях турецкие атаки были отбиты и перевалы удержаны.

Скобелеву в это время было поручено наблюдение за движением турок. Опасались движения Османа из Плевны на Ловчу, движения турок из-за перевалов и из Ловчи на Сельви и Габрово. Пассивная роль наблюдателя не удовлетворяла Скобелева. К тому же он скоро понял, что наступление турок из Ловчи невозможно. В этом его убедили личная рекогносцировка пути на Ловчу, донесения поставленного им казачьего разъезда, лазутчиков и болгарина, выбравшегося из города. В письме Газенкампуффу он анализировал: «В Ловче, которую рекогносцировали 3-го дня, нет признаков присутствия значительных сил. В окрестностях Траяна, кроме шайки в несколько сот башибузуков, нет ничего. Не слишком верьте грозным сообщениям из Сельви. Больное место на Шипке, а не здесь. Султан в Казанлы-ке. Две турецкие колонны взлетели на воздух, но не успели еще обломки упасть, как следующие колонны шли в атаку — каково? Султан объявил, что проклянет армию, если она не возьмет Шипку. Повторяю — там больное место...»

Бесполезное стояние на месте выводило Скобелева из себя. Ведь гарнизон Шипки в это время изнемогал в неравной борьбе. Пренебрегая дисциплиной, Скобелев бомбардировал Ф.Ф.Радецкого и Святополка-Мирского письмами, доказывая необходимость идти на помощь войскам на перевалах. Дорогу он разведаль, и она пригодна даже для артиллерии. 14 августа он писал Мирскому: «Потрясающее впечатление... о положении наших на Шипке заставляет меня высказать вам мое глубокое убеждение: неприятель искусно маневрирует, отвлекая часть наших сил от сражения на перевале. *Немедленное* прибытие 9 батальонов может иметь *решающее значение* в нашу пользу... В данный момент Сельви не угрожает *никакой* опасности... Только что с двумя сотнями из-под Ловчи; никаких признаков значительных сил».

Скобелев правильно определял положение. Опасения движения турок из Ловчи с ее небольшим гарнизоном были совершенно беспочвенными. Выхода же Османа из Плевны следовало опасаться лишь в том случае, если бы Сулейман прорвался через перевал. На следующий день Скобелев вновь писал Радецкому: «Вверенный мне отряд, по моему убеждению, бесцельно стоит впереди Сельви... Между тем присутствие в бою на Шипке 4-х отличных батальонов... могло бы иметь большое значение... Начальник штаба вверенного мне отряда капитан Куропаткин объяснит вам, на основании каких дисциплинарных соображений я беру смелость прямо обращаться к вашему превосходительству». Не добившись результата и потеряв терпение, Скобелев 16 августа направил Радецкому новое письмо, прося разрешения ударить турок, атакующих Шипку, с тыла. Не решаясь взять на себя ответственность, Радецкий ответил Скобелеву, что пере-

слал его предложение Непокойчицкому. Но тот по-прежнему боялся за Сельви!

Наконец, 19 августа перед Скобелевым открылась перспектива активного действия: его отряд был включен в качестве авангарда в большой отряд генерала А.К.Имеретинского, предназначенного для овладения Ловчей. К счастью для Скобелева, Имеретинский не стеснял его инициативы. Как вспоминал много лет спустя участник ловченского сражения Е.К.Андреевский, «Имеретинский при мне в ответ на обращение к нему Скобелева, который сказал, что уже наметил себе многое в предстоящем деле и просит лишь снисходительно посмотреть на некоторую его самостоятельность... ответил ему: — Михаил Дмитриевич, было бы странно, если бы я вздумал строить из себя человека, знающего больше, чем ты... Ты своим большим умом поймешь, где и насколько тебе надлежит пользоваться тем *plein pouvoir*, который я тебе охотно предоставляю... — Да, — ответил Михаил Дмитриевич, — лучшего я ничего не мог и получить от тебя в ответ на обуревавшие меня мысли...».

Не часто Скобелеву приходилось встречать такую доброжелательность. Воспряв духом, он развернул бурную деятельность, разработал план действий и того же 19 августа послал Имеретинскому записку следующего содержания: «Задача: взять город Ловчу с возможно меньшими потерями». Дальше излагался план, в основе которого лежали принципы, выработанные Скобелевым еще в Туркестане и ставшие основой его полководческого искусства: «Основные принципы:

- 1) Тщательное знакомство с местностью и расположением противника.

2) *Обширная артиллерийская подготовка с дальних и близких позиций.*

3) Постепенность атаки.

4) Содействие фортификации.

5) Сильные резервы и экономное их расходование».

Весь русский отряд насчитывал 25 батальонов пехоты, 1 эскадрон и 14 сотен кавалерии, 2 саперных взвода и 98 орудий. Турок было в Ловче 8 тысяч (из них 2, 5–3 тыс. черкесов и башибузуков) при 6 орудиях, но это были дальнобойные орудия, которых не было у русских. Превосходство наступающих в живой силе было пятикратным, в артиллерии почти шестнадцатикратным. Однако город был окружен высокими холмами, позволившими туркам создать сильную оборону. Командовала над местностью гора Рыжая, расположенная на правом, восточном берегу реки Осмы. На ней противник организовал главный пункт обороны. На западном берегу располагалась вторая позиция турок, в том числе сильный редут. Рельеф местности позволял создать здесь вторую Плевну, но сил для этого у турок было мало. Командовал турецким войском Рифат-паша.

Исследователями давно отмечалось, что опасность Ловчи для Западного отряда была надуманной, силы турок были для этого слишком незначительными. Занятие Ловчи Османом стало его большой ошибкой, так как 8 таборов оченьгодились бы в Плевне, но оказались бесполезны в Ловче. Что же касается решения русского командования о взятии Ловчи, то его никак нельзя назвать ошибкой. Ловча была важным узлом коммуникаций, через нее шли дороги на Плевну, Сельви, Траян, через нее Осман-паша получал подкрепления от Сулеймана. Окружение Плевны без взятия Ловчи было неполным. Необхо-

димось ее ликвидации станет еще очевидней позже, когда будет принято решение о блокаде Плевны. Кроме того, взятие этого сильно укрепленного пункта имело бы большое значение для поднятия морального духа войск Западного отряда, терпевших неудачи под Плевной.

Атака Ловчи велась двумя колоннами: правая под командованием генерала Добровольского наносила демонстративный удар по левому флангу турок с целью отвлечь их внимание от Рыжей горы. Левая, скобелевская колонна, включавшая основную массу наступавших сил, наносила главный удар, за ней двигался резерв под командованием генерала Энгмана. С севера и северо-запада, с юга и юга-запада наступление прикрывала конница. Для подавления вражеской обороны и уменьшения потерь планировалась сильная артиллерийская подготовка.

Наступление началось с непредусмотренного препятствия: турецкие снаряды долетали до изготовившейся к атаке колонны Добровольского, огонь же русской артиллерии, подготовлявшей атаку, был малоэффективным. Добровольский принял правильное решение: не дожидаясь результатов артподготовки, он без приказа атаковал турок и отбросил их на левый, западный берег Осмы, где стоял сам город.

Скобелев решил сначала захватить возвышавшиеся на восточном берегу Осмы, против Ловчи, командующие высоты, чтобы обеспечить выгодную позицию для наступления. Дойдя до высот без боя, войска встретили огонь с двух из них. Третью, прикрытую слабой цепью конников, заняли почти без сопротивления и назвали ее Счастливой. Овладев затем двумя другими высотами, Скобелев приказал установить на них артиллерию, а когда обнаружил неточность стрельбы, отправился на бата-

рею. Здесь он увидел, что прислуга прячется в ровиках от крупнокалиберных снарядов турок. В это время на позицию упал снаряд. Скобелев остался на месте и, успокоив солдат, сказал: «Теперь сам приказываю вам при приближении снарядов прятаться в ровики, затем посылать ответ».

Около 12 часов колонна Скобелева с распущенными знаменами и при поддержке артиллерии перешла в наступление, держа направление на Рыжую гору. Встретив сравнительно слабое сопротивление, войска почти без потерь захватили этот важный пункт, Скобелев же расположился на площадке, карнизом висящей над городом. Турки продолжали вести огонь из заречного редута, но теперь огонь и русской артиллерии стал действенным. При ее поддержке войска ворвались в город и овладели им после короткого боя. Один из батальонов Эстляндского полка, состоявший из новобранцев, дрогнул и побежал через кладбище. Для ободрения людей Скобелев прибег к приему, который он не раз применял впоследствии: выстроив батальон, он проделал короткое учение ружейным приемам и, когда солдаты пришли в себя, отправил батальон по назначению.

Взятием турецких позиций на правом берегу Осмы и города закончился лишь первый этап ловчинского сражения. Оставались еще укрепления, расположенные за рекой. Их атака началась в 14 часов. На левый фланг турецкой обороны наступала колонна Добровольского, на правый — колонна Скобелева, с тыла позиции противника охватывала конная бригада Тутолмина. Перейдя реку, Калужский и Либавский полки скобелевской колонны попали под сильный огонь турок. Трудность продвижения вызывалась открытым характером местности. Впереди возвышалась только мельница с окружавшими ее не-

сколькими деревьями. Нарушая обычный порядок наступления, солдаты по своей инициативе стали передвигаться к мельнице перебежками, небольшими группами. Потери резко сократились. Солдатское изобретение, сделанное под давлением необходимости, положило начало новой тактике атаки. Так же перебежками полки приблизились к высоте и, следуя ее обрывистым склоном, атаковали траншеи. Одновременно Ревельский полк ударил туркам во фланг. Не выдержав штыкового удара, турки бросили траншеи и бежали к редуту.

Занятые в зоне действия скобелевской колонны защитой своего левого фланга, турки отвлеклись от правого. Этому момента ждал Скобелев, находившийся на своем левом фланге с семью батальонами. Как всякий настоящий полководец, он безошибочно выбрал момент для атаки. В 17.30 он лично, с музыкой и распущенными знаменами, повел свои батальоны на правый фланг турок. Внушительное зрелище уверенно наступавших русских войск, уже чувствовавших близкую победу, деморализовало турок. Оставив траншеи, они бросились к редуту, но редут был одновременно атакован калужцами, либавцами и ревельцами. Теперь турки уже не отступали, а бежали. До самой темноты их преследовала кавалерия Тутолмина. Разгром противника был полный. Из 8-тысячного гарнизона спаслись всего 400 человек. По подсчетам турок, они потеряли только убитыми две тысячи человек. Русские потери убитыми и ранеными составили 1700 человек. Принимая во внимание силу турецкой позиции и дальнобойность артиллерии, Ловчу следует расценить как большой успех, пример хорошо организованного и проведенного боя, выгодно отличавшегося от двух штурмов Плевны. Заслуга победы принадлежала Скобелеву. Успех дела еще до штурма был предрешен проведенной

им тщательной и всесторонней подготовкой. Ловча показала, на что способен Скобелев, когда ему дается хотя бы относительная самостоятельность.

После Ловчи положение турок в Плевне ухудшилось, связь их с Сулейманом была теперь затруднена. Русское же командование решило, что пришло время покончить с Плевной. Наученное горьким опытом двух неудач, оно готовило новый штурм очень тщательно. Решено было провести длительную и сильную артиллерийскую подготовку. Артподготовка длилась четыре дня, но разрушить укрепления не удалось несмотря на огромный расход снарядов, который вызывал, по словам начальника артиллерии генерала Н.Ф.Масальского, большие трудности в их пополнении. Это в некоторой степени повлияло на исход штурма. Гораздо важнее были ошибки плана. Главная из них заключалась в неверном направлении главного удара. На западе Плевна была почти не укреплена. Имелась полная возможность, обойдя укрепления, атаковать лагерь с этой стороны. Но диспозиция предусматривала штурм с трех других, самых укрепленных сторон, да и разослана она была всего за несколько часов до штурма. Большим недостатком подготовки было и то, что разведка своевременно не установила всех турецких укреплений. Наконец, и время начала штурма было выбрано неудачно, после долгого ливня и при морозящем дожде, размокшей почве и плохой видимости.

Успешно развивалось наступление только на левом фланге, где штурмом руководил Скобелев. Самой близкой к русским турецкой позицией был третий гребень Зеленых гор, за ним располагалась система редутов, протянувшихся к северо-востоку, по направлению к городу. Основным укреплением были редуты, получившие название скобелевских: Каванлык (№ 1) и Иса-Ага (№ 2).

Путь к этим редутам, являвшимся ключом всей обороны, преграждал глубокий и обрывистый овраг, по дну которого протекал Зеленогорский ручей с одним непрочным мостиком. Редуты соединялись глубокой траншеей, на самом гребне, при подъеме из лощины, были отрыты окопы для стрелков. Задачу предстояло решить очень трудную, тем более что разведка не дала сведений о существовании трех редутов к западу от редутов № 1 и 2.

Общий штурм был назначен на 15 часов. Чтобы приблизиться к турецким редутам и обеспечить выгодную исходную позицию для атаки, Скобелев решил сначала захватить гребень Зеленых гор. После короткой артподготовки в 10 часов стремительной атакой турки были сбиты с гребня, а их попытки вернуть позиции отражены. В 15 часов вместе с другими войсками скобелевцы пошли в атаку. Но удачно начатое наступление встретило сильное и даже неожиданное сопротивление врага. Войска попали под огонь с востока, справа, из редутов Араб-табий и Омар-бей-табий, с фронта и с запада, слева, в том числе из редутов Таль-ат-табий, Милас-табий и Баглар-баши, о существовании которых в отряде Скобелева никто не знал. Владимирцы, суздальцы и два приданных им батальона стали нести большие потери и залегли у ручья. Скобелеву пришлось двинуть им на помощь из резерва Ревельский полк. Но атака снова была остановлена. В резерве оставались только Либавский полк и два батальона. Видя, что чаша весов колеблется и медлить нельзя, Скобелев послал в бой этот последний резерв. Но перелома и теперь добиться не удалось. Резервов больше не было.

Тогда Скобелев поступил так, как он всегда поступал в критические моменты боя. Верхом на коне, с обнаженной шашкой в руке, он бросился вперед, увлекая за

собой солдат. Вот как описывает этот момент его начальник штаба А.Н.Куропаткин, оставивший не только наиболее достоверные воспоминания о действиях Скобелева в этой войне, но и один из наиболее обстоятельных военно-ученых трудов:

«Успех боя окончательно заколебался... Тогда генерал Скобелев решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв — *самого себя*. Неподвижно... стоял он верхом... окруженный штабом, с конвоем и значком. Скрывая волнение, генерал Скобелев старался бесстрастно-спокойно глядеть, как полк за полком исчезали в пекле боя. Град пуль уносил все новые и новые жертвы из его конвоя, но ни на секунду не рассеивал его внимания. Всякая мысль лично о себе была далека в эту минуту. Одна крупная забота об успехе порученного ему боя всецело поглощала его. Если генерал Скобелев не бросился ранее с передовыми войсками, как то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что он смотрел на себя как на резерв, которым заранее решил пожертвовать без оглядки, как только наступит, по его мнению, решительная минута. Минута эта настала; генерал Скобелев пожертвовал собою и только чудом вышел живым из боя, в который беззаветно окунулся. Дав шпоры коню, генерал Скобелев быстро доскакал до оврага, опустил или, вернее, скатился к ручью и начал подниматься на противоположный скат к редуту № 1. Появление генерала было замечено даже в те минуты, настолько Скобелев уже был популярен между войсками. Турки... не выдержали... и бегом отступили... Кажется, в рядах турок замечалось колебание. Еще несколько тяжелых мгновений — и наши передовые ворвались с остервенением в траншею... Генерал Скобелев... из числа первых ворвался в редут. Внутри и около редута завяза-

лась короткая рукопашная схватка. Упорнейшие турки были перебиты, остальные отступили...»

В 16.25 воодушевленные скобелевцы выбили турок из редута Каванлык, а в 18.00 под натиском трех сборных рот во главе с подполковником Мосцевым пал редут Иса-Ага. Турецкая оборона была сломлена. Впереди, перед городом, укреплений уже не было. Оставалось только направить войска из резерва для овладения самим городом. Момент был решительный, промедление грозило гибелью. Но командование, одержимое страхами о надуманной угрозе на других направлениях, игнорировало призывы Скобелева о подкреплениях. Тем временем опомнившиеся турки усилили огонь и начали контратаковать. Понесшим большие потери скобелевцам приходилось отчаянно трудно: они не спали три ночи, не имели продовольствия, шанцевого инструмента. Чтобы хоть как-то прикрыться от огня, окапывались штыками и руками, использовали для сооружения бруствера трупы своих и чужих солдат. За ночь Осман-паша собрал войска со всех, ставших теперь второстепенными, участков и из резерва и сосредоточил против взятых редутов 15 свежих таборов. Утром следующего дня (31 августа) на скобелевских редутах начались бои, превосходившие по своему ожесточению все, что было накануне. Турки пошли в атаку под исламским зеленым знаменем, с пением мулл, позади наступавших следовали заградительные отряды, получившие приказ стрелять по всем, кто сделает хоть шаг назад. Четыре, следовавшие одна за другой, турецкие атаки были отбиты.

Что происходило тогда на редутах, можно представить по следующему донесению Скобелева: «Редуты представляли к этому времени (3,5 часа пополудни) страшную картину. Масса трупов русских и турок лежала

грудами... На редуте № 2 часть бруствера, обращенного к гор. Плевне, была сложена из трупов. На редуте № 1 три орудия... были частью исковерканы и лишены прислуги и лошадей». Как выглядел сам Скобелев, рассказывает Мак-Гахан: «Это было олицетворение воинского исступления. Одетый в мундир, обрызганный кровью и грязью, со сломанной шпагой в руке (ее переломила турецкая пуля. — *В.М.*) и согнутым Георгиевским крестом... с лицом, почерневшим от дыма и пороха, и глазами, блуждающими и налитыми кровью, высохшими губами и хриплым голосом, Скобелев отдавал приказания среди трупов и раненых».

После отражения четвертой турецкой атаки стало ясно, что удержать редуты остатками измотанных непрерывными боями немногочисленных войск Скобелева невозможно. Скобелев дал приказ подобрать раненых и отходить. Только доблестный майор Ф.М.Горталов отказался покинуть редут и, когда в 16.30 началась пятая атака врага, бросился на турок и был ими поднят на штыки. Героизм и все жертвы оказались напрасными, победа, которая, казалось, была уже достигнута, снова ускользнула. Однако, несмотря на общую неудачу, благодаря захвату главных редутов и стойкому сопротивлению турецким контратакам столь небольшими силами, «оставшиеся в живых вынесли сознание, что поддержали славу своих знамен», — доносил Скобелев в рапорте.

После оставления редутов Скобелев стал энергично укреплять второй гребень Зеленых гор. Но саперов ему не дали, прислали, наконец, один Шуйский полк. «Поздно, — сурово, сквозь зубы проговорил Скобелев. — Двумя часами раньше мне нужно было только бригаду, теперь же этот полк может только прикрыть отступление. Да и что это за полк, когда в нем только 700 штыков! Это

батальон, хоть и с тремя знаменами». Все же шуйцы помогли. Когда турки атаковали позиции на гребне, они были отбиты дружным огнем батарей и ружей, и две сотни казаков под личным предводительством Скобелева гнали их до оврага.

Третий штурм Плевны стоил 13 тысяч погибших русских и трех тысяч румын (Румыния вступила в войну в августе 1877 г.). Главной причиной новой неудачи была неспособность командования правильно оценить положение, соответственно распределить силы и направить резервы на развитие успеха, достигнутого на скобелевских редутах. По подсчетам А.Н.Куропаткина, на главном направлении действовали 22 батальона, а на второстепенных — 84. Но есть верные сведения и о том, что командование понимало решающее значение скобелевских редутков. Об этом после осмотра позиций еще до штурма говорил состоявший при ставке генерал Левицкий, один из авторов диспозиции и старый недруг Скобелева. После штурма его открыто обвиняли в сознательном лишении Скобелева поддержки с целью сведения личных счетов. «Россия и армия клянут Николая Николаевича, и Левицкого, и Непокойчицкого... у нас только один Скобелев и умеет водить войска на штурм», — писал М.Газенкамф. Однако и турки были деморализованы упорной борьбой русских. После падения Плевны Осман-паша и его генералы говорили, что если бы их последняя, пятая атака была отбита, они отступили бы, оставив Плевну.

Третья Плевна своей кровопролитностью потрясла Скобелева. «До третьей Плевны я был молод, оттуда вышел стариком! — сказал он Немировичу-Данченко. — Разумеется, не физически и не умственно... Воспоминания об этой бойне — своего рода Немезида, только еще более мстительная, чем классическая». В то же время, по

справедливому замечанию Н.Н.Кнорринга, эта третья атака Плевны — самый яркий и патетический момент за всю жизнь Скобелева, волнующий своим высоким трагизмом и внутренней силой. В этом эпизоде Скобелев предстает во всей своей простоте и самоотверженности. Как никогда убедительно и ярко, сейчас проявилось его пренебрежение своим «я», самой своей жизнью ради победы, армии, родины. За свою боевую жизнь Скобелев совершил много подвигов. Но третью Плевну, думается, с полным основанием можно считать звездным часом всего его боевого пути. Чрезвычайно поучительным оказался штурм и в чисто военном отношении. «Для немецких стратегов, зорко наблюдавших за карьерой белого генерала, этот штурм был своего рода классическим и вошел в учебники», — констатировал Кнорринг.

После третьей Плевны изменилось и отношение к Скобелеву царя и командования. 1 сентября он был произведен в генерал-лейтенанты, а в середине месяца получил 16-ю дивизию, ставшую его любимым детищем и вошедшую в историю войны как скобелевская. Скобелева хорошо уже знали и турки. Как писал Всеволод Крестовский, другой, наряду с Немировичем-Данченко, писатель-корреспондент, но, в отличие от последнего, начинающего, в литературе уже известный, «...сами турки уже знают Скобелева и, по рассказам пленных, называют его Ак-пашою (белым генералом). Это тот Ак-паша, что всегда впереди русских, говорили они, отвечая на вопрос, известен ли им Скобелев: да, мы знаем его, и когда мы видим его впереди, тогда нашим худо приходится, тогда мы грязи наедаемся (т. е. несем срам поражения), и прибавляли с фаталистическим вздохом: «Инш-аллах...Инш-аллах» (т. е. божья воля, или так богу угодно)».

Оценив значение Зеленых гор, дававших возможность приблизиться к турецким позициям, Скобелев решил овладеть этим важным пунктом. Захватив его, он занялся его инженерным укреплением. Турки стремились во что бы то ни стало вернуть потерянную высоту. 30 октября ночью шла сильная стрельба, записывал в дневнике ДА.Милютин. Это турки атаковали вновь занятую Скобелевым позицию на Зеленой горе. Атака отбита без наших потерь. 3 ноября. В эту ночь — сильная турецкая атака на позицию Скобелева. Турки отбиты, но мы потеряли 100 человек, и Скобелев контужен. 4 ноября. Опять на скобелевской позиции сильная перестрелка, Скобелев вновь ранен, но легко. Одна из контузий оказалась серьезной и, по мнению доктора Алышевского, стала причиной слабости сердца и преждевременной смерти Скобелева. «Хуже всего то, — писал Газенкамф, — что Скобелев сильно контужен в поясницу и теперь лежит. Смерть его была бы всероссийским бедствием, ибо сомнения нет, что он уже сделался народным героем». Но, как ни странно, солдаты, которые сами видели Скобелева контуженным, по-прежнему оставались при убеждении, что он «заговорен».

Скобелев отправился в Бухарест подлечиться и отдохнуть. Отдых, правда, получился довольно своеобразным. Большую часть времени Скобелев проводил за рабочим столом. Вечерами же он нередко появлялся в местном обществе, иногда и крепко кутил. Румыны полюбили молодого, обаятельного, уже овеванного громкой славой генерала, а румынки — еще больше. От них просто не было отбоя. Скобелев любил женщин и не скрывал своего интереса к ним. Но на этот раз он не был расположен к приключениям подобного рода. Он все еще не мог забыть бруствер из трупов и поднятого на штыки Горта-

лова. На этой почве у Скобелева произошел забавный эпизод. Молодая, красивая и эксцентричная валашка прислала ему записку с предупреждением, что придет завтра. О записке забыли. На другой день Скобелев сидел со старым и дряхлым генералом С. Вдруг лакей докладывает о приходе дамы. Скобелеву пришла спасительная мысль: " — Ваше-ство, выручите меня!

— В чем?

— Да вот, обратилась ко мне одна женщина... Она меня никогда не видела... Скажите ей, что вы Скобелев.

С. улыбается. Ему нравится эта мысль... Генерал, явившийся Скобелевым, потом рассказывал свои впечатления:

— Помилуйте, дура какая-то... Я ведь не таких, как она, в Венгрии видывал! В 48 году! И всего только 30 лет назад!.. Посмотрела на меня, да как расхохочется...»

Румынка же говорила:

«— У русских понятие о молодости очень оригинальное!.. Скобелев, по-ихнему, молодой генерал... Я его видела — просто старая обезьяна, да и к тому же еще с облезшей шерстью!»

В Бухаресте произошло знакомство Скобелева с Э.И. Тотлебенем, знаменитым организацией инженерных работ при обороне Севастополя. Он направлялся в Западный отряд, куда был вызван после неудачи третьего штурма для организации блокады Плевны. Для этой роли, когда требовались прежде всего такие качества, как методичность, осмотрительность, система, более подходящего командующего подобрать было нельзя^[7].

⁷ Западным отрядом номинально командовал румынский принц Карл, фактически

Тотлебен умело организовал осаду. Для обеспечения полной изоляции плевненского гарнизона было решено прервать его сообщения, что требовало овладения турецкими укрепленными позициями, расположенными к югу и юго-западу. Эта задача была выполнена 50-тысячным отрядом под командованием И.В.Гурко, в упорных боях взявшим Горный Дубняк, Телиш, отбросившим деблокирующий отряд турок и занявшим удобные рубежи для перехода Балкан.

Участие Скобелева в этих событиях не было значительным. Под Горным Дубняком он отвлек турок ложной атакой, чем в некоторой степени способствовал общему делу. Его дивизия выполняла другую важную задачу — несла службу по обеспечению блокады. Мысли и усилия Скобелева были направлены на сплочение дивизии, состоявшей из сильно потрепанных в результате третьего штурма и получивших необстрелянное пополнение полков, на ее боевую выучку, приобретение боевого опыта. Цель его состояла также в том, чтобы вернуть потерянные после третьего штурма позиции и не давать туркам покоя ни днем, ни ночью, деморализовать их. Поэтому он не ограничивался пассивным наблюдением и стремился к активным действиям.

Здесь, под Плевной, оказались два столь нужных армии и столь же во многом различных генерала и человека — Скобелев и Тотлебен. Они близко сошлись и прониклись уважением друг к другу. Оба были боевыми генералами, преданными своему делу. В блокадной ситуации они хорошо дополняли друг друга. Все рекогносцировки мудрый и осторожный Тотлебен проводил с

— его начальник штаба генерал П.Д.Зотов. С прибытием Тотлебена Зотов вернулся в 4-й корпус, а Тотлебен занял его место.

участием Скобелева. Вдвоем они обсуждали результаты своих наблюдений и план обложения Плевны. «Когда же затем турки заняли возле Плевны Зеленые горы, Скобелев первый увидел, насколько эта позиция будет опасна в руках турок общему плану осады Плевны, хотя, впрочем, это предвидел он много раньше. Самое взятие им Зеленых гор — дело столько же храбрости, сколько искусства, особенно инженерного искусства, что привело в восторг даже самого Тотлебена...» — вспоминал автор парижской брошюры.

В дальнейшем, однако, между Скобелевым и Тотлебенем наметилось некоторое расхождение. Слишком они были противоположны. Один был сама осторожность, другой весь — порыв. Во время блокады действия Тотлебена Скобелев находил чрезмерно выжидательными. Окончательно их расхождение обозначилось после падения Плевны. Тотлебен был и теперь за методичную войну: требовал обратить главное внимание на осаду Руссук-ка, возражал против перехода Балкан. Это противоречило обручевскому плану войны и обрекало армию на пассивность. В своей критике этих предложений Скобелев был безусловно прав. Кроме того, Тотлебен не понимал и не разделял дорогую для Скобелева славянскую идею, даже не сочувствовал целям войны. «Мы вовлечены в войну мечтами наших панславистов и интригами англичан, — писал он. — Освобождение христиан — химера... Их задушевное желание — чтобы их освободители по возможности скорее покинули страну». Самого Скобелева Тотлебен охарактеризовал так: «...генерал Скобелев — герой, какого редко встретишь, *mais un homme sans foi, ni loi*» (но человек без веры и закона). Вообще «осторожный и спокойный Тотлебен не особенно долюбивал горячих храбрецов».

В боевой обстановке, требовавшей постоянного напряжения всех сил, душевные раны, полученные Скобелевым по возвращении из Ферганы, стали если не закрываться (полностью они никогда не закрылись), то успокаиваться. В письме К.П.Кауфману из-под Плевны от 13 октября 1877 г. он сообщал, что туркестанцы показали себя на этой войне отлично: «...в настоящую кампанию в глазах общества значение Туркестана как боевой школы значительно поднялось; этому помогло и геройское поведение всех наших офицеров, служащих в болгарском ополчении, и чрезвычайное боевое самолюбие нижних чинов Туркестанского округа перед неприятелем...» Он с удовлетворением писал о ласке государя: «Ласка государя ко мне, при всех случаях, не знает пределов. Последний раз за обедом я, конечно, сел за стол с последними: это ведь не в деле. Государь тотчас же послал за мной Войекова и меня усадили против князя Суворова, который сидел по правую руку государя. За обедом он почти исключительно говорил со мною и, наконец, подняв бокал, пил мое здоровье... Кланяйтесь Виталию Никитичу (Троцкому. — *В.М.*); я ему так много обязан и искренно его люблю... Мы готовимся». Последние слова следовало понимать: готовимся к подвигам.

Казалось бы, ласка государя, повышение по службе, которое вскоре произойдет, были достаточным основанием, чтобы забыть о мартовском приеме и спокойно продолжать службу. Но Скобелев иначе смотрел на дело. Поскольку государь не возвращался к обсуждению его губернаторства и лишь благодарил его за подвиги, получалось, что Скобелев был и остался виновным, но заслужил прощение своим поведением на войне. Против этого и восставала оскорбленная честь Скобелева, который в течение всего уже довольно долгого периода, прошедшего

с марта 1877 г., постоянно анализировал свою деятельность в Фергане и каждый раз приходил к выводу о своей невинности и о незаслуженности нанесенной ему обиды. Направление мыслей и намерения Скобелева отразились в его письме дяде от 7 августа 1878 г., когда война уже окончилась и на параде 5 августа объявили указ о демобилизации армии, а сам Скобелев был уже генерал-лейтенантом и командовал войсками 4-го корпуса (копия с собственноручного черновика).

Уважаемый дядя!... Чем более проходит времени, тем более растет во мне сознание в *совершенной* моей невинности перед государем, а потому и чувство глубокой скорби не может меня покинуть...

Не мне судить о моей службе в Дунайской действующей армии в минувшую кампанию, но: я присутствую при ее расформировании с совершенно спокойною совестью, с тем же чувством, с каким 19 месяцев назад оставлял службу в Туркестанском крае. Я глубоко тронут милостью, которою государь император удостоил меня под Плевной и, конечно, век не забуду. Но, добрый дядя, только обязанности верноподданного и солдата могли заставить меня временно примириться с невыносимую тяжестью моего положения с марта 1877 г. Я имел несчастье потерять доверие, мне это было высказано и это отнимает у меня всякую силу с пользою ддя дела продолжать службу. Не откажи поэтому, добрый дядя, своим советом и содействием для отчисления меня от должности, с зачислением, на первое время, по запасным войскам. Я не желаю делать чего-либо поспешно или неосновательно, а потому и обращаюсь к Тебе, вполне полагаясь на Твое решение.

В армии я сжился как нельзя лучше. Уверен, что ген. — ад. Тот. (Тотлебен. — *В.М.*) в свое время это подтвердит. Еще вчера, на параде, ему угодно было особенно благодарить вверенный мне корпус; вниманием князя Дундукова я издавна пользовался; с подчиненными отношения мои создались и окрепли целым рядом боевых испытаний и, наконец, побед; оккупация меня не пугает — служить по захоlustьям, после Туркестана, мне дело обычное; следовательно, причины моего решения Тебя беспокоить вышесказанным — нравственные — истекающие из веры, что молчать значило бы признать себя виновным.

Ты знаешь, как я всем сердцем, всю страстью предан службе государя, я старался всегда доказывать на деле, где Бог позволял. Я всем доволен, всем удовлетворен, но ставлю свою и честь Скобелевского имени выше всего.

Тебя любящий и Тебе всем благодарный *М.Скобелев.*

Письмо многое объясняет. Скобелев прямо говорит о том, что его мучит. Смысл письма в том, что лишь долг заставил его на время примириться с незаслуженной обидой, но теперь, когда война окончена, он не может продолжать служить как ни в чем не бывало, потому что «ставит свою и честь Скобелевского имени выше всего». Он даже готов уйти в запас, чтобы (так, наверное, следует понимать) совсем оставить службу. Можно ли верить в искренность этого намерения, зная безграничную любовь Скобелева к военной службе, вне которой он не мыслил своей жизни? На наш взгляд, при этих обстоятельствах — без сомнения.

Никакие чины и блага не могли заставить его забыть о чести, а честь была оскорблена. Чего же он добивался? По-видимому, какой-то формы реабилитации. Посоветовать и что-то предпринять в этом направлении мог только дядя.

На службе Скобелев все же, как мы знаем, остался. Новые важные поручения и новая война снова поставили на первый план интересы дела, а слава национального героя, которую он, вернувшись из Болгарии, встретил на родине, послужила бальзамом для его душевных ран. Указаний, что А.В.Адлерберг после приведенного письма говорил с Александром II и тот на словах передал для Скобелева что-то успокаивающее, нет. Но, как мы покажем ниже, после турецкой войны Скобелев не раз был принят царем и имел с ним беседы по поводу новых поручений и назначений. Трудно допустить, чтобы во время этих приемов не возник вопрос о Фергане. Во всяком случае является фактом, что у Скобелева не осталось недобрых чувств по отношению к государю. Вину за все он приписал клеветникам.

На время турецкой войны приходится завершение формирования Скобелева как человека и военного. Теперь он был уже не тем юнцом, каким мы его видели в начале его службы. Конечно, недостатки у него, как и у всякого, были и сейчас. Но это уже не те недостатки, которые принесли ему такие неприятности в Туркестане. Человек сильной воли, Скобелев сумел оставить их в безвозвратном прошлом. Желание выдвинуться, конечно, осталось (а кто из военачальников его лишен?), но теперь оно достигалось только теми средствами, которые допускало строгое отношение к выполнению воинского долга, дисциплина и самодисциплина. Недостатки теперь были другого рода. Гордый сознанием собственного пре-

восходства, окруженный любовью и поклонением подчиненных, он бывал временами капризен, вспыльчив, иногда даже несправедлив. Но все это никогда не доходило до самодурства. Скобелев был отходчив, научился быть строгим к себе и, если допускал несправедливость или другую ошибку, первым сознавал и исправлял ее. Вот характерный пример.

Во время третьего штурма Плевны, рассказывал в своих воспоминаниях П.А.Дукмасов, отчаянно храбрый хорунжий, выполнявший впоследствии самые рискованные поручения Скобелева, последний сказал ему, указывая на полусотню казаков:

«— Вот, посмотрите, Дукмасов. Этим господам я приказал выбить из огородов башибузуков. Опять ваши казаки... (тут генерал употребил крепкое слово), — продолжал Скобелев, заметно раздражаясь. — Поезжайте и скажите, чтобы сейчас же выбили эту сволочь!

Скобелев сильно задел мое казачье самолюбие. Вспылив и не сознавая, что говорю, я ответил:

— Если вы, ваше превосходительство, ругаете так нас, казаков, то я не могу исполнить вашего приказания.

— Как вы смеете рассуждать, хорунжий! — грозно крикнул Скобелев, весь вспыхнув. — Я прикажу вас расстрелять!

— Как угодно... Каждый из нас может быть расстрелян неприятелем, но, если прикажете, меня расстреляют свои пули».

У Скобелева между тем мгновенная вспышка прошла. Он протянул руку Дукмасову и с добродушной улыбкой сказал:

— Ну, извините меня, голубчик, я погорячился.

«Эта искренняя фраза, — объяснял Дукмасов, — еще более расположила меня к этому человеку, которым я был просто очарован...» В дальнейшем Дукмасов стал беззаветно преданным помощником и личным другом Скобелева.

Вот другое свидетельство, уже В.В.Верещагина: «...Скобелев положительно совершенствовал свой нравственный характер. Вот, например, образчик военной порядочности из его деятельности последних лет: на третий или четвертый день после Шейновской битвы я застал его за письмом.

— Что это вы пишете?

— Извинительное послание; я при фронте распек этого бедного Х., как вижу, совершенно напрасно, поэтому хочу, чтобы мое извинение было так же гласно и публично, как и выговор...»

Боевые донесения Скобелева теперь отличались точностью, лаконизмом, даже некоторой сухостью. Все заслуги он приписывал подчиненным. Его представления к наградам были составлены так убедительно, что ему невозможно было отказать. Все его ближайшие помощники имели очень много наград. Он не боялся около себя талантов и, напротив, выдвигал их, стараясь извлечь из них максимум пользы.

При русской армии во время этой войны было много иностранных корреспондентов и военных агентов. Здесь был старый друг Скобелева по Туркестану Мак-Гахан, были корреспонденты английских, американских, французских, немецких, итальянских газет — Форбс, Бракенбери, Каррик, Гавелок, Грант и другие. Они посылали о Скобе-

леве восторженные статьи, отзывались о нем как о восходящей звезде, военном гении. Хотя Скобелев, вопреки распространявшимся о нем недоброжелателями слухам (их опровержению был посвящен специальный материал в «Голосе минувшего» в 1914 г., № 6 и 9), не заискивал в корреспондентах, они все же тянулись к нему, предпочитали его обществу всякому другому. Объяснялось это просто: здесь они не только встречали искренние отношения, товарищескую обстановку, но было на что смотреть и о чем писать. Не только во время боя, но и в антракты в 16-й дивизии происходило что-нибудь интересное: учения, рекогносцировки, обсуждение итогов боевых действий. И общество самого Скобелева оказывалось интересным и поучительным. Здесь не иссякала живая мысль, шли и споры, и серьезные беседы, обсуждались не только военные, но и общественные, и научные вопросы. Всякий, кто имел интеллектуальные интересы, хотел чему-то научиться, в этом обществе был как дома. Больше всего иностранцев поражал сам Скобелев.

— Послушайте, да это какой-то профессор! — изумился немецкий военный авторитет Лигниц после знакомства со Скобелевым.

— Трудно сказать, чего в нем больше, ума или знаний, — резюмировал свои впечатления военный агент США Грин.

Рассказанное, что мы передаем со слов Немировича-Данченко, полностью подтверждается свидетельствами других лиц, например книгами Грина, генерала П.Д.Паренсова, начальника контрразведки, а потом начальника штаба у генерала Имеретинского, и всеми, кто посещал 16-ю дивизию. Теперь и В.В.Верещагин отзывался о Скобелеве совсем иначе. 3 декабря 1877 г. он писал из Плев-

ны брату Александру: «Я... еще раз убеждаюсь, что Скобелев молодец первой руки, и храбрец, и умница». Одним словом, Скобелев вполне сформировался как человек, как выдающийся военный специалист, мастер своего дела. Его дарование еще не вполне развернулось, его подчиненная должность не давала для этого достаточного простора. Но он созрел для выполнения крупных задач, требующих самостоятельности, инициативы и широты мышления.

Здесь придется на время отойти от последовательного изложения и рассказать (что я обещал выше) о моих поисках потомков другого, наряду с Е.В.Гущиком, ординарца Скобелева — П.А.Дукмасова. Другого подходящего места уже не будет.

В 50-х гг. я работал в Новочеркасском политехническом институте. Там у меня была студентка Дукмасова. Она мне запомнилась, наверное, из-за своей внешности: смуглая брюнетка с немного восточным типом лица. Потом, понятно, я о ней забыл, но, как часто бывает, новые события вызывают в памяти давно прошедшее и, казалось бы, прочно забытое. Когда я начал изучать Скобелева и читать Дукмасова, вспомнил эту студентку и подумал: П.Дукмасов после войны жил в Новочеркасске, где и кончил свои дни. Этот факт плюс совпадение фамилии не могут быть случайными, по-видимому, это люди одного рода, и тогда в этой семье могут храниться письма, документы, вещи тех времен. Я написал своему новочеркасскому другу, и оказалось, что в другом институте, где он работает, тоже есть Дукмасов. Но ни этот Дукмасов, ни та студентка, которая давно стала специалистом, ничего не могут сказать о своем далеком предке и не имеют никаких материалов. Но новочеркасский Дукмасов помог другим: он сообщил адрес ленинградской Дукмасовой, по

его словам, пожилой образованной женщины, которая знает о прошлом рода больше его и может дать сведения об ординарце Скобелева. Я написал в Ленинград и скоро получил большое, подробное и чрезвычайно интересное письмо. Написано оно очень грамотно, хорошим слогом и выдает культуру моего корреспондента. Хотя содержащаяся в нем информация мало связана со Скобелевым, она, как сейчас увидит читатель, имеет определенный самостоятельный исторический интерес.

Евгения Ивановна Дукмасова, которой сейчас далеко за семьдесят, по интересовавшему меня делу рассказала действительно больше, чем могли бы это сделать более молодые ее родственники.

Согласно преданию, бытовавшему в их семье, начало роду положил пленный шотландец Дук-Мас, осевший на Дону. О Петре Дукмасове Евгения Ивановна знала еще в детстве, но он не был ее прямым предком, ее деду он приходился двоюродным братом. После турецкой войны он действительно поселился в Новочеркасске и жил в семье родных, как полагает Евгения Ивановна, у брата. Он не был женат и умер рано, в конце прошлого века, не оставив потомства. Наверное, дала себя знать война. У брата же было много детей. В начале нового, двадцатого века произошло событие, которое сблизило обе ветви рода. У деда Евгении Ивановны Антона Ивановича был брат Аркадий Иванович, как большинство казаков, военный. Он окончил академию Генерального штаба и дослужился до чина генерала. Его сын Александр Аркадьевич, двоюродный брат отца Евгении Ивановны, женился на одной из дочерей брата Петра Дукмасова и поселился в том же доме, где жил скобелевский ординарец. Евгения Ивановна помнит этот дом, в котором бывала со своими родите-

лями. От этого брака в 1906 г. родился сын Борис Александрович.

Александр Аркадьевич был казачьим офицером, с первого дня войны 1914 г. он на фронте. Но его боевой путь сложился очень несчастливо. Он занимал должность заместителя командира полка, входившего в армию генерала Самсонова, одну из двух армий, выделенных Северо-Западным фронтом для Восточно-Прусской операции. Как известно, из-за фактического предательства генерала Ренненкампа удачно начатая операция потерпела крушение. Весь полк Александра Аркадьевича попал в плен. В ту войну лагерей смерти еще не было, но немецкие условия содержания военнопленных уже тогда были крайне суровыми, если не сказать жестокими. В России военнопленные пользовались относительной свободой. В 1917 г. многие из них примкнули к революции, а потом пошли на службу в Красную Армию. Немцы же содержали военнопленных в лагерях, обнесенных колючей проволокой.

Именно в Германии среди военнопленных возник особый род душевной болезни, получивший название «психоза колючей проволоки». Как ни странно, особенно тяжелыми были условия жизни офицеров. Их содержали в изолированных камерах замков и крепостей. На работы, чтобы не допустить общения с населением, их не посылали, разрешая лишь кратковременные прогулки на специально отведенных площадках. Подпоручик М.Н.Тухачевский также сидел в крепости (кстати, вместе с де Голлем и другими французскими офицерами). Он прошел все муки лагерного ада, совершил четыре неудачных побега и лишь пятый, когда ему удалось, наконец, пересечь швейцарскую границу, принес долгожданную свободу.

Можно представить условия жизни Александра Аркадьевича, заключенного в кенигсбергскую крепость. Побег был невозможен. К казакам немцы относились особенно жестоко. Да и куда бежать? Весь Кенигсберг и окружающий его район представляли сплошную крепость. Дукмасов провел в немецком плену несколько лет и вернулся на родину в результате обмена военнопленными в 1920 или 1921 г. Но свобода принесла ему только новые невзгоды. В семье его считали погибшим и не ждали. Главное же в том, что, как пишет Евгения Ивановна, «по тем временам это было более чем нежелательное родство, а сына надо было учить». Молодому читателю это может показаться непонятным. Но тогда только-только закончилась Гражданская война. Офицер в той обстановке представлялся явным или потенциальным врагом. Неважно, что он не был белым и даже не имел понятия о красных и белых. Достаточно того, что это был царский офицер, а тут еще и сын генерала. Жена немедленно уехала из Новочеркасска и увезла с собой сына. Не знаю, можно ли осуждать эту женщину: ведь она заботилась о сыне. Александр Аркадьевич остался один, без средств к жизни. Его приютил брат, врач-хирург, отец Евгении Ивановны. О своем дяде она пишет: это был «человек очень горькой судьбы. Немецкая неволя его раздавила, а кроме того, будучи в плену, он ничего толком не знал ни о революции, ни о становлении советской власти. Когда он вернулся в Россию, то так до конца своих дней не смог ни в чем разобраться. Никакой профессии, кроме военной, у него не было; это был человек, вышвырнутый из жизни. Умер он в 1926 г. Вот он хорошо знал всю родословную, очень интересовался геральдикой. Я хорошо помню, что он показывал мне родословное древо, состав-

ленное им, и очень сожалею, что по молодости лет не заинтересовалась этим и все куда-то пропало».

Сын Александра Аркадьевича Борис Александрович получил диплом инженера и незадолго до войны с гитлеровской Германией переехал в Ленинград. Когда началась война, он пошел добровольцем в ленинградское народное ополчение и в 1941 г. погиб на Лужском оборонительном рубеже. Его сын Владимир Борисович, родившийся в 1935 г., окончил вуз в Ленинграде и живет там же. К нему перешли хранившиеся в семье военные регалии Петра Дукмасова. Довольно скоро Евгения Ивановна связала его со мной. Его письмо оказалось не менее интересным. Инженер по профессии, он очень интересуется историей, много читает, кое-что пишет. На просьбу Евгении Ивановны сообщить мне что знает, он откликнулся «охотно, потому что разделяю, — писал он мне, — Ваш интерес к личности М.Д.Скобелева, нашего замечательного соотечественника, и надеюсь, что Ваша книга о нем, кроме познавательной ценности военно-исторической литературы и возрастающего интереса к подобной тематике, явится также вкладом в дело укрепления национального самосознания русских людей и воспитания патриотизма и верности отечеству и долгу». В первом письме Владимир Борисович лишь описал упомянутые регалии, так как раньше никак не мог обратиться к специалисту и еще сам не знал их значения. Чтобы дать мне необходимые сведения, Владимир Борисович выбрал время и побывал в военно-историческом музее у нумизмата, который провел квалифицированную атрибуцию. Выяснилось следующее.

Одна из наград — орден Анны с мечами. Им награждались только за военные заслуги. Бант утрачен, поэтому степень определить невозможно, но Владимиру Борисо-

вичу известно, что Петр Дукмасов был награжден Анной III степени. Носился этот орден в петлице мундира (I степень — на муаровой ленте на бедре, II — на шее, IV — на эфесе шашки). Другая награда — медаль «В память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.». Ею награждались участники непосредственно боевых действий по окончании войны. Она была трех степеней, которые легко определялись по цвету: серебряная, светло-бронзовая и темно-бронзовая. У Владимира Борисовича — светло-бронзовая. На ней (и на медалях других степеней) вычеканено библейское изречение: «Не нам, не нам, а Имени Твоему». Оно же начертано на фронте Казанского собора, чего Владимир Борисович никогда раньше не замечал (признаться, и я, во время своих поездок в Ленинград, тоже). Награды эти имеют малые размеры, поскольку были предназначены не для парадного ношения, а для повседневного, соответственно теперешним орденским колодкам. Такова же маленькая сабелька с золотым эфесом, с черными эмалевыми ножнами. Это — свидетельство награждения данного лица золотым оружием. Носилась также на груди. К этому можно добавить, что сохранилось, по-видимому, не все. Из литературы известно, что Дукмасов, как и другие порученцы Скобелева, выполнявшие его сопряженные с риском задания, имел много наград.

Вот история, которую, несмотря на ее весьма косвенное отношение к моему основному сюжету, я все же решил включить в книгу. Не только потому что она интересна сама по себе, но и потому, что судьба этого рода — кусочек истории, по-своему отражающий многие страницы истории всего народа. Она мало говорит о Петре Дукмасове и почти ничего о Скобелеве? Да. Но ведь история народа — это не абстрактное, не книжное понятие, это

история конкретных людей, в том числе наших современников, и генеалогические исследования обогащают наши общеисторические знания. А закончив чтение, читатель увидит в этой истории еще один смысл: она подтверждает внешнеполитические взгляды Скобелева, о которых речь пойдет в шестой главе.

...Тем временем положение плевненского гарнизона быстро ухудшалось, запасы продовольствия и боеприпасов истощились. Своевременно оставив Плевну, Осман еще мог спасти армию. Теперь же, когда войска Западного отряда, румыны и болгарские ополченцы плотно обложили лагерь, а войска И.В.Гурко и Н.Г.Столетова надежно закрыли перевалы для армии Сулеймана, спасения уже не было. Турки не сумели использовать трудный для русской армии второй, плевненский, оборонительный период войны, попытки наступления имели разрозненный, несогласованный и в общем неудачный характер. В этом безнадежном положении Осман-паша попытался прорвать кольцо блокады. 26 ноября Скобелев привел к Тотлебену перебежчиков из турецкого лагеря, сообщивших о последних приготовлениях Осман-паши к этой отчаянной попытке. Действительно, через сутки, в ночь на 28 ноября, построившиеся в глубокие колонны турки бросились в атаку на русские позиции. Удар обрушился на гренадер, которым пришлось отойти во вторую линию обороны. Но здесь противник сначала был остановлен перекрестным огнем, а затем подвергся русской контратаке. Окруженный превосходящими силами, раненый Осман-паша капитулировал, потеряв около шести тысяч человек. Было взято в плен 41 200 солдат, 2128 офицеров, 10 генералов.

Плевненская эпопея, стоившая стольких жертв, закончилась. Перестала существовать лучшая полевая ту-

рецкая армия, руководимая лучшим полководцем. Русская же армия, до сих пор скованная осадой, получала свободу действий, открывалась возможность перехода в наступление. Не только стратегическая, но и военно-политическая обстановка складывалась теперь в пользу России. 1 декабря объявила Турции войну Сербия. Война принимала характер общеславянской борьбы за полную ликвидацию османского ига.

Все москвичи знают памятник-часовню, стоящий на бульваре за Политехническим музеем. Но я не уверен, что всем понятно его значение. Этот памятник поставили на собственные средства, собранные вскладчину, полки гренадерского корпуса своим товарищам, павшим под Плевной при отражении прорыва турок. И пусть читатель внимательнее присмотрится к скульптуре. Она рассказывает сама (архитектор— В.О.Шервуд).

В занятой Плевне Скобелев был назначен комендантом. В знакомой уже ему административной должности он выказал не только умение, но и великодушие к побежденным. Турки прозвали его справедливым. Но они были недовольны тем, что конвоировать их он поручил болгарам. Скобелев так объяснил свое решение: «До сих пор болгары были рабами. Нужно, чтобы они поняли, что теперь они граждане и воины». В Плевне царь приехал к Скобелеву в дом, чтобы лично его благодарить. Предложив сопровождавшим его выйти из комнаты, он обнял и поцеловал генерала. Августейшая милость такой степени была редкостью. Царский поцелуй! Это значило много.

Относительно плана дальнейших действий возникли разногласия. Дело было зимой, переход через Балканы казался невозможным. Генералы Тотлебен, Радецкий, Святополк-Мирский, Дмитровский были против перехода,

за то, чтобы подождать до весны. Когда вопрос обсуждался в штабе главнокомандующего, Левицкий и Непокойчицкий панически реагировали на предложение о переходе Балкан. Левицкий «особенно волновался, хватался за свои довольно длинные волосы и восклицал: «Он погубит нас!» (о великом князе. — *В.М.*). Артур Адамович (Непокойчицкий), говорили, становился на колени, прося отменить распоряжения...» — вспоминал один из участников войны. «Один Скобелев уверен в успехе», — записывал в дневнике Газенкампф. Восторжествовала вновь, как и при принятии решения о блокаде Плевны и переходе к временной обороне, точка зрения Д.А.Милютина, предложившего следующий план: продолжать на левом фланге блокаду крепостей силами Руцукского отряда и всеми остальными силами идти через Балканы, разгромить противостоящие силы противника и наступать на Константинополь. Решено было двинуть через горы три отряда. Первым должен был перейти Араб-Конакский перевал отряд И.В.Гурко, за ним — Троянов перевал отряд П.П.Карцова и последним направлялся отряд Ф.Ф.Радецкого через Шипкинский перевал. 30 ноября план был одобрен военным советом с участием царя. Начинался третий, заключительный этап войны, период решительного наступления и ее победоносного окончания.

План был правильным и смелым, хотя и ставил перед войсками невероятно трудные задачи. Он обеспечивал внезапность и разрушал надежды турок на затяжку войны, на помощь стран Запада. Не только противник, но и военные люди всей Европы считали зимний переход Балкан невозможным. Известно, что в германском Генштабе даже убрали карту Балкан, как до весны не нужную. План предусматривал разновременное выступление отрядов (частных армий), чтобы сковать сначала софий-

скую, затем другие группировки противника и не допустить его маневра имевшимися силами. Выступив 13 декабря, Западный отряд Гурко совершил труднейший переход и, разгромив и частично отбросив турок, 23 декабря освободил Софию. В тот же день выступил Карпов и, несмотря на огромные трудности, также выполнил свою задачу. Теперь настала очередь отряда генерал-лейтенанта Ф.Ф.Радецкого.

Против Шипкинского перевала стояла вторая, как ее оценивали, по своему качеству после армии Османа армия Вессель-паши численностью 35 тысяч человек при 108 орудиях. Ее главные силы располагались в укрепленном лагере Шейново. В отряде Радецкого насчитывалось около 54 тысяч человек при 83 орудиях. План предусматривал наступление тремя колоннами, из которых центральная численностью около 12 тысяч под командованием самого Радецкого должна была сковать силы противника, угрожая ему с фронта и имея позади резерв, а две другие — обойти лагерь врага справа и слева и уничтожить его или пленить.

В левую колонну под командованием ветерана Кавказского фронта Крымской войны генерал-лейтенанта Н. И.Святополк-Мирского выделялось 19 тыс. человек с 24 орудиями. Она должна была пройти Травненским перевалом и к исходу 26 декабря достигнуть Гюсово. Правая колонна под командованием Скобелева насчитывала 16 тыс. человек и 14 орудий. Ей предстояло следовать Имитлийским перевалом и к концу того же 26 декабря быть в Имитли. По прибытии обеим колоннам надлежало совместно атаковать Шейновский лагерь, не допуская отхода Вессель-паши на юг. Поскольку колонне Мирского предстоял более длинный путь, она выступала утром 24-го, колонна Скобелева — в середине того же дня. При

этом не была учтена большая сложность маршрута движения правой колонны, что обусловило разновременность прибытия колонн к месту назначения. Кроме того, между ними не было установлено надежной связи. Так как телеграфный парк опоздал, обнаружить друг друга они должны были по звукам стрельбы начавшегося боя.

Предписания Радецкого, не одобрявшего переход, не отличались по этой причине решительностью и определенностью. В предписании Скобелеву от 23 декабря указывалась цель: занять деревню Шипку (а укрепленный лагерь турок был южнее, в Шейново). Указав далее на задание Мирскому, направленному в тыл войскам, занимавшим Шипку, и на движение Карцова, Радецкий продолжал: «Поэтому на первое время, по занятии нами деревни Имитлии, следовало бы там остановиться, устроиться и затем, если представится только благоприятный случай, атаковать Шипку, не ожидая прибытия генерала Карцова. Впрочем, это предоставляется вашему усмотрению, но долгом считаю предупредить, что резервов нет, так что ваше превосходительство должны рассчитывать в своих действиях на собственные силы. Отряд князя Мирского при самом счастливом движении через горы может начать свои действия не ранее 27 числа. Время прибытия генерала Карцова неизвестно. В случае атаки вами деревни Шипка, что будет видно с горы Николая, будет спущена оттуда бригада 14 дивизии».

Как видно, Скобелеву предписывалось стоять в Имитли, и атаковать лишь при благоприятном случае. К нерешительности действий толкало и указание об отсутствии резервов. Не указывалось на необходимость связи с Мирским и одновременность атаки. В предписании от 26 декабря в 9 часов утра говорилось более определенно: «...заняв Имитли 27 утром, идти на дер. Шипка и ата-

ковать неприятеля». Но в 9 часов вечера того же 26 декабря Скобелеву предписывалось: «Рассчитывайте ваше движение так, чтобы князь Мирский прибыл к Шипке раньше вас». Разновременность прибытия колонн и атаки, вызванная этими распоряжениями, повлекла за собой недоразумения, о которых я скажу ниже.

Получив приказ о долгожданном наступлении, Скобелев со всей энергией взялся за подготовку. От его внимания не ускользнули никакие мелочи. Он все продумал и настойчиво добивался экипировки своей колонны всем необходимым в пути и для боя. Помимо содержащихся в ЦГВИА документов, позволяющих проследить движение через Балканы не по дням, а по часам, существует достоверное и подробное описание перехода и дальнейших военных событий самими их участниками. Один из семи ординарцев Скобелева М.Имшенецкий вспоминал, что «...уже за месяц до ее (Плевны. — *В.М.*) падения Скобелев... заказал вьючные седла для всей 16-й дивизии... скоро он начал довольно неопределенно говорить нам:

— Берегите, господа, лошадей. Приготовляйтесь к большому и трудному походу.

Наконец, он объявил прямо, что мы идем на Шипку. И действительно, 10 декабря (по старому стилю. — *В.М.*) мы выступили». В приказе от 9 декабря Скобелев перечислял все, на что начальникам частей следует обратить внимание: оружие, боеприпасы, шанцевый инструмент, одежду, запас сухарей, крупы, живого скота, спирта. Он за свой счет одел солдат в полушубки, позаботился о набрюшниках, предписал закупать в пути хлеб у болгар, тяжелые и неудобные ранцы заменил вещевыми мешками. Всесторонность подготовки была следствием не только предусмотрительности, но и большого опыта горной вой-

ны, приобретенного в Испании и Средней Азии. После преодоления гор у Скобелева не было ни одного обмороженного.

Перед выступлением в поход Скобелев обратился к войскам со следующим приказом: «Нам предстоит трудный подвиг, достойный постоянной и испытанной славы русских знамен. Сегодня начнем переходить через Балканы с артиллерией, без дорог, пробивая себе путь в виду неприятеля через глубокие снеговые сугробы. Нас ожидает в горах турецкая армия; она дерзает преградить нам путь. Не забывайте, братцы, что нам вверена честь отечества... Да не смущает вас ни многочисленность, ни стойкость, ни злоба врагов. Наше дело святое и с нами Бог!» С особым воззванием Скобелев обратился к находившимся в составе отряда болгарским ополченцам: «Вы заслужили любовь и доверие ваших ратных товарищей — русских солдат. Пусть будет так же и в предстоящих боях». Войска встретили призыв Скобелева громовым «ура». «Спасибо, товарищи, я горжусь, что командую вами! — отвечал Скобелев. — Низко кланяюсь вам!» И, сняв шапку, он поклонился своему отряду. Как вспоминают все участники похода, настроение войск было превосходным, все верили в полный успех. Один из мемуаристов выразил общее мнение: «Мы все были твердо убеждены, что со Скобелевым никогда не проиграем дела».

В 18 часов 24 декабря выступил авангард под командованием старого туркестанского сослуживца и начальника Скобелева генерала Н.Г.Столетова с заданием в тот же день занять гору Караджу. На рассвете следующего дня выступили главные силы. Войскам приходилось преодолевать препятствия пути, по которому, как говорили болгары, зимой с трудом пробирались даже охотники. За 25 декабря колонна прошла всего 8 километров из на-

меченных шестнадцати. На подходе к Шипке войска около 10 верст буквально ползли в глубоком снегу и выбились из сил.

Успеху перехода немало помогла беспечность турок, уверенных в непроходимости Балкан зимой. Но их силы, хотя и небольшие, все же обстреливали колонну. Приходилось выбивать их с вершин и укрытий. В рекогносцировке одной из подобных позиций был тяжело ранен Куропаткин. Выбыл из строя начальник штаба, храбрый и хладнокровный офицер, хорошо дополнявший Скобелева. Новым начальником штаба был назначен подполковник граф Ф.Э.Келлер.

В ночь на 27 декабря авангардом отряда с помощью обходного маневра была занята Имитли, которую, как оказалось, турки покинули без боя. Цель была достигнута с опозданием на сутки. Но главные силы растянувшейся колонны были еще в горах. Колонна же Мирского уже вся спустилась с гор и отбросила турецкий авангард. В 8 часов утра 27 декабря до войск Мирского с запада донеслись звуки стрельбы (как выяснилось позже, это вел перестрелку Столетов). Считая себя обязанным атаковать, Мирский перешел в наступление. В 12.30 его войска заняли первую линию обороны противника. Контратаки турок были отбиты. Но и Мирский не имел сил атаковать дальше, в резерве у него было всего три батальона. Бригада генерала Шнитникова, действующая южнее, в тот же день, 27-го, без боя заняла Казанлык. По-видимому, правильнее было бы использовать этот отряд в составе главных сил, тогда бой 27 декабря мог бы иметь более решительный результат.

Слышу недоумевающие голоса не только дотошного, но и обычного читателя: ведь планировалась одновре-

менная атака двух колонн. Почему же Мирский вел бой один? Почему Скобелев его не поддержал?

Здесь-то и начинается цепь фактов и вопросов, вызвавших на Скобелева многочисленные, заслуженные или незаслуженные, нарекания. В час ночи 27 декабря Скобелев доносил Радецкому: «Быть готовым к атаке завтра в 12.00 со всеми силами оказывается почти невозможным, т. к., по страшной трудности дороги, главные силы до сих пор еще не спустились. Сделаю все от меня зависящее, чтобы атаковать турок завтра к вечеру, но во всяком случае и в котором часу бы то ни было, если увижу атаку левой колонны, поддержу ее, какими бы малыми силами я ни располагал. Считал бы все же предпочтительнее атаковать позже и буду действовать в этом смысле, если обстоятельства не переменятся».

Как видно из этого донесения, Скобелев собирался атаковать даже не всеми силами в случае, если бы было точно установлено, что левая колонна ведет бой. На следующий день, 27-го, Скобелев такие сведения имел. О стрельбе с той стороны, откуда ожидалось наступление Мирского, докладывали частные начальники правой колонны. Видеть мешал туман. В 12.55 и в 14.30 командир бригады болгарского ополчения полковник Вяземский докладывал Скобелеву об атаке левой колонны. Обязанный оказать помощь, но не собравший еще всех своих сил, Скобелев решил предпринять демонстрацию. В 14.00 он построил 9 батальонов и 7 сотен казаков с шестью горными орудиями. С развернутыми знаменами, под звуки оркестра эти силы двинулись на шейновский лагерь и, не переходя в атаку, на расстоянии 2000 шагов стали окапываться. Хотя обстановка требовала немедленно идти на помощь Мирскому, Скобелев в этот день так и не вступил в бой. К Радецкому он в 18.30 послал верхом ли-

хого Дукмасова с докладом, в котором сообщал, что сбор войск еще не закончил, что колонну Мирского не видел, поэтому не атаковал, атакует завтра. Посланного Скобелев просил не задерживать и передать директивы хотя бы устно. Дукмасов благополучно вернулся на следующий день с одобрением предложений Скобелева, когда сражение было уже в разгаре.

Мучительные колебания, ощущение какой-то своей неправоты заставили Скобелева созвать военный совет с участием Столетова и Келлера. Все единодушно высказались за невозможность атаки с имевшимися в готовности двумя полками. Келлер обвинял Скобелева в том, что страх возможных, пусть даже неизбежных упреков он ставит выше интересов дела, и брал ответственность на себя. Всю ночь Скобелев промучился, терзаемый сомнениями и сознанием определенной обоснованности будущих обвинений.

К вечеру 27-го левая колонна отбила атаку противника, но сам Мирский пал духом и потерял веру в победу. На военном совете он предложил отойти и ждать подкреплений. Против этого предложения решительно выступил командир батальона саперов полковник Свищевский, который, справедливо указывая, что бой далеко не проигран, обещал за ночь надежно укрепить позицию. Военный совет согласился с ним, и за ночь были спешно возведены укрепления. Вессель-паша, со своей стороны, использовал ночь для того, чтобы сосредоточить силы в восточных редутах лагеря, намереваясь в утреннем бою сокрушить левую колонну. Правой колонне он уже не придавал серьезного значения. Проведя в 6.30 утра часовую артиллерийскую подготовку, турки пошли в атаку, но, попав под сильный огонь с неизвестных им новых укреплений, были отбиты с большими потерями. Пресле-

дую их, войска Мирского захватили северо-восточную часть деревни Сикиричево, а на правом фланге — деревню Шипка и ближайший к ней редут, охватив, таким образом, оба фланга восточного фаса Шейновского укрепленного лагеря. Несмотря на этот большой успех, Мирский приказал, уже без военного совета, начать отход к Гюсово. Но теперь войска, руководимые генералом Кроком, просто не выполнили приказ растерявшегося командира. Они уже слышали шум боя с запада, видели, что турки оттягивают туда свои силы.

Утром этого же 28 декабря Скобелев собрал еще не всю колонну, но решил наступать. Согласно его диспозиции, наступление велось тремя линиями, расположенными последовательно в глубину до одного километра: передовой (3 батальона с шестью горными орудиями и 2 болгарские дружины), главными силами такого же состава и общим резервом из шести батальонов. Почти не имея артиллерии, Скобелев прибег к тактической новинке, которая себя с блеском оправдала. В первой линии он поставил батальоны, вооруженные берданками и совершенными для того времени ружьями Пибоди. Поддерживаемые двумя болгарскими дружинами, они провели эффективную ружейную подготовку. К этому времени была, наконец, установлена связь между колоннами (к Скобелеву прибыл посланец Мирского). Решено было начинать общую атаку. В 10 часов Скобелев подал сигнал.

Наступление началось двумя батальонами. Поскольку Вессель-паша получил возможность перебросить конницу с востока, где наступление колонны Мирского выдохлось, Скобелеву пришлось усилить правый фланг атакующей линии Углицким полком под командованием полковника Панютина, после чего редут № 2 был взят. Менее удачно шло наступление на редут № 1, на левом

фланге, где обороняющиеся получили подкрепление, а командир наступавших войск, возбужденный успехом соседей и рассчитывая на такой же быстрый успех, не применил разжиженный строй и движение перебежками, как Пинютин. Сильным огнем войска были остановлены и залегли. Положение спасли барабанщик Углицкого полка, который под огнем врага пошел вперед с барабанным боем, и Панютин, взявший у знаменщика знамя и понесший его вперед. Ободренные этим примером, войска стремительно атаковали и штурмом взяли редут. К 14.00 войска Скобелева заняли на правом фланге редут второй линии турецкой обороны, а на левом — редут, батарею и траншею. Вскоре правый фланг скобелевской колонны соединился с левым флангом возобновившей наступление колонны Мирского. Сковывающий отряд Радецкого атаковал противника с севера (эту невозможную по условиям местности атаку, стоившую больших жертв, Радецкий предпринял лишь потому, что не имел верных сведений о ходе сражения).

Около 15.00 Вессель-паша, в ответ на предложение о капитуляции, справившись о чине Скобелева, выкинул белый флаг. Но в горах турки, занимавшие высоты против отряда Радецкого, еще продолжали сопротивление. Предложение о капитуляции турецкий полковник отклонил. Тогда Скобелев отправил в сторону гор колонну с оркестром и через генерала Столетова вторично предложил капитулировать, предупредив, что в противном случае разгромит позицию с двух сторон и тогда пощады не будет никому. Предупреждение Ак-паши подействовало. Враг капитулировал.

— Все-таки мерзавцы, — прокомментировал Скобелев своей свите. — Сдать такие позиции!

При приеме капитуляции произошел непредвиденный эпизод. Была минута, когда Скобелев с несколькими ординарцами оставался один в окружении турок, у которых еще было оружие. Кто-то заикнулся о странности положения.

— Ну, вот еще! — недовольным голосом ответил Скобелев.

— Да, как бы вы поступили на месте турок? Скобелев улыбнулся.

— Сейчас же бы в шашки ударил!

Невозможно описать радость победы, охватившую войска при известии о капитуляции. От восторженного «ура» двух соединившихся колонн и отряда Радецкого вокруг дрожали горы. Солдаты, обнимаясь, поздравляли друг друга. Скобелев бы взволнован не меньше других. Находившийся около него В.В.Верещагин вспоминал: «Скобелев дал вдруг шпоры лошади и понесся так, что мы едва могли поспевать за ним. Высоко поднявши над головой фуражку, он закричал солдатам своим звонким голосом:

— Именем отечества, именем государя, спасибо, братцы!

Слезы были у него на глазах.

Трудно передать словами восторг солдат: все шапки полетели вверх, и опять, и опять, все выше и выше. — Ура! Ура! Ура! — без конца. Я написал потом эту картину».

Кстати, интересно, какое впечатление эта известная картина произвела на Мольтке. «На выставке картин Верещагина в Берлине, которая для военных была почти

запрещена (из-за пацифистского характера картин. — *В. М.*), перед этой картиной долго стоял Мольтке, оценив как пафос самого момента, так и грозную силу будущего главнокомандующего в грядущей русско-германской войне», — комментировал Н.Н.Кнорринг. Советую и читателям еще раз, внимательно осмотреть эту картину (немо-сквичам хотя бы репродукцию), помня, что она написана не по воображению, а участником события, и дает о нем представление такой же достоверности, как в наше время кинохроника или телевидение.

Победа была действительно полная и блестящая. Была ликвидирована вторая полевая армия из двух лучших, которыми располагала Османская Порта. Сравнительно небольшими силами путем двустороннего обхода и окружения было достигнуто пленение занимавшего укрепленную позицию и прикрытого горным хребтом 22-тысячного войска. Захвачены 83 орудия и другие богатейшие трофеи, большей частью английского происхождения. Шипкинско-Шейновское сражение составляет одну из ярчайших побед русской армии, ее боевую славу.

Военные историки давно согласились, что если почти пятимесячная задержка под Плевной была ошибкой командования, то зимнее наступление через Балканы и дальнейшее стремительное движение к Константинополю были спланированы и осуществлены превосходно. Впервые в истории войн происходил переход гор, занятых противником, на таком широком фронте и такими крупными силами. В общей сложности на фронте в 350 верст через Балканы перешло 110 тысяч человек с 250 орудиями. Действия начальников отрядов, исключившие свободный маневр противника, взаимодействие между отрядами были хорошо продуманы и организованы. Трудности перехода и героизм войск заставляют вспомнить пе-

реходы Альп Суворовым и Наполеоном. Но они переходили горы на узком участке и сравнительно небольшими силами. К тому же Суворов совершил свой переход в сентябре, а Наполеон во второй половине мая, в самое лучшее время.

Действия самого Скобелева заслуживают полного одобрения. Его руководство было безошибочным, тактические приемы — новаторскими. В этом штурме ему удалось избежать того, что так дорого обошлось во время третьей Плевны, — продольного обстрела наступающих войск с флангов.

Было, однако, недоразумение, омрачавшее лично для Скобелева радость победы и послужившее основой многих на него нападок: невступление в бой 27 декабря. Причины этого решения Скобелев изложил в рапорте Радецкому о действиях Имитлийского отряда от 3 января 1878 г. В нем он, в частности, мотивировал: «Предпринять в этот день что-либо против Шейново я считал невозможным:

- 1) вследствие позднего времени дня,
- 2) вследствие необходимости укрепиться на занятой позиции и, наконец,
- 3) главное — ввиду необходимости сосредоточить мои силы».

Эти соображения сами по себе совершенно правильны. Надо помнить и об отсутствии постоянной связи между колоннами. Стрельба не могла быть точным сигналом к вступлению в бой. Ведь стрельба с запада, которую Мирский воспринял как сигнал к атаке, была лишь перестрелкой авангарда. Рассуждая задним числом, Мирскому следовало убедиться, что в бой вступили главные силы

Скобелева, и лишь после этого начинать атаку. И все же остается фактом: Скобелев не поддержал товарища в бою. Добавляли и еще: преследование личных целей в бою, погоня за лаврами. Обвинение очень тяжелое. Серьезные основания в пользу как обвинения, так и оправдания Скобелева вызвали среди историков разногласия. Кнорринг, отметив, что «трудно произнести окончательный приговор по этому делу даже теперь», приходит затем к выводу, что обвинение в подчинении боевых задач личным интересам «следует снять со Скобелева окончательно».

Вполне законным будет вопрос: как же все-таки следует оценить положение и, в свете его, поведение Скобелева? И каково на этот счет мнение самого автора?

По-видимому, при вынесении приговора следует руководствоваться принципом боевой целесообразности. Даже атака основных сил Скобелева утром 28 декабря была сначала отбита турками. Следовательно, они далеко еще не были сломлены боем 27-го, и два полка Скобелева могли погибнуть не только без всякой пользы, но и к общей победе турок. Удар следовало наносить только сосредоточенными силами. А.Витмер, обстоятельно взвесив «за» и «против», пришел к выводу о несправедливости обвинений Скобелева, который в сложной, колеблющейся обстановке принял единственно правильное решение, обеспечив принцип концентрации сил. То, что Скобелев, несмотря на неизбежность упреков и обвинений, принял это решение, лишь делает ему честь. О вкладе Скобелева в общую победу четко говорят Советские Историческая и Военная Энциклопедии — они прямо указывают на «решающую роль» Скобелева в достижении победы.

Стратегическое значение Шипкинско-Шейновской победы было очень большим. В турецкой обороне образовалась широкая брешь, через которую открывался путь к столице империи. Армии Сулеймана и Восточно-Дунайская, блокированная Руцукским отрядом, были теперь разделены и изолированы. Учитывая обстановку, командование приняло решение немедленно наступать на Адрианополь. Наступление было решено вести отдельными колоннами, каждой из которых ставилась конкретная задача. Западному отряду И.В.Гурко надлежало двигаться на Филиппополь и далее на Адрианополь. С ним взаимодействовал менее многочисленный Троянский отряд П.П. Карцова, расположенный восточнее. Среднюю, центральную колонну составлял отряд Радецкого, предназначенный для движения от Шипки на Адрианополь. Слева наступавшие силы замыкал отряд Э.К.Деллинсгаузена, которому поручалось наступление на Адрианополь долиной р. Марицы. Численность всех наступавших войск вместе с общим резервом составляла 165 тыс. человек и 732 орудия.

Противник располагал значительно меньшими силами — 70 тыс. человек. Это были группировка Сулеймана-паши (с отрядом Османа Нури-паши), отошедшая после потери Софии к находящимся юго-восточнее Ихтиманским горам, где она заняла оборону, и разбитый на перевалах силами колонны Гурко отряд Шакир-паши, шедший к Татар-Па-зарджику. Небольшую группировку турки имели в Адрианопольском укрепленном районе. Таким образом, необходимое для наступления превосходство в силах было обеспечено, хотя оно было сравнительно небольшим (немногим более чем вдвое). План действий сводился, в общих чертах, к тому, чтобы, разбив Сулеймана и другие противостоящие силы, занять Адриано-

поль, эту вторую столицу Турции, и идти на находящийся совсем уже близко Константинополь.

Скобелев был назначен командиром авангарда центрального отряда, причем его начальнику, Радецкому, он не был подчинен. Ему было приказано через Стара Загору идти на Адрианополь, выслав вперед конницу для занятия железнодорожных узлов и мостов. Выбор командования был очень удачным. Никто из генералов не подходил так, как Скобелев, для выполнения этой задачи, требовавшей быстроты действий, энергии и инициативы. Нечего и говорить, что ему самому это назначение, дававшее к тому же самостоятельность, пришлось очень по душе.

Как и при переходе Балкан, Скобелев очень тщательно готовился к походу. На этот раз, наряду с подготовкой оружия и боеприпасов, он уделил особое внимание обеспечению быстроты движения, для чего постарался максимально облегчить солдат, освободить войска от лишних грузов, даже от обоза. В его приказе по войскам указывалось: «Ввиду предполагаемых усиленных форсированных маршей по гористым дорогам, предписываю частям вверенного мне отряда выступить без колесного обоза, с одними вьючными лошадьми... Начальникам дивизий обратить строжайшее внимание на то, чтобы при частях лишних тяжестей не было, при этом разрешается при каждом батальоне иметь не более двух повозок, которые исключительно должны служить для перевозки раненых и следовать пока пустыми».

В соответствии с полученным приказом, Скобелев выделил конный отряд донских казаков под командованием энергичного боевого генерала А.П.Струкова. 3 января отряд Струкова с ходу, стремительно атаковав, захва-

тил железнодорожный узел Семенлы. Бежав из редута, турки, однако, успели поджечь мост, что помешало преследованию. Пожар был потушен спешенными драгунами. В пять часов утра 4 января конники Струкова, пройдя за день 80 верст, заняли стратегически важный населенный пункт Германлы, в котором сходились шоссейные дороги, ведущие на Филиппополь и Адрианополь. В Германлы Струков захватил телеграммы Сулеймана, из которых становилось понятным, что, бежав от Филиппополя, турки ждали русских и с севера, но не могли представить, что они придут так быстро.

Главные силы авангарда выступили 3 января. Пехота Скобелева те же 80 верст (85,3 км) прошла, как и конница Струкова, за один день. Редкая в военной истории скорость! Учитывая, что Сулейман-паша под натиском войск Гурко мог отступить от Филиппополя к Адрианополю, откуда ему навстречу мог быть двинут резерв, Скобелев возвел в Германлы укрепление, обращенное фронтом на запад, в сторону Филиппополя, и на восток, к Адрианополю. Но в трехдневном сражении под Филиппополем 3–5 января Гурко нанес решительное поражение Сулейману, и укрепление в Германлы потеряло свое значение. Крупных сил противника, способных вступить в полевое сражение, уже не было. Теперь следовало спешить к Адрианополю, куда бежали остатки разбитых турецких армий.

Приказ о выступлении Скобелев получил 7 января. Адрианополь необходимо было занять до сосредоточения там сил противника, чтобы не позволить ему создать организованную оборону, используя для этого мощные адрианопольские укрепления. Марш скобелевского отряда по своей быстроте и неутомимости напоминал движение кавалерии. Не встречая организованного сопротив-

ления противника, деморализованного и уже смирившегося с поражением, отбрасывая по пути небольшие группы башибузуков, солдаты проявили чудеса выносливости. Они не отставали даже от казаков Струкова. Когда они падали без сил, Скобелев спешилался и становился в ряды. На подходе к Адрианополю, сделав за день 70-верстный бросок, пехота окончательно выбилась из сил. А тут еще пришла весть о движении к Адрианополю, где-то впереди, таборов египетского принца Гассана.

«— ...Голубчики! — обратился Скобелев к солдатам. — Напоследок... Неужели же у самого Адрианополя, да мы осрамимся...

Поднялись солдаты... едва-едва бредут.

— Товарищи... Ну-ка, еще переход; вечером кашей накормлю...

И солдаты, смеясь, пошли так быстро, что не только догнали Гассана, но... захватили громадные обозы и сто верблюдов», — вспоминал Немирович-Данченко.

Перед Струковым же стояли трудные задачи, не оставлявшие времени на долгие размышления. Имея уже в виду Адрианополь, он получил сведения, что под городом стоит 2-тысячный отряд черной африканской пехоты египетского принца и несколько отрядов разбитой сулеймановской армии. С небольшим кавалерийским отрядом без пехоты и артиллерии тут было над чем задуматься. Но военный совет, хотя и не без колебаний, решил наступать. 8 января отряд Струкова, совершив 88-километровый рейд, внезапно налетел на Адрианополь и заставил его гарнизон сдать крепость. В арсенале были захвачены богатые трофеи: 22 крупновских орудия и 4 орудия крупного калибра с прислугой. Как вступившему в город первым, Струкову достались и первые лавры. Прием со сто-

роны горожан был триумфальным, его невозможно описать. Встречая отряд перед городом, христиане целовали землю, ноги солдат, стремяна кавалеристов. Вышло православное духовенство с крестами и хоругвями, священники других конфессий. Быстрое вступление отряда в город спасло от резни массу христиан, подвергавшихся издевательствам, грабежам и убийствам.

10 января с развернутыми знаменами, под звуки военного оркестра (эту театральность, воодушевляющую войска, Скобелев очень любил), в Адрианополь вступили главные силы авангарда. Восторг населения, овации повторились и были не меньшими. Высокопоставленные турки из Константинополя не верили, что внушавший им страх Ак-паша так близок, а убедившись, пришли в отчаяние. Возглавлявший депутацию Намык-паша зарыдал. Он решил, что пятисотлетней империи пришел конец. Но Скобелев встретил его с почетом и успокоил. Другие турки также ободрились. Сервер-паша, видя, что он имеет дело с честным и великодушным противником, из русофоба превратился в русофила и ненавистника Англии, которую он обвинял в подстрекательстве и обмане.

С вокзала Ак-пашу с сопровождавшими его лицами проводили в приготовленный для него конак (дворец). Из окон домов, стоявших по пути, выглядывали местные дамы, главным образом гречанки. В.В.Верещагин, ехавший сзади, вполголоса в шутку командовал: «Глаза направо! Глаза налево!»

Дело шло к окончанию войны. Передовые отряды русских войск заняли населенные пункты под самым Константинополем. Налицо был факт полного военного разгрома Турции. 19 января по просьбе турецкой стороны в Адрианополе было заключено соглашение о перемирии.

В соответствии с условиями перемирия, установившего демаркационную линию временной русской оккупации, войска продвигались на восток, вглубь европейской Турции. Пали, наконец, крепости, в течение всей войны подвергавшиеся блокаде Восточным отрядом Дунайской армии. Война закончилась полной и славной победой русского оружия. В ее достижение внесли вклад болгарские ополченцы, румынские и сербские войска.

Порой приходится выслушивать скептическое мнение по поводу заслуг Скобелева и вообще победы России в этой войне. Что это за противник, Турция? — говорят оппоненты. Так ли уж велика была победа над этой отсталой, разлагавшейся страной? Чем тут гордиться и за что восхвалять, в частности, Скобелева?

Это крайне поверхностное, глубоко ошибочное мнение. Турки — отнюдь не трусливые и очень упорные солдаты, особенно в обороне, а всю эту войну они провели в обороне, защищая крепости или используя выгодные условия местности, да и вооружены они были не хуже, а кое в чем, благодаря закупкам на Западе и помощи Англии, даже лучше русских. Мольтке, например, условием обеспечения победы для России считал господство на Черном море. Победа была достигнута без подобного господства, но, как мы видели, потребовала большого напряжения сил. Вообще этот «больной человек» умирал бессовестно долго и оказался очень неблагодарным по отношению к своим покровителям. Хотя турки никогда не имели успеха в борьбе с Россией, Англии, так помогавшей им в этой борьбе, пришлось понести от своих бывших подопечных ряд тяжелых и унижительных поражений. Стоит напомнить хотя бы полный крах Галлиполийской операции англо-французов, на которую У.Черчилль возлагал столь большие надежды. Там туркам помогали

немцы? Да. Но в Месопотамии турки довольно долго били англичан самостоятельно, без чьей-либо помощи. И после войны, проведя прогрессивные преобразования, Турция нашла в себе силы (теперь уже не без помощи СССР) отразить натиск Антанты и добиться признания своей независимости. А уж в 70-х гг. прошлого века Турция была и вовсе опасным и сильным врагом.

Находясь в Адрианополе, Скобелев внимательно осмотрел его укрепления и был поражен их мощью и замечательным применением к местности. Он называл их гениальными. Вот когда для всех стала очевидной правота Скобелева, так торопившего войска к этой твердыне. Если бы туркам до прихода русских удалось собрать здесь сколько-нибудь значительные силы, они могли бы создать такую новую Плевну, перед которой побледнела бы первая.

В Адрианополе скобелевцы смогли, наконец, немного отдохнуть. Офицеры, по возможности, развлекались. Скобелев при случае показывал себя «кровным аристократом», хотя таковым он, в точном смысле, как мы знаем, не был. Желая выразить симпатии победителям, а может быть и с другими целями, иностранные консулы устроили в Адрианополе бал. Скобелев выразил с этим намерением полное согласие и даже предложил для танцев большой зал в занимаемом им конаке. Зал декорировался под его же наблюдением, были устроены дамская уборная и буфет. Офицеры в походной, пропахшей порохом форме, в поношенных сапогах, заполнили зал. Но Скобелев, как всегда, пришел раздушенный и безукоризненно одетый. На балу он был, разумеется, героем дня.

В разгар приятных событий, связанных с победоносным окончанием войны, Скобелев получил телеграмму,

извещавшую о приезде его наставника Жирарде, а за ним — матери. Для Жирарде поставили палатку рядом с генеральской. Вскоре приехала и мать, по воспоминаниям П.Дукмасова, женщина лет 55, с темными, почти не тронутыми сединой волосами, с умным, энергичным и добрым лицом. Встреча с матерью всегда радовала Скобелева, а особенно теперь, в эти дни триумфа, когда все располагало к торжеству.

В период пребывания в Адрианополе Скобелев получил повышение по службе: он был назначен временно командующим войсками 4-го армейского корпуса. Вслед за этим поступил с нетерпением ожидавшийся им приказ о выступлении к Константинополю. Сам он выступил вперед с конницей и все время торопил пехоту и артиллерию, так что марш был таким же быстрым, как к Адрианополю. Но теперь войска отдохнули и, уже победителями, шли весело и налегке. Лишь в Люли-Бургасе, под самым Константинополем, колонна остановилась. Здесь должна была пройти демаркационная линия, установленная перемирием. Но спешка и на это раз имела основания: турки могли потихоньку передвигать демаркационную линию к западу, что они и пытались делать. Благодаря энергии Скобелева, территория, отведенная под русскую оккупацию, была фактически занята.

Видя, что турки постоянно вступают в нейтральную полосу, Скобелев решил отучить их от этого. С конным отрядом он переплыл реку, захватил несколько аскеров и сказал им: «Передайте пашам, что если еще раз будет нарушено условие, то я со своими войсками немедленно займу все редуты». Отпустив перепуганных турок, осмотрев редуты, он заметил: «Хорошо, что мы так близко! В случае неприятельского действия мы успеем раньше турок захватить эти редуты». День закончился импровизи-

рованной скачкой: три версты Скобелев и его свита мчались наперегонки. Так он совмещал работу с активным отдыхом. Это — из воспоминаний Петра Дукмасова. И Немирович-Данченко рассказывал, что для разминки и развлечения Скобелев часто отмахивал верхом несколько десятков, а то и полтораста верст.

Наконец, произошло долгожданное заключение мирного договора, правда, пока прелиминарного (предварительного). Он был подписан 3 марта в местечке Сан-Стефано, в 12 км от Константинополя. Согласно условиям договора, Болгария признавалась княжеством, номинально зависимым от Порты, с территорией от Дуная и Черного моря на севере и востоке до Эгейского моря на юге и албанских гор на западе. Турецкие войска должны были покинуть страну, устанавливался 2-летний срок русской оккупации. Договор признавал полный суверенитет Сербии, Черногории, Румынии. Южная Бессарабия и на Кавказском театре войны Батум, Каре, Ардаган и Баязет присоединялись к России. Турция обязывалась уплатить 310 млн. рублей контрибуции.

Условия мира, заключенного в результате русско-турецких двусторонних переговоров, решали все задачи, ставившиеся Россией в этой войне. Однако Англию и Австро-Венгрию такой исход войны, прежде всего образование крупного славянского государства на Балканском полуострове («Великой Болгарии»), никак не устраивал. Они заявили о своем непризнании сан-стефанских условий и потребовали созыва конгресса с участием всех великих держав. Русское правительство, желая избежать военного конфликта с этими двумя державами и не получившее обнадеживающих заверений со стороны Бисмарка, согласилось. Еще раньше оно дало согласие на коллективное обсуждение вопросов окончательного мира,

имевших «общеевропейское значение». Пока же русская армия оставалась под Константинополем.

Армия торжествовала победу. Скобелев был доволен более других, считая, что условия Сан-Стефано приближают Россию к решению ее исторической цели, ее, по глубокому его убеждению, predetermined историко-географическими и военно-политическими факторами миссии: овладению черноморскими проливами. В день полкового праздника Казанского полка он произвел смотр всему своему корпусу, на котором произнес речь, сказав между прочим: «Если потребуются новые усилия, новые жертвы, то полк окажется на высоте своего призвания». Речь оживленно комментировали иностранцы, находившие в ней скрытую угрозу. Между тем ничего антитурецкого в ней не было. Сейчас, после полной и убедительной победы, Скобелев вовсе не был расположен к угрозам. Он был великодушен и щадил чувства побежденных. После речи он предложил тост за Фуад-пашу и турецкую армию, сгладив этим первое неприятное впечатление. Турки даже отвечали комплиментами в восточном вкусе, а русские солдаты в честь праздника самым дружелюбным образом пили с турками водку. В соответствии с традициями русской армии, Скобелев не допускал в побежденной стране насилий и грабежей, требовал от солдат гуманности по отношению не только к населению, но и к аскерам, напоминая, что «...храброе русское войско искони не умело бить лежащего врага». Впрочем, строгих предупреждений и не требовалось, случаев насилия и мародерства среди скобелевцев практически не было.

Как и в военное время, Скобелев проявлял особую заботу о солдате. Он строго требовал действенных мер по устройству жилья, питания и т. д. Поскольку солдаты

обносились, он командировал в Одессу офицеров для закупки сукна, вместо кепи приказал сшить фуражки, которые носила только гвардия. Довольные солдаты вообразили, что «скобелевских сравнивают с гвардией». Узнав, что его представления к наградам утверждены, он устроил для офицеров — новых кавалеров роскошный ужин в том зале, где был подписан сан-стефанский мирный договор. В своей «Sketches of army Life in Russia» Грин с восторгом отзывается об этой заботливости Скобелева, указывая, в частности, что Михаил Дмитриевич уплатил собственных пятнадцать тысяч рублей за перевозку в Одессу раненых и больных солдат и офицеров своей дивизии на им самим зафрахтованном английском пароходе.

Кстати, большинство иностранных корреспондентов не последовали за армией зимой через Балканы. «Но искреннее участие и расположение к России и к русским, сочетавшееся с действительным интересом к делу, крепко связали с нашими войсками некоторых представителей далекой дружественной страны, — писала в 1892 г. газета «Новое время». — Четверо американцев, уроженцев Соединенных Штатов, дошли вместе с нашими войсками до Мраморного моря, разделив все невзгоды непомерно трудного похода... Из этих четверых американцев трое были корреспондентами: Мак-Гахан и Миллье — лондонского «Daily News», Грант — лондонского «Times», и четвертый, Грин, был капитаном армии США и состоял военным агентом при посольстве Соединенных Штатов. Грин после кампании напечатал большой подробный отчет о своей миссии с планами и картами». В книге Грина больше всего места отведено Скобелеву. Они близко сошлись, особенно за время марша от Адрианополя к Константинополю, много беседовали, по некоторым вопросам и спорили. Грин, в частности, отрицал пользу для

военачальника малых войн, а Скобелев ее отстаивал, доказывая, что они дают опыт, необходимый для командования крупными частями. Грин увлекательно рассказывает о боевом ритуале Скобелева, подчеркивая, что это была не бравада, а боевая целесообразность, о его гуманности в отношении населения.

Очень интересно, может сказать пытливым читатель. Но откуда такое расположение к нам американцев? Пусть даже в то далекое время?

Этому были причины. Это целая история. Пусть читатель простит меня, если я несколько отвлекусь. Международная обстановка складывалась так, что обе страны — Россия и США — видели злейшего врага в Англии и почти такого же — во Франции. Следствием было русско-американское сближение. Идеологические различия не мешали. Во время Крымской войны только США сочувствовали России, помогали оружием, медикаментами, посылали врачей-добровольцев. В 60-х гг. настали трудные времена для США. Когда в Америке шла гражданская война, Англия готовила интервенцию в пользу Юга, обе стороны были на волосок от войны. Положение США осложнялось еще и тем, что в 1861 г. началась вооруженная интервенция Англии, Франции и Испании против Мексики. Немногочисленные английские и испанские отряды убрались из Мексики довольно скоро, в 1862 г. Но Наполеон III довел численность экспедиционных войск до 30 тысяч. Французы проникли вглубь страны и овладели столицей. В конечном итоге авантюра Наполеона III кончилась крахом, но американцам пришлось пережить тревожное время. Они хорошо понимали, что французские войска из Мексики легко могли пересечь очень протяженную и ничем не защищенную границу и вторгнуться в соседние американские штаты. Лишь в 1868 г. послед-

ний французский солдат покинул Мексику. В этих трудных для США условиях Россия в 1863 г. предприняла военную демонстрацию, направив к американским берегам две военные эскадры под командованием С.С.Лесовского и А.А.Попова. В случае нападения англичан с моря русские моряки готовы были совместно с американцами вступить против них в борьбу. Прием со стороны американцев был восторженным. Президент А. Линкольн завещал своим согражданам хранить эту дружбу. Что значила для США русская поддержка, подчеркнул в своих мемуарах посол США в Петербурге К.Клей: Россия была «нашим единственным искренним и надежным другом в Европе, который уберег нас от войны с Англией и Францией и таким образом сохранил нас как единое национальное государство». В 1866 г. Кронштадт посетила американская эскадра. Адмиралу Лесовскому, тогда командиру Кронштадтского порта, Александр II дал указание: «Принять с русским радушием». После торжественной встречи в Кронштадте американцы совершили двухмесячное путешествие по России и всюду встречали восторженный прием. С такой же сердечностью в следующем, 1867 г., была встречена эскадра прославившегося в гражданскую войну адмирала Д.Фаррагута.

Для России большую роль сыграла позиция, занятая США в 1871 г., когда русская дипломатия добивалась отмены ограничительных статей Парижского трактата 1856 г. Как известно, циркуляр А.М.Горчакова был встречен в Англии бурей негодования, Лондон грозил войной. Ободряемая английской реакцией, подняла голову Вена, за ней — Оттоманская Порты. В России вновь возникла идея посылки эскадр в Америку, чтобы, как предлагал военный агент в Лондоне И.Ф.Лихачев, «ринуться на торговый флот Англии или на ее колонии». Эскадра, прибыв-

шая в Сан-Франциско, и клипер «Всадник», причаливший в гавани Нью-Йорка, горячо приветствовались американцами, на улицах Нью-Йорка происходили бурные демонстрации в поддержку России. Раздавались призывы стать на сторону России в случае ее войны с Англией. По мнению американских газет, никогда и ни к кому не выразилось такой единодушной симпатии. В Синем зале Белого дома состоялся прием моряков с участием президента Гранта и членов правительства. В очередном послании конгрессу президент Грант недвусмысленно пригрозил Лондону. Теперь, почувствовав твердую почву под ногами, Горчаков уже не колебался и решительно отменил английские протесты. Англия отступила, вслед за ней примолкли Австрия и Турция. Победа России была полная. США оказались ее единственным и надежным союзником. Но и они извлекли пользу из англо-русского конфликта в разрешении затянувшегося спора по поводу действий английского крейсера «Алабама», много навредившего американскому Северу во время гражданской войны.

В войну 1877–1878 гг., как и в период Крымской войны, только США выказали симпатии России. Еще перед войной, в начале апреля 1877 г., в Босфоре появились четыре американских фрегата, как было официально объявлено, для защиты интересов американских граждан. Но во всем мире этот шаг был воспринят как демонстрация против Англии и в поддержку России. Многие американцы выражали желание идти в русскую армию добровольцами. Когда война уже началась, США заняли позицию нейтралитета, но он был совсем не таким, как, например, австрийский, а дружественным, даже заключал в себе поддержку. Для получения достоверной информации о войне американское правительство послало в Россию в качестве военного агента имевшего влияние

ные связи (несмотря на невысокий чин) и вхожего в Белый дом лейтенанта Ф.В.Грина. Сердечно принятый в Петербурге, он был направлен в ставку и имел доступ ко всем источникам информации. Как писал Грин позже, к нему относились как к своему. В многочисленных донесениях на родину он с восхищением отзывался о боевых качествах русских солдат и предостерегал от доверия английской пропаганде, предрекавшей России поражение. Когда англо-русские отношения обострились до такой степени, что война казалась неизбежной, США поддержали Россию, организовав, чтобы избежать нарушения международного права и американских законов, фиктивное пароходство с целью постройки по русским заказам и чертежам нескольких военных судов для крейсерской войны против Англии, как это делали англичане против американских северян во время гражданской войны в Америке. В США скрытно, в штатском, были направлены 660 военных моряков и квалифицированные инженеры. Несмотря на английские протесты, поскольку сведения об этой деятельности все же просочились в печать, корабли были построены. Небольшая сила по сравнению с огромным английским флотом? Да, но, укомплектованные отважными экипажами (чем всегда отличались русские моряки), эти быстроходные крейсера могли нанести английской торговле и судоходству неисчислимый ущерб. Сообщения об этой угрозе были восприняты с паникой в английских правительственных и деловых кругах. Как видим, взаимная поддержка позволяла обеим странам успешно разрешать жизненно важные и труднейшие из их проблем. Я уже не говорю о том, что в XVIII в., в царствование Екатерины II, Россия оказала эффективную помощь юной, только что родившейся нации в ее борьбе за независимость против той же Англии. Можно доба-

вить, что народы двух стран всегда питали друг к другу симпатию. Даже когда Аляска была русской и мы граничили с США, конфликтов не было. Есть мнение и о сходстве истории, по крайней мере в отношении освоения огромных неведомых пространств. Говорят и о сходстве национальных характеров. Если иметь в виду простых американцев, людей из народа, то общие черты, по-моему, есть: открытость и широта души, трудолюбие, простота и добросердечие. Справедливости ради нужно, правда, указать, что и тогда, в прошлом веке, наши соотечественники отмечали такие не симпатичные русскому характеру черты американцев, как бездуховность, всепоглощающая жажда приобретательства.

Для полноты картины еще два слова о знакомых нам американцах на этой войне. Первым из американских корреспондентов, специально направленных в Россию, был Мак-Гахан. Он побывал в Крыму, на Кавказе, в Москве и Петербурге, а в 1873 г., как мы знаем, сопровождал русские войска в хивинском походе. В 1875 г. участвовал в сборе фактов о турецких зверствах в Болгарии. В турецкую войну он в числе 60 иностранных корреспондентов был при Дунайской армии, но, в отличие от большинства из них, находился впереди и видел все главные сражения. Не в пример английским газетчикам, посылавшим искаженную информацию, за что один из них был даже выслан домой, корреспонденции Мак-Гахана были правдивы и честны, что высоко ценилось в России. Американского журналиста знала и уважала вся армия. До конца войны он был при армии, но, узнав, что в Петербурге заболел тифом Грин, поспешил ему на помощь и, выйдив друга, вернулся в армию. Однако, как выяснилось по возвращении, Мак-Гахан заразился той же болезнью. В начале июня 1878 г. он умер. Был награжден

двумя русскими орденами, его память почтили в Москве, Петербурге и других городах.

Такой же честной была деятельность Грина. Вернувшись домой, он, поощряемый в этом деле известным генералом армии северян У.Т.Шерманом, написал подряд две книги. Первая — «The Russian Army and the Campaigns in Turkey in 1877–1878», N.Y.—L., 1879. Она — об организации русской армии и о войне на Балканах, та, которая только что упоминалась в связи со Скобелевым. Вторая — очерки о пребывании автора в действующей армии, уже знакомая нам «Sketches of army Life...», London, 1881. На большом материале Грин показал «беспредельную доброту и гостеприимство» русского народа.

В марте Скобелев был с визитом у султана, пожелавшего познакомиться с Ак-пашой, и остался очень доволен приемом.

— Знаете, господа, — говорил он окружающим офицерам, — я совсем другими представлял себе турок. Право, они высматривают молодцами. Прекрасно одеты, опрятны, в высшей степени любезны. Нас приняли так мило, так радушно. Я ими очень доволен.

Временами Скобелев и окружающие его офицеры, как и офицеры его корпуса и дислоцированных вокруг войск, ездили в Константинополь и его окрестности посмотреть чужую, такую не обычную для них столицу, поразвлечься, покутить. Как-то раз Скобелев с тремя офицерами и четырьмя казаками, в том числе с неизменным Дукмасовым, поехал в Буюк-Дере, где у него было дело в русском представительстве. Остановились в лучшей французской гостинице. Хозяйка, бойкая, пикантная дамочка, очаровала всех, в том числе Скобелева, который пригласил ее к общему обеду. В зал он вышел в белом

кителе, раздушенный и сияющий, усадил рядом с собой хозяйку и стал за ней отчаянно ухаживать. Вдруг ему пришла в голову мысль выкинуть гусарское коленце. Он подозвал одного из офицеров и шепнул ему что-то на ухо. Тот улыбнулся и вышел. Скобелев между тем что-то рассказывал француженке о России.

— А вот посмотрите на этого господина, — сказал он вдруг, указывая на Дукмасова. — Это казак самый настоящий. Он ест человеческое мясо и сальные свечи.

Француженка сделалась красна, с удивлением посмотрела на руки и на зубы казачьего офицера и, наконец, сказала, что он не похож на людоеда.

— Мы его приручили! — отвечал Скобелев. — Увидите, с каким аппетитом он будет, вместо десерта, есть сальные свечи!

Вошел лакей и подал казаку тарелку с парой сальных свечей. Француженка пришла в ужас. Но когда Дукмасов стал преспокойно уписывать поданные ему свечи, она чуть не упала в обморок. Тут уже Скобелев не выдержал и объяснил, что свечи из сахара и сливок сделал по заказу кондитер. Восторгу француженки не было предела.

Если есть еще читатель, сохраняющий по отношению к Скобелеву скептицизм (хотя мне представляется, что теперь, особенно после Плевны, этого быть не должно), он может сказать: но ведь здесь Скобелев пошутил, одновременно унизив казака?

По-моему, нет. Он устроил веселье для всей компании, а не для одной хозяйки. Но, конечно, это помогло ему завязать с ней интрижку. Дукмасов же, который и

рассказал этот эпизод, нисколько не был обижен, ему тоже было весело.

Пока шли дипломатические переговоры, Скобелев использовал время для изучения Константинополя и его укреплений. Они оказались еще гениальнее адрианопольских. По его мнению, турки в области фортификации опередили даже европейское военное искусство. Это и неудивительно, говорил он, ведь уже в течение двух веков Турция ведет только оборонительные войны. Скобелеву удалось познакомиться с турецким инженером, который показал ему не только укрепления, но и еще не реализованные планы. Город Скобелев изучил до дна: его географию, социальный и национальный состав, правительство и влиятельные группировки, военных. Особенно сильное впечатление на турок производил факт, что Ак-паша знал Коран и цитировал его по-арабски. И здесь он был верен себе, стремясь до тонкости изучить все, что может когда-либо оказаться полезным. Он приложил много усилий, чтобы разобраться в сущности английской политики, и преуспел. Этому во многом способствовало его проникновение в английскую колонию в Константинополе и знакомство с Лэйярдом, английским послом, проводником антирусской политики лорда Биконсфилда. Хотя Лэйярд не мог быть откровенным с воинственным русским генералом, Скобелев, тесно общаясь с англичанами, все же сумел многое увидеть и понять.

Турки, не сомневавшиеся во вступлении русских в Константинополь, освободили казармы и приготовились к встрече. У Скобелева была даже дерзкая мысль вступить в город самовольно, без приказа. С этой целью он репетировал штурм новых укреплений, возведенных турками на виду у русских. Аскеры наблюдали эту картину безучастно. Можно представить себе гнев и отчаяние Скобе-

лева, когда он получил сведения об отказе правительства от занятия вражеской столицы. Он и возмущался, и проклинал слабость государственных мужей, и рыдал. Он доказывал, что в случае вооруженного столкновения с Англией, в реальность которого он не верил, английский флот не сможет пройти в Черное море. В этом его убеждала не только возможность занятия Галлиполи, на которую он прямо указывал, но, очевидно, и сотрудничество с адмиралом А.А.Поповым (1821–1898), героем Крымской войны, во время гражданской войны в США водившим русскую эскадру к американским берегам в поддержку северян, крупным ученым-кораблестроителем. Попов занимался установкой минных заграждений в проливах для закрытия английскому флоту прохода в Черное море. В связи с этой совместной работой Попов так отзывался о Скобелеве: «...Скобелев назначен начальником авангарда для занятия пролива, следовательно, придется иметь дело с ним непосредственно. Я с ним спелся до такой степени, что совершенно уверен в успехе заграждения с берега, если теперь подумают о необходимых средствах и дадут их. Узнавши теперь его очень близко, я восхищаюсь не его храбростью, а умом, энергией, предусмотрительностью в мерах, обеспечивающих успех; одним словом, всеми качествами, которыми обладал в такой высокой степени Наполеон I и которые я ставлю выше его побед».

Скобелева возмущали нерешительность и бездействие главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича-старшего. Прямым и непосредственным виновником отказа от своевременного вступления в Константинополь был он. Уезжая, император наделил его всеми полномочиями, в том числе относящимися к этому вопросу. Но царский брат не обладал ни пониманием обстанов-

ки, ни способностью принимать ответственные решения. Даже свой отзыв в Петербург и наступившие затем опалу и бесславию он встретил с облегчением, радуясь снятию с него ответственности, которая оказалась для него непосильной, и понимая свою вину.

После отзыва обанкротившегося великого князя главнокомандующим в апреле 1878 г. был назначен Тотлебен. При всем взаимоуважении у Скобелева не могло быть с ним единства взглядов на задачи оккупационной политики. Как я отмечал, Тотлебену был чужды славянские цели войны. Он считал также ненужным и вредным слишком добивать Турцию и хотел непременно избежать войны с Англией. Да и турки-де были вовсе не плохи, и порицания заслуживали только их паши. Тотлебен, считал Скобелев, наряду с великим князем был ответственным за то, что армия не вступила в Константинополь. В каком свете рисовался Тотлебен Скобелеву, говорят следующие его более поздние высказывания: «Сперва я был о нем в самом деле высокого мнения, когда он под Плевной удачно раскинул несколько групп батарей, концентрированный огонь которых мог быть очень вреден туркам. Но потом я в нем разочаровался вполне, особенно в Сан-Стефано. Я считаю, что на нем лежит значительная доля вины, что мы не заняли Константинополя... оставшись за главнокомандующего в Сан-Стефано, он дошел до такой любезности к туркам, что снялся с турецким главнокомандующим Мухтар-пашой на одной карточке. Этот фотографический снимок был воспроизведен в тысячах экземпляров, и турки стали распространять его между болгарами. Впечатление всюду получилось крайне тяжелое, да и в войсках наших это не понравилось... Подарил ему султан корову, зная, что немец любит свежие сливки. Сколько с этой коровой и хлопот было... Тотле-

бен, говоря о корове, называл ее не иначе, как «величайший знак уважения и расположения ко мне е.и.в. султана». Так титул этот и был присвоен корове: ее все звали — «величайший знак уважения и расположения е.и.в. султана к Тотлебену». Корову эту привели в Адрианополь, а затем Тотлебен с поездом увез ее с собой».

При столь различном отношении к побежденной Турции и к болгарам и всем вообще своем умонастроении Скобелев, конечно, не мог сочувственно относиться к поведению Тотлебена в качестве главнокомандующего. Главнокомандование это продолжалось по январь 1879 г., когда в связи с его отъездом исполняющим обязанности главнокомандующего был назначен Скобелев. Очень характерна для Скобелева сцена, разыгравшаяся при его вступлении в должность. Когда Тотлебен уезжал, его провожала масса официальных лиц, из духовенства — католический нунций и немецкий пастор. С последним Тотлебен поцеловался. О православном же митрополите, затертом в толпе, Тотлебен забыл и не попрощался с ним. Едва только поезд отошел от вокзала, как Скобелев, уже главнокомандующий, направился к стоявшему тут же, на платформе, почетному караулу. На его громкое «Здорово, архангелогородцы!» они отвечали дружным приветствием и криками «ура». Затем Скобелев, сняв фуражку, пошел прямо под благословение митрополита и поцеловал ему руку. Солдаты так и выросли на целый аршин, рассказывал впоследствии Скобелев. Иностранцы притихли. Мухтар-паша подошел к Скобелеву и начал очень развязно спрашивать его по-французски, когда он может поговорить с ним о делах. В ответ Скобелев так же по-французски отвечал: «Императорская победоносная армия занимает Адрианополь, а я, ее главнокомандующий, принимаю посетителей и имеющих дело до меня от

9 до 11. Можете пожаловать в эти часы». Мухтар-паша, как ошпаренный, отскочил от Скобелева. Этим поступком на адрианопольской станции Михаил Дмитриевич вселил такой страх и уважение в турок, что не было даже тени дерзости, грубости или чего-нибудь подобного, уже начавших проявляться во время занятия сравнительно небольшим русским корпусом этой второй турецкой столицы.

В течение своего недолгого пребывания на посту главнокомандующего, как и во время описанной сцены, Скобелев энергично и ревниво поддерживал престиж России, армии, когда это требовалось, и Православной Церкви. Но и он уже не мог решить вопрос о занятии Константинополя, да теперь и не задавался этой целью. Момент был упущен. Главную задачу Скобелев теперь видел в укреплении болгарской независимости. Берлинский конгресс существенно ухудшил условия окончательного мира по сравнению с сан-стефанскими: Болгария была разделена на княжество Болгарию (к северу от Балкан), самоуправляющееся, но обязанное платить дань султану, и Восточную Румелию, часть страны к югу от Балкан, лишь автономную в пределах Оттоманской Порты и поэтому не имевшую права на регулярную армию. Болгары Восточной Румелии крайне опасались, что после ухода русских войск турки начнут здесь новую резню. Следовало найти средство самозащиты, не нарушая в то же время постановлений Берлинского конгресса. Выход был найден в организации стрелково-гимнастических дружеств (обществ), организаций по форме спортивных, а по существу военных. Каждый болгарин в возрасте от 20 до 60 лет должен был пройти обучение в этих обществах. Из запасов русской армии для этой милиционной армии было выделено оружие, вплоть до артиллерии и

инженерного имущества, боеприпасы, созданы склады. Для отражения набегов башибузуков были организованы сельские караулы. В дружествах насчитывалось свыше 64 тыс. человек, а всего военное обучение прошли 103 тыс. болгар (в системе сельских караулов обучалось до 28 тыс. человек).

Скобелев вложил в обучение болгар всю душу и был главным организатором всего обучения. В письме начальнику штаба своего корпуса генералу М.Л.Духонину от 9 марта 1879 г. он писал, что болгарам необходимо «внушить, что довольно бегать от турок. На меня возложена, кроме командования расположенных в районе 4-го корпуса болгарских земских войск и румелийской милиции, подготовка края вообще к вооруженному отпору в случае вторжения турок по уходе русских войск». Скобелев высказывал убеждение, что сильному врагу может дать отпор только народная армия и добавлял: «Вот почему я придаю огромное значение гимнастическим обществам, которые, *если народ того захочет и сознательно решится на все жертвования*, могут быстро развиться до полной и стройной ландверной системы...» В этом же письме Скобелев поручал Духонину разработать программу обучения, план обороны, выделить инструкторов, заказать в Москве знамя, которое он сам вручит. В письме от 14 апреля 1879 г. Скобелев указывал, что необходимо сформировать конно-саперные команды, предназначенные для проведения подрывных работ на железной дороге от Ямболя до Татар-Пазарджика в случае вторжения турок.

Скобелев ездил по всей стране, инспектировал деятельность организаций, сам проводил учения. Много усилий он отдал, обучая болгар сооружать и штурмовать укрепления, ставя их поочередно с русскими войсками то

в оборону, то в наступление. Усилиями Скобелева и его многочисленных помощников (344 русских офицера-инструктора и 2700 нижних чинов) в Восточной Румелии была создана болгарская армия.

Сами болгары занимались с огромным желанием, результаты обучения превзошли все ожидания. Н.Н.Обручев, посетивший Восточную Румелию и присутствовавший на смотре 11 дружин сильного состава и двух сотен конных гимнастов, отмечал большие успехи, достигнутые всего за два месяца обучения, и высокий уровень боевой подготовки юной армии. Это была уже реальная сила, способная дать отпор провокациям со стороны турок. В письме тетке графине Адлерберг Скобелев высказывал уверенность, что если турки вторгнутся в Восточную Румелию, их ждет отчаянный отпор. В.И.Немировичу-Данченко в письме, отправленном уже из Петербурга, он вместе с этой мыслью-выражал убеждение в способности болгар преодолеть раскол страны, навязанный ей Берлинским конгрессом, и создать единое государство: «Если мы и оставляем Болгарию расчлененной, четвертованной, то зато оставляем в болгарях такое глубокое сознание своего сродства, такое убеждение в необходимости рано или поздно слиться, что все эти господа скоро восчувствуют, сколь их усилия были недостаточны. А вдобавок к этому оставляем мы в так называемой Румелии еще тысяч тридцать хорошо обученных народных войск. Эти к оружию привыкли и научат при случае остальных».

Население города Сливно, где жил Скобелев, и всей Болгарии, боготворило его. Уезжая, он на прощанье заявил, что при угрозе болгарам всегда готов откликнуться на их зов. Овации при проходах были бесконечны и даже стесняли Скобелева. Поэтому он уехал тайком, и лишь в Бургасе, перед посадкой на пароход, патриоты

его настигли. Ни одно городское здание не вмещало провожавших, и прощальный раут был устроен на поле, где люди разместились амфитеатром. При отъезде народ выпряг из кареты лошадей и довез Скобелева на себе сначала до квартиры, а оттуда на пристань. Энтузиазм признательного народа не поддается описанию.

Весной 1879 г., после трудной войны и последовавших за ней событий, также отнявших много сил и энергии, Скобелев, наконец, получил отпуск и прибыл домой, в Петербург, где жил на Моховой.

Глава IV. Ахал-Теке

Скобелев возвратился на родину в ореоле всероссийской славы, как общепризнанный национальный герой. Начав войну в более чем скромной и весьма неопределенной должности состоящего при штабе главнокомандующего, получив во время осады Плевны пехотную дивизию и чин генерал-лейтенанта, командуя в период наступления авангардом и некоторое время будучи лишь исполняющим обязанности командующего оккупационной армией, то есть занимая далеко не самые высокие командные должности, Скобелев, однако, в глазах армии и народа стал главным героем всей войны. Как писал тот же генерал Анучин, «прервавшаяся было туркестанская легенда началась снова, клубок покатился... геройские поступки начали уже нанизываться в новую арию». Слава Скобелева затмила славу его начальника Ф.Ф.Радецкого, И.В.Гурко и других отличившихся в этой войне генералов. Восторженные встречи со стороны войск и населения не могли не льстить ему, так любившему славу, но он благоразумно избегал слишком громких и частых оваций. О милости к нему государя и поведении Скобелева 30 ноября 1879 г. писал М.Н.Каткову его петербургский корреспондент романист и публицист Б.М.Маркевич: «...28-го было у государя при обходе в воспоминании взятие Плевны (вторая годовщина падения этой твердыни турок. — *В. М.*), на котором он был светел и по обыкновению необычайно милостив. Обедало 104 человека... Героем дня... был Скобелев. Государь два раза подходил к нему, поцеловал и сказал: «Я поныне благодарю Бога, что он спас тебя тогда». Скобелев держит себя здесь с необыкновенным тактом, не только ни в одном публичном обеде не показывается, но ничуть не бывает в свете, даже у

родной тетки, графини Адлерберг, где бывает всегда много народа, избегая любопытства, оваций и т. д.»

Служебное положение Скобелева упрочилось: после назначения его временно командующим 4-м корпусом он был 22 августа зачислен в списки 64-го пехотного Казанского великого князя Михаила Николаевича полка, а 30 августа назначен генерал-адъютантом к императору. Эти отличия он мог рассматривать как возвращение доверия. Просьб об отчислении от службы он больше не возбуждал. *В воспоминаниях и в сердце лично Скобелева год этой войны оставил неизгладимый след.* «С каким восторгом Михаил Дмитриевич всегда вспоминал об этом славном годе русской жизни! Сколько было светлых ожиданий!» — писал автор парижской брошюры. Эти светлые ожидания были, без сомнения, надеждами всего общества на внутренние перемены в России.

Переход от войны к службе в мирных условиях потребовал перестройки и от Скобелева. Привыкший к боевой жизни и убежденный, что «только война учит войне», он писал дяде, что с трудом представляет себя воспитателем войск в мирное время, что «одно дело создавать войска, другое — их расходовать... Это редко соединяется в одном человеке». Но эти жалобы — кокетство. Скобелев умел готовить войска. Он с любовью занимался их воспитанием после окончания войны в Болгарии. Особенно много энергии он отдал созданию болгарской армии. Теперь он командовал корпусом, дислоцированным в Белоруссии, в непосредственной близости к границе с Германией, которую от места дислокации отделяло лишь Царство Польское. Новая для него роль — «создавать войска», — дала возможность вернуться к «изучению лю-

бимых военных наук», которое не прерывалось, но ограничивалось условиями войны.

Вскоре Скобелеву представилась возможность выполнить интересное и важное поручение. На германские военные маневры 1879 г. следовало направить представителя русской армии. Выбор был достаточно велик. Зная антигерманские настроения Скобелева, Александр II остановился все же на нем. Война позволила императору оценить способности Скобелева, не только военные, но дипломатические и административные. Утверждая его в качестве представителя русской армии при особе германского императора, Александр II, очевидно, учитывал, что вдумчивый и антигермански настроенный генерал сумеет лучше других изучить армию самого сильного соседа России. Выбор оказался верным. Прославившийся в недавней войне боевой высокообразованный генерал, к тому же владевший всеми европейскими языками, достойно представлял свою страну. После Берлинского конгресса 1878 г. Скобелев считал Германию врагом, война с которым неизбежна и близка.

Понятно, как остро интересовали его немецкие методы обучения войск, тактика, вооружение. Готовясь к поездке, он всесторонне изучил литературу, выяснив для себя пробелы, которые следовало восполнить, и явился на маневры *во всеоружии* знаний. Он внимательно присматривался к действиям частей двух корпусов, занося свои наблюдения в неизменную записную книжку, приобретал новую немецкую литературу, основательно изучил страну и объехал всю границу с Россией. Подходя к задачам своей командировки в первую очередь утилитарно, он старался выяснить и недостатки и сильные стороны

боевой подготовки германской армии, которые можно было, критически осмыслив, использовать у себя.

Практическим результатом командировки явился весьма объемистый отчет, представленный Скобелевым военному министру в ноябре 1879 г., — больше 200 страниц большого формата убористого почерка. Впервые он был напечатан Военно-Ученым комитетом Главного штаба в 1883 г. под грифом «Доверительно; для личного ознакомления» и под названием «Извлечение из отчета генерал-адъютанта Скобелева о маневрах I, II и XV германских корпусов в 1879 г.» (опубликован в открытой печати в «Военном сборнике», 1897, № 1). Судя по объему, это действительно лишь извлечение из представленного Скобелевым обширного труда, в который он, как писал дяде, «вложил все сердце». Но и в этом сокращенном варианте отчет представляет собой замечательный образец глубокого анализа сильных сторон и недостатков чужой армии, пример научной основательности и объективности. После этой своего рода рекогносцировки Скобелев, несомненно, стал лучшим в России знатоком германской армии.

Общение с немецкими военными и лицами из свиты германского императора показало Скобелеву, что немцы всерьез и активно готовятся к войне. Высокопоставленные немцы допускали высказывания, которые не могли не уязвлять его патриотизма и самолюбия. Об этом мы знаем, например, из мемуаров В.В.Верещагина, с которым Скобелев встретился после маневров в Париже: «Скобелев возвратился с маневров германской армии, совершенно проникнутый уверенностью, что столкновение наше с немцами близко. В Париже, в своем крошечном кабинете, он с возбуждением рассказывал... как отпустил его в прощальной аудиенции старый император герман-

ский. Рассказывая, Михаил Дмитриевич, как тигр, бродил из угла в угол, останавливаясь по временам, чтобы представить сидящего на лошади императора Вильгельма и некоторых лиц свиты его. Его величество сидел, подбоченившись на коне, и от него в обе стороны тупым углом стояла громадная, бесконечная свита из немецких офицеров всех рангов и военных агентов всех государств. Когда Скобелев выехал, чтобы откланяться, император Вильгельм сказал ему: «Vous venez de m'examiner jusqu'aux mes boyaux, vous venez de voir deux corps, mais dites à sa Magesté que tous quinze sauront au besoin faire son devoir aussi bien que ces deux — la»^[8].

Скобелев тогда же занес эти слова в записную книжку...» Следующий случай «еще более усилил в Скобелеве уверенность в том, что нам не избежать в близком будущем разрыва с немцами из-за австрийцев; покойный принц Фридрих-Карл, должно быть, на правах лихого кавалериста, считавшего возможным говорить то, о чем дипломаты помалчивали, дружески ударив Скобелева по плечу, вдруг выпалил: «Lieber Freund! Macht was ihr wollt — Österreich muss nach Saloniki gehen»^[9].

— Так-то! — говорил Михаил Дмитриевич, бешено шагая по всей клетушке, — так это, значит, решенное дело, что австрийцы возьмут Салоники, они будут действовать, а мы будем смотреть — нет, врешь, мы этого не допустим».

⁸ «Вы явились, чтобы проэкзаменовать меня до моих внутренностей, вы видели два корпуса, но скажите его величеству, что при необходимости все пятнадцать исполнят свой долг так же хорошо, как эти два» (фр.).

⁹ «Дорогой друг! Как хотите, но Австрия должна идти на Салоники» (нем.).

Справедливости ради следует отметить, что и Михаил Дмитриевич во время этих маневров давал волю своим антигерманским чувствам. Русские газеты об этом не писали, но вот что было, например, напечатано в парижской «La France»:» В 1879 г., когда он в качестве военного представителя присутствовал на больших немецких маневрах в Эльзас-Лотарингии, жители Страсбурга на большом смотре... видели его гарцующим в двадцати шагах от императорского главного штаба, к которому он не хотел примкнуть, и громко хохочущим при виде того, как целые прусские роты теряли сапоги, завязавшие в грязной почве».

Как политические, так и военные наблюдения, заставившие Скобелева сделать вывод о высоком уровне боевой подготовки германской армии, требовали, по его мнению, соответствующих выводов и практических действий с русской стороны. Всеми доступными ему средствами Скобелев добивался осознания факта растущей угрозы с запада правительством и высшими военными кругами. Основываясь на полученном знании Германии и ее армии, он выполнил важнейшую и трудоемкую работу — разработал план войны с Германией. В этом факте отразилось многое: и ответственность, которую чувствовал Скобелев за судьбы России и армии, и его огромная работоспособность, и, конечно, уверенность в том, что главнокомандующим в случае, если бы эта война стала реальностью, будет он.

Но даже в этот период напряженной военно-научной работы и усилий по повышению боевой выучки войск корпуса, дислоцированного в стратегически важном районе, Скобелев мечтал о боевой деятельности. В письме дяде он признавался, что его продолжает «тянуть на выстрел» и ему будет тяжело не участвовать в военных

действиях, если они будут где-либо происходить. Он спрашивает своего осведомленного дядю, что делается в Восточной Румелии, Македонии и в Закаспии, в отряде генерала Лазарева. Как это всегда бывало в их переписке, вопрос племянника означал желание быть направленным в любой из этих районов, и подразумевалось, что дядя, министр двора, похлопочет о назначении.

Как раз в это время произошло событие, приковавшее внимание правительства и военного руководства к восточной границе, к Средней Азии. Здесь решалась политическая и военная задача, также близкая Скобелеву: противодействие английской экспансии, защита интересов России на Востоке, которую он справедливо связывал с положением России в Европе.

После экспедиций 60—70-х гг. между русскими владениями в Средней Азии и Каспийским морем оставалась незанятой обширная территория Туркмении (исключая основанный в 1869 г. Красноводск). Продвижение англичан, начавших в 1878 г. войну против Афганистана, заставило русское правительство поторопиться с решительными действиями. Но борьба в Туркмении отличалась большей продолжительностью и большим упорством. Сопротивление оказывали главным образом текинцы, воинственное кочевое племя, терроризировавшее другие туркменские племена, уже вошедшие в состав России или желавшие этого, и державшее в постоянном страхе население пограничных русских владений. Со времен Петра I иомуды (племя, занимавшее прикаспийскую территорию) желали жить в составе России. В 1874 г. эта область с Красноводском и Чикишляром была объявлена русской провинцией. В Ахал-Теке было направлено посольство с предложением добрососедства, но встретило отказ. Англичане усилили интриги против Рос-

сии, поощряли набеги текинцев на русские военные посты и города на побережье, снабжали текинцев оружием. Необходимость военного решения становилась очевидной. Главной задачей было занятие Ахал-Текинского оазиса, лежавшего за обширной пустыней, и овладение крепостью Геок-Тепе (Денгиль-Тепе). В течение 1877 и 1878 гг. малыми силами было предпринято несколько частных, недостаточно подготовленных и потому неудачных попыток продвинуться вглубь страны. Текинцы поняли неудачи русских как доказательство их неспособности преодолеть пустыню и достигнуть оазиса. Такой же была реакция соседних государств. Престижу России и ее позициям в Средней Азии угрожала серьезная опасность.

После Особого совещания 23 января 1879 г. Александр II утвердил поход. Начальником был назначен генерал Лазарев. План, подготовленный Кавказским штабом, состоял в том, чтобы, заняв Чат, создать здесь базу снабжения, достигнуть оазиса, овладеть крепостью и выйти на Узбой (старое русло Аму-Дарьи). Но, готовясь к походу, Лазарев многого не доделал, главное — не подготовил достаточного количества продовольствия, верблюдов, повозок, а на этапах — промежуточных баз снабжения. Выступив из Чикишляра с 12-тысячным отрядом, он скоро вел уже лишь половину этих сил. В пути он умер от карбункула. Командование принял боевой, но склонный к торопливости генерал Н.П.Ломакин. К Геок-Тепе, основательно укрепленной текинцами с помощью англичан и насчитывавшей 40 тыс. защитников, он привел всего 3024 человека. С ними он и пошел на штурм. Неподготовленный штурм был отбит. Отряд ушел, экспедиция закончилась неудачей.

Существенные дополнительные сведения о причинах и виновниках неудачи дает уже знакомый нам хо-

рошо осведомленный офицер. Полторы дивизии (3500 - чел.) отборных, закаленных кавказских войск подошли к крепости, непоколебимо уверенные в успехе. Но дело сгубило негодное командование. Конкретными виновниками были три аристократа, давно и безрезультатно добивавшиеся воинской славы. Первый из этого триумвирата — старый враг Скобелева флигель-адъютант князь Долгорукий; второй — авантюрист князь Витгенштейн, союзник Долгорукого по интригам против Скобелева; и, наконец, остзейский граф генерал Борх, старший в чине, но ограниченный и бесцветный. Подчинив себе слабого Ломакина, эта тройца по-своему повела наступление.

Артиллерийский огонь произвел страшные опустошения внутри крепости, и на следующий день заставил ее защитников послать предложение о переговорах. Но все испортило желание триумвирата непременно отличиться. Согласно нелепому плану Долгорукого, отряд был растянут на 8 верст вокруг крепости. Солдат гнали на убой, заставляя их без всяких приспособлений карабкаться на отвесные стены, подвергая безнаказанному уничтожению огнем и холодным оружием. К счастью, артиллерия не только прикрыла отход, но и заставила текинцев быстро вернуться в крепость. Поход, кроме потерь (500 человек и 2 млн. рублей) стоил огромного падения престижа России повсюду в Азии и отозвался даже в Европе.

Обсуждение путей и способов дальнейших действий в Закаспийском крае выявило различные мнения. На совещании у Милютина 11 февраля 1880 г. начальник Главного штаба Ф.Л.Гейден предлагал не только не предпринимать нового наступления, но совсем очистить край. Вместо присоединения его к России он предлагал построить железную дорогу и заняться колонизаторской деятельностью. Но другие участники совещания не согласи-

лись с Гейденом. «...Напротив того, — писал в дневнике Милютин, — многие убедительно доказывали, что всякий шаг назад в Азии был бы губительным, что даже остановиться нельзя без больших опасений в будущем ввиду предприимчивости и наступательной политики Англии. Дельнее всех говорили Скобелев и Обручев». На следующем совещании 25 февраля, назначенном царем, Скобелев и Обручев вновь выступили единодушно, отстаивая необходимость активной политики в Средней Азии. В итоге этих совещаний было решено организовать новую экспедицию, поручив ей задачу, с которой не справился отряд Ломакина.

Разумеется, возник вопрос о начальнике экспедиции. По всем статьям, как полководец, пользовавшийся авторитетом, и как знаток Средней Азии, больше всех подходил Скобелев. Но предприятие представляло собой не просто военный поход, оно было связано для начальника с необходимостью осуществлять административную власть, заниматься вопросами снабжения и боепитания войск, быть всесторонним организатором и в отношениях с местным населением — политиком. В способностях Скобелева к такого рода деятельности многие еще сомневались. Вопрос решил император, избравший Скобелева. Свой выбор он объяснял тем, что генерал хорошо знал край и противника, сочетал ум и решительность с расчетливостью и осторожностью. 12 января Михаил Дмитриевич был принят царем и, давая согласие, поставил, со своей стороны, условие: полная самостоятельность в военном и административном отношениях и организация предварительного контроля (помня Фергану?). Согласие на то и на другое он получил. В письме И.И.Маслову от 2 апреля из Минска, куда он заехал проститься со своим корпусом, Скобелев на случай своей возможной гибели

наметил содержание завещания. Оно весьма определенно рисует его личность и общественные убеждения. Обеспечив на всю жизнь мать приличной суммой и выполнив «нравственные обязательства», налагаемые памятью покойного своего отца», Михаил Дмитриевич трогательно позаботился о своем «уважаемом наставнике и друге» Жиранде и затем распорядился о выделении крупной суммы на создание инвалидного «Скобелевского» дома в селе Спасском. В особом пункте содержалось распоряжение обеспечить «существующие в с. Спасском Рязанской губернии Рязского уезда училища, как рассадники народного образования...».

В интересах экономии места опускаю описание войны и ограничусь тем, что говорит о росте Скобелева как полководца, и несколькими яркими боевыми эпизодами, развитием его как человека и его политикой на завоеванной территории.

Немедленно по утверждении своего назначения Скобелев взялся за работу. Его неиссякаемая энергия и инициатива нашли, наконец, применение в большом деле. Впервые он получил полную самостоятельность, не был никому подчинен, кроме правительства. В его квартире образовалось нечто подобное штабу. Сюда съехались его сподвижники по Средней Азии и Болгарии, другие просились в экспедицию, согласовывая перевод со своим начальством. В их числе были, например, А.Н. Маслов, участвовавший со Скобелевым, тогда еще в чине капитана, в хивинском и ферганском походах, полковник Н.И.Гродеков, большой знаток Средней Азии и автор серьезных научных трудов по географии, этнографии и экономике этого края, многолетний адъютант Скобелева капитан А.Н.Баранок и многие другие. Просился в экспе-

дицию и В.И.Немирович-Данченко, но корреспондентов решено было не допускать.

П.А.Дукмасов был также очень разочарован, что опоздал и не смог принять участие в этом походе. Сына К.П.Кауфмана, молодого офицера Михаила Кауфмана, Скобелев принял ординарцем из уважения к отцу. По просьбе В.В.Верещагина в экспедицию попал его брат Александр, кавалерийский офицер. В Закаспии к ним присоединились прибывший с Кавказа А.Ф.Арцишевский, еще один старый кавказец Вержбицкий, ставший начальником артиллерии, и многие другие.

Приготовления к экспедиции шли с лихорадочной энергией и быстротой. Едва приехав из военного совета, Скобелев садился за рабочий стол, писал записки, рассылал требования, давал поручения, проверял исполнение. С утра до ночи в приемной толпились военные. Помощники сбились с ног.

— Когда он спит, Бог его знает, — говорили они. — У нас руки отваливаются.

Получив в Тифлисе последние инструкции, Скобелев в сопровождении чинов штаба 30 апреля выехал на пароходе из Петровска (ныне Махачкала) и вечером 9 мая прибыл в Чикишляр. Здесь снова проявилась склонность Скобелева к суевериям. Его прекрасный белый жеребец Шейново (получивший свою кличку в честь того, что Скобелев был на нем в день Шипкинско-Шейновского сражения), привезенный на пароходе, был спущен в море, чтобы сам доплыл до берега. Позже Скобелев признался в том, что он задумал: если конь доплывет до берега благополучно, то экспедиция закончится удачно. Шейново справился со своей задачей.

По прибытии Михаилу Дмитриевичу все пришлось начинать сначала. Его предшественники генералы Тергукасов и Лазарев не сумели или, может быть, как утверждают некоторые историки, за недостатком времени не могли создать на восточном берегу Каспия прочную базу для наступательных действий. Перевозочных средств, этого главного материального условия обеспечения наступления, никаких не было. При отступлении Ломакина, правда, была удержана территория в 160 верст, включавшая Дузулум, Чат и открытый рейд Чикишляра. На этой небольшой территории остатки отряда уже три года беспрерывно несли службу в песках, отрезанные от внешнего мира, не видя близкой перспективы чего-то лучшего, да еще подвергаясь набегам кочевников. Такие условия могут подавить дух даже очень стойких войск.

Но вот в марте 1880 г. пронесся слух о назначении Скобелева и предстоящем наступлении. В начале апреля слух подтвердился. Войска сразу ободрились, появилась надежда на победу и возвращение по домам. «Теперь побьем текинцев, возьмем Геок-Тепе! — говорили солдаты. Когда же Скобелев прибыл и развернул бурную деятельность по подготовке наступления, надежда превратилась в уверенность. Текинцы же, напротив, приуныли. Слава Скобелева давно распространилась среди азиатских народов. Текинцы поняли, что борьба будет трудной, возобновили укрепление своей твердыни и даже приостановили набеги на русскую территорию.

План действий созрел у Скобелева по мере изучения театра войны. У врага было до 50 тыс. бойцов, главную силу составляла конница. Огнестрельное оружие было устаревшим, но текинцы имели 600 скорострельных и небольшое количество крепостных ружей, сильную крепость и... пустыню, которая служила им естественной

защитой. Взвесив условия, Скобелев принял «туркестанское» соотношение сил, считая достаточным иметь роту (200 чел.) против тысячи текинцев. Счет войскам он решил вести не на батальоны, а на роты, называя роту в пустыне «подвижным Страсбургом». Исходя из этих расчетов, он довольствовался войском в 7—12 тыс. человек: 11,5 батальона, 11 эскадронов и сотен, 64 орудия. Зная, какое значение придавал артиллерии противник, считавший, согласно Бухарскому уставу, одну пушку равной тысяче бойцов, Скобелев позаботился не только о количестве орудий, но и об их разнообразии и даже о внешнем виде, который должен был устрашать и подавлять психику восточных воинов. Расходы он намечал самые умеренные, не больше 13,5 млн. рублей, а с постройкой участка железной дороги — в пределах 22 млн. рублей. Всю кампанию он рассчитывал провести за 1—1,5 года (план кавказского штаба предусматривал решение задачи за 4 года при расходах в 40 млн. рублей).

Материально-техническое и санитарное обеспечение экспедиции Скобелев планировал самое полное и соответствующее уровню техники того времени. Он позаботился о приобретении опреснителей, гелиографа, рутьеров, пулеметов (тогдашних, не автоматических), ракет, ручных гранат, консервов. Предвидя осаду или штурм, он принял меры к обеспечению экспедиции осадным инженерным и артиллерийским парком и рассчитал, что она потребует 20 тыс. верблюдов. Для облегчения продовольственного снабжения и сбережения средств казны он планировал широкую эксплуатацию ресурсов Туркмении, Хивы и Персии и принял принцип: «Кормить до отвала и не жалеть того, что испортится».

С прибытием Скобелева все закипело жизнью, пришло в движение, появились мысль, цель, сознательная

работа. Скобелев во все вникал лично, сам хотел все видеть и знать. Во время остановок в Ново-Александровске и Красноводске он знакомился с офицерским составом, с работниками гражданских управлений и тыловых служб, определил права и обязанности каждого. Произведя смотр войскам, он нашел, что команда Александровского форта слишком велика и часть ее личного состава включил в действующий отряд. В Красноводске он сформировал роту усиленного состава и перевел ее в Чикишляр. Прибыв в Чикишляр, он в тот же день осмотрел транспортные средства, продовольственные магазины, лазареты, артиллерийские парки, вникая во все детали, вскрывая недостатки и упущения и тут же определяя срок исполнения. Все это фиксировал неотлучно находившийся при нем адъютант Баранок.

Рабочий день Скобелева в этот напряженный период был уплотнен до предела. Он вставал в четыре часа утра, шел на кухни, пробовал, ночью осматривал госпиталь и караулы, проверял в магазинах запасы продовольствия и их погрузку для отправки в гарнизоны и склады, расположенные на линии, по которой предстояло движение войск. Он лично заседал во всех совещаниях, комиссиях, комитетах, вплоть до санитарных инспекций, везде требуя и добиваясь конкретных практических результатов. А.Ф.Арцишевского он не раз отзывал в сторону и говорил: «Все это одни разговоры и писание, а делать-то придется вам; вдумайтесь, чтобы у нас шло дело, а не писание». Скобелев был требовательным до жесткости, загружал работников поручениями, как им казалось, сверх всякой возможности. В такое время, когда все еще было не готово и активные боевые действия еще не были возможными, он становился, по воспоминаниям сослуж-

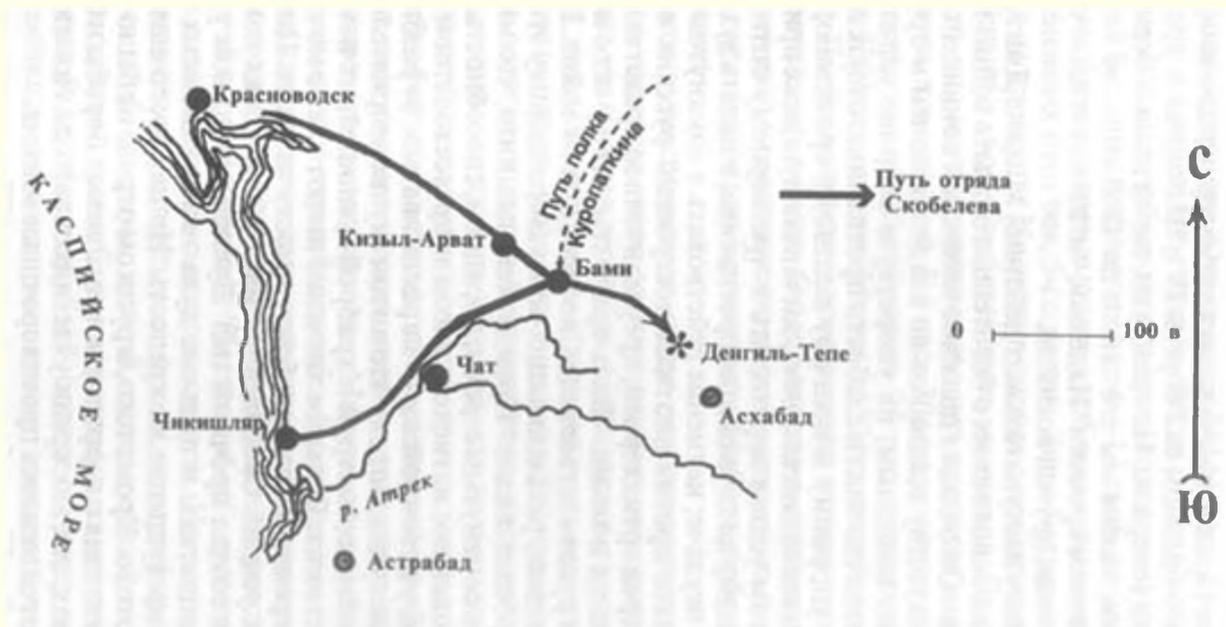
живцев, человеком несимпатичного и тяжелого характера.

Главным, что сейчас заботило Скобелева, были транспорт и связанное с ним обеспечение коммуникаций, которые должны были протянуться от морского побережья до Бами (400 км). Базу в Чикишляре он оборудовал пристанями, укреплениями, телеграфом, планируя «треугольник средств: Красноводск — Чикишляр — Бами» со вспомогательным магазином на территории Ирана в Гермабе, недалеко от Геок-Тепе (использование этого пункта было разрешено иранскими властями). Основание треугольника, Красноводск — Чикишляр, было налицо, но вершиной, Бами, еще предстояло овладеть. С помощью начальника морской части экспедиции С.О.Макарова, будущего адмирала, Скобелев доказал проходимость длинного Михайловского залива, сокращавшего на 100 верст доступ в страну. Отсюда началось строительство железной дороги под руководством инженерного генерала М.Н. Анненкова.

Чтение приказов Скобелева, конкретных и деловитых, но вовсе не сухих, показывает, что не только основные вопросы, но и детали не остались вне поля его зрения, внимания и предусмотрительности. Одновременно приказы дышат уверенностью в войсках и в победе. Но главное, как всегда у Скобелева, — забота о солдате. Вот один из первых его приказов: «Мало заботливости о людях. Между тем офицеры построили себе отличные землянки в несколько комнат. Я ничего не имею против устройства землянок для офицеров, но требую, чтобы забота офицера о солдате была на первом месте, т. е. чтобы офицеры строили себе землянки после того, как ниж-

ние чины действительно, по возможности, вполне обеспечены».

Не забывал Скобелев и об офицерах. Он настойчиво требовал и добился производства в генералы полковника Н.И.Гродекова. А.Ф.Арцишевскому он писал: «Чрезвычайно озабочен вашим, видимым из писем ваших, нервным расстройством, которому тем горячее сочувствую, что был свидетелем неустанных трудов ваших на пользу общего дела. Верьте, дорогой Адольф Феликсович, что я не забываю все вами сделанное и в свое время сочту долгом и сумею об этом... представить... Начали работать вместе — кончим вместе. Вы правы, в жизни так: кто везет, пусть везет... Но везти такой груз... — крайне почетно и не всякому по плечу... Вы, конечно, с сердцем и доверием отнесетесь к моему столько же откровенному, сколько и дружественному слову. Вам искренне признательный *М. Скобелев*». Я процитировал это письмо (с сокращениями), чтобы показать не только заботу Михаила Дмитриевича о подчиненных, но и сам его образ. Перед нами — человек не только сердечный и откровенный, но умеющий ценить тяжелый повседневный труд, человек, умудренный годами, жизненным и военным опытом. Не менее сердечным было направленное им Арцишевскому 17 декабря 1881 г. из Асхабада поздравление с присвоением генеральского звания. Он добился также награждения начальника артиллерии полковника Вержбицкого орденом св. Георгия IV и III степени и производства его в генералы. Не правда ли, перед нами совсем не тот Скобелев, каким мы его знали по 1869 году, не говоря о более раннем времени? Надеюсь, читатели согласятся: другой человек, другой военный.

Война в Туркмении^[10].

Тактику наступательных действий Михаил Дмитриевич строил на основе своего богатейшего опыта войны в Средней Азии. Он отдавал должное текинской коннице, храбрости и искусству всадников во владении конем и оружием, особенно холодным, их упорству в обороне укреплений. Но он отлично знал и слабости противника: отсутствие навыка к упорному и долгому полевому сражению; повышенную впечатлительность, заставлявшую даже при незначительном успехе переходить к чрезмерному оптимизму, доходящему до неуважения противника, и падать духом при первой неудаче; неумение действовать в сомкнутом строю и бороться против плотных построений русских колонн; страх перед артиллерией, преувеличенное представление о ее значении и мощи. «Бить врага тем, чего у него нет», — вот чем руководствовался Скобелев в этой войне. В своих инструкциях, разъясняю-

¹⁰ Источник: Полянский М.И. Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева. СПб, 1908 г., с.64. 1 верста = 1,0668 км.

щих войскам специфику этой войны, Скобелев писал: «Прежде всего помнить, что мы сильны здесь сомкнутым строем, порядком, способностью к маневрированию, натиском массы и превосходством огня». Главное, учил он войска, — не растягиваться, не разбиваться на малые кучки, потому что в этом случае неприятель, сильный особенно быстрой и храброй конницей, их немедленно уничтожит. Большое значение имеют также ночная охрана, укрепление лагеря, бдительность часовых. Ценой огромных усилий Скобелев добился обеспечения коммуникаций и создал прочный тыл. Лучшим средством удержания инициативы и подъема духа экспедиционных сил он считал наступление на крепость. Но для этого еще не все было готово. Кроме того, в русском отряде не было ясного представления о неприятеле, его приемах борьбы и боевых качествах, так как среди участников похода Ломакина на этот счет сложились противоречивые мнения.

Сам Скобелев об этом говорил: «Жаль, что я не был в деле с этим неприятелем. Без этой данной я все-таки, в конце концов, в потемках». И он решился на обдуманый, но отчаянно смелый шаг. Чтобы «доказать как своим, так и неприятелю наше превосходство, несмотря на его численность», он решил провести с небольшим отрядом рекогносцировку крепости. Отряд имел 344 штыка, 311 шашек, 10 орудий и 8 ракетных станков. Вести отряд Скобелев решил сам. В поход не было взято ни палаток, ни фуража, но большой боезапас и продуктов на 6—12 дней, а вместо водки — чай. 1 июля отряд выступил из Бами и, заняв несколько населенных пунктов, 5-го достиг Ягин-Батыр-кала в 12 верстах от крепости. Не столкнувшись с противником, уклонявшимся от боя, Скобелев здесь заночевал. На следующий день он решил рекогносцировать крепость и, если понадобится, принять бой. В 3

часа 30 минут отряд двинулся к крепости, у которой собрались 25 тыс. конных и пеших воинов, 800 всадников из Мерва и 150 союзников из других племен. По численности и вооружению отряда противник сразу понял цель похода. О бое 6 июля и последовавшей за ним ночи дает представление рассказ одного из его участников, гардемарина из Кронштадта Майера, добровольца экспедиции.

«Самое художественное, самое правдивое описание не даст вам, читатель, того ощущения, которое охватывало, опьяняло участников этого боя. Смешиваясь с громом выстрелов, музыка непрерывно оглашала степь воинственными звуками марша, и эта кучка людей в 800 человек, окруженная десятками тысяч беспощадных, расстрелявших врагов, сыпавших пулями, стройно, как на параде, двигалась под знойными лучами солнца, ярко освещавшими эту эпическую борьбу. Только один незабвенный герой, белый генерал, мог своим высоким гением довести назад этих людей через массу неприятеля... Минута смущения, минута нерешимости и отряд бы погиб... Но смущения не было. Равняясь под музыку, шли солдаты, воодушевленные духом своего геройского вождя, и неприятель расступался перед этой гордой фалангой «белых рубах», грозным молчанием отвечавших на сыпавшиеся пули. Но вот колонна останавливается, развертывает фронт, который сразу окутывается клубами дыма; меткий, единодушный залп гремит, как один выстрел... Снова играет музыка, снова стройно тянутся ряды «белых рубах», солнце сверкает на штыках, и текинцы с озлоблением начинают сознавать, что выше их сил помешать урису делать, что он хочет. Дисциплиной и меткостью огня неприятель был удерживаем от решительного нападения.

Кончена рекогносцировка. Отряд расположился за глиняными стенами Ягин-Батыр-кала, приготовившись к ночной атаке противника. Действительно, в два часа ночи слышались *пальба* и воинственные крики противника, обложившего со всех сторон нашу стоянку. Отряд наш ожидал атаки в полной готовности, но в грозном молчании, не выпуская ни одного патрона. Тыкма-Сердарь с 1500 человек спешенной конницы садами подобрался уже всего на 78 шагов к нашему фронту, но спокойное молчаливое ожидание наше смущало их до крайности. Только перед рассветом, по команде самого начальника отряда, войска дали два близких залпа и заставили текинцев отхлынуть. Когда рассвело, артиллерия открыла огонь по отступавшим массам противника». Впоследствии, уже будучи пленным, Тыкма-Сердарь объяснил, что «...текинцы потому не решались идти на штурм, что их бесконечно смущала тишина нашего лагеря. Сделай вы хоть один выстрел из орудия, то есть обнаружь расположение вашей артиллерии, — говорил он, — мы бы бросились на вас».

Подробное описание рекогносцировки оставил и А. В.Верещагин. Он также писал, что хотя отряд находился в ста двадцати верстах от Вами и в двенадцати — от Геок-Тепе, Скобелев все же искал боя, хотел, по его словам, «вызвать огонь». Скопления масс текинцев были столь огромны, что временами свита Скобелева робела. «Никогда ни одно большое сражение в турецкой кампании не производило на меня такого впечатления», — вспоминал А.Верещагин.

Во время рекогносцировки Скобелев продолжал учебу и воспитание войск, что составляло одну из ее целей. Ракеты временами капризничали, и чтобы солдаты их не боялись, он наехал на неразорвавшуюся ракету конем.

Конь был ранен, но своим поступком генерал вызвал среди солдат бурю восторга. Когда при штурме сада, окружавшего Ягин-Батыр-кала, пехота замялась, он заставил ее под огнем проделать ружейные приемы и быстро восстановил боеспособность.

8 июля отряд был уже в Вами, достигнув его почти без потерь (3 убитых и 8 раненых). Отпевая погибших, священник добавил: «И слава человеческая аки дым преходящий!» Эта фраза понравилась Скобелеву, и он заметил Баранку: «Ведь вот, Алексей Никитич, подгулял поп, а дело сказал: и слава человеческая аки дым преходящий!»

Успех рекогносцировочного похода, связанного с таким огромным риском, был обеспечен двумя факторами: водительством Скобелева и исключительно высокими боевыми и моральными качествами войск. В обращении к ним Скобелев разъяснял, что лишь знание русского солдата позволило ему решиться на движение в логово врага с таким крошечным отрядом. Рекогносцировка дала многое. Она укрепила в личном составе всей экспедиции веру в свои силы и в конечную победу.

Она дала и большее, чем раньше, знание противника, показав, что его вооружение улучшилось, что улучшена и крепость, что противник перенимает опыт русских, чему помогают его природные военные дарования. Выяснилось, что обложить крепость невозможно; штурмовать, ввиду законченности крепости и неравенства живой силы, очень рискованно. Взвесив обстановку, Скобелев принял план ускоренной осады.

В эти дни он узнал о постигшем его большом личном горе. В ночь с 8 на 9 июля Н.И.Гродеков, вскрывая почту, прочел телеграмму из Главного штаба, в которой сооб-

щалось об убийстве матери Михаила Дмитриевича в Болгарии. Известие потрясло Скобелева.

«— Ужасно, ужасно! — рыдая, повторял Михаил Дмитриевич. — Турки, турки, мои враги, убили мою любимую мать! О, если так! Тогда и я же заплачу им тем же ужасом. Я из вашей крови, варвары, убийцы, разолью моря по трупам ваших детей и отцов! Подниму на ноги все Балканы, перережу ваших жен, огнем покрою ваши дома и поля! Ха-ха-ха! Слыханное ли дело? Шестидесятилетнюю старушку убивать — как месть сыну!»

Оказалось, однако, что убийцами были не турки и не немцы, которых также подозревал Скобелев, а его ординарец.

Почему же и как произошло это убийство? — может спросить нетерпеливый читатель. — И что же это за ординарец? Об этом я подробно расскажу позже, в связи с другими событиями. А пока не будем отвлекаться.

В минуту слабости Скобелев даже пытался оставить войска и отправиться на похороны, но, пристыженный царем за малодушие, взял себя в руки и возобновил свою кипучую деятельность, заглушая ею терзавшее его горе. 25 июля он с сотней казаков сделал в седле пробег в 300 верст за трое суток к Михайловскому заливу, оттуда проследовал в Красноводск и Чикишляр, посетив все пункты, где присутствие его было необходимо, несмотря на то, что свита его не имела сил двигаться дальше и осталась отдыхать в Малакарах. В Чикишляре он получил сведения о готовящемся нападении на Бами и за 25 часов проскакал 230 верст, явившись в самый тревожный момент. Нападение последовало через день одновременно на несколько пунктов и было отбито с большим уроном для атаковавших. Каждый солдат дрался около Скобелева

львом, уверенность в победе не покидала войска, даже когда приходилось сражаться одному против десяти и когда враг завладевал траншеями.

Рекогносцировка и успешное отражение нападения на Бами произвели подавляющее впечатление на текинцев. Хотя во время рекогносцировки они потеряли четырех знатных и немногим более двухсот простых воинов, молва, как всегда бывает на Востоке, многократно увеличила эти потери. Главное же, у них поколебалась вера в свою способность отразить русское наступление. На специально собранном совете предводители решили направить в соседние страны послов с просьбой об отводе им земель для переселения. Действия и личность Скобелева произвели на них такое впечатление, что они, прозвав его «Гезкаллы» (кровавые глаза), говорили о нем в Персии: «Мы боимся этого генерала. Будь на его месте другой, мы могли бы рассчитывать на верный успех». Видя, что успех русского наступления базируется на Скобелеве, текинцы решили его ликвидировать. Покушение произошло в ночь на 14 августа в Бами, во время пиршества, когда Скобелев раздавал награды и произносил речь. Выстрел раздался со стороны базара, пуля пролетела мимо его головы. Он сначала закончил речь и лишь после этого дал приказ о розыске, добавив: «Еще не отлита та пуля, которая меня убьет». Неудача покушения еще больше укрепила уверенность в неуязвимости Скобелева среди как текинцев, так и солдат.

Несколько раз Скобелев предлагал капитуляцию. Но партию мира, за который выступало четверовластие знатных текинцев, победила партия войны, подстрекавшая англичанами. Было проведено несколько новых рекогносцировок. Во время последней, 12 декабря, джигиты кричали, что не отдадут себя дешево, просят

больше не томить их разведками и хотят драться. Любуясь их молодечеством, Михаил Дмитриевич даже приказал не стрелять по ним и сказал, что они «совсем правы». Результатом разведок стали топографические съемки и план крепости. 23-го начались осадные инженерные работы, вскоре было произведено минирование.

Во время осадных работ началось то, о чем предостерегали Скобелева Н.И.Гродеков и сочувствовавшие русским персы, — ночные вылазки текинцев. Правда, зная азиатскую войну, он требовал от войск особой бдительности ночью: «А потому, конечно, не ночью начальнику штаба и офицерам следует отдыхать, а напротив того — бодрствовать, бодрствовать и бодрствовать, во имя чести, знамени и долга присяги!» В рекомендациях пехоте, разработанных специально для этой экспедиции, он предупреждал: «...мы... можем встретить отчаянный, смертельный бой на ножах и ятаганах...» И все-таки даже Скобелев не предвидел всей опасности ночных атак текинцев.

Первая, неожиданная для русских вылазка произошла 28 декабря под предводительством самого Тыкмасердаря. Ночью 4 тысячи воинов босиком, одетые в одни рубахи с засученными рукавами, имея в руках только холодное оружие (шашки, ножи, ятаганы), бесшумно и скрытно подобралась к передовым траншеям. Некоторые, совсем голые, вымазались жиром, чтобы скользить в рукопашной схватке. Позади следовали подростки и женщины с мешками для собирания добычи и голов. С громовым «Алла» нападавшие обрушились на правый фланг и калу «Правофланговая». «Это было поистине нападение демонов», — рассказывал участник события. Огонь пехоты опоздал и «перелетел» через головы атаковавших: они уже сблизилась с солдатами. Артиллерия не смогла

сделать ни одного выстрела. Потери от этой резни были чувствительными: 96 убитых и 31 раненый. Нападавшие увезли орудие с двумя зарядными ящиками и захватили знамя одного из батальонов. Удача высоко подняла их боевой дух.

Чтобы не выпускать из рук инициативы и не допустить в отряде подрыва наступательного духа, Скобелев на следующий день приблизил передовые позиции и организовал атаку трех кал, находившихся всего в 50—100 саженьях от стен крепости. Взятие этих кал («Великокняжеских») все-таки не предотвратило новой вылазки, последовавшей 30 декабря, которая, правда, уже не была такой внезапной. На этот раз в ней участвовало 6 тысяч воинов и удар пришелся на левый фланг лагеря, в то время как на правый и тыл были направлены небольшие отвлекающие силы. Лагерь, траншеи, калы огнем и штыками отбили атаки текинцев, которые понесли теперь большие потери. Но и осаждавшие потеряли убитыми и ранеными 151 человека и снова — одно орудие.

Потери от вылазок и от огня из крепости, ставшего более действенным в результате приближения к ней войск, занявших 31 декабря первую параллель, постоянное напряжение в ожидании новых отчаянных вылазок угнетали людей. «Ces attaques nocturnes me font l'effet comme si j'avais bu l'eau de Kissingen»^[11], — высказался Скобелев, намекая на свое отвращение ко всему немецкому.

Отряд устал. Следовало форсировать штурм, а пока найти средство борьбы с ночными атаками. Для их отра-

¹⁰ Источник: Полянский М.И. Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева. СПб, 1908 г., с.64. 1 верста = 1,0668 км.

жения Скобелев решил, не показывая текинцам, что их приближение обнаружено, подпускать их на близкое расстояние и расстреливать дружным залповым огнем артиллерии и пехоты. Решению этой задачи помогла солдатская смекалка. Как-то ночью, обходя передовые позиции, Скобелев услышал разговор солдат, один из которых говорил, что генералу следует ставить их не в траншею, а позади траншеи. Тогда атакующие, которые рубили солдат сверху, сами попадут в подобное положение, подвергаясь при преодолении траншеи штыковым ударам солдат, стоящих наверху. Всегда подхватывающий и внедрявший всякую полезную мысль, Скобелев немедленно распорядился о перестройке тактики ночного боя.

Принятые меры дали отличные результаты при отражении новой вылазки, которая, по мысли текинцев, должна была заставить русских отказаться от продолжения осады и уйти. 4 января выступили 12 тысяч защитников крепости. В полной темноте, до восхода луны, внезапно и стремительно они атаковали фронт и оба фланга лагеря. Хотя им во многих местах удалось прорвать довольно редкие цепи солдат, атака везде была отбита с большими потерями для атакующих, которые исчислялись многими сотнями убитых и раненых. Русские же потери на этот раз составили всего 10 убитых, 57 раненых, 11 контуженных. Английский корреспондент (по своей фактической деятельности тайный агент) Холлидей, находившийся в крепости с женой во время осады, доносил в Лондон 4 января: «Мои письма о первых двух вылазках текинцев свидетельствуют перед вами об их необычайно воинственном духе и о торжестве их сокрушительных натисков. Но если вам угодно припомнить, я не предавался иллюзиям и докладывал вам, что без нашей помощи этот дикий народ не устоит против европей-

ского оружия. Предвещения мои сбываются. Вчерашняя вылазка (4 января. — *В.М.*) покрыла все Теке позором. Русский командующий разгадал тактику неприятеля и отразил хитрость хитростью. На ночь он вывел свои войска из траншей и позволил вылазке приблизиться, в полной темноте, на расстояние десяти шагов. И только когда в воздухе слышались взмахи текинских шашек, раздавалось по всем траншеям грозное русское «пли»... Еще несколько мгновений текинцы рвались столкнуться с русской грудью, но свинцовый град был неумолим. Нападавшие образовали пораженную ужасом толпу. Площадь, которую она должна была пробежать, чтобы укрыться за стенами крепости от беспощадного истребления, покрыта и теперь, перед моими глазами, сотнями трупов. Смело утверждаю, что старые фурии, бывшие по щекам возвратившихся сыновей своих, поступали несправедливо... Не скрою от вас, они больше не верят нашим обещаниям и даже затрудняют свободу моих личных действий». (Незадолго до штурма Холлидею удалось тайно покинуть крепость, а его неотправленное письмо попало к Скобелеву.)

После 4 января текинцы больше не решались на вылазки. Предупреждению новых попыток помогло применение прожекторов (ламп Шпаковского) и боевых ракет. Но надежду на успех отражения штурма они не потеряли и 6 января отклонили второе предложение Скобелева о капитуляции. На предложение об эвакуации жен и детей из крепости в безопасное место отвечали насмешками. Скобелев решил форсировать штурм. 8-го артиллерия пробила в стене крепости крупную брешь, но осажденные ее самоотверженно заделали. В ночь на 12-е было закончено минирование. Три боевых рукава минной галереи были заряжены 72 пудами пороха.

Штурм был назначен на 7 часов утра 12 января. В выборе этого дня опять сказались суеверия Скобелева. 12-го был понедельник, но и 13-е не пользовалось в армии хорошей репутацией. О принятии решения рассказал в своей книге об экспедиции А.Н.Маслов. Скобелев назначил штурм на 12-е, в понедельник, но так как понедельник тяжелый день, то он приказал в штабе не говорить и не вспоминать, что 12-е приходится на понедельник. Князь Шаховской, главноуполномоченный Красного Креста, узнав об этом, сказал Скобелеву:

— Это ничего, Михаил Дмитриевич... Зато 12 января — Татьянин день и день основания Московского университета...

Таким образом, штурм был назначен в Татьянин день и, как оказалось, вся тяжесть понедельника легла на текинцев, добавлял Маслов.

О ночи перед штурмом рассказывает отрядный врач О.Ф.Гейфельдер:

«На кровати лежал мундир с эполетами, орденами, перчатками и шашкой. Все было приготовлено для следующего дня, как на свадьбу, до последней мелочи, как нельзя лучше и аккуратнее. Скобелев был в хорошем расположении духа, глаза блестели, лицо сияло.

— Так я всегда przygotowляюсь к бою, — говорил он, показывая на мундир и другие принадлежности. — А теперь поговорим о чем-нибудь приятном, не о делах, не об окружающем, о чем-нибудь постороннем и интересном; после такого разговора можно хорошо заснуть».

Утром Скобелев предстал перед войсками. Он «...рано встал и явился верхом к войскам, которые уже стояли в полной готовности и боевом строе. Его бодрое, веселое

расположение духа распространилось на всех. Мы все с нетерпением ждали движения вперед, ждали решительных действий после долгого ожидания. Весь отряд разделял самоуверенность командующего, все мы были в праздничном настроении...».

Не менее интересно описание О.Ф.Гейфельдером поведения Скобелева во время боя и того влияния, которое он оказывал на войска. «Он сидел спокойно на великолепном коне; его стройная, элегантная фигура виднелась издалека. Глаза следили за движением войск, лицо было неподвижное; иногда только брови сдвигались и его звучный голос перебивал шум битвы и его приказы слышались далеко. Конечно, солдаты с восторгом смотрели на такого командира и... все мы подпадали под влияние его военного энтузиазма и геройской натуры».

Крепость была взята штурмом. В ней был обнаружен захваченный ранее текинцами Шейново, предназначавшийся для подарка английскому генералу, обещавшему прийти с войсками на помощь. В цитадели было найдено неотправленное письмо тайного английского агента Холлидея, из которого становилось понятным подстрекательство англичан. В рапорте о взятии крепости Скобелев отметил их провокационную роль: «Текинцам была обещана помощь Великобритании».

Взятие крепости означало конец войны. Теперь Михаил Дмитриевич был больше всего озабочен умиротворением и успокоением завоеванного края, развитием хозяйства и торговли. Пришло время остановиться на политике Скобелева.

Внимательный читатель обоснованно заметит: мы знакомы с принципами Скобелева по Туркестану. Или теперь появилось что-то новое?

Да, в основе его политика оставалась той же, что и во время губернаторства в Фергане. Но было и новое: во-первых теперь, как начальник экспедиции, Скобелев всецело ее определял и направлял; во-вторых, он созрел не только как полководец, но и как политик, и формулировал политические принципы более четко и последовательно. По взятии Геок-Тепе он указывал: «Наступает время полной равноправности и имущественной обеспеченности для населения, раз признавшего наши законы. По духу нашей среднеазиатской политики париев нет... Чем скорее будет положен в тылу предел военному деспотизму и военному террору, тем выгоднее для русских интересов».

Помимо уже известной нам гуманности, Скобелев выдвинул другой важный политический принцип. Он считал особенно важным завоевание доверия и дружбы простого народа. Заигрывание же с местной верхушкой было, по его мнению, ненужным и даже вредным. В одном из приказов он писал: «В Закаспийском крае чем скорее мы отстанем от вполне ложной системы ласкательства разных казн, ханов и проч. и сблизимся с массой бедного народа, тем лучше для нас... политика наша с 1861 г. в Киргизской степи (казахской. — *В.М.*), основанная на началах гуманности, уже дает хорошие результаты... вот почему я придаю важность созданию отношений добрых и доверчивых между нами и населением». Привилегии местной феодальной знати, основанные на богатстве, насилии и патриархальных обычаях, согласно политике, проводившейся Скобелевым, должны были уступить место закону, одинаковому как для богатого, так и для бедного туркмена. Это, конечно не значит, что Скобелев не считался с ролью местной знати. Напротив, он учитывал ее силу и авторитет в этом во многом еще патриархаль-

ном обществе. Через десять дней после взятия Геок-Тепе он писал начальнику гарнизона крепости А.Ф.Арцишевскому: «Предлагаю Вам отпустить из Геок-Тепе семейства, которые изберут препровождаемые мною старшины... по прилагаемому списку... Прошу Вас, по возможности, обеспечить оставшиеся еще в нашей власти семейства, не допуская никаких обид. Разрешаю, в случае надобности, расходовать на них из магазина часть... запаса... Признаю необходимым, кроме того, оказывать им медицинскую помощь... Объявите по войскам, что ко мне стали приходять почетные лица с изъявлением покорности... потому всем начальникам не только самим обращаться ласково, но и внушить подчиненным. Подтвердите это войскам, дабы неуместной грубостью кого-либо не обидеть». Прекрасно знавший восточные обычаи, Скобелев предостерегал от первого впечатления, которое мог произвести костюм лица, изъявившего новой власти свою лояльность. На Востоке, указывал он, засаленный и даже рваный халат вовсе не означает бедности и низкого общественного положения.

Еще один, нам уже известный политический принцип Скобелева — равноправность туркмена и русского. Сначала он уравнил в правах и в довольствии с русскими солдатами туркмен-верблюдовожатых, игравших в походе важную роль (на шесть верблюдов полагался один вожатый), потом — всех туркмен, так или иначе обслуживавших войска, а затем и все население. В приказе, посвященном этому политическому аспекту, Скобелев писал: «Со дня вступления моего в командование войсками, действующими в Закаспийском крае, я поставил себе в основание не только удовлетворять находящихся на службе туземцев в исправности всем положенным, но совершенно сравнять их положение с нашим

собственным, ибо *в этом, главным образом, сила России в Средней Азии. Из рабов мы стремимся сделать людей, это важнее всех наших побед».*

После окончания военных действий Скобелев был больше всего озабочен облегчением участи всей массы населения и нормализацией жизни. Об этом говорят, например, следующие его указания Арцишевскому: «Только что переговаривался с Сафи-ханом и, кажется, дело умиротворения пойдет на лад. Надо не допускать войска до насилий и следить за распространителями ложных слухов, смущающих народ. Ничего не имею против того, чтобы подобных господ научить полевым судом. *Делайте все возможное для облегчения участи несчастного населения. Русские лежачего бить не умеют*». Для разрешения споров по владению брошенным после штурма крепости имуществом он рекомендовал создать суды из представителей местного населения. В другом письме он предлагал использовать персидских рабочих для примотра и орошения полей, население же возвращать на места и в течение месяца полностью нормализовать жизнь.

Великодушие Скобелева и его отрицательное отношение к военно-бюрократическому режиму были хорошо известны. Поэтому многим современникам был непонятен его приказ о предоставлении взятой штурмом Геок-Тепе в трехдневное пользование войск, то есть на разграбление. Объясним мотивы, двигавшие Скобелевым. Дело в том, что согласно азиатским, в том числе среднеазиатским представлениям о войне, победа, даже, по европейским понятиям, полная и убедительная, не была победой, если за ней не следовала та или иная форма насилия над побежденным. Лишь насилие превращало ее в полную победу, и лишь при этом условии она считалась таковой

и победителем, и побежденным. Это восточное мышление, складывавшееся и утверждавшееся веками, заставляло турок, текинцев и других восточных воинов пытаться и обезглавливать раненых и пленных (в наши дни укажем на Чечню). Для понимания действий Скобелева характерен следующий его диалог с отрядным врачом О.Ф. Гейфельдером. На выражение последним своего недоумения и несогласия с приказом Скобелев ответил:

«— Вы этого не понимаете, любезный доктор, это особенность азиатской войны... Если бы я не разрешил разграбления Геок-Тепе, то азиаты не считали бы себя побежденными. Разрушение и разграбление должны сопровождать победу, иначе они не будут считать ее победой.

...Теперь, по прошествии нескольких лет, — писал доктор Гейфельдер уже в 1892 г., — благодаря приобретенной опытности и знакомству с азиатской жизнью, мне понятнее аргументация Скобелева в этом отношении, но в то время он не мог убедить меня».

Как отнестись к этому приказу? Конечно, первая мысль — осудить Скобелева. Но это было бы анахронизмом, модернизацией истории. Азиатская военная этика имела и другую сторону. Русских офицеров сначала изумляло, что в безнадежном положении противник предпринимал наступательные действия, обреченные на неизбежное поражение. С приобретением опыта местной войны и из разъяснений пленных они поняли эту своеобразную психологию, вынуждавшую среднеазиатских воинов во имя требований Корана и военной чести даже после фактического поражения делать последнее усилие. После его неудачи они смирялись с поражением, считая свой долг выполненным. Не прими Скобелев своего ре-

шения, текинцы восприняли бы это как слабость, а его победу — всего лишь как полупобеду. Они рассуждали бы: все-таки он не смог побить нас по-настоящему. Значит, Аллах еще не оставил нас, мы еще поборемся. Сопротивление продолжилось бы, приняв, скорее всего, очаговый характер, война затянулась бы. После же выполнения приказа Скобелева рассуждение было уже другим: значит, так хочет Аллах. Надо покориться. Скобелевым руководила не жестокость, а необходимость, которая действительно положила конец массовому сопротивлению и имела, как это ни парадоксально, гуманные последствия. (Вспомним его беседу с Марвином.)

Если же оценивать действия Скобелева с позиций сегодняшнего дня, то его приказ ни в коем случае не может быть оправдан. Иллюстрируя колониальный характер войны, он в противоречивых тонах рисует и самого Скобелева, который, с одной стороны, добивался установления в завоеванном крае законности, равноправия и порядка, с другой же, ведя войну в Азии, допускал использование в ней азиатских методов. Мы хотим выявить и показать читателю не припомаженного Скобелева, а такого, каким он был: дальновидного политика и умелого администратора, по-своему заботившегося о населении и даже великодушного, но в то же время проводника завоевательной политики, не чуждавшегося карательных мер. Пусть читатель перенесется на сто лет назад в условия текинского похода и вынесет Скобелеву свой собственный, обвинительный или оправдательный вердикт.

Для суждения о том, как практически реализовались политические принципы Скобелева, большой материал дает опубликованный в Ашхабаде сборник архивных документов «Присоединение Туркмении к России». Один из документов рассказывает о таком факте. После штурма

крепости солдат Титов в пьяном виде устроил дебош и совершил убийство местного жителя. По приговору военно-полевого суда он был расстрелян. Требования законности и равноправия, недопущения войск до насилия не были пустым звуком.

Политическую линию Скобелева в Средней Азии одобряли его прогрессивно настроенные сподвижники. «...Не могу обойти молчанием одной черты, очень симпатичной в Михаиле Дмитриевиче, — писал один из них. — Я понимаю его редкую гуманность к покоренному населению. Это, можно сказать не без гордости, наше национальное достоинство в Скобелеве выразилось очень сильно, так что в этом отношении он был истинным представителем своего народа. «Лежачего не бьют», «нужно делать все возможное для облегчения участи побежденного врага», — вот что обыкновенно говорил он, когда удивлялись его снисходительности и заботливости о побежденном. Но он также сознательно понимал и всю важность такого обхождения. В военном и бюрократическом режиме он видел огромную ошибку и невыгоду для нас. Тем не менее, с облегченным сердцем Михаил Дмитриевич мог сказать эти слова: «По духу нашей среднеазиатской политики у нас париев нет; это — наша сила перед Англией»».

Из сказанного видно, как прогрессивно понимал Скобелев задачи русской администрации на новоприобретенных территориях и средства их решения, как далеко он смотрел, определяя политическую линию в Средней Азии.

Иллюстрацией как политики, так и личного поведения Скобелева может служить следующий, не только характерный, но даже трогательный факт. По окончании

штурма крепости солдат Родион подобрал плачущую трехлетнюю девочку. Родителей ее найти не удалось. Штурм, как мы помним, происходил в Татьянин день, почему девочку и нарекли Татьяной. Крестным отцом был Михаил Дмитриевич, и по отчеству Татьяна стала Михайловной, а фамилию ей дали — Текинская. Татьяна Михайловна Текинская. Ее воспитанием занялась жена князя Шаховского Е.Милютина, дочь военного министра.

Татьяна была единственной в то время туркменкой, получившей блестящее образование, знавшей европейские языки, которые она преподавала в гимназии. Осознав себя туркменкой, она приехала на родину, быстро овладела родным языком, работала в Ашхабаде, а затем открыла школу в глубинке, где занялась просвещением народа. Как неблагонадежная, она подверглась притеснениям властей, была выслана на Украину, затем вернулась и умерла в год образования Туркменской Советской Социалистической республики в 1924 г.

Многие меры Скобелева, как и другие решения русской администрации, нашли отражение в упоминавшемся сборнике документов «Присоединение Туркмении к России». Но нельзя обойти молчанием стремление некоторых туркменских историков опорочить Скобелева даже вопреки фактам. Основной обвинительный пункт — разграбление Геок-Тепе. При осуждении Скобелева за этот приказ допускаются и обвинения его в том, в чем он никак не был виновен. Туркменский историк М.Аннанепесов, ссылаясь на весьма сомнительные сочинения до-революционных недругов Скобелева, утверждает, например, что во время осады Геок-Тепе Скобелев заявлял, что если ему прикажут, он «так же спокойно будет расстреливать рязанских мужиков, как теперь текинцев» («Вопросы истории», 1989. № 11). Заявление, немисли-

мое в устах Скобелева. А в предсмертной агонии на вопрос священника, не жалеет ли он о гибели 8 тысяч людей, Скобелев якобы ответил: «Жалею, что не 80 тысяч». Как мы увидим ниже, при смерти Скобелева около него не было не только священника, но и вообще никого, кто мог бы описать его состояние в последние минуты его жизни и зафиксировать его последние слова. Вот до чего доводит слепое доверие ко всему, что может опорочить Скобелева, представить его в качестве вампира, жаждущего только крови. Даже историю с Татьяной Текинской М.Аннанепесов характеризует как желание участников штурма «подчеркнуть «благородство» своих военачальников». Но ведь история эта вовсе не подчеркивалась. Долгое время она оставалась неизвестной, и заговорил о ней впервые туркменский писатель Ата Атаджанов, написавший сначала статью («ЛГ», 7 марта 1984), а затем книгу. Удочерение девочки было жестом искреннего милосердия и не сопровождалось никакой рекламой.

Усилия Скобелева по умиротворению края дали плоды. Разбежавшееся население возвращалось на обжитые места. Довольно скоро жизнь нормализовалась. Доктор Гейфельдер, вновь посетивший знакомые места в 1887 г., не узнал их: всюду он наблюдал распространение цивилизации, экономический и культурный подъем, спокойствие и законность. Очень важную роль выполняла железная дорога, начатая строительством еще во время войны, в 1880 г. Другие районы Туркмении и населявшие их племена вошли в состав России добровольно. Присоединение к России Туркмении, как и всей Средней Азии, имело объективно прогрессивные последствия. Прекратились феодальные междоусобицы, были ликвидированы рабство и работорговля. Соединение в одно административное целое районов, населенных разроз-

ненными и нередко враждовавшими между собой племенами, способствовало национальной консолидации туркменского народа. Началось втягивание феодально-патриархальной Туркмении в экономическую систему российского капитализма, формирование туркменской нации, благотворное воздействие на ее культурное развитие русской культуры.

Полная и эффективная победа вновь высоко подняла престиж России. Персидский шах поздравил ее с победой, подчеркнув выгоды мира и пожелав привести к покорности Мерв. Имя Скобелева донеслось до Индии, где оно соединялось с легендарным Нана-саибом. Правда, Скобелеву пришлось предпринять еще одно, последнее военное усилие. Бежавший Тыкма-Сердарь посулами и террором препятствовал возвращению текинцев и с помощью англичан, обещавших содействие, побуждал их к борьбе. Когда прошел слух о движении помощи из Мерва, Скобелев во главе колонны пошел через Асхабад на Люфтабад, где встретил восторженный прием населения, вступил в Атек и пригрозил Мерву немедленным разгромом. Теперь вверх взяла партия мира. 27 марта Тыкма-Сердарь сдался Скобелеву, который вернул ему саблю и подарил своего Шейново. Текинский вождь присягнул императору и по собственному желанию во главе мирной делегации отправился в Петербург. В соответствии с принципами русской политики они были обласканы, награждены и возвращены в родные места. В связи с возвращением делегации Главный штаб в распоряжении Закаспийскому военному отделу извещал: «Текинская делегация имела счастье представляться государю императору и удостоилась получить следующие высочайшие награды: глава делегации Тыкма-сардар — чин майора милиции и почетную шашку, Магомед Гельдиев, мервец Ма-

гомед Берды-хан и Овез Кули-сардар — каждый большую золотую медаль для ношения на шее на Анненской ленте; Магомед Риза-оглы и Куль Батыр — большую серебряную медаль на Станиславской ленте. Кроме того, каждый из них получил золотые часы и почетный бархатный халат. По высочайшему повелению депутации разрешено возвратиться в свои места, в Ахал-Текинский оазис. На управление Закаспийским военным отделом возлагается забота по отправлению депутации из Красноводска в места их жительства».

Война была окончена. Цель была достигнута с большой экономией людей, времени и денег в сравнении с первоначальным планом. «Образцовые» действия Скобелева в этой локальной, но достаточно серьезной и трудной войне упрочили международное признание его военного таланта. «Ахал-Текинская экспедиция определила его как полководца», — считал маститый Леер. В нем уже не было рисовки, он уже не бросался с шашкой в гущу боя. Все его действия характеризовали такие черты, как расчет, четкое планирование, продуманность каждого шага. Только один раз он не выдержал: по окончании штурма лично повел конницу в преследование. Но о текинских воинах (имевших вокруг, особенно в соседнем Иране, высочайший военный авторитет) Скобелев остался самого высокого мнения и предполагал привлечь их к участию в будущей войне на Западе. «Текинцы такие молодцы, — говорил он, — что сводить несколько тысяч такой кавалерии под Вену — совсем неплохое дело».

На заключительном этапе войны произошел яркий эпизод, рассказанный известным (точнее, неизвестным) нам NN. «Через несколько дней после взятия Асхабада

Скобелев во время рекогносцировки встретил значительную толпу конных текинцев.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Мирные теке, — ответили они.

— Как я этому поверю, когда вы вооружены?

— Текинец никогда не лжет, — возразил гордо один из них.

— Хорошо, если так, проводите меня до Асхабада, — сказал Скобелев.

И с сими словами он отпустил свой конвой, отправился к Асхабаду, окруженный кучкой диких разбойников, которые отчаянно дрались под Геок-Тепе несколько дней перед тем». На что рассчитывал Скобелев, решаясь на этот рискованный и не вынужденный обстановкой шаг? Он уже хорошо знал текинцев и по их поведению при этой встрече понял, что они не обманут. И он, со своей стороны, хотел показать им свое доверие. Он знал, что слух об этом разнесется по всей Туркмении и поднимет его авторитет еще выше, а с ним и авторитет русской власти.

Для войск и в честь приехавших из Ирана гостей Скобелев устроил своеобразный парад, точнее, военный праздник, изображавший штурм Геок-Тепе. Его описание оставил доктор Гейфельдер: «Я присутствовал на многих парадах и маневрах, гораздо более величественных и блестящих, в Петербурге, Вене, Берлине и Париже, но такого интересного, своеобразного и увлекательного, как этот, никогда не видел. Тут был изображен, в концентрическом масштабе, штурм и взятие Геок-Тепе... Иллюзия была полная... Во время битвы Скобелев воодушевился до такой степени, что всех увлек за собою. Я был более

взволнован во время этих маневров, нежели во время действительного штурма. В эту минуту можно было понять, до какой степени появление Скобелева, его действия должны были воодушевлять и увлекать массу. Ни прежде, ни после я не видел его до такой степени в своей сфере и не любовался им так, как в это утро».

Личные чувства Скобелева после окончания кампании были сложными и смешанными. Он был награжден Георгиевским крестом II степени и стал полным генералом (от инфантерии). Это не могло его не удовлетворять. Но после полной напряженности боевой жизни переход к миру и относительно бездействию был столь резким, что Скобелевым, при его известной нам натуре, овладели апатия и равнодушие. Изменение в его поведении — отсутствие прежней приветливости и доступности — было сразу замечено и воспринято с обидой. Но дело объяснялось просто. Помимо того что исчез такой важный для Скобелева стимул к поддержанию близких отношений с подчиненными, как боевая обстановка, сказывались усталость и ухудшившееся состояние здоровья. Доктор Гейфельдер вспоминал, что хотя Скобелев усилием воли заставлял себя быть бодрым и деятельным, он часто болел и иногда лежал целыми днями. Он писал дяде, что здоровье его подорвано еще с хивинского похода, «да и труды двух кампаний, Кокандской и Турецкой, тоже прошли не даром. В первый раз в жизни произношу слово «отдых», знаю, что это грустный признак, ибо это начало конца, но делать нечего». К тяжелому физическому состоянию добавлялась психическая травма, нанесенная гибелью матери. Неудивительно, что Михаил Дмитриевич мечтал об отдыхе. И.И.Маслову он писал, что думает о Спасском, о хозяйстве, саде, цветах, о своем конном за-

воде, куда послал шесть кровных жеребцов, и даже — впервые — упоминает о лечении.

В прощальном приказе боевым частям Скобелев благодарил их за службу и за успех, одержанный их «терпением и мужеством». Уже в Петербурге 16 мая он подписал приказ с выражением благодарности работникам тыла. 13 апреля Михаил Дмитриевич отбыл из Геок-Тепе через Вами и Красноводск на пароходе «Чикишляр», проведя в Туркмении «1 год без 3-х дней» (1.V. 1880 —27.IV.1881).

Глава V. Скобелев — полководец и военный деятель

Итак, последняя военная глава. Ее необходимость, думаю, понятна: мало рассказать о походах и сражениях Скобелева. Их описание и анализ были выполнены до-революционными исследователями. А я хочу выполнить новую задачу: осмыслить, пусть в популярной форме, его полководческое искусство и военную деятельность в целом, и в значительной степени на новых документах.

Скобелев обладал всеми качествами военного человека и полководца. Он был решителен, инициативен, лично храбр, не боялся трудных решений и не уклонялся от связанной с ними ответственности. Он был осторожен и шел в бой, предварительно сделав все возможное, чтобы склонить весы победы на свою сторону, но в то же время умел рисковать. Важная черта Скобелева-полководца — новаторство. Ему были чужды рутина и доктринерство в его догматическом понимании. Он творчески и целеустремленно изучал и осваивал опыт последних войн, старался использовать их уроки сам и сделать их достоянием войск. Будучи генералом-практиком, он великолепно знал военную литературу, военную историю и теорию. Его новаторство сочеталось с военными знаниями, которые были, по отзывам современников, всеобъемлющими, энциклопедическими. Наконец, Скобелев понимал и любил солдата, заботился о нем и сам был безгранично любим солдатской массой.

Скобелев был продолжателем суворовских традиций в воспитании, обучении и вождении войск, развивая эти традиции в обстановке отмены крепостничества, нового вооружения армий, новых условий ведения войн. Недаром многие современники считали, что в военной истории России XIX в. Скобелев был тем же, чем был Суворов в XVIII в. Сравнение хотя и не полностью равных величин, но не лишенное смысла: в эпоху между Отечественной войной 1812 г., последовавшими за ней заграничными походами русской армии, завершившимися взятием Парижа, и 1917 годом, то есть за целое столетие, Скобелев был действительно самым крупным, талантливым и прославленным русским полководцем. Нельзя также забывать, что Скобелев и прожил вдвое меньше Суворова.

Взгляды Скобелева на природу и причины войн были итогом его собственных размышлений и имели, особенно для того времени, довольно своеобразный характер. К сожалению, до нас не дошли никакие письменные изложения самого Скобелева, и об этих его взглядах мы можем судить на основании воспоминаний тех немногих современников, с кем он вел доверительные беседы, главным образом Немировича-Данченко. При их оценке следует учесть, что писатель передает устные беседы со Скобелевым, происходившие к тому же в виде спора. Поэтому, увлекаясь, Скобелев мог допускать невольные преувеличения. С другой стороны, в передаче Немировича-Данченко возможны неточности, обусловленные тем, что он лишь вспоминал об этих беседах, не имея, по-видимому, сделанной сразу по их следам записи. Время неизбежно стирало многие подробности и, может быть, важные аргументы. Не исключено, что писатель кое-что и домысливал. Чтобы получить о представлениях Скобелева более верное понятие, мы будем сопоставлять при-

писываемые ему Немировичем-Данченко суждения с воспоминаниями других, очень немногих, правда, лиц и, главное, с тем, что Скобелев не говорил, а делал.

Скобелев считал, что причиной возникновения войн послужили различия в уровне экономического развития и благосостояния разных стран и народов. В одном случае народы, отставшие в своем экономическом развитии, культуре и материальном богатстве, искали выход в завоеваниях, чтобы приобрести недостававшее за счет более богатых соседей. В качестве примера Скобелев ссылался на гуннов, вандалов, татаро-монгольские завоевания XIII в. Другой случай — возникновение войн в результате стремления более высокой цивилизации поработить слабейшего противника и обогатиться за его счет. Таковы, например, испанское завоевание Америки, английское завоевание Индии.

Из этой теории следовал вывод, обещающий, хотя бы в будущем, избавить человечество от войн: для этого необходима ликвидация различий в экономическом развитии и благосостоянии народов, сближение различных культур и цивилизаций. Но несмотря на всю очевидность этого вывода, Скобелев его не делал. Более того: он высказывал противоположное убеждение. «Никогда не настанет время, в которое мы будем в состоянии обойтись без войны. Неужели вы действительно верите в утопию грядущего золотого века?» — говорил он доктору Гейфельдеру.

Пытливый читатель уже подметил противоречие. Конечно, он спросит: как же совместить это мнение Скобелева с его теорией происхождения войн? Может быть, он просто не понимал логической неувязки этих двух положений?

Исключено. Он был слишком умен и образован, чтобы не понимать столь простой логики. Пытаясь проникнуть в его понятия, аналитически мысливший М.М.Филлиппов высказал догадку: «Парадоксы Скобелева объясняются лишь тем, что военный практик в нем поневоле сталкивается с политиком». На мой взгляд, догадка верна. По-видимому, против этого вывода подсознательно протестовала военная натура Скобелева. Он не мог согласиться, даже говоря о далеком будущем, чтобы столь любимая им профессия оказалась ненужной, чтобы вместе с исчезновением войны со сцены общественной жизни сошла армия, военные традиции, все, что было ему так дорого, без чего он не мыслил своей жизни. Перед нами действительно парадокс, но, как увидим дальше, не единственный.

Скобелев не смотрел на экономику как на фактор, всегда и в любых условиях определяющий исход войны. Когда, например, в ответ на его убеждение в неизбежности русско-германской войны ему указывали на невозможность войны ввиду плохого состояния финансов России, он возражал, по воспоминаниям В.И.Немировича-Данченко, с жаром доказывая, что финансы — не препятствие, что в истории бывали случаи, когда победы добивались государства со значительно худшим состоянием финансов, ссылаясь на положение Франции в 1793 г., России до Полтавы и т. д. «Я не говорю: воевать теперь. Пока еще наш курс 62 копейки, можно и погодить, но немцы долго ждать не заставят...»

Именно это положение в передаче Немировича-Данченко вызвало обоснованное недоверие не раз цитированного нами близкого друга Скобелева. «По г. Немировичу, — писал он, — Скобелев смотрит на войну, как на единственный род промышленности, к которому можно

приступить без капитала. Он даже смотрит на войну как на добычу, которой можно блистательно поправлять экономическое народное расстройство.

«Немецкие или французские банкиры могут смотреть на войну как на экономическую ересь; у них на то солидные причины...» Ну, а мы, русские, как должны смотреть? Неужели как на экономическую добродетель? А Крымская, а турецкая война, которые оставили нам неплатные государственные долги... Нет, так просто не мог смотреть на войну Скобелев, если бы даже и высказывал что-либо подобное для ободрения своих друзей. Не мог думать так серьезно тот, кто целый год потратил на приготовление к войне с текинцами, кто потребовал заранее продовольствия на эту экспедицию минимум на полгода, на что требовались деньги и деньги».

В то же время, если даже допустить, что Скобелев действительно «высказывал что-либо подобное для ободрения своих друзей», в этих мыслях есть доля истины. Даже по Немировичу-Данченко, он не отрицал вообще значения финансов, а лишь утверждал, что их состояние и вообще экономика автоматически не предрешают исход войны. Война — сложное общественное явление. И возникновение войн вообще, и исход данной конкретной войны зависят от многих, далеко не только экономических факторов. Не лишены наблюдательности и смысла и скобелевские иллюстрации этой мысли.

Отношение Скобелева к войне было двойственным. Он не любил войну как явление, видел и признавал все ее зло. Реакцию скептика (я имею в виду читателя, уже не скептически относящегося к Скобелеву, а скептика просто по натуре, по характеру) предвидеть нетрудно. Он,

без сомнения, заявит: не верю. Слишком противоречит это утверждение всему, что уже пришлось прочесть.

Не спешите с выводами, читатель. «Никакая победа, — говорил Скобелев Ж.Адан, — не оплачивает достаточно той массы энергии, сил, богатства и людей, которую на нее тратят...» Его высказываний на этот счет, искренних и горячих, можно было бы привести много. В то же время, сделав войну своей профессией, Скобелев отдался ей до конца. Он беззаветно любил военное дело, любил обстановку боя, с упоением шел навстречу опасности. Говоря, что он не любит войну, Скобелев никогда не говорил, что он не любит свою военную профессию. Он не мыслил свою жизнь вне военной службы, а на самой военной службе — вне боевой деятельности. Он всегда рвался на войну, «на выстрел», в бой, предпочитая боевую жизнь любому благополучию. В этом раздвоении не было ничего непоследовательного и противоестественного, оно характеризует Скобелева как гуманного человека, ненавидевшего войну, но убежденного, что она, к несчастью, пока неустранима. Военную службу он понимал как службу родине. Необходимость вооруженной защиты родины, создаваемая неустранимостью войн, вызывала необходимость в вооруженных силах и в нем, Скобелеве, как военном специалисте. Армия, военнослужащие были в его представлении необходимым и естественным институтом общества.

Скобелев считал, что на войне, коль скоро она стала фактом, колебания и нерешительность неуместны и губительны. «Подло и стыдно начинать войну так себе, с ветру, без крайней необходимости... Черными пятнами на королях и императорах лежат войны, предпринятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов. Но еще ужаснее, когда народ, доведя до конца это

страшное дело, остается неудовлетворенным, когда у его правителей не хватает духу воспользоваться всеми результатами... Нечего в этом случае задаваться великодушием к побежденному. Это великодушие за чужой счет, за это великодушие не те, которые заключают мирные договоры, а народ расплачивается сотнями тысяч жертв, экономическими и иными кризисами. Раз начав войну, нечего уже толковать о гуманности... Я пропущу момент уничтожить врага — в следующий раз он уничтожит меня, следовательно, колебаниям и сомнениям нет места. Нерешительные люди не должны надевать на себя военного мундира. В сущности, нет ничего вреднее и даже более — никто не может быть так жесток, как вредны и жестоки по результатам своих действий сантиментальные люди. Человек, любящий своих ближних, человек, ненавидящий войну, должен добить врага, чтобы вслед за одной войной тотчас же не началась другая».

Скобелев тяжело переживал понесенные в боях потери и страдания раненых и искалеченных солдат и офицеров. Но во время боя он не хотел и слышать о потерях, так как такая информация, по его мнению, деморализовала и расслабляла полководца, парализовала его волю к борьбе. Александра II потрясли эти зрелища, и следствием явилось заключение поспешного мира, говорил Скобелев.

Говоря об источниках побед и личной храбрости Скобелева, нельзя умолчать о такой их питательной основе, как тесная, кровная связь с солдатской массой и, более того, с народом. Храбрость Скобелева его друг предложил назвать «массовым героизмом отдельной личности». Я знаю, высказывал он уверенность, что под такую теорию подписались бы обеими руками многие, знавшие Скобелева, особенно его боевые товарищи. «Да,

— продолжал он, — Скобелев был человек массы, по-русски — мирской человек. Без нее, без этой массы, он был как рыба без воды, как птица без воздуха. Стоило ему увидеть перед глазами ряды волнующихся человеческих голов, услышать стоустый говор толпы, и он весь оживал, он становился выше своего роста и мгновенно вырастал в героя этой толпы. В этом случае он был подобен тому классическому Протею (так у автора, правильно: Антею. — *В.М.*), у которого в борьбе удесятерились силы, когда он прикасался земли. Масса для Скобелева была источником, который освежал, питал его и давал жизнь. В этой массовой черте характера Скобелева я вижу самую глубокую национальную особенность его. В ней я вижу разгадку тайны его обаяния на солдат, которых одной личной храбростью не удивишь. Он был общителен, прост и демократичен со своим солдатом; он делил с ним вместе все трудности военной жизни; с этим солдатом он шел под пули... Россия знает еще одного такого «мирского» человека в лице воина. Это был Суворов».

Эта черта, чрезвычайно важная для понимания как влияния Скобелева на солдат, так и его личной храбрости, подтверждается многими материалами и составляет одну из главных особенностей его не только военного, но и человеческого облика. Тот же автор упоминает, но не развивает и даже не разъясняет тезис об идейности храбрости Скобелева. Этой идеей был, без сомнения, его горячий и сознательный патриотизм.

Как военный деятель, Скобелев был сторонником прогресса в армии, распространения на нее общественных преобразований. И субъективно, и объективно он был членом когорты Д.А.Милютина, постоянно поддерживая его реформаторскую деятельность и защищая проведенные реформы от атак справа, особенно усилившихся

после отхода Милютина от дел. Скобелев был убежденным врагом крепостничества. Уничтожение крепостного права, писал он, не только смыло с России позорное пятно, но и высвободило скованные силы русского народа и укрепило военную мощь страны. Он безусловно поддерживал закон о всеобщей воинской повинности, реформу военного управления, новую систему поддержания воинской дисциплины и новые судебные уставы. Одним из важных документов, в котором Михаил Дмитриевич выразил свое отношение к этим реформам, было поданное им по начальству «Мнение командира 4-го армейского корпуса генерал-адъютанта Скобелева об организации местного военного управления и о корпусах». Этот документ был им представлен в комиссию, занимавшуюся рассмотрением предложений в области военных реформ. Равный по чинам, он был в полтора раза моложе *среднего возраста других участников этой комиссии, собравшей лучший русский генералитет.*

В своем «Мнении» Скобелев решительно отстаивал проведенные реформы от нападавших на них ретроградов. «Противники преобразований нашей армии в 1860–1874 гг., — писал он, — старались доказать, что при первой войне выкажется полная несостоятельность новой реформы. Двадцатилетний опыт, мобилизация и война 1877–1878 гг. доказали, что система эта, в главнейших своих основаниях, соответствует современным требованиям. Мы видели, с каким, сравнительно, успехом произведена была мобилизация как первых корпусов, вошедших в состав действующей армии, так равно и последующая мобилизация 1877 г., и в каком блестящем виде войска были сосредоточены (сравнительно с приведением на военное положение в войну 1854–1855 гг.)». Указав на этот главный факт, Скобелев далее подчеркивал,

что в войну 1877–1878 гг., как и во время Ахал-Текинской кампании, было в основном на должном уровне обеспечено доукомплектование армии и ее боепитание, несмотря на растянутость коммуникаций, тогда как во время севастопольской обороны была установлена плата за собранные пули по 4 рубля за пуд. «Следовательно, — делал вывод Скобелев, — военно-окружная система не заслужила упрека в несоответственности ее в военное время в коренном основании и, напротив того, в весьма многом существенно оказалась далеко превосходящею прежние порядки». Скобелев, правда, признает, что установленная система не свободна от недостатков, но он «глубоко убежден, что многие из недостатков... происходят от исполнителей и наших давнишних бюрократических преданий...» и что нужна «не коренная ломка существующего, а напротив того, постоянное совершенствование...».

Указав на эти недостатки и предложив меры по их устранению, Скобелев высказал важные соображения о работе Генерального штаба. Положительной ее стороной было укрепление связи Генштаба с войсками, но он считал большим недостатком, что офицеры, окончившие Академию Генштаба, «назначаются на службу или в Главные управления военного министерства, или в Округные и войсковые штабы, где они остаются на канцелярских должностях...». От этого офицеры-академики теряют и командирские навыки, и теоретические знания. В канцеляриях и штабах наблюдается их избыток, а в войсках — недостаток, тем более что эти офицеры пополняют не только военные, но и прочие канцелярии империи. Скобелев предлагал:

1. По окончании академии возвращать выпускников на командные должности, в строй.

2. Переводить в Генштаб только тех выпускников, которые получают на это право своими заслугами офицеров-строевиков и военно-учеными трудами.

3. При производстве обер-офицеров Генштаба в штаб-офицерские чины снова возвращать их в строй для командования батальонами и затем — полками. После этого лучших из них и вновь заявивших себя учеными трудами по мере надобности переводить в Генеральный штаб.

Таким же деловым и прогрессивным было «Мнение о воинской дисциплине» и письмо Михаила Дмитриевича начальнику штаба своего корпуса генералу М.Л.Духонину «По поводу военно-судной реформы». В предложениях к проекту преобразований по военно-уставной части было и такое: интересы строевой службы «должны уступать интересам военного правосудия... правильной и разумной деятельности военных судов, воинской дисциплины и порядка».

В ответ на это нелепое предложение Скобелев заметил:

«1. «Должны», но только в том случае, если будет *доказано*, что нельзя без этого существенного ущерба установить правильное отправление правосудия.

2. Разумное правосудие черпает свои основания из:

1) широкого понимания *равноправности* перед законом и

2) стремления к достижению возможно-идеальной справедливости...

Дисциплина и порядок не внушаются страхом наказания, а уважением к законности, особенно высших чинов в армии. При императоре Николае I страх был, но дисциплина была слабее, чем теперь». И Скобелев заявляет о своем несогласии с указанным предложением, так как его внедрение поведет к произволу и к подрыву доверия младших к старшим. «Не следует смешивать понятия о правильно строгой дисциплине с понятием о начальническом произволе. Армия *всегда* (когда она народная, то в особенности) является выражением общественного и нравственного состояния страны... Не стеснять, а развивать уставы 1869 г., приближать к идеалам судов гражданских, следует. В этом только направлении залог непоколебимости дисциплины в армии, по мере того как в нее будут все более и более всасываться начала общеобязательной повинности, с коими тесно связано развитие и общенародного образования». Во втором из указанных документов Скобелев безоговорочно высказывается в защиту проведенной Д.А.Милютиным военно-судной реформы.

В другой своей записке той же комиссии Скобелев писал: «Привычки произвола и, скажу даже, помещичьего отношения к солдату еще не искоренились и проявляются в среде многих (отсталых) офицеров... лучшая и самая интеллигентная часть наших молодых офицеров, а также солдат, совсем иначе смотрит на службу... чем это было несколько лет назад. Я считаю эту перемену большим благом для отечества и гарантией успеха в будущих боевых столкновениях... Поэтому так страшно слышать заявления о необходимости возвращения к старому, быломu, как учит нас отечественная история, далеко не привлекательному». Это, без сомнения, взгляды передового военного деятеля, можно сказать больше: взгляды

передового гражданина. «Реформы... — говорит Скобелев в последней записке, — сделали солдата гражданином. Всякий шаг по пути возвращения к старому будет поставлен против принципа... уважения к личности. *Этот-то принцип составляет главную силу нашей современной армии*, ибо он защищает солдатскую массу от произвола». Напомнив об «ужасных», по его словам, порядках в дореформенной армии, Скобелев подчеркивал, что «эти порядки... делали из нашей армии массу без инициативы, способную сражаться преимущественно в сомкнутом строю, между тем современные боевые условия требуют развития личной инициативы до крайней степени, осмысленной подготовки и самостоятельных порывов. Все эти качества могут быть присущи только солдату, который чувствует себя обеспеченным на почве закона». Обращаясь с солдатом как с полноправным гражданином, Скобелев апеллировал к его сознательности, чувству долга, патриотизму.

Защита законных прав солдата, конечно, не означала, что Скобелев пренебрегал дисциплиной. Ей он придавал огромное значение, считая ее первым залогом победы. В приказе по Закаспийской области от 15 мая 1880 г. он писал: «...основанием боевой годности войска служит строгая служебная исполнительность, дисциплина. Строгий порядок в лагере, на бивуаках, строгое исполнение всех, даже мелочных требований службы служит лучшим ручательством боевой годности части». Основанием же дисциплины является законность служебных отношений. В другом приказе Скобелев разъяснял: «Всеми действиями военнослужащих должен руководить закон; им, а не личным произволом, должен руководствоваться всякий начальник как в своих действиях вообще, так и в на-

ложении дисциплинарных взысканий в особенности, чтобы и нижние чины... приобрели уважение к закону...»

Воспитание сознательного отношения к воинскому долгу Скобелев непосредственно связывал с сознательным исполнением приказов. Строжайше требуя исполнения приказа, он в то же время добивался, чтобы исполнитель в пределах данной ему и необходимой свободы «рассуждал», чтобы приказ исполнялся самостоятельно, инициативно. В приказе по своей дивизии перед переходом Балкан Скобелев писал: «Начальник части обязан разъяснить офицерам и фельдфебелям смысл того, что ему приказано по диспозиции делать... всякий солдат должен знать, куда и зачем он идет; тогда, если начальники и будут убиты, смысл дела не потеряется». С той же целью развития инициативы Скобелев добивался повышения культурного уровня солдатской массы и принимал меры к организации обучения солдат грамоте.

Из всех военачальников своего времени Скобелев выделялся, как мы уже видели, особой заботливостью о солдате. Он лично следил за размещением солдат в походных условиях и в казарме, за организацией их быта, питания, отдыха, за соблюдением санитарии, досугом, развлечениями, организуя для этого песни, игры, солдатский театр. «Скобелевские», как они себя называли, выделялись своим бодрым, бравым видом, они были лучше всех накормлены, одеты, среди них было меньше всего больных. Солдаты гордились своей принадлежностью к части, предводимой знаменитым и любимым ими генералом, и смотрели на других с некоторым чувством превосходства. Теперь мы можем определить причины популярности Скобелева в более четкой форме. Боевые подвиги и забота о солдате — эти два качества, тесно связанные

и одинаково характерные для Скобелева, прославили его в равной мере, с ними он и вошел в историю.

От офицера Скобелев требовал прежде всего уважения к личности солдата, неустанной заботы об удовлетворении его нужд, чему свидетельство многие приказы Скобелева, частично цитированные выше. Наряду с этим Скобелев считал необходимыми для офицера такие качества, как храбрость, инициатива, исполнительность и высокая профессиональная подготовка. «Всех гг. офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится», — объявлял он в одном из приказов. Пример подавал он сам. Г.А.Леер писал об этой черте Скобелева: «Благодаря ряду способностей, Скобелев представляет собой великую силу и является богачом. Но этот «богач» не подчиняется почти неизбежно вредной стороне всякого богатства, выражающейся в самодовольстве и отсутствии деятельности. Напротив, Скобелев неустанно работал над собой, над самоусовершенствованием. Несмотря на столь щедрые дары природы и на академический диплом, он с жадностью изучал военную науку, хорошо понимая, что только она одна может дать таланту содержание, меру и разумное направление... Это изучение военной науки Скобелев продолжал не только по выходе из академии, но и после боевых успехов в Азии. Мало того, уже признанный талант, уже славный на всю Европу вождь, после взятия Ловчи и Плевны, Скобелев оставался верен этому изучению и в 1877 г. из действующей армии присылает ко мне своего адъютанта Эйхгольца с просьбой дать список новейших сочинений, которые и были доставлены ему за Балканы».

Готовясь к войне, Скобелев использовал для изучения противника и театра военных действий всю существующую литературу. Он был постоянным клиентом пе-

тербургских и московских книжных магазинов. С.Ф.Либрович, работавший в магазине известного петербургского издателя и книготорговца М.О.Вольфа, в интересных воспоминаниях, содержащих сведения о многих исторических лицах, говорит и о Скобелеве.

В день приезда в Петербург из Средней Азии Скобелев пришел в магазин Вольфа, который знал его еще ротмистром. «Прикажите подать мне все книги и брошюры, которые у вас имеются о Балканах и Турции, все равно на каком языке», — сказал он. Все время до отъезда на войну он посвятил изучению этой небогатой тогда литературы. «Кроме официальной квартиры, которую он снял в одной из гостиниц, он нанял комнату на Фонтанке, у одного знакомого отставного офицера, и туда ему отсылались из книжного магазина Вольфа все те касающиеся Турции и Балкан книги, брошюры, карты, которые можно было получить тогда в Петербурге. Об этой второй квартире Скобелева знали, очевидно, немногие. Это была как бы секретная рабочая комната генерала, и там он часто засиживался за книгами и картами до поздней ночи». У Вольфа Скобелев бывал каждый день. Одну, считавшуюся серьезной, немецкую книгу об интересовавшем его районе найти было невозможно, еле выпросили ее у владельца. Скобелев вернул ее со словами: «Старо, поверхностно и неверно». Уезжая на войну, он сказал, чтобы ему присылали книги в действующую армию.

Вернувшись с войны в Петербург, Скобелев стал опять усердным клиентом магазина. «Покупал он и читал поразительно много и читал с какой-то лихорадочной быстротой. Исторические романы, жизнеописания полководцев на всех языках покупал он целыми десятками. Но их только *читал*, а не *собирал*, оставляя у себя лишь немногие сочинения научного, преимущественно энцик-

лопедического характера». После войны в Туркмении «Скобелев уезжает в с. Спасское Рязанской губернии, откуда из книжного магазина Вольфа выписывает огромное количество книг... по сельскому хозяйству, очевидно, с намерением лично заняться этим делом. А всего за несколько дней до смерти... книжный магазин Вольфа получил от Скобелева заказ на целый ряд книг о Германии, германской армии...».

Наряду с характеристикой книжных интересов Скобелева и некоторыми сведениями биографического характера отрывок интересен тем, что показывает тщательность скобелевской системы изучения страны и армии вероятного противника, его стремление получить о нем новейшую, полную информацию, не говоря уже о его интересе к военным наукам и культурных запросах. С рассказом Либровича полностью совпадают наблюдения Грина: «У него ненасытная страсть к чтению, а его средства позволяют ему получать всевозможные книги по его специальности, в какой бы стране света они ни появлялись... Мне не приходилось встречать человека, столь основательно вооруженного знанием всех выдающихся фактов военной истории, начал современного военного дела и вопросов среднеазиатского и индийского управления» (приводятся примеры активного, с карандашом в руках, изучения Скобелевым литературы).

Естественно, что при таком требовательном подходе к профессионализму и культуре Скобелев не выносил немогузнайства, отсутствия своего мнения, особенно если при этом для самооправдания ссылались на дисциплину. «Быть при нем — значило то же, что учиться самому, — вспоминал Немирович-Данченко. — Он рассказывал окружающим его офицерам о своих выводах, идеях, советовался с ними, вступал в споры, выслушивал каждое мне-

ние. Вглядывался в них и отличал уже будущих своих сотрудников. Начальник штаба 4-го корпуса генерал Духонин так характеризовал Скобелева. Другие талантливые генералы — Радецкий, Гурко — берут только часть человека, сумеют воспользоваться не всеми его силами и способностями. Скобелев напротив... возьмет все, что есть у подчиненного, и даже больше, потому что заставит его идти вперед, совершенствоваться, работать над собой» (не путать М.Л.Духонина с убитым в 1917 г. генералом Н. Н.Духониным).

Но теоретические знания не были для Скобелева самоцелью. Он настойчиво добивался воплощения их в боевую практику, указывал, что «современный бой требует основательного осмысленного знакомства со всем касающимся формы строя, применения к местности и дисциплины огня... офицеры... еще недавно имели случай на опыте в бою убедиться, как нерасчетливо ныне кидаться в атаку, не подготовив ее огнем артиллерийским и ружейным массой с соответствующих позиций, дистанции и по должной цели». Боевая подготовка, по мысли Скобелева, слагалась как из собственного осмысления боевого опыта, так и из использования данных военных наук. Скобелев требовал от офицеров самоотверженной работы и ценил прежде всего дело и его практические итоги. Превыше всего он ставил деловые качества. Этим критерием он руководствовался при оценке и аттестациях, поощрениях и наказаниях. Поэтому все достойные офицеры стремились служить под его командованием и считали это для себя особенной честью.

В приказе № 68, написанном после окончания турецкой войны и являвшемся в определенной степени обобщением ее опыта, Скобелев подчеркивал: «В бою необходимо (о субалтерн-офицерах и унтер-офицерах, не

говоря уже о батальонных и ротных командирах), чтобы офицеры сохраняли полную энергию, самообладание и способность самостоятельно решаться при всяких обстоятельствах... для успеха начальник должен *ВОДИТЬ* свою часть в бой, а не *ПОСЫЛАТЬ* ее...» В войсках Скобелева это правило постоянно поддерживалось и в немалой степени способствовало достижению победы, хотя и не могло не вести к большим потерям в офицерском составе. Настойчивые атаки отряда Скобелева во время третьего штурма Плевны привели к успеху лишь благодаря самоотверженности натиска, достигавшейся тем, что солдат вели в атаку непосредственно командиры и даже сам начальник отряда. Конечно, это правило нельзя считать имеющим универсальное значение, но в войнах того времени оно себя безусловно оправдывало.

Краеугольным камнем скобелевской системы боевой подготовки войск было обучение их тому, что нужно на войне, и каждый час мирного времени он старался использовать для ее совершенствования. По окончании турецкой войны он подчеркивал: «При нынешнем состоянии военного дела и вооружений мало того, чтобы сражаться умеючи — этому научила нас война. Мы должны добросовестно воспользоваться мирным временем, дабы не только сохранить, но и развить опыт, приобретенный ценою крови».

Исповедуя формулу, что «только война учит войне», Скобелев считал, что достижение военных побед может быть значительно облегчено и даже предопределено правильно поставленным обучением войск. Принципы, о которых шла речь выше, сложились у него в стройную систему, отличительной чертой которой было приближение условий обучения к боевым. Маневры 4-го корпуса, по отзывам их участников, напоминали военные дей-

ствия. Таковы были, например, двусторонние маневры войск корпуса с 3 по 10 сентября 1881 г. в долине реки Друти, проводившиеся в форме боевых действий войск Бобруйского лагерного сбора против Могилевского. Учить показом, а не одним рассказом, — всегда требовал Скобелев, и сам показывал пример. Подавляющая же часть военной службы Скобелева приходится на боевые действия, когда войска учились войне в процессе и с помощью самой войны.

В усвоении уроков войны Скобелев представлял образец презрения ко всякой рутине. Он немедленно реагировал на все полезное, рождавшееся боевым опытом войск. Для него не имело значения, от кого, офицера или солдата, исходила та или иная полезная мысль. Например, мысль о способе отражения ночных вылазок текинцев подал солдат. Он был награжден солдатским Георгием, а его идею Скобелев реализовал следующим образом: «Это повело к отданному 3-го января приказанию с наступлением темноты войскам выходить из траншей на площадь позади их и располагаться здесь, выставив в траншеях часовых, — писал исследователь этой войны. — В случае вылазки войска должны были противодействовать ей огнем и штыком с этой же площади, не входя в траншеи, которые с этой минуты являются местами лишь дневного расположения войск и путями дневных сообщений...» Соповещения с офицерами и унтер-офицерами, доводившими принятые решения до солдат, Скобелев проводил не только для уяснения ими смысла действий в предстоящем бою, но и для того, чтобы выслушать их мнения, которые могли содержать новые полезные предложения.

Используя все полезное, что шло из недр войск, Скобелев делал достоянием боевой практики и свои соб-

ственные идеи. Пример новаторского обобщения им боевой практики — его убеждение в необходимости инженерного обеспечения любой позиции, даже занятой на короткое время и когда боя, казалось бы, не предвиделось. В турецкую войну Скобелев требовал этого и тогда, когда боевые действия, после взятия Плевны, вновь приняли маневренный характер. Непременное окапывание, укрепление позиции не соответствовало традициям полевой войны и рутинерам казалось излишним. Турок они называли не солдатами, а землекопами. Между тем турки, сознавая, что они не имеют шансов на успех в полевых сражениях, поступили правильно, прибегнув к сооружению укреплений и использованию естественных препятствий, заставив тем самым русскую армию заниматься штурмами и осадами. Взяв за правило обязательное инженерное обеспечение позиции, добиваясь, чтобы солдат всегда имел шанцевый инструмент, и выработывая у него соответствующий навык, Скобелев исходил из боевого опыта, прежде всего штурмов Плевны, показавших значение полевых укреплений и трудность овладения такой позицией. Характерны в этом отношении его замечания на полях книги Луи Тиваля «Значение местных предметов на войне» («*Role de Localites'a la Guerre*», которую Скобелев прочел во французском оригинале. Против того места, где говорится, что маршал Канробер успешно оборонял правый фланг позиции Базена, но не имел саперных инструментов для сооружения хотя бы легких укреплений, Скобелев поставил: «Плевна!» Посетив в 1879 г. маневры германской армии, Скобелев в своем отчете указывал, как на большой недостаток тактики немцев, на отсутствие у них этого навыка. А вот еще иллюстрация. В письме Н.И.Гродекову в 1882 г. он писал:

«А в Египте будет пифпафочка!!! Пусть бульдоги (англичане. — *В.М.*) познают, как вкусно брать траншеи».

Другой образец новаторства: войска Скобелева впервые стали применять под огнем противника атаку не в сомкнутом строю, а стрелковыми цепями, используя тактику перебежек в ее зародышевой форме. Наиболее четкое выражение эта новая тактика получила в Шипкинско-Шейновском сражении, в атаке Углицкого полка под командованием полковника Панютина. Правда, новая тактика сочеталась с еще не изжитыми элементами старой: длина перебежек была слишком большой — до 200 шагов; перебежки совершались большими массами, цепью в несколько рот одновременно; атака шла под музыку оркестра. Но иначе перестройка тактики происходить и не могла. Новая тактика еще не сформировалась, она только зародилась и не могла сразу освободиться от веками создававшихся традиций. Тем не менее новая наступательная тактика была создана русской армией, и виднейшим ее создателем был именно Скобелев. Опыт русской армии нашел отражение в новом германском пехотном уставе 1888 г.

Творческий характер мышления, непримиримость Михаила Дмитриевича к шаблону проявляются и в том, что к способам ведения войны на различных ее театрах он подходил дифференцированно. На Балканах он придерживался общепринятых в то время в европейских армиях норм и форм тактики, внося в них от себя лишь новинки, а также свои индивидуальные методы подготовки боя, воздействия на солдат и т. п. К тому же тогда он командовал сравнительно небольшим, подчиненным отрядом. На Закаспийском же театре, став начальником всей экспедиции, он принял совсем другую тактику, соответствующую местной специфике, прежде всего характеру

противника. За войсковую единицу он принял не батальон, а роту, а за основу тактики — колонну. Учитывая страх противника перед артиллерией, он позаботился о максимальном насыщении своего немногочисленного отряда артиллерийскими орудиями различных систем и даже — устрашающего внешнего вида. Зная противника, Скобелев старался «бить его по загривку и по воображению». Принцип «бить противника тем, чего у него нет», то есть плотным, послушным строем, дисциплиной, дружным залповым огнем пехоты и артиллерии, полностью себя оправдал. Готовясь же к войне с Германией, Скобелев обучал свой корпус на основе глубокого знания этой страны и ее армии. Он учитывал ее сильные стороны и недостатки, которые так обстоятельно показал в своем отчете о германских маневрах 1879 г. Гибкое приспособление тактики к каждому новому противнику, построенное на изучении и учете всей совокупности условий данного театра военных действий, составляло характерную черту Скобелева-полководца.

Талант полководца — это соединение ума и воли. Ум необходим для нахождения единственно правильного решения, воля столь же необходима для проведения этого решения в жизнь, когда приходится преодолевать сопротивление не только противника, также стремящегося к победе, но нередко и несогласие вышестоящих начальников или своих же подчиненных. Уверенность полководца в своей правоте, в своих решениях, находящая выражение в его решительности, передается войскам, ощущается ими, как ощущаются и его колебания, ведущие к перемене приказов, его нерешительность, выдающая неуверенность в своих действиях. Решительному полководцу войска верят и охотно следуют за ним. И напротив, его нерешительность порождает неуверенность войск в

своим вожде и в возможности достижения победы. Если волю и решительность объединить понятием «характер», то можно говорить о том соотношении ума и характера, которое необходимо военному человеку. Подводя итоги своего огромного военного опыта, Наполеон высказывал на этот счет следующее мнение: «Военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума. Лица, имеющие много ума и мало характера, меньше всего пригодны к этой профессии. Лучше иметь больше характера и меньше ума. Лица, имеющие посредственный ум, но достаточно наделенные характером, часто могут иметь успех в этом искусстве».

Мнение великого полководца совершенно справедливо, но, на наш взгляд, не абсолютно. Оно применимо к военачальнику не самого высокого ранга, решающему тактические задачи, даже оперативные задачи крупного масштаба, но такие, где ему свыше четко поставлена цель. В этом случае действительно на первое место выступает характер и даже при посредственном уме можно достигать значительных успехов. Но если речь идет о руководстве не боем, не операцией, а войной, то ему приходится выступать еще и политиком и стратегом. В этом случае ум должен быть равным характеру. И еще: ум должен дополняться соответствующими знаниями.

Скобелев был в высшей степени наделен необходимыми для полководца качествами. Он был человеком большого ума и соответствующего характера, прежде всего сильной воли. Он быстро находил решения, не колебался в их выборе, не боялся ответственности. Если войска вел Скобелев, они всегда были уверены в победе, даже если сражались против вдесятеро сильнее противника. А такая уверенность — уже наполовину победа. Настоящий военный характер Скобелева ярко проявился

во всех его действиях, на всех этапах его военной карьеры. А Ахал-Текинская экспедиция показала, что Скобелев в своем профессиональном развитии достиг умения вести и войну, что он стал стратегом и политиком.

Характер полководца, его уверенность в себе, сопровождающие его победы создают ему немаловажную на войне репутацию удачливости, везения, военного счастья. Госпожа Удача всегда значила очень много в глазах и верхов и солдат. О генерале Святополке-Мирском, боевом и отнюдь не трусе, солдаты говорили, что «князь несчастливый: куда ни придет, несчастье случается». Начиная же зимний переход Балкан, солдаты 16-й пехотной дивизии были уверены в успехе и говорили между собой, что под водительством Скобелева они безусловно побьют турок.

Важным свойством всякого настоящего полководца является интуиция, чувство боя, умение в неясной обстановке ощущать и понимать его ход, чувствовать, куда, к победе или к поражению, он клонится, и находить путь к тому, чтобы изменить его течение в свою пользу. Скобелев, если можно так выразиться, чувствовал бой всем своим существом и безошибочно определял, с каким успехом, с какими колебаниями он протекает. Во время переправы через Дунай М.И.Драгомиров еще не мог сориентироваться в суматохе боя, а Скобелев уже поздравлял его с победой. И не ошибся. Вспоминая этот эпизод, Драгомиров писал, что «Скобелев шел впереди стрелков и умел предвидеть успех... ясное понимание положения во время боя дается редким единицам». Любимым выражением Скобелева было «щупать пульс боя». По биению этого пульса он безошибочно определял ход и

исход боя, как врач по пульсу определяет состояние больного.

Другое часто повторявшееся Скобелевым выражение, его ставший в свое время широко известным афоризм — «на войне только невозможное возможно». Звучит парадоксально и даже как будто не совсем понятно. Между тем если вдуматься, то мысль и верная, и понятная. На войне часто происходят такие явления, совершаются такие действия, которые в обычных условиях кажутся невозможными, превышающими силы и способности человека и массы людей. Больше всего примеров тому дает Великая Отечественная война с ее массовым героизмом и отдельных воинов, и целых подразделений и соединений. На меня произвело сильное впечатление почти дословное совпадение с этим афоризмом одной фразы из повести В.В.Карпова «Полководец» посвященной жизни и деятельности генерала И.Е.Петрова: «На войне чаще всего совершается именно невозможное». Правда, советский офицер и писатель высказывается более сдержанно: чаще всего. Скобелев же говорил: только. Если это и преувеличение, ведь война имеет свои будни, во время которых происходит и возможное, и обычное, то как оценка экстремальных ситуаций, возникающих в процессе боя, когда люди совершают невозможное, скобелевское выражение, без сомнения, имеет смысл. Одаренный блестящим военным талантом, Скобелев рано приобрел большой военный опыт. Его боевой путь сложился удачно и в том отношении, что начало его пришлось на польское восстание и среднеазиатские войны. На большую, турецкую войну он явился сложившимся боевым генералом, имеющим, несмотря на возраст, солидный опыт. Обогащенный опытом этой новой войны, Скобелев стал уже зрелым полководцем, что он с такой очевидностью

доказал Закаспийской экспедицией. Наконец, Скобелев был всесторонне образованным военным специалистом. Все это, вместе взятое, объясняет, почему Скобелев постоянно и быстро рос как полководец, как тактик и стратег, а также, добавим к этому, и как военный мыслитель, умевший смотреть вперед, провидевший войны, которые придется вести России, и их стратегию.

Переходя к анализу полководческого искусства Скобелева, сначала отметим, что формирование полководца связано не только с его индивидуальными способностями, но и с эпохой, в которую протекает его деятельность: социально-экономическими изменениями, изменениями в вооружении. Деятельность Скобелева приходится, повторим, на начавшееся капиталистическое развитие России, а в отношении вооружения — на период, когда завершился переход к нарезному стрелковому оружию и к нарезной артиллерии, когда они стали уже обычными. Отказ от колонны и рассыпной строй стрелков — основной сдвиг, которым отреагировала тактика на изменение вооружения, — также стал уже обычным во всех армиях. Деятельность Скобелева протекала в условиях формирования тех принципов боевых действий, которые получили окончательное признание в Первую мировую войну. Важнейшую роль в их становлении сыграла русско-турецкая война 1877–1878 гг. Это — зарождение атаки перебежками, окапывание и обязательное обеспечение войск шанцевым инструментом и др. Скобелев был одним из тех генералов (и, пожалуй, в этом отношении самым активным), чьи войска своим боевым опытом вырабатывали основы современного боя. Он же активно осмысливал опыт войны. Но искусство вождения войск у Скобелева, как и у всякого подлинного полководца, имело индивидуальные, только ему присущие черты. Здесь Скобелев и сказал

свое новое слово как полководец. Коротко эти особенности можно выразить в следующих положениях: тщательная подготовка боя; умелое и широкое использование военной психологии, то есть морального фактора (нравственного элемента, как тогда говорили); личный пример. Рассмотрим их по порядку.

Во всесторонней продуманной подготовке боя проявлялись осторожность и предусмотрительность Скобелева, сочетавшиеся с самоотверженностью, беззаветным стремлением к победе во время самого боя. Подготовка заключалась в принятии разнообразных мер, которые должны были исключить вмешательство любых непредвиденных неблагоприятных обстоятельств, случайностей, могущих повлиять на исход боя. Такими мерами обычно становились тщательное изучение местности, позиций и коммуникаций противника, всегда включавшее рекогносцировку, укрепление собственной позиции. Если предстояла атака укреплений, Скобелев обращал особое внимание на артиллерийскую подготовку, старался предварительно овладеть командующими пунктами окружающей местности, по возможности прервать коммуникации противника. Скобелевская система подготовки боя ярко отразилась в его цитированном выше письме, в котором он предлагал осуществить взятие Ловчи с наименьшими потерями с помощью тщательно продуманных им подготовительных мер и приемов боя. Как по замыслу, так и по его осуществлению это был блестяще проведенный бой. Тщательность подготовки вполне себя оправдала.

Подготовку боя Скобелев начинал с разведки. Он считал необходимым лично осмотреть местность, увидеть каждую даже самую незначительную особенность рельефа. Никакая карта не может заменить личного осмотра, который дает полководцу зримое представление о тех

условиях местности, в которых ему завтра предстоит вести войска в бой. Все это объясняет, почему Скобелев предпринимал свои знаменитые рекогносцировки, ставшие как бы символом его системы подготовки боя. Да и сам этот метод приобрел в его практике более широкое содержание. Если, например, под той же Ловчей он включал осмотр местности и, насколько это было возможно, то есть с внешней стороны — укреплений противника, то рекогносцировки Ахалтекинской экспедиции представляли собой уже разведку боем, и боем крупного масштаба. В этой последней кампании осторожность Скобелева, всесторонность подготовки боя получили даже гипертрофированное выражение. Он провел несколько боевых рекогносцировок, с помощью которых стремился решить целый ряд задач: и осмотреть крепость и окружающую местность, включая проведение топографической съемки, и выяснить боевые качества и тактику текинских воинов, их численность и вооружение, и, наконец, дать понять противнику, что он его не боится, и одновременно вселить в солдат и офицеров уверенность в своих силах и в конечной победе. На штурм белый генерал пошел лишь после того, как сделал все необходимое для обеспечения его успеха. В руках Скобелева этот элемент подготовки боя, у других полководцев по своему значению такой заурядный и даже не всегда обязательный, стал важнейшим фактором достижения победы.

Помимо рекогносцировок и вообще войсковой разведки, Скобелев придавал должное значение агентурной разведке и принимал меры по ее обеспечению. В пленненский период он направил в ставку полковнику М.Газенкампу письмо об организации службы лазутчиков. Это письмо — целый трактат о значении, организации и методах разведки с помощью лазутчиков. В нем Скобелев

высказывал мнение, что «война без целой системы лазутчиков немыслима». И в подтверждение ссылался на опыт не только России, но и ряда западноевропейских государств. Во время Ахал-Текинской экспедиции отряд Скобелева имел только одного, но надежного лазутчика, дававшего ценную информацию. Это был грузин Вачнадзе, служивший телеграфистом на русской линии. Говоривший по-туркменски, смуглый, он обрил голову и считался среди туркмен своим. Для починки телеграфной линии он часто ездил между Чикишляром и Астрабадом и во время этих поездок собирал сведения, которые сообщал А.Ф. Арцишевскому по телеграфу, а тот передавал их Скобелеву.

Агентурная разведка, конечно, не была открытием Скобелева. К тому же она выходила за рамки подготовки всего лишь данного боя, имела более широкое значение как составная часть организации войны в целом. Тем не менее ее следует отметить как непреходящий, хотя и подсобный элемент военного искусства Скобелева. Его знание противника, полученное на основе данных войсковой, агентурной разведки, личных наблюдений и изучения литературы, было исчерпывающим.

Перечисленные средства обеспечивали знание обстановки, этой «повелительницы на войне». Боевая обстановка включает условия местности и расположение на ней своих войск и противника, его численность, состав, вооружение и намерения и, если возможно их добыть, планы. Боевые действия являются лишь завершением большой подготовительной деятельности и, как правило, протекают и заканчиваются тем успешнее, чем тщательнее изучена и вернее оценена обстановка. Элемент случайности на войне неустраним, но может быть сведен к минимуму. В этой всесторонней тщательности с ее специ-

фическими индивидуальными формами и заключалась особенность полководческого искусства Скобелева.

Вторая отличительная, специфически скобелевская черта военного искусства — такое же продуманное и всестороннее использование морального, нравственного фактора. Стремление добиться победы и вообще решения трудных задач путем воздействия на умы и чувства солдат также не было изобретением Скобелева. Наверное, этот фактор служит полководцам с тех пор, как ведутся войны. Однако Скобелев пользовался этим средством по-своему, он нашел собственные пути и способы воздействия на войска для поднятия их боевого духа. Если Суворов поднимал дух солдат, взывая к славе прежних побед, к непобедимости русского солдата, если Наполеон (которому, кстати, принадлежит формула, часто повторявшаяся Скобелевым, что на войне нравственный элемент относится к физическому как 3:1) обращался к солдатам с пышными историческими фразами, то Скобелев, не отказываясь от апелляции к славе знамен, старался, по его словам, опереться на ум и сердце солдата, поднять в нем чувство собственного достоинства, апеллировать к гражданским чувствам и сознательному патриотизму.

Имея в виду значение этого фактора, Скобелев не раз говорил, что «на войне *сердце* значит *все*». В одном из приказов он подчеркивал: «...внимание офицеров должно быть обращено на поддержание нравственного элемента в части, этого трудно объяснимого понятия, называемого духом части, как на походе, так и в бою. Трудно дать указание, как подметить, в каком настроении часть в данную минуту. Это, как всё на войне, зависит от обстоятельств... Несомненно, раз офицер подметил, что пульс части бьется слабее, он обязан принять меры во

что бы то ни стало восстановить дух части. Насколько я понимаю, в русской армии для этого можно опираться или на сердце, или на дисциплину в строгом ее проявлении. Иногда на то и другое вместе».

Крайне интересно проследить, как пользовался этим методом сам Скобелев. Рассмотрим его деятельность в самый трудный период турецкой войны, когда после неудачи третьего штурма Плевны он был назначен начальником 16-й пехотной дивизии.

Дивизия, полученная Скобелевым, была в плачевном состоянии: она потеряла 40 % рядового состава, 44 % офицеров, а ротных командиров — от 50 до 90 %. Полки дивизии пришлось переформировать в двухбатальонный состав. Боевой дух личного состава был подорван, вера в командование поколеблена. При наступивших холодах люди продолжали жить в палатках, свирепствовали болезни, пища и одежда были плохими. А через три месяца та же дивизия, находившаяся в отличном боевом состоянии, покрыла себя славой при переходе Балкан и сражении под Шейново.

Читатель спросит: как же удалось Скобелеву добиться этого превращения, да еще в такой короткий срок?

Давайте вместе проследим за его действиями, его конкретными приемами. Прибыв в дивизию 18 сентября, Скобелев объехал «с любезностями» части и, как писал в дневнике один из офицеров, «в лагере сразу стало то же, да не то». В первый солнечный день заиграли полковые хоры (музыка), затем песенники, вечерами устраивались костры, служившие солдатам неким подобием клубов.

Одновременно Скобелев энергично взялся за создание атмосферы не только служебно-правильных, но и

дружественных отношений. Приглашая офицеров к своему обеденному столу, он знакомился с ними, выказывая каждому уважение и доверие. Когда в дивизию прибыли награды за штурм Плевны, он активно использовал их для подъема морального состояния личного состава. Он сам навешивал крест на грудь награжденному и произносил поздравительную речь. Войска, отдавая честь новому георгиевскому кавалеру, брали «на караул» и под звуки оркестра проходили перед ним церемониальным маршем. Затем следовал праздничный обед, новые поздравления, товарищи поднимали за награжденных чарку водки. Особенно сильное впечатление производил факт, что командир дивизии знал имена награжденных и совершенные ими подвиги.

Важнейшим делом Скобелев считал благоустройство солдатского быта. Он снял с позиций целую бригаду и разместил ее в деревне Богот, в шести верстах. Для бригады, оставшейся на позициях, были построены землянки с соломенными подстилками. Наряд на охрану траншей был сокращен, для поочередного согревания людей были устроены блиндажи даже на аванпостах. Скобелев строго досмотрел благоустройство кухонь и отхожих мест, в деревнях, где располагались части дивизии, были устроены бани. Еще большее значение Михаил Дмитриевич придавал питанию солдат. Поскольку интендантство часто опаздывало с поставками, он разрешил полковым командирам закупки у местных жителей и в Румынии на экономические суммы полков скота, овощей, договорился с интендантством о выдаче муки и организовал выпечку хлеба в войсковых земляных печах. Скобелев требовал от командиров обеспечения солдат горячей пищей даже в 200–300 шагах от неприятеля. «...Каждый ротный командир, замеченный в небрежном отношении к

продовольствию нижних чинов и вообще в незаботливости о них в обширном смысле слова, должен... отрешаться от должности», — требовал он в одном из приказов.

Но все это меры мирного характера. Следующей задачей был подъем боеспособности дивизии, укрепление в личном составе веры в свои силы и доверия к командованию. Получив в течение сентября и октября от одной до полутора тысяч человек пополнения на полк, а с ними и много новых офицеров, Скобелев стал добиваться боевого соприкосновения с врагом. В условиях блокады Плевны, когда всякая активная деятельность считалась напрасной и вредной тратой сил, активных действий Скобелеву не разрешили. Когда, наконец, с прибытием гвардии, было решено добиться плотной блокады Плевны и с этой целью прервать для турок всякое сообщение по Софийскому шоссе, скобелевской дивизии для отвлечения внимания турок было поручено занять плевно-ловчинское шоссе и первый гребень Зеленых гор. К этому первому бою Скобелев готовился очень тщательно. Учитывая его психологическое значение, он знал: бой должен быть выигран во что бы то ни стало.

Но взятие первого гребня, недооценив его значение, командование отменило, дивизии приказано было только занять шоссе, для чего Скобелев решил захватить деревню Брестовац, лежавшую в 1 000 шагах от передовой цепи турок. На этой высоте следовало построить батарею *на 24 орудия* и ложементы для пехоты. Когда *позиция была захвачена*, работы провели быстро, и артиллерия заняла готовые траншеи. Но Скобелева не оставляла мысль о первом гребне Зеленых гор, и, обращаясь по начальству с требованием его взятия, он мотивировал: «Главное, доставить войскам плевно-ловчинского отряда, получившим многочисленные укомплектования, боевую

школу, которая бы сплотила части, высоко подняла дух их и подготовила к новым подвигам».

Добившись разрешения, Скобелев поздравил дивизию с близким боем, разъяснил задачу офицерам, а те сделали то же в частях. Неожиданным ударом высота была захвачена и быстро укреплена. Турецкая контратака дружными залпами была отбита, но три передовые роты дрогнули и отошли. На этот факт, свидетельствовавший о недостатке боевой выучки и стойкости, Скобелев реагировал приказом № 394 от 1 ноября: «Порядка в бою там быть не может, где начальники частей не проникнуты сознанием того, что им приходится делать, *не осмыслили себе* перед боем ту задачу, которую предстоит исполнить их части... в бою в ночь с 28 на 29 октября мною было замечено, что многие из офицеров недостаточно держали своих людей в руках и вообще показались мне не вполне понимающими ни смысла, ни важности того, что делали... На будущее время предписываю бригадным, полковым и батальонным командирам перед боем, тотчас же по получении диспозиции для боя, собирать... всех наличных офицеров, которым они обязаны не только прочесть, но и выяснить смысл диспозиции и убедиться, что она ими понята». В этом же приказе генерал отмечал отличившихся офицеров и благодарил рядовой состав двух рот Владимирского и Углицкого полков. Сплоховавшие же три роты сделались после этого боя предметом особого внимания Скобелева, а их командиры были отрешены от должностей.

Для поднятия боевого духа частей дивизии Скобелев умело воспользовался известием о взятии Карса войсками Кавказского фронта. Перед выстроенными частями был отслужен молебен, дан артиллерийский салют и звучало долгое «ура». Вечером для обозрения турок был вы-

ставлен освещенный щит с надписью по-русски и по-турецки: «Каре взят». Для сближения с солдатами Скобелев со штабом перебрался в первую траншею. Солдаты, уже безгранично верившие Скобелеву, ставшему для них, по словам М.Газенкампа, полубогом, видели, что начальник дивизии с ними, что он уверен в успехе, и сами проникались этой уверенностью. Чтобы укрепить боевую закалку дивизии и сохранить инициативу, Скобелев организовал вылазку, которая оказалась удачной. Туркам были нанесены крупные потери, а их контратаки успешно отражены. В итоге боевых действий, хотя и продолжавшихся всего неделю, солдаты дивизии, побывав в боях, убедились, что они могут бить врага, заставить его отступить, не достигнув цели, уверовали в своих командиров и в себя. Приблизившись к позициям врага на 200–300 шагов, солдаты, сначала одиночками, начали вступать с ним в снайперское соревнование, затем это движение пошло вширь, появились охотники, ночами тревожившие турок и захватывавшие их посты, распространилось удальство и дерзость по отношению к врагу. В итоге, ко времени падения Плевны и перехода Балкан, дивизия превратилась в сплоченную, обстрелянную боевую силу, жаждавшую боев и побед. Решающую роль в этой метаморфозе сыграло мастерское использование Скобелевым «нравственного элемента», умение, говоря его словами, опереться на сердце, а когда требовалось, на дисциплину и ум солдата.

Какова была степень сплочения дивизии и взаимопонимания между ее личным составом и генералом, рассказывает на основании своих наблюдений Грин: «Скобелев достиг того, что он и дивизия его составляли одно нераздельное целое, он был душой, она — телом этого целого. Он достиг такого совершенства в этом объедине-

нии, что люди приводили в исполнение его намерения так же быстро, как быстро слушаются воли мускулы. Я не думаю, чтобы такая идеальная связь между генералом и его солдатами существовала когда-либо со времен Кромвеля. В ответ на свои заботы о солдатах Скобелев требовал от них прежде всего точного, беспрекословного безотступного исполнения его приказаний, без всяких колебаний. Он требовал, чтобы человек исполнял без малейшего взгляда удивления или вопрошения приказание, исполнение которого было столь же несомненно связано со смертью, сколь несомненно, например, что солнце в небесах. И солдаты, бывавшие под начальством Скобелева, действительно готовы были на все, по первому его слову. Я сам слышал, как солдаты высказывались, что они предпочитают драться и умирать под начальством Скобелева (после 30 августа 1877 г. — *В.М.*), чем драться и оставаться в живых при других генералах. И это потому, что солдаты питали глубокую уверенность, что под начальством Скобелева они никогда не подвергнутся постыдной неудаче, что он всегда обеспечит им возможность показать себя героями». Очень важное наблюдение Грина: не только достижение победы, но и возможность отличиться в бою солдаты скобелевской дивизии ставили выше сохранения своей жизни.

Для поддержания на высоком уровне боевого духа войск Скобелев пользовался методами, наиболее эффективными для данной обстановки. Наряду с воодушевлением он мог, когда требовалось, и пристыдить струсивших, так что в следующем бою они дрались с удвоенной отвагой, стремясь смыть с себя пятно позора. В одной из атак турецких позиций он напомнил о мучениях и пытках раненых и пленных и, крикнув «Не забывайте замученных!» — вызвал злобу, которая усилила натиск атаковав-

ших. Если он видел, что солдаты в замешательстве, растеряны, он нередко, выстроив их под огнем, заставлял строй проделывать ружейные приемы, как на обычном учении. Видя, что генерал не боится, солдаты также ободрялись, выполнение простых команд возвращало им самообладание и боеспособность. Когда во время хивинского похода пехота авангарда в полном изнеможении легла от зноя, усталости и жажды, она была дотащена до лагеря (выражение Скобелева) с помощью церемониального марша и с барабанным боем. Помня воодушевляющее значение военной музыки, Скобелев широко использовал ее не только на марше, но и во время сражения. Под Шейново 30 % музыкантов пали на поле, но оркестры выполнили свою роль. Все рекогносцировки в Закаспии сопровождались музыкой духовых оркестров, которую текинцы не выносили. Скобелев умело пользовался и поощрениями: крестами, чинами, денежными наградами. Все эти иллюстрации достаточно подтверждают тот общепризнанный в свое время факт, что Скобелев был величайшим военным психологом, артистически использовавшим этот фактор в интересах обеспечения боеспособности войск. Вера Скобелева в русского солдата была безгранична. С ними можно все, говорил он, нужно только уметь.

Мы не раз уже говорили об использовании Скобелевым личного примера и своего авторитета. По характеру влияния этого элемента его следовало бы не выделять и отнести к моральному фактору. Однако в практике Скобелева он занимал столь большое место и был так специфичен, что его следует рассмотреть особо. Это — типично скобелевский метод достижения победы. Никто из полководцев нового времени, даже самых лично храбрых, не пользовался им так хорошо, часто и с такой эф-

фективностью. Выше уже говорилось о несостоятельности обвинений Скобелева в напрасном риске с целью рисовки. Неправы были и те, кто объяснял широкое использование этого метода только жаждой личного участия в бою, риска, опасности. Это, конечно, было, как была и рисовка. Но и то и другое подчинялось главному: свой авторитет в войсках Скобелев превратил в безотказный действовавший инструмент достижения победы. Когда боевая обстановка требовала, этот инструмент всегда эффективно и — что также было немаловажно, ибо импонировало солдатской массе, — эффектно срабатывал. Несколько сдержанней он вел себя лишь в последней, Закаспийской кампании, в которой был главнокомандующим. Но и здесь он лично возглавлял все рискованные рекогносцировки.

Интересны и убедительны суждения А.Витмера о том, какое впечатление производили на солдат и как на них действовали и личность, и сама внешность Скобелева. Напомнив разговоры недругов Скобелева о том, что он-де способен «положить тысячи, лишь бы гремело имя Скобелева», Витмер продолжал: «Про другого героя той же войны, Гурко, отзывались, что он также, не моргнув глазом, положит десятки тысяч людей; но положит их только тогда, когда это нужно для дела. Для своего же «я» не пожертвует жизнью ни одного человека. И между тем, сурового Гурку войска не особенно любили, Скобелева же, блестящего белого генерала, обожали и весело, за привет да ласку, да за эффектную внешность, отдавали ему свою жизнь. Такова психика войны».

Не меньшей была степень влияния Скобелева на офицеров, как на их рядовую массу, так и на ближайших помощников. Но влияние это, особенно на последних, сказывавшееся при близком общении, определялось воз-

действием уже других факторов: силой ума и характера, умением подчинять знания и способности лиц из своего окружения интересам дела, личным обаянием и тактом. Силу этого воздействия чувствовал и подчинялся ему каждый. Эти качества особенно заметно проявлялись в зрелом Скобелеве.

Суммируя отзывы его ближайших помощников периода Ахал-Текинской экспедиции, автор книги «Скобелев как полководец» И.А.Чанцев писал: «Замечательная личность Михаила Дмитриевича Скобелева — этого вождя-рыцаря — всегда, везде, во всем отличалась своей необычайной энергией, силой ума и тактом проницательности; этот человек не был симпатичным человеком, но он был обаятельным, могучим властелином вашей воли, вашей души, вашего сердца. Стоило с ним провести полчаса времени, чтобы вполне отдаться его влиянию, его умению подчинять себе других». Не менее примечательно высказывание полковника Вержбицкого, которому во время экспедиции в Закаспии было уже далеко за шестьдесят: «Если бы не Скобелев, ушел бы на боковую; давно уже пора, стар стал, прихварываю... Вот на старости лет повесили беленький, — указывал он на Георгиевский крест в петлице. — Да что же прикажете делать! Скобелев мне в сыновья, а то и во внуки годен, а я вот, старик, служу у него и буду служить хоть до самой смерти. Умен, он, батюшка мой, большой умница, люблю таких».

Для войск, постоянно видевших своего вождя ведущим их в атаку, сама его белая фигура стала ассоциироваться с победой, а образ белого генерала приобрел огромное психологическое значение. Скобелев был одним из немногих полководцев, чье имя без каких-либо припоминаний и раздумий вызывает конкретный и всем известный зримый образ. Если при слове «Наполеон» в

воображении сейчас же возникает человек в треугольной шляпе со скрещенными на груди руками, то имя Скобелева столь же мгновенно и безотчетно рисует картину белого всадника на белом коне, возглавляющего атаку. Этот внешний символ действовал на войска с неотразимой силой. Такое удается далеко не всякому. И дело здесь не в изобретательности, идущей от тщеславия, а в том, что такой символ получает право на жизнь и на популярность только тогда, когда за ним стоят подвиги и рожденный ими авторитет.

Новое слово, сказанное Скобелевым в военном искусстве, материализовалось в многочисленных выигранных им боях, сражениях и походах, которые яркой страницей вошли в историю русской военной славы. Биографы подсчитали, что за 19 лет боевой карьеры Скобелев провел 70 больших и малых боев и сражений. Все они закончились победой. Лишь во время двух штурмов Плевны он, добившись успеха, но не получив поддержки, должен был отойти. Эти победы создали скобелевскую традицию, которая жила в русской армии до самого ее конца.

Наряду с тем, что составляло специфику полководческого искусства Скобелева, он владел всем комплексом тактических и стратегических приемов и принципов, в использовании которых не был первооткрывателем, но владение которыми необходимо всякому настоящему полководцу.

Необходимой, так сказать технологической, предпосылкой быстрого роста военного искусства Скобелева была его высокая профессиональная культура. Ее он приобрел в академии Генерального штаба, опытом штабной и военно-ученой работы. Но и в характере его были заложены черты, способствовавшие усвоению качеств, необ-

ходимых для того, чтобы водить войска. Тот же офицер писал, что немецкий писатель Брандес, анализируя в специальной монографии о Мольтке природу его военного таланта, придавал большое значение такому его свойству, как яркое запоминание и усвоение географии местности, что весьма важно для ориентирования и управления войсками. Эта черта была очень характерна и для Скобелева. Он умел работать с картой и планом, вести съемку местности и обладал другими профессиональными знаниями. Приведу один яркий пример. Выше я рассказывал о встрече и беседе со Скобелевым английского корреспондента Марвина в 1882 г. Эта беседа интересна, между прочим, и тем, что рассказывал Марвин об умении Скобелева ориентироваться на местности и изображать ее на плане. «Скобелев придвинул к себе пачку бумаги и выбрал несколько цветных карандашей из числа 30–40 штук, тонко очинённых и лежавших в порядке на столе... и... начал с поразительной быстротой набрасывать план местности при Махраме. Хотя это был только набросок, однако, Скобелев начал с того, что определил масштаб. При помощи разноцветных карандашей он ясно обозначал расположение войск и характер местности. Подробности не лишали план ясности; названия местностей были обозначены и рядом обозначена численность войск. Когда набросок был завершен, он оказался более законченным, чем многие рисунки планов, приложенных к новейшим нашим военным трудам о войне с Афганистаном. Исполняя набросок, он с большим воодушевлением описывал в малейших подробностях поле битвы, он никогда не искал слова, приводил факты один за другим в совершеннейшем порядке и говорил так ясно, что не было необходимости ни в каких дополнительных объяснениях». Без отмеченного здесь умения полководцу не обойтись. Ори-

ентирование на местности, свободное, без затруднений, изображение и чтение ее на плане и на карте необходимы для планирования и проведения военных операций.

В интересах экономии места я лишь перечислю необходимые полководцу умения и не буду их иллюстрировать примерами из практики Скобелева. На основании прочитанного читатель сделает это сам. Скобелев хорошо понимал значение обеспеченного тыла и надежности коммуникаций; он умело применял такое важное средство достижения победы, как плотное использование времени, быстрота движения войск для их массирования и сосредоточения в решающих пунктах; для нанесения завершающего удара всегда приберегал крупный резерв; умел обеспечивать взаимодействие родов войск; воспитывал в войсках органическое чувство взаимопомощи, подчеркивал в своих наставлениях, что она «всегда была и будет во все времена ключом к победе. Суворовский завет никогда не умрет»; наконец, Скобелев с передовых позиций оценивал значение военно-технического прогресса и, где мог, всегда добивался обеспечения войск наиболее совершенным вооружением и другой техникой. Цель у него всегда была одна: достижение победы с наименьшими потерями.

Как видно, Скобелев владел всем арсеналом знаний и умений полководца. Он правильно и глубоко понимал принципы этого трудного искусства и умел применять их на практике. Из великих полководцев прошлого он более других увлекался Наполеоном, но в собственной практике все больше выходил, по его собственным словам, на дорогу Суворова.

Особый интерес представляет Скобелев-стратег. Эта сторона его дарования в самостоятельной форме смогла

проявиться только однажды — на текинской войне. Стратегия этой войны, по общему признанию, была безукоризненной. Но Скобелев был автором хотя и не реализованных, но от этого не менее интересных, плодотворных и далеко рассчитанных идей и планов. Эта область деятельности была для него самым увлекательным занятием. Планировать и рассчитывать кампании и походы он умел и любил, но эти планы диктовались не потребностями воображения, а практическими государственными интересами. Стратегические идеи Скобелева тесно связаны с его внешнеполитическими взглядами, ввиду чего трудно их излагать отдельно. Попытаемся, однако, рассмотреть сейчас одну лишь их военную сторону, а в следующей главе — политическую.

Разберем сначала, как и какими средствами Скобелев предлагал бороться с Англией. Он понимал, что англо-русский антагонизм вызывался противоречиями интересов двух держав на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В военном плане, взвешивая шансы России в этой борьбе, он учитывал следующие объективные факторы. С одной стороны, преимущества, которые, как показала Крымская война, давала Англии «безнаказанная инициатива английского флота»; второй такого же рода фактор — неуязвимость Англии как островного государства. Мы можем разбить Англию на суше, писал Скобелев, но все же это не будет удар в сердце. Наполеон нанес англичанам поражение в Испании, но их возродившаяся армия впоследствии вела наступление из этой же страны и преследовала его вплоть до капитуляции. С другой стороны, с приобретением Туркестана Россия получала операционную базу, дававшую ей реальную возможность угрожать владычеству англичан в Индии, имевшей для Англии огромное, жизненно важное значение.

Следовательно, бить по Англии следует в Индии, заключал свои рассуждения Скобелев.

Сама идея борьбы против Англии путем завоевания Индии была не нова. Установление, в той или иной форме, прямой связи с Индией в интересах торговли, политического и культурного общения с давних пор было мыслью русских государственных людей. По мере обострения противоречий с Англией эта мысль стала принимать очертания идеи военного похода. Четкую форму она приобрела у Наполеона, разработавшего конкретный план. Вступив с ним в союз, Павел I в 1801 г. дал приказ атаману Войска Донского направить в Индию 30-тысячный отряд кавалерии с артиллерией. Казакам давался месяц на движение к Оренбургу, а оттуда три месяца «через Бухарию и Хиву на р. Индус». Помимо отправки этого авангарда, Павел с немногими советниками и при согласовании с Наполеоном разработал план совместного русско-французского похода. 35-тысячная армия французов, двигаясь по Дунаю и Черному морю через Таганрог и Царицын в Астрахань, должна была соединиться в устье Волги с 35-тысячной русской армией. Армиям надлежало пересечь Каспий и высадиться в районе Астрабада. Для преодоления этого пути полагали необходимым 80 дней, для движения через Гиндукуш и достижения внутренних областей Индии — еще 50 дней. Наполеон имел также согласованный с этим план одновременного похода из Египта через Иран, рассчитанный на 55 дней.

В литературе давно сложилась традиция характеризовать план Павла как затею романтического, с рыцарскими наклонностями, но сумасбродного императора, привыкшего быстро принимать и столь же неожиданно менять свои решения. Между тем, как показывает объективный анализ, план вовсе не был безумным. Вот что писал

о нем позднейший исследователь: «Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше. Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в 40-х годах XVIII века пронеслась конница Надир-шаха. Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной».

Неудача предприятия была предрешена не стратегическими просчетами (правда, знание местности, начиная с Заволжья, было его слабым местом), а непрочностью внутреннего положения Павла, против которого уже составлялся заговор. Александр I, вступив на престол, вернул казаков из разведывательного похода домой и вскоре отказался от союза с Францией. Хотя замысел не приобрел той степени реализации, при которой он мог бы угрожать владычеству англичан в Индии, на общественное мнение Англии он произвел сильнейшее впечатление. После этого события всякое русское продвижение в Азии вызывало в Англии истерическую реакцию.

Любитель исторической литературы, да и профессиональный историк могут сказать: это известно. Могут сказать также, что после Павла I несмотря на продвижение в Азии с русской стороны уже больше никогда не предпринималось попыток нанесения удара в направлении Индии и даже не разрабатывалось конкретных планов.

Как я сейчас покажу, это ошибка. Замысел похода вновь возникал при каждом обострении англо-русских отношений. Следующая разработка сейчас, наверное, известна немногим. Она была опубликована в 1882 г. в «Русском архиве» и принадлежала герою Севастопольской обороны генералу С.А.Хрулеву. В 1856 г. он подал военному министру записку с изложением основательно разработанного плана (в 1863 г., в период нового конфликта с Англией и Францией, он повторил свое представление). Хрулев разработал несколько маршрутов. Получалось около 2177 верст, для преодоления которых требовалось, по расчетам, 109 дней, из них 79 маршрутных и 30 дневок. Поход мыслился Хрулевым не как «завоевание нами этой страны, а лишь как уничтожение там английского владычества и восстановление независимости туземных владений». Это была плодотворная идея. Весьма ценной была также мысль, что основную массу должна была составить иррегулярная конница, набранная из местного населения, а сам экспедиционный корпус должен быть сравнительно небольшим. В качестве политической предпосылки Хрулев считал необходимым союз с Францией, как это было в 1801 г. При всей продуманности план имел недостаток, заключавшийся в недооценке естественных трудностей пути. Хрулев не имел ясного представления о протяженности пустыни и способах ее преодоления.

А теперь еще одна разработка, о которой еще не знает, пожалуй, никто. Я довожу ее до сведения публики впервые. Она содержится в рукописном сборнике «Туркестан. 1871–1873, т.56» и хранится в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Сборник переписан каллиграфическим почерком, наверное, писарем, переплетен,

на нем даже проставлен номер тома. Очевидно, он был подготовлен к печати, но обнародование его по каким-то причинам не состоялось. Большую его часть занимает объемистый документ, озаглавленный «О возможности похода русских войск из Кавказа и из Самарканда к берегам р. Инд». Потребность в этой основательной разработке и историю подготовки сборника проясняет помещенная после основного документа «Записка М.Г.Черняева, препровожденная им в начале марта 1869 г. фельд-маршалу князю Барятинскому». В «Записке» М.Г.Черняев, известный в свое время генерал с повадками кондотьера (но и борец за свободу западных славян), доказывая необходимость похода к границам Индии, напоминал историю этого замысла, приложив «Проект сухопутной экспедиции в Индию» Наполеона и Павла I, другие возникавшие в России идеи и английские разработки возможностей России и противодействия ей. В 1863 г. правительство само возбудило вопрос о движении к Индии, вызвав для консультации из Туркестана полковника Замесова, и он, Черняев, тогда полковник, по этому поводу представлял в правительство записку.

После обзора английской печати автор излагает собственные предложения. Не будем рассматривать их стратегические идеи. Хотя русские владения в Средней Азии в 1863 г. были очень далеки от базисов в Сибири и лишь с занятием Ташкента (осуществленного Черняевым в 1865 г.) «мы перенесли базис на 2500 верст вперед, к Индии», цель похода и в 1863, и в 1869 г. предполагалась не в завоевании Индии и не в изгнании оттуда англичан, а лишь в том, чтобы заставить их перебросить свои войска из Европы в Азию.

Обстоятельная разработка плана похода содержится в основном документе сборника. Разобрав политическую

обстановку и стратегическое значение района для создания угрозы английскому господству в Индии, автор (по-видимому, Черняев, продолживший свою разработку, начатую в 1863 г.) ставит вопрос: «Какими средствами и откуда мы должны угрожать англичанам в Индии... Вопрос этот распадается надвое: 1)мы можем угрожать англичанам путем дипломатической пропаганды в Индии... 2)вторая мера — это поход против англичан в Индию». На вопрос, откуда и какими силами войска должны двигаться к Инду, в документе дается ответ: «с трех сторон:

- 1) с Кавказа;
- 2) из Самарканда;
- 3) из Семиреченской области».

Главной силой похода должна быть кавказская армия. Она закончила войну на Кавказе и готова к новым действиям. Со стороны Туркестана будет двинут вспомогательный корпус, Семиреченское областное войско составит его резерв и будет заменено войсками Сибирского военного округа.

Кавказская армия с иррегулярными войсками насчитывает до 250 тысяч штыков и шашек и может решить все задачи. Ей надлежит сосредоточиться в районе Астрабада и быть силою в 100 тыс. человек с соответствующей артиллерией и не менее чем 15-тысячной кавалерией. Половина этой армии, 50 тысяч, должна выйти к берегам Инда, другая половина и 10-тысячный туркестанский корпус обеспечат тыл и левый фланг. Правый фланг обеспечит выдвижение бокового авангарда силою в 10 тысяч из числа оставленных в тылу 50 тысяч. Таким образом, всего будет двинуто с двух сторон 110 тыс. человек, из них собственно действующий корпус 50 тысяч, а 60 тысяч будут обеспечивать коммуникации и фланги.

Дальше следуют детальные расчеты продовольствия, боеприпасов, маршрута.

Журнал, принадлежавший, судя по всему, Черняеву, был потом в руках Скобелева, в фонде которого он и хранится. Но к Скобелеву он попал после войны 1877–1878 гг. Об этом говорит содержание карандашных маргиналий на полях, принадлежавших, надо полагать, Скобелеву.

Значит, автор в этом не уверен? — спросит дотошный читатель. А вдруг маргиналии не скобелевские?

Конечно, это надо знать. Читая документы, собственноручно написанные Скобелевым, я достаточно изучил его почерк. Но здесь — быстрая, небрежная скоропись, да еще выполненная карандашом. Я был в затруднении. К счастью, в читальном зале случился палеограф, симпатичный молодой человек. Времени у нас было мало, и он бегло сравнил эти карандашные маргиналии с подлинным и четким скобелевским документом. По его заключению, пометки в журнале сделаны рукой Скобелева. Получается, таким образом, что, разрабатывая собственный план, Скобелев ничего не знал о планах ни Хрулева, ни Черняева, хотя наверное, был в курсе того, что Генштаб имеет в виду возможность такого похода.

Отличительная черта плановых разработок Скобелева — широта стратегического мышления, смелость, даже парадоксальность политических и основанных на них стратегических решений, сочетавшаяся, однако, с трезвым расчетом, презрение к политическим предрассудкам и условностям. Эти особенности в полной мере проявились и в плане индийского похода. План был изложен в форме письма, написанного 27 января 1876 г., во время

губернаторства Скобелева в Фергане, за одну ночь (опубликован в «Историческом вестнике» посмертно).

Замысел похода возник у Скобелева в бытность его молодым офицером Гродненского гусарского полка. «Еще в те годы, — писал историк полка Ю.Елец, — в своих беседах Михаил Дмитриевич не раз останавливался на своей излюбленной идее — походе в Азию, первую половину которого ему удалось впоследствии удачно завершить взятием Геок-Тепе». При оценке скобелевского плана следует также помнить, что ко времени его разработки уже стало фактом вхождение Коканда в состав империи и установление непосредственной границы с Кашгаром, в результате чего Россия вплотную подошла к Гималаям.

Скобелев не помышлял о завоевании Индии. Как и Хрулев, он хотел лишь уничтожить английское владычество в этой стране. В своих расчетах он делал ставку на ненависть к англичанам коренного населения. Положение англичан в Индии, писал он, «непрочно, держится лишь на абсолютной силе оружия; европейских войск достаточно лишь для того, чтобы держать ее в спокойствии и на войска из туземцев положиться нельзя... достаточно прикосновения русских к границам ее, чтобы произвести там всеобщее восстание». В случае европейской войны вооруженные силы Англии в Индии не могут быть значительно увеличены. «Имея всего 70-тысячную европейскую армию (в Индии. — *В.М.*), Англия должна охранять спокойствие на пространстве 1 000 000 квадратных миль. Базис ее находится в Европе, за тысячи миль, по пути, подверженному нападению. В случае войны в Европе вряд ли она будет в состоянии выделить в Индию значительные силы...»

Оценивая, далее, способность русских туркестанских войск к совершению столь трудного похода, Скобелев указывал, что они приобрели большой опыт войны в пустыне и в горах и научились бить неприятеля «навверняка, как в поле, так и в городах и почти без потерь... чего нельзя сказать про англичан». Престиж России в Азии очень высок. Имея в виду провал английской попытки завоевания Афганистана, Скобелев писал: «...Афганистан связан для англичан с позорным воспоминанием, и вся последующая политика английских государственных людей относительно этой страны за последние 30 лет дала повод англичанам относиться к афганцам слишком осторожно, чтобы не сказать более, а этим последним глубоко презирать их. На субсидию, выплачиваемую Англией Шир-Али, в Азии смотрят как на нечто в роде дани».

В Туркестане создана сильная база с армией в 40 тыс. человек, из которой всегда можно выделить для действий вне пределов этой территории не менее 10–12 тыс. человек. Скобелев предлагает усилить этот отряд казаками из Сибири и Оренбурга, шестью ротами и одной батареей и создать корпус численностью 14–15 тыс. человек. «Такой корпус, переброшенный через Гиндукуш, может сделать многое». От войск потребуются более чем самоотверженность, что оправдывается величию цели. Скобелев с разных точек зрения варьирует главную мысль: риск похода не идет ни в какое сравнение с возможными результатами. «При полной удаче, — писал он, — мы можем разрушить Британскую империю в Индии, последствия чего в самой Англии и исчислить трудно». Англичанам придется в невыгодных условиях бороться за сохранение своего колониального господства, перед русскими же войсками будет стоять гораздо более легкая разрушительная цель. При туркестан-

ском базисе и обеспеченном тыле гибель корпуса маловероятна. Расчет был верный и ясный. Возглавить экспедицию Скобелев предполагал сам.

Что касается маршрута, то Михаил Дмитриевич опирался на личное изучение пути в Индию во время экспедиции к границам Кашгара. В письмах с кашгарской границы августа 1876 г. (опубликованы в 1882 г., также посмертно) содержатся детальные расчеты маршрута и материального обеспечения похода, описание местности и населения. Скобелев соглашался, что путь в провинцию Ле (Ладак) очень труден, но для туркестанских войск его нельзя признать «окончательно недоступным». Этим путем в 1543 г. в Кашмир вторглись полчища Мирза-Хандера и Сепундер-хана Кашгарского. Что смогли сделать азиатские полчища, то, очевидно, смогут сделать и русские войска (повторение аргумента Наполеона, утверждавшего, что путь, пройденный азиатскими полчищами, смогут повторить и европейские армии, русская или французская). Новая же техника должна не затруднять, а облегчать движение в горах. Техническую подготовку похода Скобелев продолжал продумывать и позже. В другом письме, написанном из Коканда уже 27 января 1877 г., он констатировал, что движение к Гиндукушу с артиллерией возможно, это показали переходы туркестанских войск через перевалы. Но Скобелев готовится к худшему, трудному, и ищет приспособлений, облегчающих переход. «Теперь уж я могу с уверенностью сказать, — писал он, — что простейший способ найден и... новая повозка с подвязанным 4-фунтовым орудием выдержала испытание удачно». Но надо, добавлял он, еще проверить это приспособление в практическом походе через снеговые горы. Помимо военных расчетов, Скобелев

предусматривал дипломатическую подготовку похода и предлагал соответствующие меры.

Скобелеву рисуются два периода действий: первый — период крайне быстрых действий до занятия первых стратегически важных пунктов за Гиндукушем; второй — выжидательный, когда нужно войти в сношения с антианглийскими элементами в Индии, дать им проявиться в направлении русских интересов и, главное, организовать массы азиатской конницы, направив ее в виде авангарда в пределы Индии. Определить дальнейшие действия русского корпуса гадательно, продолжал Скобелев. В лучшем случае наши знамена будут в Бенаресе (среднее течение Ганга), в худшем — отряд может с честью отойти навстречу войскам, выдвинутым с Кавказа. «Если же Северная Америка воспользуется войной Англии с нами для того, чтобы овладеть Канадой, и военные флоты этого государства появятся на всех морях, то утвердительно можно сказать, что из колоний своих, находящихся во всех частях света, Англия не в состоянии будет двинуть в Индию ни одного солдата, ни одного орудия». В этом международном плане Скобелев учитывал как англо-американские противоречия, так и дружественные отношения между Россией и США.

Как видно, план Скобелева был всесторонне продуманным и отнюдь не фантастичным. Подытоживая, весьма интересно отметить его отличия от разработок предшественников. В политической области особенностью скобелевского плана являются его смелость и решительность целей. Цель — уже не притяжение в Азию английских сил, а изгнание англичан из Индии. Делая ставку на ненависть индийцев к английским поработителям, Скобелев без колебаний решал возбудить восстание в Индии и движение других народов Азии, проявляя полное презре-

ние к легитимистским соображениям, столь важным для царского правительства. Другая особенность — широта мышления, глобальность подхода. В отличие от Хрулева, Скобелев не считал союз с Францией обязательной предпосылкой похода, но шансы на успех взвешивал с учетом всей международной обстановки. Не менее смелыми и оригинальными были стратегические идеи плана. Главный удар Скобелев планировал уже не с Кавказа, а по самому короткому и прямому направлению, из Туркестана, и значительно меньшими силами, чем Черняев. Он исходил из следующих обстоятельств: продвижение русской границы на юг; возросшая численность туркестанских войск и приобретение ими опыта местной войны; уверенность в их способности к преодолению Гиндукуша; привлечение к участию в походе местной иррегулярной конницы. Все это, по замыслу Скобелева, давало возможность решить задачу сравнительно небольшими собственными силами. Кроме того, его план, в сравнении с другими, был значительно более продуманным в материально-техническом отношении.

Правда, после Ахал-Текинского похода Скобелев оценивал перспективы реализации плана осторожнее. В беседе с Марвином он подчеркивал трудности подобного предприятия и даже утверждал, что не верит в его осуществимость в ближайшем будущем. Но не забудем, что это говорилось англичанину и тогда, когда главным врагом Скобелев считал уже не Англию, а Германию. Тем не менее он закончил беседу словами: «Все возможно для хорошего полководца». О том, что Скобелев не забывал индийскую идею на случай серьезных осложнений в отношениях с Англией, говорит его диалог в день взятия Геок-Тепе с офицером Можайским, который, как это стало известно Скобелеву, вел дневник экспедиции.

— Я строил сегодня первый этапный пункт по направлению к Гиндукушу.

— А где второй?

— В Герате.

— И когда?

— При первой демонстрации Англии против России, при первом вторжении ее флота в Мраморное море. Так это вы и отметьте в своих исторических записках в виде завета моего наследникам по оружию.

Полную осуществимость замысла Скобелева доказал в 1891 г. полковник М.Е.Ионов, решительный и энергичный офицер, во всем подражавший Скобелеву. С двадцатью всадниками он перевалил Гиндукуш, где чуть не погиб от трехдневной метели на перевале, получившем его имя, и спустился в Индию на территорию ханства Канджута. Пройдя около сотни верст вдоль индийского склона Гиндукуша на запад, Ионов через проход Барогиль повернул на Памир. В следующем году Ионов повторил свой поход с более многочисленным отрядом. Оправдались и расчеты Скобелева на реакцию населения Индии. Узнав о приходе русских, хан Канджута (тогда еще не покоренного англичанами) Сафдер-Али-хан тотчас послал ходоков к генерал-губернатору Туркестана барону Вревскому проситься в русское подданство.

Подведем итог этому вопросу, его идее, такой заманчивой, ждавшей как будто своего воплощения, но государственными мужами и историками всегда считавшейся бредовой. Для англичан, и современников событий, и историков, был и остается характерным пропагандистский шум вокруг русской «угрозы Индии», распространившийся в корыстных целях. В нашей же литературе

сложилось мнение, выраженное лучше всего в наиболее авторитетной академической 12-томной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»: «Дело заключалось именно в демонстрациях в направлении индийской границы. В планы русской правительственной политики на Востоке завоевание Индии и продвижение к ее границам в XIX и XX вв. не входило, да и не могло входить, так как это было задачей неосуществимой. Английское правительство также понимало неосуществимость вторжения царских войск в Индию. Беспокорство в правящих кругах Англии было связано с тем, что русская экспансия в Среднюю Азию способствовала активизации антиколониальных выступлений населения на северо-западе Индии. Об этом имеются многочисленные свидетельства русской и английской прессы и английских политических деятелей».

По первому вопросу, о том, что ни завоевание Индии, ни даже продвижение для непосредственного соприкосновения с ее границами в планы русского правительства не входили, следует согласиться, но с одним дополнением: русские военные настойчиво рекомендовали такое продвижение и разработали ряд реалистических планов. В 1878 г., в момент конфликта с Англией, к этому шагу толкала вся совокупность сложившихся военно-политических условий. Но правительство по многим причинам, а в рассматриваемом здесь военном аспекте прежде всего потому, что страна только что закончила трудную войну и стояла на грани финансового кризиса, воздержалось от действий, которые повели бы к новой и, несомненно, еще более трудной войне. Нельзя, может быть, исключать возможность этого шага совсем, но он мог быть сделан лишь при крайности, как последнее сред-

ство. В 1878 г., с точки зрения правительства, положение до такой крайности не дошло.

Второе утверждение, относительно неосуществимости вторжения в Индию, после приведенных здесь материалов придется пересмотреть. При должной организации и материальном обеспечении, а главное при решимости войск и их полководца, при их настрое на отчаянную борьбу, дело было вполне осуществимым. В свое время римляне тоже были уверены в непроходимости Альп для армии Ганнибала с ее слонами и осадными машинами. Им пришлось дорого заплатить за свою слепую уверенность. Ту же ошибку допустили турки зимой 1877 г. на Балканах. И англичан ждало бы такое же жестокое разочарование. Вспомним Скобелева: на войне только невозможное возможно. И в рассматриваемом случае то, что давным-давно принято считать невозможным, неосуществимым, безумным, под водительством Скобелева стало бы и возможным, и осуществленным. Никакие природные препятствия не могут быть непреодолимыми для войск, беззаветно верящих в своего полководца.

В том же и в других документах Михаил Дмитриевич высказал ряд мыслей, реализация которых могла бы существенно способствовать преодолению английского шантажа, последовавшего за Сан-Стефанским мирным договором 1878 г. Он основательно изучил иностранную литературу, преимущественно английскую (работы путешественников и военных Раулинсона, Мак-Ниеля, Голдсмита, Вамбери), обратив особое внимание на книгу подполковника Керри, обобщавшую английские военно-политические расчеты, все это — на языке оригинала. При цитировании Керри (в скобелевском переводе) будем помнить, что перед нами — оценка англичанином русской угрозы английскому владычеству в этой важней-

шей колонии. Хотя русское правительство всегда избегало этой крайней меры и, как я покажу ниже, воздерживалось от принятия ее по принципиальным мотивам, ввиду чего угроза была, в сущности, мифической, даже ее абстрактная возможность повергала англичан в трепет. Этим объясняется озабоченный, даже несколько панический характер рассуждений Керри. Отметив ужасающие последствия потери Индии, что «вовлекло бы голодом всю Англию в дикую революцию», Керри высказывал мнение, что русское продвижение в Азии преследует именно эту цель.

Он указывал на «тихий, но верный подход... Россия из года в год постепенно улучшает свою стратегическую базу относительно Индии и охватывает ее железным кольцом... истина становится очевидной, и англичанам следует признать неизбежность войны». И Керри ставил вопрос, закономерно вытекавший из этих рассуждений, о готовности Англии к большой войне с Россией. Его вывод пессимистичен: «Держава, наименее готовая к серьезной войне... — это Великобритания; у нее уязвимых мест более, чем у других держав, которые будут с ней спорить» (к их числу, наряду с Россией, он относил США). Военная сила Англии, заключал Керри, не соответствует стоящим перед ней задачам.

Посмотрим, какие выводы делал Скобелев из откровений компетентного врага. Он считал, что если дело и не дойдет до похода через Гиндукуш, в случае конфликта с Англией Туркестан должен быть использован для давления на нее, чтобы добиться уступок в другом районе. Поразительно, что в 1876 г., находясь в Фергане, Скобелев предвосхитил ситуацию, сложившуюся в 1878 г. на Балканах. Если бы практически возник вопрос о занятии нами Константинополя, писал он, то наш нажим в Турке-

стане в сторону Индии сделал бы англичан в этом вопросе сговорчивее. В первом письме с кашгарской границы он писал К.П.Кауфману, что «надо занять относительно азиатских британских владений такое угрожающее положение, которое облегчило бы решение в нашу пользу трудного восточного вопроса — другими словами, завоевать Царьград своевременною, политически и стратегически верно направленною демонстрациею». Уезжая на турецкую войну, Скобелев в письме Кауфману вновь возвращался к этой идее, предлагая высадить на восточном берегу Каспия 30-тысячный десант, а если присоединить к нему 20 тысяч из туркестанских войск, то решение проблемы будет обеспечено.

В 1878 г., находясь с армией под стенами Константинополя, Скобелев требовал вступления в турецкую столицу несмотря на противодействие Англии и Австро-Венгрии. Угрозы британского премьер-министра Дизраэли он справедливо считал блефом. Эта оценка исходила из приведенных выше свидетельств английских военных о неготовности Англии к серьезной войне. Он учитывал и отмечавший тем же Керри опыт Крымской войны, оказавшейся для англичан тяжелой и кровавой, хотя Англия и вышла из нее победительницей, прежде всего благодаря тому, что воевала в составе коалиции. Наконец, Скобелев знал, что Англия не имела отмобилизованной, готовой к немедленным действиям армии. Тесно общаясь с М.Газенкампом, он, конечно, знал расчеты Генерального штаба, который из донесения военного агента в Лондоне от 19 января 1877 г. имел сведения, что для мобилизации армии и ее перевозки в Константинополь требуется 7–8 недель, а для ее снабжения всем необходимым — еще 6 недель, всего — 13–14 недель. И это — немногочислен-

ной наемной армии, а массовой армии, основанной на всеобщей воинской повинности, Англия не имела.

Что Дизраэли блефовал, мы знаем теперь вполне достоверно. Обратимся к «Истории дипломатии». Содержащееся в этой капитальной работе указание важно именно в данном, военном контексте. «Переписка Александра II с главнокомандующим свидетельствует о том, что весной 1878 г. в Петербурге были напуганы и всерьез принимали опасность войны. 18 марта царь писал своему брату: «Англия ищет только предлога, чтобы объявить нам войну», — *хотя на деле в Лондоне отнюдь не были к этому готовы* (курсив мой. — В. М.). Вот в чем дело: Великобритания к войне была не готова и воевать не собиралась. Шовинистическая кампания, поднимавшаяся в консервативной печати, вовсе не выражала мнения массы населения, которое войны не хотело. И в Петербурге и в Лондоне в эти дни царила одинаковая неразбериха, связанная с поисками такого решения, которое, удовлетворив интересы каждой из сторон, в то же время не привело бы к войне.

Обобщая все это, Скобелев делал вывод, что на большую войну Англия не пойдет и что, следовательно, Константинополь надо немедленно занять. Подчеркиваю: Скобелев имел в виду не аннексию, а временное занятие турецкой столицы. Как мы знаем из плана войны, разработанного под руководством Н.Н.Обручева, временная оккупация Константинополя входила в планы и высшего командования, и правительства. Мы можем, говорил Скобелев, заключить самый великодушный мир, но заключить его в Царьграде. В случае же, если бы появились симптомы действительной готовности Англии вступить в войну, во что Скобелев не верил, он считал необходимым немедленно занять Галлиполи, к чему была полная фак-

тическая возможность, закрыв тем самым английскому флоту доступ в Черное море. Угрожать России в других пунктах сколько-нибудь опасно Англия не могла. В этой ситуации и следовало, доказывал Скобелев, пустить в ход такое неотразимое средство, как демонстрация в направлении Индии. Он ссылался на «Тайме» от 27 марта 1878 г., где были цитированы выдержки из индийских газет с выражением мнения о возможности русского вторжения, и «это, — добавлял Скобелев, — под кровавым гнетом ничем не потрясенной английской власти». Причины того, почему этот козырь не был использован, имеют политический характер и будут рассмотрены в следующей главе.

Другой пример, характеризующий глубину и размах стратегического мышления Скобелева, — его план войны с Германией. Он был разработан после посещения германских маневров 1879 г. и в значительной степени основан на полученном в результате этого визита знании германской армии и страны. Кроме того, Скобелев основательно изучил франко-прусскую войну и посетил все поля сражений. Рассмотрим сначала отчет об указанных маневрах. Кстати, он еще никем не был проанализирован.

Отчет Скобелева — замечательный образец наблюдательности, соединенной с научным анализом, прозорливости и объективности. Скобелев отдает должное высокому уровню боевой подготовки германской армии. Он отмечает хорошую выучку, решительность и инициативность офицеров, их умение «быстро и отчетливо маневрировать большими массами... Все они приучены самостоятельно оценивать обстановку, взвешивать шансы, наконец, решаться». Приказы отдаются точно и спокойно, так и принимаются. Ни разу, писал Скобелев, ему не приходилось наблюдать путаницы, возникшей вследствие

неясно отданных или неясно понятых приказаний. Высоко он оценивал и организацию взаимодействия родов оружия и развитый долг взаимовыручки, а также всепроникающую сознательную дисциплину. В нескольких местах он подчеркивал благотворное влияние народного образования. Благодаря его высокому развитию, разрешена проблема резерва офицеров и унтер-офицеров. Образованная часть молодежи составляет красу полков и положительно влияет на пополнение, пришедшее из деревень.

Что же касается «управления боем, оценки поля сражения и главное — оценки тактических и стратегических ключей позиции и выбора пункта атак... приходишь к заключению, несколько менее благоприятному.

В этом отношении особенно обращает внимание: несоответственное с наличными силами удлинение боевого фронта, причем охват одного или даже обоих флангов неприятеля, с крайним ослаблением центра, было явлением как бы неизбежным, и это часто в виду неприятеля, занимавшего сосредоточенное центральное положение. Замечательно, что *рутина наступательных охватов* до такой степени укоренилась в германских войсках, что я не видел случая, где бы обороняющийся задался целью прорвать сосредоточенными силами длинный кордон наступающего». Эту подчеркнутую Скобелевым рутину он совершенно правильно объяснял влиянием опыта войны 1870–1871 гг., заставлявшим немцев забывать о чрезвычайно благоприятных для них условиях этой войны, и делал вывод, что некритическое и абсолютное принятие этого опыта ослабляет германскую армию. Очень меткое наблюдение, прозорливая и глубокая мысль.

Рутина охватов жила в германской армии до самой Первой мировой войны и была едва ли не главной причиной провала плана молниеносного поочередного разгрома Франции и России. Незадолго до этой войны немецкий военный теоретик Шлихтинг доказывал: «Регулярно повторяющийся успешный выигрыш фланга служит доказательством лучших действий одной стороны, и она наверняка победит». Прорыв Шлихтинг отрицал, утверждая, что «раз тактическая связь неприятельских сил налицо — прорвать их нельзя, как бы они ни были тонки в центре». Между тем занятие многомиллионными армиями всей протяженности границ уничтожило само понятие флангов и резко ограничило или устранило совсем возможность охватов. Поэтому попытки добиться победы этим способом наблюдались лишь в начальный период войны, когда еще не было закончено развертывание армий и создание сплошного фронта.

Талантливейший из русских генералов Первой мировой войны А.А.Брусилев характеризовал эту сторону немецкой военной доктрины: «Немцы считали, что в полевых сражениях они сразу будут развертывать наибольшую часть своих сил... с охватом одного или обоих флангов... Полагалось, что атака фронтальная при силе современного огня хорошего успеха дать не может... Однако практика вскоре показала, что... при сплошных линиях фронта является необходимость атаковать в лоб сильно укрепленные позиции». Идея охватов стала у немецких военных теоретиков и военачальников догмой. Известно, что Шлиффен построил свой план на идее глубокого стратегического охвата при одновременном исключении возможности фронтального прорыва. Марнское сражение было проиграно немцами именно потому, что, стремясь охватить французские и английские силы, они ослабили

центр и допустили между своими первой и второй армиями разрыв до 50 км. Фронтальный удар союзников в этом направлении и решил судьбу сражения.

Другой подмеченный Скобелевым недостаток немецкой тактики, как равно и стратегии, — слепая вера немцев в наступление, исключение самой мысли о возможности обороны. «Турецкая кампания, видимо, произвела на многих впечатление; но грозные явления, сопровождавшие вообще оборонительный бой в минувшую кампанию, объясняются ими скорее недостатками войск и начальствующих лиц, отчасти условиями местности, чем свойствами самого современного боя. «Для нас, — говорит большинство начальников германских войск, — оборона заключается в стремительном наступлении...» Этой слепой самоуверенностью германской пехоты может воспользоваться искусный противник», — заключал Скобелев.

Здесь он поражает как умением подмечать слабости немцев, так и глубиной и плодотворностью своих попутных оценок. Уверенное, что ему придется вести только наступательную войну, германское командование никак не ожидало, что 3/4 всей продолжительности Первой мировой войны придутся на окопную, позиционную войну. Тот же Брусилов вспоминал: «После японской кампании, которая, как прообраз будущего, показала пример позиционной войны, критика всех военных авторитетов... набросилась на способ ее ведения. В особенности немцы страшно восставали и зло смеялись над нами, говоря, что позиционная война доказала наше неумение воевать и что они, во всяком случае, такому примеру подражать не станут». Немецкие теоретики не понимали очевидного для Скобелева уже в 1879 г. изменения самого характера и боя, и войны. Добавим к этому задним числом: они не

предвидели, что в этой войне, как и в русско-турецкой, оборона будет все еще сильнее наступления. Опыт Шипки и Плевны, писал Скобелев, немцами не учитывался.

Связанный с этим третий изъян немецкой военной доктрины Скобелев видел в пренебрежении к инженерному оборудованию позиции, к окапыванию и укрытию войск и резервов. Шанцевым инструментом войска почти не обеспечены. Скобелев с этим не согласен и высказывает свое мнение: «Следует вкоренить в офицерах и солдатах принцип окапывания и прибегать к укреплениям всегда и при всех обстоятельствах, пользуясь для этого каждой минутой и соразмеряя силу окопов с числом людей и имеющимся временем». В примечании Скобелев указывает на обучение своего корпуса, войска которого имеют навык для полков и батарей за два часа делать при твердом грунте укрытия полного плана и полного профиля. Насколько мировая война и последующая история подтвердили его правоту, хорошо известно. Ошибочные стратегические и тактические установки, обусловившие глубокие изъяны германского военного искусства, с разными вариациями разделяли крупнейшие авторитеты, названные Скобелевым: генералы Шерф, Верди дю Вернуа, Вердер, Оберниц.

Очень интересны скобелевские оценки других родов войск. Немецкую кавалерию он оценивал высоко, но констатировал односторонность ее боевой подготовки, нацеленной лишь на то, чтобы смести противника ураганным натиском. «Как спешенный бой, так и действие огнестрельным оружием в германской кавалерии, в сущности, в большом презрении...» Артиллерию Скобелев также оценивал высоко, хотя и высказывал некоторые критиче-

ские замечания (оговаривая, правда, их спорность), инженерным же войскам дал невысокую оценку.

Как видно из сказанного, Скобелев ясно представлял всю опасность Германии как потенциального противника. В то же время он хорошо разобрался в слабостях ее армии и понимал, как с ней следует бороться. Все это, несомненно, было им учтено в его плане войны с Германией.

План этот по причинам, которые будут указаны ниже, до нас не дошел. Но есть материалы, позволяющие хотя бы приблизительно реконструировать его основные идеи.

Предвижу сомнения, но уже не со стороны скептика. Надеюсь, его уже нет. Прочитанное должно убедить читателя, объективного читателя, что скептицизм в оценке Скобелева неоправдан, ошибочен, неуместен. Вместо скептика в моем воображении выступает просто пытливый, вдумчивый читатель. И он может выразить недоверие к самой идее реконструкции. Он скажет: как можно восстановить целую систему идей, взглядов, расчетов, которые закладываются в такую сложную разработку, как стратегический план?

Разъясню свой метод. Есть разобранный выше отчет, письма, высказывания Скобелева, которые в совокупности дают путеводную нить, позволяющую проникнуть в его замыслы. Фантазий не будет. Все заключения будут строиться на основе документов. А свое мнение о том, насколько логичны мои построения, читатель может составить по ходу чтения.

К числу немногих имеющихся у нас источников относится прежде всего беседа, в которой на замечание,

что в случае войны с Германией на ее стороне выступят австрийцы, Скобелев отвечал:

«— Не беда; справимся с обоими. Прежде всего надо разбить австрийцев, да хорошенько; они и отступятся от немцев. Это ведь дело им знакомое и бывалое не раз, а во-вторых, и тактика их нам поможет.

— А какая у них тактика?

— У них такое правило, что если во время сражения выбыло из строя десять процентов, надо отступить, иначе после трудно привести армию в порядок. А у нас хотя бы во фронте осталось десять процентов, — и то держатся. Кроме того, дух войска нашего и их разный: поколотить немцев (об австрийцах. — *В.М.*) два-три раза основательно, они сейчас же потеряют бодрость и веру в себя, а у нас этого бояться нечего: почешется солдат, покачает головой, ишь ты, скажет, как ловко вздул; ну да ладно, поколотим еще и мы — и действительно, кончит тем, что поколотит...»

Из приведенных слов Скобелева следуют по меньшей мере три вывода. Во-первых, он считал для России возможной успешную борьбу одновременно и с Германией, и с Австро-Венгрией; во-вторых, он исходил из необходимости в начале войны направить главный удар против Австрии, разбить ее армию и вывести ее из войны; и, наконец, в-третьих, он делал ставку на стойкость русского солдата.

Второй из такого рода источников — выступление Скобелева на собрании у Т.С.Морозова в Москве 2 апреля 1882 г. Здесь Михаил Дмитриевич, в частности, говорил: «Несчастье наше заключалось в прошлое царствование в том, что правительство не допускало мысли о возможности войны с немцами, почему мы и не обращали внима-

ния на западную границу, тогда как Германия настроила целый ряд крепостей на нашей границе. Вопрос о защите наших западных границ от Германии и Австрии теперь рассматривается, и я настаиваю на проведении железной дороги с чисто военной целью из Минска на Белосток. В случае войны против нас могут выставить: Германия 460 и Австрия 300 хороших батальонов, мы же в конце второго месяца выставим им 1000 батальонов. Теперь я больше, чем когда-либо, убежден, что Австрия с Пруссией нас не одолеют... Если на границах наших нет крепостей, мы создадим Плевну... В качественном отношении хороши солдаты только германские, но не лучше наших, а австрийские солдаты, большинство именно славяне, будут на нашей стороне».

Эти идеи Скобелева вместе с идеями его отчета должны были быть положены в основу вышеуказанного плана. Прежде всего он обращал внимание на то, что западные границы России открыты для вражеского нашествия, не имеют крепостей. Вследствие этого он, во-вторых, считал необходимым строительство укреплений на подобие плевненских (подчеркнем: не крепостей!); в-третьих, что не менее интересно, — расчет сил, которые могут выставить центральные державы и, в конце второго месяца войны, то есть после завершения мобилизации, — Россия.

Следующий материал — письмо Михаила Дмитриевича неизвестному генералу, опубликованное Ж.Адан в ее книге воспоминаний о Скобелеве. «Несомненно, что организация немецкой армии превосходна; ее дисциплина и поведение выше всяких похвал; интендантство в своей организации достигло баснословного совершенства; но, несмотря на все эти преимущества, я все-таки полагаю, что в конце концов она не в состоянии будет

победить нашу армию, — говорится в этом письме. — Мы, без сомнения, будем разбиты во всех или почти во всех генеральных сражениях, но вместе с этим мы уничтожим все полезные силы немецкой армии, которая, как все машины вообще, нуждается в постоянной смазке главных пружин. Во Франции она легко могла продовольствоваться; у нас же она не будет иметь даже самого необходимого, и время, более чем все наши усилия, доконает ее. Итак, я не боюсь войны с военной точки зрения; мы будем сперва разбиты, но в конце концов останемся победителями...»

Может показаться странным, что Скобелев так легко смиряется с неизбежностью первых поражений. Это допущение он, несомненно, связывал с более медленной мобилизацией русской армии, требовавшей двух месяцев (вспомним: «в конце второго месяца выставим 1000 батальонов»). Возможно, он допускал этот результат и из-за более активной подготовки немцев к войне и даже (ниже мы покажем это предвидение) — внезапности немецкого нападения. Но в отличие от немецких военных авторитетов, надеявшихся решить исход всей войны в одном или нескольких генеральных сражениях, Скобелев полагал, что первые сражения не решат судьбу войны и что она затянется. Прогноз этот в 1914–1918 гг. полностью оправдался. Немецкой стратегии молниеносной войны Скобелев противопоставлял стратегию затяжной войны на истребление и истощение, расчет на то, что немецкую армию «доконает время». Нельзя не заметить, что в этом письме дан точный прогноз хода и результатов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Наконец, последний из этой серии материалов — находящееся в ЦГВИА подлинное письмо Скобелева о возможности войны с Германией «неизвестному лицу»

(очевидно, И.С.Аксакову, так как в конце письма сказано: «Вам, нашему патриотическому публицисту, я счел полезным высказать вкратце глубокое убеждение о шансах возможного столкновения». (О близости Скобелева и Аксакова я расскажу ниже.)

В этом документе, впервые вводимом в научный оборот, в отличие от предыдущих, излагаются идеи непосредственно плана, по крайней мере, начального периода войны и в общих чертах. Как и в плане индийского похода, в нем содержатся смелые политические и стратегические решения, идущие вразрез с догмами и традициями официальной политики.

Большое внимание уделено политическому и моральному обеспечению войны. Важно отметить, что Скобелев хотел избежать войны, но «не унижением своего Отечества, а напротив, солдатскою твердостью и стойкостью». В этом документе он прямо указывает на возможность поддержки со стороны Франции: «К тому же Франция, в конце концов, все-таки за спиною». Для завоевания поддержки польского народа Скобелев считал необходимым предоставление самостоятельности Польше. Об этом говорит примечание карандашом неизвестного лица (очевидно, прежнего владельца документа), сделанное, вероятно, вскоре после революции, поскольку писано смешанной, дореволюционной и пореволюционной орфографией: «Намек на поданную им записку о даровании автономии Польше с обещанием присоединения к ней Кракова и Познани». Документ этот неизвестен. Хотя степень самостоятельности этой автономии неясна, можно не сомневаться, что, добиваясь привлечения симпатий поляков к России, Скобелев должен был предложить удовлетворявшие их условия. Скобелев считал также необходимым использовать симпатии к России славянского

населения Галиции, Карпат и других районов Австро-Венгрии.

Какими средствами Скобелев мыслил добиться этого последнего результата, дает представление другой документ — письмо его Немировичу-Данченко. Текстом мы не располагаем, но о задуманных Скобелевым мерах говорит обращение писателя в Главное управление по делам печати от 15 сентября 1914 г., когда уже шла мировая война. Предлагая опубликовать письмо к нему Скобелева, Немирович-Данченко писал: «В архиве моей переписки с покойным М.Д.Скобелевым есть прилагаемое письмо его ко мне о войне с Германией и Австрией. Этому историческому документу — 35 лет от роду. Я предъявлял его Николаю Августовичу Монкевицу (Главный штаб), и генерал нашел печатание его крайне желательным. Я все-таки не решаюсь поместить его листки в «Русском слове» ранее Вашего авторитетного согласия». В своем ответе начальник управления граф С.С.Татищев не возражал против публикации письма, но считал необходимым исключить то место, где Скобелев предлагал на занимаемых армией территориях врага наделять крестьян землей местных землевладельцев и казны. Это, писал граф, «может поселить вполне понятную тревогу среди землевладельцев занятой нами ныне Галиции... и породить нежелательное брожение и среди наших крестьян, возбудив в них ни на чем не основанные вождедения». Как видно, для достижения успеха в войне Скобелев был готов на очень крутые социальные меры, на демократическую ломку аграрных отношений. Позицию, которую следовало занять во время войны в социальной области, он выразил в следующем положении: вести войну под лозунгами свободы, демократии и народности, вдохновляя армию и на-

род «принципами 19 февраля 1861 года в самом широком, абстрактном приложении».

Не менее решительными и в социальном отношении такими же неприемлемыми для правящих верхов были его планы на случай, если бы германская армия в начальный период войны вторглась на русскую территорию (возвращаемся к первому письму). Для отражения вторжения Скобелев считал необходимым организовать всенародную борьбу наподобие борьбы испанского и русского народов против Наполеона, повторяя мысли, высказанные в цитированном письме из книги Ж.Адан. Как всегда, он обосновывает свои предложения историческими примерами. В конце письма он цитирует по-французски диалог между Наполеоном и испанским послом Камвасом, который в ответ на угрозу вторжения французов в Испанию заметил императору, что ему придется иметь дело с испанским народом. «И Швейницы, и Лигницы, и Вердеры, поверьте, не глупее Камваса», — заключал Скобелев, имея, очевидно, в виду, что эти немецкие военачальники и дипломаты понимают опасность для Германии такого характера войны с русской стороны.

Военно-политические расчеты Скобелев формулирует в следующих положениях. «Я верую в окончательный успех войны потому что:

а) Мобилизация и средоточие наших сил в 60-дневный срок, по характеру театра действий, не позволят неприятелю извлечь из быстроты своей мобилизации решительной выгоды.

б) Мы будем представлять однородную армию, противопоставленную армии *союзной*... К тому же численность нашей армии на данном стратегическом районе в начале третьего месяца войны не будет уступать против-

нику. О качествах австрийских солдат, опирающихся на враждебную Галицию и еще более враждебные Карпаты... не говорю.

в) Симпатии Царства Польского могут быть направлены...» в пользу России. Скобелев высказывает и следующую мысль: риск войны для России и центральных держав не одинаков. «Для Австрии и Германии это значит *быть или не быть*. Для нас ничего подобного» (предвидение, оправдавшееся почти полностью: хотя Германия после поражения и избежала оккупации, Австро-Венгерская империя под ударами русской армии развалилась).

Далее Скобелев переходит непосредственно к стратегии. «Необходимо... не растеряться в случае внезапного coup de tete Bismark'a, обдумать теперь же план действий. Я бы положил в его основание: *Удержание* линии Вислы устройством Варшаво-Новогеоргиевск-Глубо-Наревского плацдарма наподобие Плевны». Подчеркнув, что «на войне сердце *суть*», Скобелев продолжал: «Каково же будет состояние сердца... когда Адольф и Фриц, образованные бюргеры, утопая в грязях между Вислой и Бугом, узнают *от молвы*, что под Франкфуртом, Кюстрином и (неразборчиво. —В.М.) *живьем сожгли целые округа*, что все для него святое и милое гибнет??... Средствами к достижению этого первенствующего результата против Германии... являются в *первый* период кампании

А) Туркмены текинского племени Ахала и Мерва: 20–30 тыс. первой в мире кавалерии. Путь следования: Кизил-Арватская железная дорога. Петровск — Владикавказ — Минск. Вооружение винтовками по пути. В) Адаевцы и киргизы Мангышлака: 6—10 тыс. отличной конницы. Посадка на суда: ф. Александровский — далее или Владикавказ — Минск по ж. д. или Астрахань — Царицын. Вооружение по пути. С) Киргизы бассейна Ори около

Орска на Оренбургской ж. д. Около 15 тыс. Пункт посадки — Оренбург. Вооружение по пути». В итоге все это составит, по расчетам Скобелева, 40–50 тыс. неподражаемой конницы. Кавказских горцев он не упоминает, так как «они входят в соображения министерства». Указанные действия Скобелев связывает с суворовским принципом «удивить значит победить». Они обеспечат нанесение первого удара буквально через неделю после объявления войны. После этого в борьбу вступят главные силы отобилизованной армии.

Как видно из письма, оно содержит не план, а некоторые его идеи, относящиеся к начальному периоду войны. Суммируя и обобщая все приведенные материалы, мы все же можем, повторяю — лишь приближенно и в общих чертах, — воссоздать скобелевский план войны с Германией. Вот его основные положения. Еще в предвоенный период в Привислинском районе создать мощный укрепленный плацдарм плевненского типа, провести дополнительные железные дороги для перевозки войск и военных грузов; в первые дни войны не растеряться в случае внезапного немецкого удара (вспомним 1941 год!); пока не закончена мобилизация, провести глубокий кавалерийский рейд по немецким тылам, нанося материальный ущерб, сея панику и страх силами великолепной среднеазиатской и кавказской конницы. Вообще широко использовать воинственное население этих окраин. По окончании мобилизации и вступлении в войну главных сил в первую очередь разбить и вывести из войны австрийцев, а затем развернуть наступление на Германию: «...тогда мы потоком польемся вперед и никакие крепости и феодально-парламентские армии нас не сдержат». Рукой того же неизвестного лица сделана пометка, что письмо писано за 32 года до войны, то есть в 1882 г., и

что к 1914 г. Скобелев изменил бы свою «схему нашего будущего поединка с Германией». Конечно, Скобелев учел бы как прогресс техники (появление авиации, пулеметов, развитие артиллерии и т. п.), так и уже оформившийся союз с Англией и Францией. Но и в изложенном виде план содержал ряд плодотворных идей.

Надеюсь, внимательный и объективный читатель теперь согласится: да, все идеи скобелевские. Но в какой степени эти идеи были обоснованы, насколько подтверждены дальнейшим развитием событий? Сейчас, оглядываясь назад, мы можем дать им непредвзятую, заслуженную оценку.

Было безусловно необходимо создать в приграничном районе мощные укрепления. Война показала неэффективность крепостей старинного типа с отдельно стоящими фортами и башнями. Лишь при включении крепостей в общий укрепленный фронт и дополнении их современными полевыми укреплениями они выдерживали длительный натиск, например Осовец, Верден. Применение новых средств поражения заставило перейти от крепостей к глубоко эшелонированной многополосной обороне, основанной на специально оборудованных траншеях с ходами сообщений.

Нельзя не воздать должного предвидению Скобелева, который настаивал на строительстве не крепостей, а «укрепленного плацдарма» типа Плевны. Разве эта идея не говорит о прозорливости ее автора? Предположения Скобелева о фортификационном обеспечении приграничных районов были совершенно правильными. Не менее обоснованным было его мнение о создании в приграничных районах более густой сети железных дорог.

Опасения Скобелева о возможности внезапного немецкого удара также заслуживали внимания. В таком случае действительно очень важно было «не растеряться». В 1914 г., в отличие от 1941 г., эти опасения не оправдались, война началась после ее формального объявления Германией. Весьма плодотворной была идея «скифской стратегии», лишения противника «всего самого необходимого».

Из мероприятий наступательного характера Скобелев задумал глубокий кавалерийский рейд по тылам противника. Это, в сущности, не что иное, как идея глубокой наступательной операции, теоретическая разработка которой была начата впервые советской военной наукой в 30-х гг. и получила практическое развитие во время Второй мировой войны.

Допустим, может сказать читатель, это была хотя и не разработанная, но в зародышевой форме уже та самая идея. Однако была ли она реальной не в 1882 г. — там все ясно, — а в 1914-м?

При тех материальных средствах, которые существовали в 1882 г., этот маневр можно было осуществить только силами отборной конницы. Он был бы не вторжением главных сил, а имел бы демонстративное и психологическое значение, и результат его был бы ошеломляющим. Что же касается 1914 г., то летом этого года, когда война имела еще маневренный характер и еще не произошло создания сплошного, стабильного фронта, такой рейд также был возможным. И хотя стратегического значения он иметь уже не мог, он дал бы большой психологический и политический эффект.

Наступательные операции широкого масштаба Скобелев планировал на период после полного завершения

мобилизации, когда Россия будет иметь 1000 батальонов против 760 австро-германских. Перевес в 240 батальонов был достаточным для того, чтобы перейти к активным наступательным действиям. Чтобы судить, насколько обоснованным был этот расчет, укажем, что после завершения мобилизации в 1914 г. общая численность сил центральных держав составила 6,122 млн. человек, Россия же, несмотря на успех мобилизации, имела под ружьем 5,338. Но в разгар войны Россия смогла довести численность действующей армии до 10 млн. человек. Следовательно, в принципе пропорцию сил России и ее противников Скобелев определял верно.

Об оперативных замыслах Скобелева наступательного периода мы достоверно знаем одно: он считал необходимым нанести первый решительный удар по Австро-Венгрии и вывести ее из войны. Это было единственно правильное решение не только для 1882, но и для 1914 г. Основные силы и средства следовало сосредоточить на Юго-Западном фронте и до капитуляции австрийцев придерживаться по отношению к германской армии активно оборонительного образа действий. Оставшись одна, Германия сразу попала бы в трудное, безнадежное положение. Правильность подобной стратегии в советской военно-исторической науке давно уже общепризнана. Что же касается дальнейшего наступления, уже против Германии, то как конкретно представлял Скобелев его организацию, какие он планировал операции, остается только гадать. Воздержимся от этого спекулятивного занятия.

Предполагаю, что в читателе борются два чувства. С одной стороны, он не может не считаться с фактами. Но в то же время слишком все это неправдоподобно, чтобы не сказать фантастично. Выходит, Скобелев все пред-

видел, все знал наперед. Возможно ли это? Не укладывается в сознании. Непостижимо.

Что я могу на это ответить?

Я стараюсь подходить к нему и объективно и строго, но ничего не могу поделать с фактами. Они говорят сами и, как известно, упрямы. Да, он все, или, во всяком случае, очень многое предвидел и, как увидим дальше, так было и в политике. И даже еще больше и еще точнее.

Помимо рассмотренных, Скобелев разрабатывал и другие планы. Из тех, что до нас дошли, это упоминавшийся выше план занятия Хивы 1871 г. В 1882 г. Скобелев писал: «На записку эту в свое время никто не обратил внимания... Тем не менее все предложенное относительно Хивы исполнено в 1873 г.» Есть также сведения, что в связи со слухами о возможном нападении турок на Болгарию после Берлинского конгресса Скобелев разработал план обороны Болгарии. «А у меня есть такой план обороны Болгарии, за который бы англичане сотни тысяч бы заплатили», — говорил он одному из близких людей. План этот утрачен. Вообще Скобелев, как мы знаем, любил стратегию и еще в академии выделял ее из числа других военных наук. Голова его была полна идей, которые в сочетании с его знаниями находили воплощение в плановых разработках.

Настоящие знатоки военного дела отдавали должную дань Скобелеву-полководцу. Вот, например, мнение М.И.Драгомирова, крупнейшего в России военного авторитета (в частном письме): «...он военный до мозга костей... Я так тебе скажу: будь Скобелев главнокомандующим, охотно и не задумываясь пойду к нему под команду, невзирая на то, что он у меня в академии сидел на скамье; к Гурке, который старше меня и моим учеником не

был, не пойду ни за что по воле... предприятие самое дерзкое в глазах толпы, у него является даже не рискованным; он себя не пожалеет, чтобы осмотреть место, если нужно, и несколько раз; и разумеется, после этого идет наверняка. На мой глаз, Скобелев — человек с большой и вполне заслуженной военной будущностью». Мнение другого академического авторитета, Г.А.Леера, нам уже известно.

Интересным и важным является вопрос о характере и масштабе военного таланта Скобелева. Поскольку из его современников крупнейшим военным авторитетом был Мольтке, естественно, с ним чаще всего и сравнивали Скобелева. Сравнение бывало не в пользу Скобелева именно вследствие... его ослепляющей храбрости. Его противопоставляли Мольтке, обладавшему, при отсутствии храбрости, качествами организатора и военного мыслителя. Любопытные суждения передает в связи с этим цитированный русский офицер. В беседе с ним один военный авторитет высказался, что «...германская армия в две-три недели дойдет до Москвы; ведь у немцев все уже готово. Их армия совершенство, их Мольтке...

— А у нас Скобелев, — перебил я.

— Ах, оставьте вы своего Скобелева... Храбрец, человек неукротимой отваги, а там гениальный расчет...

— Но разве не замечательный расчет сказался в Ахалтекинской экспедиции, — возразил я, — но мой авторитет только замахал руками...».

Этим суждениям рассказчик противопоставляет другие, основанные на близком знакомстве высказывавших их лиц со Скобелевым. «Англичанин Грин (ошибка: Грин — американец. — *В.М.*), не задумываясь, ставил Скобелева рядом не только с Мольтке, но даже с Напо-

леоном. По моему мнению, это совершенно справедливо. Сходство французского и русского гениев поразительное. Оба они обладали в высшей степени таинственным даром покорять себе массы. От солдата до мужика все чувствовали в них олицетворение народной души, народного гения. Они — истинные вожди народа. Там, где только они появлялись, совершался удивительный подъем духа... Ничего подобного, жизненного и центрального, не представляет собою молчаливая фигура Мольтке. Это военный, чрезвычайно даровитый генерал в самом специальном значении».

На мой взгляд, есть основание поставить Скобелева даже выше Мольтке и если не рядом, то, с некоторыми оговорками, близко к Наполеону. Мольтке был создателем совершенной, казалось бы безупречной германской военной машины. Это высококвалифицированный, талантливый военный профессионал. Война была для него движением и столкновением войсковых масс, а сам он являлся мастером планирования военных операций. По своим воззрениям и кругозору это типичный представитель германской военной касты. Скобелев, будучи столь же квалифицированным профессионалом, отличался от Мольтке тем, что не только умел воспламенять дух армии, действовать на сердце «мужика», народа, но и социологически глубже смотрел на природу войны. Ему были чужды кастовость и взгляд на армию как на машину, всецело определяющую исход войны. Исход, по его мнению, зависел не только от армии, но прежде всего от силы народного сопротивления, если, конечно, это справедливая война подвергшегося иноземному нашествию народа. Тот же автор рассказывает, что во время совместной поездки в вагоне поезда он высказал Скобелеву опасения авторитета, на что Скобелев возразил: «Ну, в

две-то недели не дойдет, может быть, одну-две победы и одержит, а потом, знаете ли, я глубоко верую, что потом мы разобьем этого немца, страшно, надолго разобьем... Вот она где, сила! — указал рукой по направлению к деревушке Михаил Дмитриевич. — Эта сила непобедима!»

Вот где видел Скобелев источник непобедимости России. В народе он видел ключ к конечной победе. Другие его стратегические принципы нам известны. Если Мольтке и вся германская военная мысль делали ставку на нанесение полного поражения противнику в одном или нескольких генеральных сражениях, и, лишь когда определился франко-русский союз, престарелый фельд-маршал стал высказывать определенные опасения в возможности столь благоприятного для Германии поворота событий, то Скобелев исходил из того, что война примет затяжной характер и будет вестись до полного истощения сил обеих сторон. Прав он был и в том, что решающая роль генерального сражения и само это понятие навсегда ушли в прошлое. Скобелевский же взгляд на роль народа в войне был совершенно чужд Мольтке и другим германским авторитетам. Вот почему мы склонны поставить Скобелева, как полководца и военного мыслителя, несравненно выше Мольтке, вслед за Наполеоном, также, как известно, одерживавшим победы лишь до тех пор, пока он опирался на народ, на массы. Оговорка, почему вслед, а не рядом, наверное, понятна: Скобелев был равен Наполеону своим талантом, но не количеством и масштабами проведенных кампаний.

В Западной Европе имя Скобелева пользовалось широкой известностью и высоким уважением. После окончания войны в Туркмении его действия были признаны «образцовыми», а его самого как отечественные, так и заграничные военные авторитеты единодушно называли

«талантливейшим из современных ему генералов Европы». Уважение к Скобелеву высказывали и военные Германии, несмотря на известные немцам антигерманские чувства Скобелева. В.В.Верещагин, например, рассказывал, что почитавшийся Скобелевым Мольтке «...со своей стороны, по-видимому, был равнодушен к юному, бурному, но многоталантивому собрату по оружию; по крайней мере, когда я говорил с Мольтке о Скобелеве, после смерти последнего, в голосе «великого молчалика» слышалась нежная, отеческая нота, которой я не ожидал от прусского генерала». Англичане, военные и журналисты, также воздавали Скобелеву должное, имя его в этой стране, при всех противоречиях с Россией в Азии, было очень популярно. Американцы, наблюдавшие русского генерала на войне, писали об «изумительном военном гении Скобелева. Я умышленно употребляю это выражение и твердо верю, — высказывал свое убеждение Грин, — что если Скобелеву суждено прожить еще двадцать лет (писано в 1880 г. — *В.М.*), то он будет главнокомандующим в будущей войне из-за восточного вопроса и история поставит его имя в ряду имен величайших полководцев нашего века...».

При широком признании военного таланта, даже гения Скобелева, при его небывалой в истории России всенародной славе, находились, однако, сомневающиеся, по незнанию или по недоброжелательности утверждавшие, что он был всего лишь лихой рубака, отчаянно храбрый, даже не лишенный таланта, но не подходивший для роли вождя армии в большой войне. В связи с этим в литературе ставился волновавший современников вопрос: потеряла Россия в лице Скобелева только героя или серьезного главнокомандующего? После русско-японской войны этот вопрос связывался с другим: могла ли война прохо-

дить и окончиться иначе, если бы главнокомандующим был Скобелев? Вот как отвечал на этот двойной вопрос А.Витмер, военный специалист высокого ранга (академический профессор, генерал), в суждениях которого профессиональная компетенция соединяется с системой и обстоятельностью педагога. Ответ затруднителен, замечает Витмер, потому что роль главнокомандующего требует сочетания многих качеств ума и характера. «Однако несомненно, в Скобелеве были данные, необходимые для роли серьезного военачальника... Помимо большого ума, Скобелев обладал характером решительным, способным принимать самые смелые, даже чересчур смелые решения... Он был талантлив, в нем была искра Божия, без которой великие дела невозможны. Благодаря этой искре, он умел привлекать к себе людей, действовать обаятельно на массы». Но и этого мало, продолжал Витмер, надо еще уметь выбирать помощников, а это тоже далеко не просто. Одни боятся около себя талантов, либо боятся кого-то обидеть из страха перед высшими, либо просто не понимают людей, принимая высокую награду у какого-либо лица за его способность командовать армией. «Таким, к отчаянию своих почитателей, к числу которых принадлежал и я, — сознавался Витмер, — показал себя Куропаткин», этот прекрасный исполнитель командных ролей среднего уровня, оказавшийся совершенно непригодным для выполнения роли главнокомандующего. Пример противоположного, приводимый Витмером, — император Вильгельм, который не боялся держать около себя Бисмарка и Мольтке.

«Каким показал бы себя в этом смысле Скобелев? — ставил Витмер новый вопрос. — Здравый, обширный ум, прекрасное знание военного дела и военной истории, основательному изучению которых он посвящал после Ака-

демии все свои досуги, понимание людей, чуткость натуры, вместе с огромной самоуверенностью, верой в свои силы, в свое превосходство — качества, несомненно присущие Скобелеву, — все это, вместе взятое, позволяет думать, что при выборе помощников он руководствовался бы единственным побуждением — их пригодностью для дела, и что выбор их был бы поэтому удачным». Куропаткина, например, Скобелев поощрял, не боясь. Гудиму-Левковича, умного, ученого, благородного, но вялого, удалил, несмотря на его высокие придворные связи. И в Маньчжурии он бы, конечно, не оставил на должностях опозорившихся командиров. Скобелев постоянно рос как полководец. В частности, он хорошо понимал необходимость концентрации сил. В связи с этим, констатировал Витмер, обвинения Скобелева за Шейново были несправедливыми. Под Риволи австрийцы были разбиты потому, что шли в атаку неодновременно несколькими колоннами. То же могло случиться и здесь. Решение отложить атаку до полного сосредоточения сил было правильным. «...Честь решимости отложить атаку до 28-го всецело должна быть приписана Скобелеву...», а не советчикам. Мало ли всяких советов приходится выслушивать командиру.

«Вот данные, говорящие за то, что если бы в Маньчжурии во главе нашей армии стоял Скобелев, война имела бы иной результат», — заключал Витмер. «...Сколько раз мне приходилось говорить: Господи, если бы был Скобелев! Если бы был Скобелев, возможен ли был Тюренчен, куда Куропаткину не угодно было даже пожаловать, чтобы хотя взглянуть на японцев, целых шесть дней употребивших на переправу, тогда как Скобелев, под Геок-Тепе, бросил свой отряд для безумно смелой рекогносцировки, чтобы только посмотреть на незна-

когого врага. Если бы был Скобелев, разве мыслим был бы Вафангоу, куда также не удостоил приехать командующий армией? А беспрепятственные высадки японцев? А Ляоян? Если бы был Скобелев, разве не была бы уничтожена армия Куроки до последнего человека? А!.. Если бы, если бы!»

Оценивая Скобелева с военно-исторической точки зрения, нельзя не признать, что его деятельность представляет наивысший взлет русского военного искусства за время от окончания наполеоновских войн до Первой мировой войны включительно. Ни недоброй памяти николаевская эпоха, ни начало нашего века не выдвинули фигуры такого масштаба. Скобелев — самая славная, самая героическая и яркая страница этого столетия, отмеченного в его последний период переломными сдвигами в развитии военной техники, тактики и стратегии. Исторически Скобелев соединял военное искусство XIX века с Первой мировой войной, был одним из наиболее активных генералов, вырабатывавших основы современного боя и войны. Его выводы из накопленного боевого опыта, формулированные в приказах, его стратегические планы и другие труды обобщали этот опыт и развивали военную науку. Он далеко опередил свое время. Его идеи, высказанные в 1879–1882 годах, были вполне на уровне понятий 1914–1918 годов. Нет сомнения, что доведись ему прожить больше и в полной мере проявить свой талант, он стал бы в один ряд с теми немногими, которые заслужили название великих. Но несмотря на краткость своей жизни, он заслужил характеристику, данную ему издателем его приказов: «В основе всех приказов Скобелева лежит любовь к солдату и глубокое сознание святости долга; отсюда проистекают беззаветная храбрость, решимость и постоянная заботливость о подчиненных, т. е.

лучшие чувства истинного военного. В этом отношении Скобелев, не говоря уже о превосходном знании военного дела, служил блестящим примером. Он сам делал то, что требовал от других в своих приказах. Вот почему имя Скобелева останется навсегда в памяти офицеров и солдат знаменем воинской доблести и чести».

Глава VI.

Общественно-политическая деятельность Скобелева

Общая характеристика

Ну, наконец-то мы дошли до сущности, выразит удовлетворение пытливей читатель. Ведь то, что осталось позади, все это — проявления. Чтобы их до конца понять, нужно знать, что за человек был Скобелев, каковы были его характер и убеждения. Да еще автор намерен показать деятельность этого генерала в других, не военных областях.

Главное, чтобы по окончании чтения перед читателем предстал подлинный Скобелев во всей его полноте, глубине и сложности.

Общественно-политические взгляды Скобелева и его деятельность в этой области, отмеченная яркими событиями и неразгаданными тайнами, представляют не меньший интерес, чем его военная жизнь. Предвижу, что для части читателей они окажутся даже более интересными.

Скобелев был человеком передовых, прогрессивных убеждений. Это понятно уже из предыдущей главы. Но убеждения Скобелева отличались и некоторым своеобразием, ведь они формировались под влиянием многих и разнообразных условий и обстоятельств. Это, прежде

всего, семейные военные и патриотические традиции, сыгравшие, надо думать, решающую роль в становлении его горячего и нередко воинствующего патриотизма; рождение Скобелева в богатой дворянской семье, его заграничное, хотя и недолгое воспитание; условия внутренней жизни России; воздействие на формирование его взглядов идейных течений 60—70-х гг., а также русской и западной художественной литературы, которую он хорошо знал; условия и нравы военной жизни того времени; характер, личные симпатии и антипатии самого Скобелева; наконец, Скобелев, много читавший на всех основных языках, был в курсе всего нового в мировой политике, науке и культуре. Видимо, многообразием этих влияний следует объяснить, что его нельзя отнести ни к западникам, ни к четко выраженным славянофилам, ни, конечно, к революционному лагерю.

Нечего и говорить, что он не был реакционером, хотя и поддерживал отношения с некоторыми ретроградно настроенными лицами. Нужно также помнить, что речь идет о человеке, для которого общественная деятельность и политика были не профессиональным, а побочным занятием. Однако Скобелев очень живо интересовался этими проблемами, а в последние годы жизни предпринимал и активные практические действия. Не выносивший шаблон, он выработал целую программу, до нас, к сожалению, не дошедшую, но о направленности которой можно догадываться по известным нам его деловым запискам, письмам, отдельным высказываниям и свидетельствам мемуаристов. В соответствии со своими взглядами на задачи внешней политики он строил свои стратегические планы. Поэтому общественно-политические идеи и деятельность Скобелева так же неотделимы от его личности, как и его военная деятельность.

Мы уже говорили об отношении Скобелева к реформам 60-х гг. И в военной, и в общественно-политической областях он был убежденным сторонником и защитником этих реформ. Он и сам был порождением реформ и той идейно-нравственной атмосферы, того неповторимого в истории России общественного подъема, который был создан стремлением общества к прогрессу, к обновлению. В этом — ключ к пониманию всего мировоззрения Скобелева. Основной реформой было уничтожение крепостничества. Отношение к этому важнейшему акту есть действительный критерий, позволяющий вынести первое, пусть самое общее, но безошибочное суждение об общественном лице любого деятеля той эпохи. Скобелев с энтузиазмом приветствовал отмену крепостного права: «Великий день 19 февраля 1861 г. впервые призвал к жизни все наличные силы русского народа. Не только Европа, но и русские государственные люди не испытали на деле свободной России в трудные минуты ее существования... Мы теперь смело смотрим в лицо врагам, скажу более, те, которым в настоящую минуту суждено руководить силами отечества, обязаны, когда того потребуют интересы его, соображать и решаться на предприятия, соответствующие воодушевлению, бесспорному мужеству, готовности всем жертвовать 80-миллионного русского народа. Если до 19 февраля 1861 г. русские силы ходили в Париж и Адрианополь, почему же теперь... нам задаваться меньшими целями».

Скобелев занимал прогрессивные позиции и по животрепещущему в то время вопросу о демократических свободах, прежде всего о свободе печати и слова. Он был противником цензурных ограничений, считал свободную печать одним из главных признаков цивилизованного общества. «Я не знаю, почему ее так боятся, —

говорил он в беседе с Немировичем-Данченко. — За последнее время она положительно была другом правительства. Все крупные хищения, все злоупотребления были указаны ею... Для власти свободная печать — ключ. Через нее она знает все, имеет понятие обо всех партиях...»

Просвещению, народному образованию Скобелев придавал особенно большое значение и способствовал его развитию собственными усилиями и средствами. Он выделял средства для училищ (в Спасском и в других местах), которые, «как рассадники народного образования, должны быть поддерживаемы и обеспечены выдачею денежных сумм, потребных на приобретение школьных пособий, приличное жалованье учителям и проч.». В письме И.И.Маслову Скобелев пояснял и мотивы своей заботы: «Потребности народного образования ощущаются в нашем отечестве всеми людьми честными... Я считаю делом добрым и русским... обеспечить по возможности средствами великое дело народного образования... Вам, следовательно, понятно, многоуважаемый Иван Ильич, с каким святым чувством я приступаю ко всему могущему хоть сколько-нибудь подвинуть вперед это великое дело — краеугольный камень будущего величия нашей родины...» Не меньшего внимания заслуживает и отношение Скобелева к другому вопросу такой же актуальности — к народному здравоохранению. Об этом говорит факт постройки им в Спасском больницы для крестьян.

Будущее процветание России Скобелев связывал с развитием науки и техники. Он считал необходимым использовать передовой опыт Запада, но при этом не допускать никакой от него зависимости. Вот кредо Скобелева в его собственном изложении: «Взять у Запада все, что может дать Запад, воспользоваться уроками его исто-

рии, его наукою, но затем вытеснить у себя всякое главенство чуждых элементов... Петр заимствовал у шведов их военную науку, но не пошел к ним в вассальную зависимость. Я терпеть не могу немцев, но у них я научился многому. А заимствуя у них сведения, все-таки благоговеть перед ними не стану и на буксире у них не пойду».

Особо следует сказать о патриотизме Скобелева, который ясно просматривается и в приведенном высказывании.

Это была определяющая черта всего миропонимания Скобелева, цель и смысл его жизни. Сам он выражался кратко и определенно: «Все для матушки России и ее славы». Любовь к отечеству Скобелев понимал широко: он защищал и военные, и экономические, и политические интересы России, и делал это не только оружием, но и мыслью, и публичным словом. В письмах к близким людям, например к дяде, он высказывался, как смело, «до безумия смело» (собственные слова Скобелева) он готов служить родине.

Но Скобелев был далек от казенного патриотизма. Чем старше он становился, тем больше его патриотизм связывался не только с военным могуществом и внешним престижем России, но и с прогрессивными общественными преобразованиями, народным благосостоянием и политической свободой. Для защиты экономических интересов страны он считал необходимым «запереть границу для иностранного ввоза тех предметов, которые у нас у самих производятся... И сверх того, внутри у себя сделать многое. И Скобелев изложил целую программу, давно, очевидно, обдуманную во всех деталях, охватывающую все стороны нашей народной жизни. К сожалению, она не может быть приведена здесь», — рассказывал Неми-

рович-Данченко. Из этого можно понять, что Скобелев был за протекционистские меры и за ускоренное развитие отечественной промышленности (меры, проведенные несколько позже С.Ю.Витте). Об остальном остается только гадать. Очень жаль, что писатель не сохранил для нас большего. После турецкой войны, высказывал свое мнение Скобелев, с Турции следовало получить контрибуцию для оплаты военных издержек России. Он возмущался дипломатами, которые «издержки войны предоставили заплатить русскому мужику, который и без того не может управиться с недоимками и загребущими лапами кулака». Неизменное стремление Скобелева беречь и экономно расходовать народные деньги всегда составляло отличительную черту его патриотизма.

По мере созревания идейных убеждений Скобелева в нем крепились антимоноархические настроения. В Испании, например, он не сочувствовал карлистам. Реакция, начавшаяся с воцарением Александра III, угнетала Скобелева. Духовная атмосфера этого времени напоминала ему николаевскую эпоху. «Время такое, ведь живем *недомолвками*. Невольно слышатся слова Грановского по случаю смерти Белинского: «Какую эпоху мы переживаем: сильные люди ныне надломлены. Они смотрят грустно кругом, подавленные *тупым равнодушием*. Что-то новое слышится... Но где же правдивая сила»». В этой скобелевской характеристике, так напоминающей блоковскую («Победоносцев над Россией простер совиные крыла»), ясно видно и уважение, которое он испытывал к лучшим людям 40-х годов.

Скобелев много работал, пытаюсь понять движущие силы исторического процесса. Ниже я покажу, что хотя он не сочувствовал террористической деятельности народников, он все же не был сторонником борьбы с этим

движением с помощью силы, террора со стороны правительства. Эта не обычная для царского сановника позиция объяснялась тем, что Скобелев понимал: революционное движение рождается не волей отдельных лиц или групп, а объективными условиями, он понял и бессмысленность борьбы против ее последствий, когда она стала фактом. На это есть убедительное документальное указание. Я имею в виду письмо дяде А.В.Адлербергу, опубликованное Н.Н.Кноррингом: «За последнее время я увлекся изучением, частью по документам, истории реакции в 20-х гг. нашего столетия. Как страшно обидно, что человечество часто вращается лишь в белкином колесе. Что только не изобретал Меттерних, чтобы бесповоротно продвинуть Германию и Италию за грань неизгладимых впечатлений, порожденных французскою революциею. Тридцать лет подобного управления привели: в Италии к полному торжеству *тайных* революционных обществ, в Германии — к мятежу 1848 г., к финансовому банкротству и, что всего важнее, к умалению в обществе нравственных и умственных начал, создав бессильное, полусонное поколение. В области внешней политики от ответом Меттерниху были Сольферино и Садова... В наш век более, чем прежде, обстоятельства, а не принципы, управляют политикой».

Это письмо — яркий образец того, как Скобелев на основе изучения истории, «частью по документам», и вообще систематической интеллектуальной работы приходил к самостоятельным выводам, никак не совпадавшим с официальной идеологией. Он верно оценивал бессилие «Священного союза», пытавшегося повернуть вспять колесо истории. Верной и глубокой по своему проникновению в сущность исторического процесса является мысль о том, что обстоятельства, то есть объективные условия,

а не принципы — николаевские, меттерниховские и др. — управляют развитием общества.

Взгляды Скобелева говорят, что объективно он был сторонником капиталистического развития России. Казалось бы, это должно было сближать его не со славянофилами, а с западниками. Могло быть и иначе: далеко не все мыслящие люди причисляли себя к этим направлениям. Были просто сторонники прогресса, понимаемого каждым по-своему. Таким был и Скобелев. Однако в одном пункте он был близок к лагерю славянофилов.

Славянофилом в точном смысле, по крайней мере в том понимании этого общественного явления, которое связывают со взглядами виднейшего представителя позднего славянофильства И.С.Аксакова, Скобелева нельзя было назвать. В этом убеждает сравнение его взглядов со взглядами Аксакова, который был к тому же и личным другом белого генерала. Скобелев резко расходился с Аксаковым в оценке петровских преобразований, которые он считал необходимыми и благотворными для России. В отличие от славянофилов, он не идеализировал допетровскую Русь и высоко ценил деятельность Петра. Он никогда не высказывался в пользу тех идей, которые составляли фундамент ортодоксального славянофильства, обоснование самобытности исторического пути России: классового единства, самодержавия, крестьянской общины, особой роли православия. Он видел, что страна переживает период ломки старого жизненного уклада. Весьма существенно для понимания взглядов Скобелева его замечание о «загребущих лапах кулака». Он видел, что единая прежде деревня расслаивается. Что же касается православия, то Скобелев не афишировал свою религиозность, но когда возникала ситуация, ставившая под вопрос престиж Православной Церкви в глазах ино-

странцев, он его ревностно защищал. Вспомним хотя бы сцену на адрианопольском вокзале при проводах Тотлебена. Своим поступком Скобелев поддержал престиж Русской Православной Церкви, который в данном случае совпадал с престижем России. Искать в этом факте проявление славянофильства бессмысленно.

Чувствую, что читатель уже потерял терпение: так в чем же состоял славянский элемент мировоззрения Скобелева?

Идеей Скобелева, заставлявшей современников говорить о его славянофильстве, был союз славянских государств во главе с мощной, великой Россией. По мысли Скобелева это должен быть свободный союз свободных равноправных и полноправных народов. Каждому из них все вопросы своей жизни предоставляется решать самостоятельно, общими должны быть только армия, таможня и монета. В остальном «все они у себя внутри делай все и живи как хочешь... все за одного и один за всех».

Судя по этой краткой, но достаточно ясной характеристике, Скобелев мечтал о таком союзе славянских народов, в котором свобода сочеталась бы с силой и сплоченностью. Общая таможенная защита должна была оградить экономику от иностранной конкуренции, а емкий рынок, обусловленный многочисленным населением, — стимулировать развитие производства. Общая армия была бы в состоянии защитить союз от любого внешнего врага. Пришел Скобелев к этой идее самостоятельно или почерпнул ее из литературы, сказать определенно материалы не позволяют. Но они недвусмысленно говорят, что Скобелев был горячим сторонником активности самих славян. Россия в его представлении должна была выступать скорее в роли их защитницы и попечительницы, чем

прямой руководительницы. «Это будет непременно», — говорил он, но лишь тогда (цитируя А.С.Хомякова), «когда у нас будет настолько много «пищи сил духовных», что мы будем в состоянии поделиться с ними ею и когда «свободы нашей яркий свет» действительно будет ярк и всему миру ведом». Деятельность Скобелева в освобожденной Болгарии в качестве главнокомандующего оккупационными войсками, а потом и руководителя военного обучения болгар свидетельствует, что он добивался не превращения славянской страны в российскую губернию, а утверждения ее государственной самостоятельности. Показательно в этом отношении высказывание Скобелева в беседе с Немировичем-Данченко, происходившей, как рассказывает мемуарист, по окончании военных действий под Константинополем, субтропической ночью. На замечание писателя, что славяне не отдадут своей свободы за честь принадлежать России, Скобелев отвечал: так никто и не думает. Союз должен строиться на основе свободы и соблюдения интересов всего славянства.

Проект Скобелева был, конечно, утопией. Каждый славянский народ, под каким бы ярмом — турецким или австрийским — он ни находился, борясь за национальное освобождение, добивался создания собственного независимого государства. Национальную самостоятельность любой народ мыслит как национальную государственность. Однако при всей своей утопичности идея Скобелева вовсе не была абсурдной, не имеющей в реальной действительности никаких корней и позитивного назначения. Чтобы понять, как она могла возникнуть, и оценить ее смысл, надо учесть условия, вызвавшие подъем панславизма в России.

После Крымской войны, в 60-х гг., в России, занятой реорганизацией своей внутренней жизни, славяно-

фильские и панславистские идеи не пользовались популярностью. Общество стремилось к освобождению от всяких пут, сковывавших его развитие. Славянофильство, идеализировавшее старину, в этих условиях не могло привлекать симпатий общественности. Однако со второй половины этого десятилетия оно показывает признаки оживления (знаменательный факт — славянский съезд в Москве в 1867 г.), а в 70-е бурно расцветает. Причины этого непонятного на первый взгляд явления кроются главным образом в коренном изменении международной обстановки в Европе. Военные успехи Пруссии, победившей Данию, Австрию, Францию, вызвали в Германии взрыв шовинизма. Печать Германии и Австрии, пангерманский союз, действовавший при открытой поддержке правительства, проповедовали превосходство немцев над славянами и призывали к «Дранг нах Остен», в том числе за счет России.

Большое влияние на общественное мнение России оказал исход франко-прусской войны. Неприязнь и насмешки над Францией Наполеона III, распространенные в русской публике, все больше уступали место былой симпатии. По отношению же к Пруссии и затем Германии произошла смена настроений совсем противоположного рода. Печать всех направлений осуждала Пруссию, видя в ней варварскую, грубую силу. Такое отношение разделяли все славяне. Этот факт точно установил М.Н.Катков. Связанный «высочайшим желанием» царя, чтобы газеты не печатали ничего оскорбительного для Пруссии, он сумел обойти этот запрет. Не высказываясь сам, он сделал обзор суждений газет славянских стран и констатировал их единодушие, которое определял словами белградской «Сербии»: «Все они (газеты) единогласно видят величайшую опасность для славянского племени в победе тевто-

нов над романским племенем». Без учета таких фактов, как германские победы 60-х и 1870–1871 гг., рост агрессивности Германии и ее наглые угрозы по адресу славян, нельзя понять ни русского панславизма, ни настроений Скобелева. Если в России было распространено мнение, что путь в Константинополь лежит через Вену, то по заключению известного панслависта генерала Ростислава Фадеева, «погром 1866 г.» (поражение Австрии в войне с Пруссией) даже ухудшил положение России, так как вместо отдаленной и часто эфемерной поддержки Франции Австрия получила близкую и активную поддержку всех «немецких сил», согласованно направлявших свою военную и экономическую экспансию на Восток, в направлении Балканы — Турция — Ближний Восток. Под влиянием этой новой обстановки Скобелев сформулирует свой, дальнейший вывод: путь в Константинополь лежит не только через Вену, но и далее через Берлин.

Таким образом, дело сводилось к борьбе славянского мира против германского. Поскольку германский мир соединенными силами наступал на славян, с их стороны было вполне естественно объединить свои силы для отпора общему врагу. В самой идее военного объединения славянства против агрессивного германства не было ничего ненормального или реакционного. Исторический опыт показывал, что когда удавалось добиться единства, славянство успешно отражало натиск германства. Эта обстановка по-своему преломилась в сознании Скобелева, который пошел дальше простого военного союза, проектируя славянскую государственную систему.

В эволюции панславистских идей Скобелева решающую роль сыграла война 1877–1878 гг. Под влиянием этой войны его смутные славянские симпатии получили четкое оформление. Противодействие, которое встретила

Россия со стороны Англии и Австрии, а затем, на Берлинском конгрессе, и Германии, не желавших образования независимых славянских государств и ослабления Турции, не только пробудило в Скобелеве его славянские чувства, но заставило его задуматься над проблемами славяно-балканской и всей внешней политики России. Именно эта война и Берлинский конгресс сделали Скобелева панславистом и активным политиком.

Указанной идеей, собственно, и ограничивается славянофильство Скобелева. Оно имело, как видим, не характер вероучения, а военно-патриотическую основу. Скобелев скептически относился к увлечению славянофилов рассуждениями о народности, национальном духе, когда народ оставался бедным и обездоленным, «...народность он понимал шире, свободнее и, так сказать, активнее, чем славянофилы. Так, в своих взглядах на то, что нужно народу, он придавал особенное значение улучшению экономического народного быта. Дух — великое дело, говаривал обыкновенно Михаил Дмитриевич, но хлеб и земля — также очень важные материи», — вспоминал его близкий друг.

Поскольку в мировоззрении Скобелева славянский элемент занимал определенное место, он наряду с другими его симпатиями определял круг его ближайших друзей и единомышленников. Среди них отметим прежде всего И.С.Аксакова.

Аксаков импонировал Скобелеву своим патриотизмом, либеральными убеждениями и последовательностью, с которой он отстаивал свое направление. Он оказал огромное влияние на общественное мнение в ту пору, когда в стране росло возмущение турецкой резней в Болгарии, и в значительной степени определил настрое-

ние в пользу вступления в войну. Он был идейным главой и деятельным председателем наиболее активного московского Славянского комитета по сбору средств в пользу балканских славян. В последнее десятилетие жизни Аксакова (умер в 1886 г.), выдающегося оратора, каждое его публичное слово становилось политическим событием. О его речах летели телеграммы во все концы мира, и печать западных стран строила по ним прогнозы о предстоящих шагах русского правительства. В некрологах, напечатанных в европейских газетах после смерти Аксакова, говорилось, что война 1877–1878 гг. была делом рук московского публициста.

Из лиц, так или иначе связанных со Скобелевым, надо указать также М.Н.Каткова. Это фигура уже совсем другого рода. В отличие от Аксакова, влиявшего на общественное мнение своим моральным авторитетом и убеждением, Катков добился того, что его «Московские ведомости» стали чем-то вроде правительственной силы. В царствование Александра III, когда Катков достиг зенита своего политического влияния, он нападал на всех с ним не согласных, в том числе на верхи, вплоть до правительства. Его ядовитого и острого пера — а в литературном отношении Катков был талантлив и широко образован — боялись министры. Своими передовыми статьями Катков оказывал большое влияние на формирование внутренней и внешней политики, травил, например, министра финансов Н.Х.Бунге и министра иностранных дел Н.К.Гирса. Влияние Каткова распространялось даже на самого императора. Либерал смолоду, он стал в зрелые годы ярким монархистом.

Правомерен вопрос: на какой же почве у Скобелева могла возникнуть с ним близость? Дело в том, что внешнеполитические взгляды Каткова соответствовали нацио-

нальным интересам России. Это был германофоб и сторонник союза с Францией. Он настойчиво и довольно ругательно требовал от правительства самостоятельности в отношениях с Германией, защиты отечественных промышленников и аграриев. Единомыслие Скобелева с Катковым, не доходившее, впрочем, как было с Аксаковым, до дружбы, возникло именно на почве единства их внешнеполитических взглядов.

В числе высших сановников, членов правительства у Скобелева был только один сторонник, человек, близкий ему по убеждениям, всегда его поддерживавший. Это — известный граф Н.П.Игнатъев, дипломат при Александре II, недолгое время министр внутренних дел в правительстве Александра III. Игнатъев по своим убеждениям был либерал, патриот, славянофил (президент Славянского благотворительного общества в Петербурге). Для идейного единства со Скобелевым, а значит, и для взаимной поддержки — платформа полная. Игнатъев действительно помогал Скобелеву и пытался влиять на государя и его министров, когда увлекающийся генерал ставил правительство в затруднительное положение в международных отношениях. Имея в виду такого рода казус, государственный секретарь Е.А.Перетц писал в дневнике 13 февраля 1882 г.: «Игнатъев старается смягчить поступок Скобелева в глазах государя». Запись от 28 февраля того же года: «Очень поддерживает Скобелева Игнатъев». Впрочем, Скобелева с Игнатъевым связывали деловые отношения и интересы, личной близости между ними не было.

В высших придворных и правительственных сферах Скобелеву сочувствовал великий князь Константин Николаевич. Это была, конечно, большая сила. Да и сам этот великий князь представлял собой чрезвычайно оригина-

нальную и даже уникальную фигуру. Умный, широко образованный, один из крупнейших деятелей эпохи реформ, идейный вождь либерального направления в среде военной и чиновной бюрократии, он был полной противоположностью своему отцу, Николаю I, но имел много общего с братом, Александром II, если не считать некоторой взбалмошности, сумасбродности характера этого принца крови. Константин Николаевич много способствовал подъему военной силы России. Он энергично поддерживал преобразовательную деятельность Милютина. Занимая пост генерал-адмирала (морского министра), он сделал большой вклад в создание броненосного флота и в возрождение флота на Черном море. Весьма важно, что он был председателем Государственного Совета, это облегчало продвижение законопроектов. Его политический радикализм был таков, что в реакционном лагере его называли *grand due Egalite*. Александр III всерьез обвинял дядю чуть ли не в причастности к гибели своего отца, утверждая, что к убийству привела либеральная политика. При нем Константин Николаевич недолго занимал свой пост. Он был уволен под нажимом К.П.Победоносцева, видевшего в нем источник крамолы. Как человек умный и хорошо знавший военное дело, Константин Николаевич не мог не разглядеть в Скобелеве его военного таланта и, судя по дневниковым записям того же Е.А.Перетца, поддерживал его, защищал перед государем.

И, наконец, еще одна оригинальная фигура, Ольга Алексеевна Новикова, урожденная Киреева, писательница, журналист и общественный деятель, сестра погибшего в 1876 г. за свободу Сербии генерала Н.А.Киреева, дочь известной московской красавицы А.В.Алябьевой. Ее убеждения по основным вопросам внутренней жизни можно назвать реакционными: она была монархисткой,

высказывалась в пользу цензурных ограничений, против предоставления русским революционерам политического убежища на Западе. Но при этом она была патриоткой и активно защищала интересы России за рубежом... «Вы... мужественно, бесстрашно, с поднятым забралом воюете за честь России», — писал ей И.С.Аксаков 26 января 1882 г. Живя постоянно в Лондоне (Новикова владела английским как родным и еще некоторыми языками), но сохраняя живые связи с Россией, она была очень популярна в Англии, что принесло ей там имя «депутат от России». В ее политическом салоне перебивали все деятели Англии и России, многие состояли с ней в дружбе и переписке. Свое влияние на англичан она использовала в интересах достижения взаимопонимания и дружбы между Англией и Россией. Через английскую прессу она информировала англичан о русской жизни и освободительной борьбе славян. Русских она знакомила с Англией статьями в московской печати, в которой сотрудничала 25 лет. С 70-х гг. до конца века она защищала армян от турок. Немало способствовала урегулированию англо-русского конфликта 1885 г. и с немногими англичанами-единомышленниками агитировала за англо-русский союз. Существует мнение, что в его достижении эта небольшая, но активная и настойчивая группа сыграла определенную роль. Пацифистка, Новикова была «пионером Гагской конференции» 1899 г. и одним из ее инициаторов, как и конференции 1907 г. В 1908 г. она энергично протестовала против австрийской аннексии Боснии и Герцеговины. За ее заслуги перед славянским освободительным движением петербургский и московский Славянские комитеты почтили ее, единогласно избрав своим почетным членом и поднеся ей памятные значки. Н.П.Игнатъев в горячей речи приветствовал ее патриотическую дея-

тельность. Ее знание англичан, их политических принципов и нравов было превосходным. «Вкус англичан знаю отлично», — писала она Аксакову из Лондона.

Друг и единомышленник Скобелева, его восторженный почитатель, Новикова в 1883 г. написала на английском языке книгу «Skobeleff and the Slavonic cause» («Скобелев и славянское дело»). Книга имела в Англии шумный успех и высоко подняла авторитет Скобелева в этой стране. По свидетельству И.С.Аксакова, ее первое издание разошлось через месяц и издательство приступило к печатанию второго. Начался перевод книги и на другие языки. О впечатлении, произведенном книгой в Англии, писал Новиковой ее постоянный корреспондент С.Фруд: «Я прочитал, конечно, Скобелева и люблю искусство, с которым вы его изобразили. Вы больше бы удовлетворили англичан, если бы говорили только о Скобелеве, они ценят героя и готовились особенно ценить его, но джингоизм в их душе, и потому они воображают, что славянское дело — это вражда против них в Индии (опять панический страх за Индию. — *В.М.*). Они дураки, но на свете дураков большинство. Вы лишились Скобелева, но страна, которая могла иметь Скобелева, наверное, будет иметь еще многих героев, которым только и нужен случай, чтобы заслужить его славу».

Если справедлива пословица, что о человеке можно судить по его друзьям, то эти краткие характеристики достаточно характеризуют и самого Скобелева. Нетрудно разглядеть, что в них было общего: все они — люди мыслящие, интеллигентные, патриоты, почти все — либералы, сторонники той или иной формы народного представительства, все — славянофилы.

Представляют интерес взгляды Скобелева по такому острому, больному вопросу русской жизни, как польский вопрос. Скобелев симпатизировал полякам и осуждал разделы Польши. Но он подчеркивал, что русский народ не виновен в этой несправедливости, русский народ чист в этом деле. Скобелев выражал симпатии полякам с позиций славянского братства. В разделах Польши Россия, по его мнению, была виновата тем, что допустила участие в них немецких государств. «Я люблю поляков, — писал он одному из друзей. — Это народ, сохранивший героические традиции. Ошибка России не в том, что она покорила Польшу, а в том, что она дозволила ее разделить, выдала ее чужеземцам-немцам». Попутно заметим, что последняя мысль Скобелева не точна, а может быть, он просто и не задавался целью точного формулирования того, что сам для себя выяснил. Дело в том, что инициатива разделов исходила не от России, а от Пруссии и Австрии, в первую очередь лично от Фридриха II. Россия приняла в них участие лишь тогда, когда определилась их неизбежность. Предвидя военное столкновение с Германией, важность в связи с этим привлечения поляков на сторону России, Скобелев, как об этом уже упоминалось, представил правительству записку с предложением дарования Польше самостоятельности (с Краковом, входившим в состав Австро-Венгрии, и Познанью, составлявшей территорию Германии).

При характеристике общественно-политического лица Скобелева нельзя умолчать о бросающейся в глаза особенности его поведения, мы вскользь уже упоминали о ней. По родственным связям он принадлежал к самым высшим, аристократическим кругам, к правящей верхушке. Через одну из его сестер Скобелевы вошли в свойство с самой правящей династией. И несмотря на это, Скобе-

лев держался вдали от двора, хотя, как причисленный к свите генерал-адъютант, иногда и должен был там появляться. Он чуждался придворных связей и не имел там друзей. Как рассказывал В.В.Верещагин (этому есть и многие другие свидетельства), когда Скобелев появлялся при дворе, вся его фигура съеживалась, фуражка оказывалась на затылке, шинель на боку, весь его вид выражал неуверенность и нетерпение поскорей покинуть это общество. На обед к государю под Плевной он, как мы помним, не явился, а когда за ним послали, сел сначала с краю, объясняя Кауфману: это ведь не в деле. Уверенный в себе, разодетый и надушенный перед войсками, он, видимо, боялся, что здесь щегольство поставят ему в вину, как ставили в вину храбрость. По верному наблюдению Н.Н.Кнорринга, он не только не искал контактов, но отталкивался от аристократии. Правда, когда было нужно, он нажимал на придворные связи, действуя через дядю, который обычно все улаживал. Но сам, лично, он все-таки предпочитал держаться от двора подальше.

Объяснить этот факт застенчивостью или отсутствием уважения к своей особе нельзя. Хорошо известно, насколько Скобелев был уверен в своих силах, своем превосходстве, и как уверенно и свободно он себя чувствовал в любом обществе — военном, интеллектуальном, женском. Очевидно, двор и вообще знать были ему чужды идейно и, кроме того, он не находил в этих людях для себя ничего интересного. Гораздо больше его привлекало общество таких людей интеллектуального труда, как И. Саксаков, В.И.Немирович-Данченко, В.В.Верещагин, и совсем простых людей, как крестник его деда, как бы второй отец И.И.Маслов, которому адресованы многие теплые письма Скобелева.

Независимое поведение Скобелева, которое, как увидим дальше, переходило в оппозицию к правительству и самому царю, имело и материальную основу. Скобелев был богат (правда, о размерах своего состояния он узнал лишь после смерти отца). Это позволяло ему ни в ком не заискивать и ничего не просить. Ему не было необходимости обращаться с просьбой о пособии, с какой обращался, например, к министру двора А.В.Адлербергу в 1874 г. М.И.Драгомиров (документ из ЦГИА): «Прав на него, кроме недостаточности средств и необходимости поддерживать свое официальное положение, — добавлял он, — не имею; позволяю себе только полагаться на начальственное внимание и милостивое предстательство Ваше перед государем императором, общим отцом нашим». Просьба эта, разумеется, нисколько не бросает тень на репутацию М.И.Драгомирова. Она лишь показывает, что материальная недостаточность заставляла его делать шаги, в которых не нуждался Скобелев.

Сделанные выше попутные упоминания об отношениях Скобелева с женщинами и необходимость знания не только его политического лица, но и связанных с ним человеческих качеств требуют, по-видимому, кратко остановиться и на этом вопросе. Скобелев и здесь был своеобразен. К женщинам он был весьма равнодушен, но этот интерес был чисто мужской, интерес холостяка. И только. Женское общество Скобелева не интересовало, и он его не искал, даже избегал. Серьезных привязанностей у него не было (исключая одну, относящуюся к концу жизни, о которой расскажу ниже). Большого места в его жизни и мыслях женщины не занимали. Он не любил салонных разговоров, приемов и балов. Танцев он стеснялся с детства и, судя по всему, что нам известно, не стал их любителем и позже. Нет ни одного свидетельства о

его участию в балах. Конечно, как человек воспитанный, он умел быть любезным и предупредительным с женщинами, умел поддерживать с ними и деловые отношения. Его обаянию они поддавались легко. Этому не приходится удивляться, если знать впечатление, производимое Скобелевым, когда он этого хотел, и на окружающих, его умение не только подчинять себе людей на службе, но и очаровывать их в обычной, домашней обстановке. Английский журналист Форбс, например, рассказывал: «Солдаты, горожане, женщины — все были от него без ума. Я как теперь вижу его прекрасный лоб, украшенный каштановыми волосами; его голубые глаза, светлые, с пронзительным взором, столь открыто и прямо смотревшим на вас; его прямой и длинный нос, указывающий на решимость, один из тех носов, которые Наполеон I любил видеть на лице своих генералов; прекрасно очерченный рот, одаренный необыкновенной подвижностью и выразительностью; его круглый, могучий подбородок с ямочкой посредине — словом, отчетливо вижу перед собой его мужественное, энергичное лицо, окаймленное шелковистой бородою, падавшею на его богатырскую грудь... Этот человек в тридцать три года все видел, все проделал, все прочел... Он знал на память Бальзака, Шеридана, Герберта Спенсера... Он имел свое мнение о фаворите на будущих скачках, о кухне Cafe Anglais и репертуаре г-жи Селины Шомон, точно так же, как об английской кавалерии и бродах Оксуса. Он был музыкант и однажды вечером пропел, Мак-Гахану и мне, прекрасным голосом, аккомпанируя себе на фортепиано, французские песни, а затем немецкие, русские, итальянские и киргизские... с подобающим произношением... Простившись с ним, я сказал себе, что видел в этот вечер самый прелестный образчик русского совершенства, или, вернее,

космополитического, какой когда-либо мне удавалось встретить. А я не видал его еще в настоящей его сфере — на поле битвы».

Безусловно впечатляет, но звучит несколько панегирически, скажет недоверчивый читатель. Может быть, этот Форбс просто польстил Скобелеву?

Оснований для такого предположения не нахожу. Английскому журналисту нечего было искать в белом генерале. Скорее он искренне поддался впечатлению от Скобелева в тот вечер. Да и отзывы Адан не менее, если не более восторженны, не говоря уже о русских современниках. Это свойство Скобелева следует иметь в виду для понимания многого из того, о чем пойдет речь дальше.

Есть еще одна черта Скобелева — человека и политика. Он был широк, горяч и резок в оценках, которые не скрывал и тем умножал число своих врагов. И в то же время он был недоверчив, скрытен и хитер. Считал, например, допустимым воспользоваться услугами низких людей, которых презирал, и, взяв от них все, что нужно, выбросить их вон. «Всякая гадина может когда-нибудь пригодиться, — говорил он в беседе с Немировичем-Данченко. — Гадину держи в решпекте, не давай ей много артачиться, придет момент, пусти ее в дело и воспользуйся ею в полной мере. Потом, коли она не упорядочилась, выбрось ее за борт. И пускай себе захлебывается в собственной мерзости, лишь бы дело сделала!» Для Скобелева было также характерно выяснение мнения интересовавшего его лица, для чего он заводил откровенный, казалось бы, разговор, в действительности отнюдь не раскрывая перед собеседником свои карты. Если требовала обстановка, он умел высказываться, не связывая се-

бя. Он мог заставить даже умного человека поверить тому, что лишь маскировало его истинные замыслы. Эти черты не могли остаться незамеченными современниками. В.В.Верещагин, например, писал брату: «Скобелев говорит как дельфийский оракул, не скоро поймешь, что он хочет сказать».

Однако использование в политической области излюбленных Скобелевым рекогносцировок было лишь тактикой, средством, игравшим в его политическом арсенале не более как служебную роль. Совершая важные политические шаги, он прибегал к открытым, обнаженно резким заявлениям. Вообще, как это ни парадоксально, указанная черта в Скобелеве сочеталась с искренностью и отсутствием светского хладнокровия. Таков был его противоречивый, но своеобразно цельный характер. Для понимания способа его действий нужно также помнить, что его много раз обманывали, бывали и факты подлого предательства (хотя бы убийство матери), и что в течение всей его карьеры его сопровождали непонимание, вражда, скрытая и явная зависть. Один дипломат, например, говорил, что «всюду... втерся авантюрист, ученый-авантюрист, полководец... шарлатан-авантюрист, государственный человек-авантюрист». В этой же беседе он, по словам чиновника дипломатического ведомства Г.А. де Воллана, отрицал даже военный талант Скобелева, вызвав отпор со стороны собеседников. Разбирая «обычный упрек Скобелеву в популярничаньи», Н.Н.Кнорринг тонко подметил: «В сущности, Скобелев (и в этом его большая правда) сам никогда не отрицал рекламы вокруг своего имени, и когда его упрекали в этом, он отвечал уничтожающим: попробуйте и вы!»

Отрицать, что Скобелев прибегал к популярничанию, к рекламе, не приходится. Он с успехом использо-

вал этот прием в самый трудный для него период, во время опалы после Ферганы. Об этом интересно рассказывает Н.Н.Врангель: «...помимо заслуженного, в быстрой его славе играла значительную роль и та шумиха, на которую он был великий мастер. Для рекламы он ничего не жалел, и все нужные меры были им заблаговременно приняты, чтобы в психологическую минуту о нем не забыли. Когда перед турецкой войной он вернулся из Средней Азии, государь принял его более чем немилостиво и все предсказывали, что дело его спето и никакого назначения он не получит. Тем не менее, уезжая на театр войны, он заказал целую грудку клише, на которых был снят в разных позах.

— Для твоей будущей биографии, Бонапарт? — спросил я его.

Он усмехнулся.

— Нет, для мыла, духов и шоколада...

— Видишь, — сказал он мне после войны, — моя шоколадная артиллерийская подготовка была не напрасна».

Скобелев ревниво относился к сложившемуся во время войны неофициальному наименованию его дивизии скобелевской. Как мог, он утверждал и поддерживал обычай солдат дивизии, а потом и корпуса, называть себя скобелевцами. Не известный пока в литературе, но характерный в этом отношении факт мы находим в воспоминаниях генерала Анучина. Во время оккупации в Адрианополе, богатом всякого рода соблазнами, солдаты стали покутывать и, появляясь в пьяном виде на улицах, иногда создавали нежелательные эксцессы. Когда Тотлебен указал на это Скобелеву, тот, не могши отрицать са-

мого факта, просил лишь поручить наведение порядка ему.

«Едет раз Скобелев по улице, и на глаза ему попадает пьяный-распьяный солдатик его корпуса. Остановилась кавалькада. Подозвали солдатика к белому генералу.

— Кто ты такой? — спрашивает Скобелев солдатика.

— Сс... к... кко... ббб... белевец, ваше... ство!

— Уберите эту шельму, — отдал приказание генерал и поехал дальше.

Но в другой раз произошла сцена другого сорта. Кавалькада наехала на унтер-офицера, тоже писавшего «мыслете», но не потерявшего еще сознания. Увидя генерала, он остановился во фронт и смотрел оторопело.

— Ты кто такой?

— Воронежского полка унтер-офицер такой-то.

— Что-о, Воронежского полка? Учат вас, что были суворовцы, а ты не хочешь быть скобелевцем! Какой ты унтер-офицер! Спороть с него галуны и посадить под арест!»

Да, самореклама была не чужда Скобелеву, он ее и не отрицал. Но Скобелеву было что рекламировать. Как отмечали биографы, скобелевская легенда создавалась из добротного материала. Да и название «скобелевцы» не только лестно звучало для Скобелева, но и создавало в армии полезную боевую традицию. Поэтому «попробуйте и вы!» действительно было уничтожающим для тех, кто, не совершив подвигов, лишь жаждал славы. Напомню определение гения, данное Дж. Свифтом: «Когда настоящий гений появляется в мире, вы можете с легкостью

узнать этого человека по многочисленным врагам, которые объединяются против него».

Одностороннее определение, скажет читатель. Шутка, предназначенная, наверное, для какой-то конкретной цели.

Пусть одностороннее, но в нашем контексте важное. Именно подчеркнутая здесь сторона помогает понять причины недоброжелательства по отношению к Скобелеву. Ведь и Суворова в свое время обвиняли в том, что его слава — дутая, что ему всего лишь «везет». Незаинтересованные люди, например А.Витмер, замечали, что нельзя понять поведения Скобелева без учета характера и прежде всего масштаба его личности: «Ответ надо искать помимо зависти — неразлучной спутницы успеха, — и в личных качествах характера Скобелева. Его безграничное честолюбие не позволяло ему, как и всем великим честолюбцам, начиная с Цезаря и кончая Наполеоном, быть особенно строгим при выборе средств». М.И.Драгомиров, хорошо разбиравшийся в людях, также признавал, что Скобелев и ловчит, но такова среда, без этого нельзя. «Ведь и Наполеон, и Цезарь были мошенники, да еще какие...»

Критики Скобелева не хотели признать его превосходства и согласиться с тем, что его возвышение есть проявление заложенной в нем огромной внутренней силы и при его страстном патриотизме оно ведет к благу армии и России. В этом неприятии — истинная причина нападков, сопровождавших Скобелева всю его жизнь и не прекратившихся после его смерти. К тому же, как давно установили исследователи, обвинений Скобелева в использовании недозволенных средств много, но документально подтвержденных фактов почти нет. Главный

упрек — Шейново, чего-либо существенного и убедительного никто, в сущности, указать больше не мог. Основанием для упреков служили не несправедливые средства, а нескрываемое честолюбие, постоянное и ревнивое стремление к славе и... удача, всегда сопутствовавшая Скобелеву. Сам он в письме дяде разъяснял: военная служба «...есть для меня в жизни не средством, а целью, и притом единственною, заставляющею меня дорожить жизнью. В этом-то собственно и заключается исключительность моего честолюбия, не всегда для всех понятного».

Подводя итог, можно без колебаний утверждать, что Скобелев, при всей своей противоречивости, был человеком передовых убеждений. Сам он так формулировал свое кредо: «Мой символ краток: любовь к отечеству, свобода, наука и славянство. На этих четырех китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья». Как писал о Скобелеве его друг В.В.Верещагин, он был сторонником прогресса, движения России вперед, а не назад. Он верил в будущее России. Говоря о трудностях, переживаемых родиной, он как-то добавил: «А все-таки будущее за нами. Мы переживем и эту эпоху... Не рухнет Россия».

Современная Скобелеву печать высказывала о нем, как о политике, весьма противоречивые суждения. Если И.С. Аксаков писал в своей «Руси», что он «своим орлиным взором обнимал прошедшие и будущие судьбы своего отечества», то «Вестник Европы» отказывал Скобелеву во всяких политических дарованиях и вообще не признавал в нем политика. Это суждение явно ошибочно, поскольку отрицать сам факт политической деятельности Скобелева, как бы журнал ни относился к ней по существу, было невозможно. В этом суждении отразилась идейная враждебность либерального «Вестника Европы»

к славянофильской партии и к «Руси». Но оно имело и другие причины. Нужно помнить, что Скобелев никогда не выступал в печати с заявлениями о своей политической программе и вообще о своих взглядах на внутренние дела, которые публицистика того времени считала главными и которым уделяла наибольшее внимание. Вполне понятно, что журнал, может быть, даже вообще сомневался в существовании у Скобелева какого-либо политического мировоззрения, если не считать его речей и выступлений в печати по вопросам внешней политики, которые казались естественными в устах воинственного генерала. Но внешнеполитические идеи Скобелева не были поняты редакцией журнала, она не смогла оценить их прозорливости, почему и не находила в Скобелеве качеств государственного человека и политика. Теми же мотивами, которыми руководствовался этот толстый журнал, объясняются и следующие некрологические строки эмигрантского «Общего дела»: «Бесспорно, Скобелев был генерал необыкновенной храбрости, заслуживший редкую популярность у солдат именно своим бесстрашием и удалью, но гражданское значение его для России было нулевое, а немногие его речи, чуть не ввергнувшие нас в бессмысленную войну, обнаружили в нем политическую бестактность и дикость взглядов московской школы».

Свободным от влияния западническо-славянофильских партийных страстей можно считать политический и психологический портрет Скобелева, нарисованный наиболее передовым журналом «Отечественные записки», редактировавшимся М.Е.Салтыковым-Щедриным. В редакционном обзоре «По поводу внутренних вопросов», написанном после смерти Скобелева, по-видимому, самим Салтыковым-Щедриным (для этого пред-

положения есть основания), говорилось: «Если... никто не знал его заветных дум и идеалов (никто, по крайней мере, из его многочисленных поклонников и друзей еще не сказал, в чем именно они состояли...), то все-таки у него были несомненные, в особенности для нашего времени, достоинства, которые и делали его популярным, как среди солдат, так и в обществе: он не гнался за земными благами, не выпрашивал подачек и не захватывал казенных земель, не занимался гешефтами, мог спать и, по-видимому, даже предпочитал спать в траншее, а не на мягком тюфяке; он относился к солдату внимательно, не крал его сухарей и, подставляя его грудь под пули, подставлял рядом и свою. Это несомненные в наши дни достоинства, достоинства, которым большинство даже удивляется». Журнал отмечает далее, что Скобелев «думал о будущем счастья и собирался помогать мужику», что он «говорил о независимости и свободе народов».

Не известные ранее черты общественного и политического лица Скобелева высвечивает помещенный в «Русской Старине» некролог, подписанный инициалами Н.Ш., за которыми скрывается Н.К.Шильдер, генерал, крупный историк, известный своими исследованиями эпохи царствований Павла I и Александра I (1842–1902). Этот материал как-то остался незамеченным всеми писавшими о Скобелеве. Между тем он очень важен именно потому, что принадлежит крупному историку и, во-вторых, указывает на близкое его общение с Михаилом Дмитриевичем, что также никем не было отмечено и оценено. «Генерал Скобелев принадлежит к светлым личностям прошлого царствования, — писал Н.К.Шильдер, — несомненно, что он обладал не только дарованиями великого полководца, но и умом государственного деятеля. Человек всесторонне образованный, начитанный, про-

должавший постоянно следить за ходом европейской мысли, во всех ее проявлениях, он своим орлиным взором обнимал прошедшие и грядущие судьбы своего отечества, чтобы вывести наставления для настоящего и обрести утешение в печалях дня. Всякий, кому выпало в своей жизни счастье хоть одной беседы с незабвенным Михаилом Дмитриевичем, сохранит о нем в своей памяти благодарное воспоминание и не забудет гениального собеседника».

Эти строки говорят о многом. Видный историк либерального направления, хорошо знавший Скобелева, относил его к светлым личностям эпохи царствования Александра II. Из указания на ум государственного деятеля, образованность и начитанность, позволявшие Скобелеву «обнимать прошедшие и грядущие судьбы своего отечества», можно заключить, что между историком и генералом велись беседы об историческом прошлом и современной жизни России и на другие темы. Светлыми личностями тогда принято было называть сторонников общественного прогресса. Добавим к этому, что Шильдер, участник турецкой войны, был начальником ряда военно-учебных заведений, в том числе инженерной академии, в 1892–1893 гг. — редактором журнала «Русская Старина», с 1899 г. он — директор Публичной библиотеки в Петербурге, много сделавший для ее развития, и с 1900 г. — член-корреспондент Академии Наук. Если такой человек называл Скобелева «гениальным собеседником» и хранил от встреч с ним «благодарное воспоминание», то можно понять, каков был уровень культуры и знаний Михаила Дмитриевича. Впрочем, чтобы не гадать, это не трудно показать свидетельствами лиц, близко с ним общавшихся (выше нам приходилось касаться лишь его военных занятий и интересов). «Был ли он в походе, жил

ли мирной жизнью в роскошной обстановке, — рассказывал А.Ф.Арцишевский, — надо ли было ему это или нет, — он никогда не покидал учиться, знать, никогда не расставался с книгами и учебниками, никогда не сидел дома без дела. То стол его завален фортификационными чертежами и системами крепостей и укреплений, то вы видите на столе философию Кюно Фишера, то всемирную историю Шлоссера, то физиологию Фохта. Кажется, не было предмета, с которым бы Михаил Дмитриевич не был знаком...»

Глубоко ошибочным было бы мнение, что Скобелев являлся лишь ассимилятором знаний, пассивным читателем и что живой ум, любовь к книге и владение языками обусловили его широкую эрудицию. То есть был просто высококультурным человеком. Совсем не так. Предшествующая глава показала Скобелева самостоятельным военным мыслителем и стратегом. Что он самостоятельно мыслил в сфере общественно-политической, мы узнали из этой главы. Дальше я попытаюсь убедить самых недоверчивых читателей, что во внешней политике самостоятельность мышления и прозорливость Скобелева доходили до настоящих прозрений. В целом же можно с достаточным основанием предположить, что при сочетании высочайшей культуры с жаждой практического гражданского действия Скобелев, может быть, в гораздо большей степени, чем многие известные нам общественные деятели того времени, соединял в себе все многообразие чаяний, идей и интеллектуальных метаний эпохи.

К политической характеристике Скобелева стоит добавить, что будь для этого в России подходящие политические условия, он мог сделать политическую карьеру. Он имел твердые, продуманные принципы, обладал своеобразным зажигательным красноречием, представитель-

ной внешностью, звучным голосом, умением говорить с людьми «всяких званий» и привлекать их на свою сторону, не говоря уже об образованности и знаниях. В стране с парламентским строем, например во Франции, Скобелев с такими качествами мог бы стать крупным политическим вождем. Но и в России, как мы скоро увидим, он сумел сыграть яркую и важную политическую роль. Что же касается его общественно-политического лица, то окончательное суждение по этому вопросу мы вынесем, когда это позволит фактический материал.

Внешнеполитические взгляды и деятельность Скобелева

В этой главе мне неизбежно придется возвращаться к некоторым сюжетам военных глав. Чтобы избежать повторений, я постараюсь по возможности четче разграничивать их военные и политические аспекты. Но не выделить эту тему невозможно — внешняя политика занимала в деятельности Скобелева большое место.

Эта сторона жизни Михаила Дмитриевича иллюстрируется значительно более богатым материалом, в том числе документальным. Основными чертами, присущими взглядам и деятельности Скобелева в области внешней политики, были патриотизм, прозорливость, глубокое понимание международной обстановки и тенденций ее развития. Он лучше, чем многие профессиональные дипломаты, определил, кто является для России врагом, кто может стать другом и с кем, следовательно, нужно искать союза, кого нужно нейтрализовать.

Причины этих способностей заключались в том, что, несмотря на некоторый авантюризм натуры Скобелева и любовь к риску, его отличали трезвость и широта мышле-

ния, обусловленные умом и знаниями, а также большая работоспособность. Немало значили социальное положение и личные контакты. Скобелев был дружен с рядом иностранных корреспондентов, лично знаком с некоторыми зарубежными политическими деятелями, а в России был близок не только к публицистам, определявшим общественное мнение, как И.С.Аксаков и М.Н.Катков, но и к своему дяде, министру двора, и к начальнику Генерального штаба Н.Н.Обручеву. Все это позволило Скобелеву понять сущность изменений, происшедших в самом характере международных отношений в переходную эпоху, и в роли дипломатии. Он понял тот основной факт, что решающим фактором отношений между европейскими державами стала политика, определяемая их коренными государственными интересами. Такие мотивы, как отношения государей и дворов, всякого рода династические соображения, игравшие столь важную роль в прошлом, ушли безвозвратно. Соответственно миновало и время салонной дипломатии. Основным средством достижения государственных целей во внешней политике стали уже не дипломатические ухищрения (их роль стала, самое большее, подсобной), а настойчивое и в то же время гибкое проведение политического курса, как опирающееся на материальную силу, так и основанное на анализе и учете совпадения или противоречия интересов каждого из всей системы европейских и других государств. Резко возросло значение общественного мнения, пропаганды, печати.

Насколько правильно понимал все это Скобелев, хорошо видно из следующего его письма Немировичу-Данченко: «Вчера узнал совершенно случайно... о предстоящем... назначении (не состоявшемся. — *В.М.*) графа А.В. Адлерберга министром иностранных дел. Я знаю графа

более 30 лет. Люблю и уважаю его как отца, и очень многим лично ему обязан, чего, конечно, никогда не забуду. Тем не менее меня *глубоко потрясла* возможность подобного исхода. Более *тяжелого* удара нельзя нанести национальной партии... При всех его несомненных дарованиях, при всей его безупречной, высокой честности... он дипломат старой школы, быть может, в лучшем значении слова; но он, я думаю, *не политик*. В наш век не воскресить дипломатических влиятельных канцелярий, считавших династические соображения и тайну наиболее пригодными способами действия. Мы это видим на своих дипломатах, до сих пор воспитанных в нессельродовских традициях. В самом деле, не находится ли в наше своеобразно-переходное время дипломат старой школы к современному политику в том же отношении, в каком находился наш крымский кремневый солдатик к союзнику, вооруженному Минье или Энфильдом?.. только политик признает... всю неотразимую ныне силу печатного слова и, любя и уважая его законное общественное значение, увлечет его за собою во имя великой, в конце концов, *всем* одинаково дорогой, государственной цели... люди *иного* закала стали немыслимы, и, в силу вещей, останутся явлениями мертворожденными».

Поразительно, может сказать (по-моему, даже должен сказать) объективный читатель. Так и кажется, что эти строки написал международник наших дней, настолько оценки автора письма современны и точны. И что еще поражает: преданность Скобелева государственным интересам. Другой бы радовался назначению на столь высокий пост своего дяди, видел бы в этом путь к достижению личных благ, а Скобелев печется об интересах России.

Для оценки мыслей и идей Скобелева в области внешней политики нужно также знать, как он смотрел на цели русской политики и, в частности, на территориальный вопрос, на проблему границ. Он считал, что Россия достаточно велика и сильна и не нуждается в новых территориальных приобретениях, во всяком случае в Европе. Но при этом общем подходе Скобелев признавал за каждым государством право достижения им его естественных границ. Естественной границей России на юге были, по его мнению, Босфор и Дарданеллы, которые рано или поздно должны войти в состав империи. Помимо этого, Скобелев допускал необходимость для России территориального расширения в тех случаях, когда это требовалось интересами обеспечения ее безопасности от внешней угрозы. Именно такое значение имело, по его мнению, приобретение Туркестана. Как видим, при определении внешнеполитической программы Скобелев допускал и элементы экспансионизма. Главной же задачей он считал защиту интересов России при сохранении существующих границ, а для этого требовал, высказываясь в этом смысле многократно и публично, самостоятельности внешней политики, поддержания национальной чести и престижа.

Продуманный, не лишенный, как увидим дальше, элементов научности подход Скобелева к содержанию внешней политики и к определению интересов России позволил ему сделать правильные выводы о задачах ее внешнеполитического курса и наметить четкую линию отношения к великим державам того времени: Англии, Германии, Австро-Венгрии и Франции. Начнем с его анализа англо-русских отношений. Выше было отмечено, что Скобелев отдавал себе отчет в причинах англо-русского антагонизма. Это были противоречия на Ближнем Востоке и

в Центральной Азии, на подступах к Индии. До конца 70-х гг. он справедливо считал англо-русские противоречия основными. Он, конечно, учитывал, что на парижских переговорах после Крымской войны Англия занимала по отношению к России гораздо более непримиримую позицию, чем Франция. Такую же непримиримость он наблюдал лично под Константинополем в 1878 г. На грубый шантаж английского премьера Скобелев считал необходимым отвечать такой же откровенной игрой козырной картой, которую имела Россия, — демонстрацией в сторону Индии. Бить эту карту Англии было бы нечем. Действительно, что мог противопоставить лорд Биконсфилд этой демонстрации, которая вызвала бы немедленное восстание народов, ждавших только удобного случая, чтобы сбросить ненавистное английское иго? Но этот козырь в нужный момент использован не был, причины чего понятны и давно раскрыты.

Царскому правительству претил сам способ борьбы против «законной» власти путем поощрения освободительной борьбы народных масс. Александр III писал К.П. Победоносцеву, что если правительство не возьмет под контроль развернувшееся в стране движение помощи балканским славянам, то «Бог знает, что из этого выйдет и чем оно может кончиться». Позже он высказался определеннее: «В 1876 и 1877 годах наше несчастье заключалось в том, что мы шли с народами, вместо того, чтобы идти с правительствами. Российский император всегда должен идти только с правительствами». Вот в чем главная причина той неохоты использования столь эффективного средства давления на Англию, которая неизменно чувствуется в действиях царского правительства. Эти подлинные мотивы лучше всего опровергают заблуждение или злонамеренное извращение принципов политики

царского правительства со стороны тех, в основном зарубежных, историков, которые считали или считают его принципом панславизм. Его принципом был не панславизм, а легитимизм.

Но Скобелева указанные соображения нисколько не смущали. По всем его планам и действиям видно, что ему было наплевать на легитимизм. Он был одним из немногих, кто имел четкий план действий и готов был проводить его без колебаний. Нельзя сказать, что его настойчивые предложения (и некоторых других военных деятелей) остались совсем без отклика. Идею удара в направлении Индии высказывал в утвержденной царем записке «Относительно наших действий в Средней Азии на случай войны с Англией» Д.А.Милютин, высказывалась она и в Генеральном штабе. К.П.Кауфман повел дело более практически. В июле 1878 г. он дал приказ о формировании трех экспедиционных отрядов для движения в юго-восточном направлении. Эти приготовления получили освещение в печати, например в «Московских ведомостях» и «Голосе». 13 марта 1878 г., через десять дней после подписания Сан-Стефанского прелиминарного договора, Н.Х.Вессель (педагог и публицист «Голоса») писал известному ученому-филологу А.Н.Пынину: «Слышали ли вы, что мы готовим экспедицию в Индию? Предполагается двинуть три отряда, по 17 тысяч человек каждый, под общим начальством Скобелева, который, как мне сегодня наверно говорили, находится уже в Ташкенте, куда ему вчера послана брильянтовая сабля, пожалованная за переход через Балканы. Начальником одного из отрядов, говорят, назначен Столетов. В конце этой или в начале следующей недели в «Голосе» будет напечатана статья «Русские среднеазиатские владения и пути в Ост-Индию», с картою: в этой статье описываются географическое

и топографическое положение наших владений в Средней Азии, а также и стран, лежащих между нашими владениями и Британскою Индиею, и трех главных путей в Ост-Индию, которыми, приблизительно, предполагается вести наши отряды».

Этот архивный документ отражает циркулировавшие в Петербурге слухи о готовившейся экспедиции. Как всегда, слухи в некоторой степени искажали действительное положение, хотя бы тот факт, что в марте 1878 г. Скобелев был не в Ташкенте, а в Болгарии. Однако сам факт слухов не случаен. Он был отражением или действительно подготовлявшейся экспедиции, или намерения провести к ней демонстративные приготовления с расчетом, чтобы они были замечены англичанами (публикация статьи, карты и др.). Не случайно и то, что в качестве командующего всеми отрядами назван Скобелев, отличный знаток Средней Азии, самым складом своего дарования предназначенный руководить такого рода походом. О том, что подобное намерение у правительства действительно было, говорят и солидные специальные исследования, например «История дипломатии»: «Имелось также в виду дать почувствовать Англии, что Россия может причинить ей серьезные неприятности в столь чувствительном месте, как северо-западные дальние подступы к Индии».

Чрезвычайно интересен анализ Скобелевым англо-русских отношений и внутривосточной обстановки в Англии во время оккупации Адрианополя, когда он подал по начальству записку с обзором этих вопросов. После рассмотрения укреплений Константинополя и состояния вооруженных сил Турции он заключал, что русская дипломатия должна активнее использовать такой решающий в сложившихся условиях факт, как присутствие под

стенами турецкой столицы сильной, готовой к бою русской армии: «... в настоящую минуту между нами и Константинополем нет серьезных преград. Это сознают наши враги. Действующая армия в Адрианополе как Дамоклов меч висит над ними». Турки, по словам Скобелева, крайне возмущены стремлением Англии навязать Порте свой протекторат или другую форму зависимости. «... Все высшие чиновники, с которыми я говорил, оскорблены за живое усиливающимся значением должностных лиц британского происхождения и вообще открыто выражают сомнение в пригодности их вести в бой турецких солдат, в особенности теперь», — высказывал свои наблюдения Скобелев. Он правильно считал, что Англия ставит перед собой противоречивую и потому недостижимую цель, стремясь одновременно и воскресить Турцию, и утвердить в ней свое господствующее влияние. Анализируя далее воздействие ближневосточных событий и состояния англо-русских отношений на настроения английской общественности, Скобелев сделал удивительный по своей прозорливости вывод о приближающемся падении лорда Биконсфилда в период его наивысшего, казалось бы, успеха, когда об этом и не догадывались дипломаты. «В английском обществе я не был более трех месяцев. Я был поражен переменами в воззрениях некоторых из них по существу. Стояние действующей армии под Адрианополем... имеет решающее значение в этой перемене. Английская дипломатия *смотрит на это стояние как на доказательство политической мудрости нашего правительства*". Оно «отчасти уже уничтожило плоды уступок, вырванных настойчивым умением английского премьера, и продолжает каждый день все более и более затруднять роль английского правительства». Это стояние, продолжал Скобелев, мешает, в частности, осуществлению ан-

глийского плана расположения на Балканах турецких войск, которые должны были тем самым гарантировать раздел Болгарии на две части с границей по линии Балкан. Добившись на Берлинском конгрессе этого раздела, Дизраэли сам создал для Англии трудности, поставив ее перед необходимостью противиться неодолимому стремлению болгар к объединению. Это была не только реакционная, но и исторически нереальная цель. Преследуя ее, Дизраэли показал себя плохим стратегом, хотя и был хорошим тактиком. «Между тем эта-то уступка России главным образом и ставилась в заслугу лорду Биконсфилду, она была причиной того торжества и того бесконтрольного доверия нации, которыми *до сих пор* пользовался английский премьер...» Даже сами турки, как выяснил Скобелев, были против идеи Биконсфилда: «Весьма многозначительно, что между турецкими генералами, с которыми я имел случай говорить, существует, по тем же причинам, крайнее предубеждение против целесообразности занятия турецкими войсками линии Балкан». И, наконец, Скобелев завершал свою записку анализом внутривнутриполитической жизни Англии, позволившим ему поставить свой прогноз.

В отношении англичан к России он указывал на сменяющиеся друг друга периоды русофобства и русофильства и объяснял этот факт (не забудем, что это писалось в то время, когда многие в России всерьез думали, что вершителем судеб английской политики является королева): «Главная причина заключается в свойстве отношений двух попеременно господствующих партий вигов и тори-ев... внимательное изучение симптомов, указывающих на приближение того или другого настроения британской нации, более чем первостепенно важно при решении, как действовать с Англией в данный момент». Есть, по его

мнению, основания «предполагать, что консервативная партия своими увлечениями как будто бы начинает быть в тягость общественному мнению страны. Недавняя речь г. Биконсфилда на банкете лорда-мэра впервые крайне сдержанна по отношению к России. Политическая характеристика талантливого премьера заключается главным образом в отсутствии твердых принципов... любя прежде всего власть, он в течение многолетней своей политической карьеры всегда был готов на самые крайние компромиссы. По мнению англичан, которых я видел, лорд Биконсфилд, ныне испробовав все средства втянуть свою страну в войну с Россией, окончательно убедился, что большинство страны войны не желает... Между тем турецкое бессилие... и патриотические демонстрации в Южной Болгарии... нанесли престижу консервативной партии значительный удар. Начинает прозревать убеждение, что соединение двух Болгарии неизбежно, что лучшее средство до крайности умалить значение русских интриг — это самой Англии способствовать удовлетворению стремлений болгарской народности в таких размерах, чтобы болгарам нечего было бы в будущем ждать от России...»

Полагаю, объективный читатель должен признать: глубокий, прямо научный анализ! А прогноз? Кабинет Биконсфилда пал в апреле 1880 г. На смену пришел либерал Гладстон, который отказался от прямого противоборства с Россией и возвратился к традиционной английской практике сколачивания союзов. Наша длинная цитата показывает также, что Скобелев был близок к пониманию того, что не решения Берлинского конгресса представляли опасность интересам России. Остановить болгар в их стремлении к объединению страны было невозможно, и эта цель была бы рано или поздно достигнута. Главное, о чем России следовало позаботиться, это —

обеспечение своих интересов в объединенной Болгарии. Как раз в этом отношении и была допущена решающая ошибка, которая заключалась в избрании на роль болгарского князя А.Баттенберга (не говоря уже о согласии с самим принципом избрания на эту роль иноземного принца). Царская дипломатия считала его своим ставленником и не сомневалась в его послушании, но, когда дело было сделано, выяснилось, что он сторонник англо-австрийской ориентации. Этот просчет имел для русско-болгарских отношений роковые последствия.

Изучая отношения с Англией во время пребывания под Константинополем, Скобелев пришел к мнению, что «влияние Англии на Востоке *нами* глубоко потрясено. Ее падение в мнении Азии началось с 1868 г., с занятия Самарканда. Сан-Стефанский мир... переполнил чашу... вот почему я думаю, что война с Англией неизбежна». Анализируя, чем Англия будет компенсировать снижение своего престижа в Азии и ослабление Турции в Европе, Скобелев выражал убеждение, что англичане усилят свои происки в Центральной Азии, в Туркестане, прежде всего снабжая врагов России новым оружием. Он обращал внимание на англо-турецкую конвенцию от 4 июня 1878 г., согласно которой Англия обязывалась вступить с Турцией в военный союз, если Россия займет ее азиатские владения. 10 октября он писал дяде, что держал в руках секретный мемуар Лэйярда султану, в котором содержались английские планы реализации конвенции. Англичане добивались согласия турок на строительство железной дороги через долину Евфрата к Персидскому заливу, имея в виду довести ее до Центральной Азии. В существовании этого плана Скобелева убедила и беседа с английским генералом Беккером. Вывод Скобелева был таков: Англия направляет движение своих капиталов к русскому Турке-

стану. Он подчеркивал, что англичане усиливают борьбу против восстаний племен Пенджаба. Их «задирательная политика» в этом районе озлобляет Афганистан, который, возможно, инспирировал эти восстания, что заставляет англичан затевать против Афганистана авантюристические войны. На Кавказе мы можем не бояться английских угроз, но для отражения их в Туркестане нужен союз с Ираном, занятие стратегически важных пунктов вдоль планируемой англичанами железной дороги и глубокое изучение пространства от Босфора до Самарканда. Сам он готов взять на себя часть этой работы, писал Скобелев дяде, лишь бы не бездействовать. О мыслях, владевших тогда Скобелевым, о его жажде действия, даже вопреки воле правительства и командования, на свой страх и риск, рассказал после его смерти подчиненный ему офицер П.Пашино: «В конце 1878 г., когда Михаил Дмитриевич находился в Сан-Стефано, он, вместе с другими своими товарищами, предложил мне ехать в Афганистан и разведать там о положении дел Шир-Али. Сумма денег, которую я получил от покойного, полагаю, может остаться под секретом, но в самом этом факте, когда прежний военный министр и наше правительство вообще отказывались пособить Афганистану против Англии (в англо-афганской войне 1878–1880 гг. — *В.М.*), нельзя не усмотреть глубокого патриотизма...»

Вообще же Скобелев отзывался об англичанах с уважением, как о «великой нации, которую более всего отличает инициатива». Ему принадлежит в высшей степени дальновидная и плодотворная идея о неизбежности англо-германского антагонизма, который, при растущем обострении русско-германских отношений, заставит Россию и Англию искать пути к примирению и союзу. Чтобы понять, насколько это было необычно, насколько шло

вразрез с мнением, господствовавшим в самых широких кругах русского общества, следует напомнить вполне обоснованное враждебное отношение к Англии после турецкой войны. Знает ли читатель поговорку «англичанка всегда гадит»? Она родилась именно тогда, под влиянием провокаций Дизраэли. Скобелев пошел вопреки этому всеобщему убеждению. Задолго до начала германского военно-морского строительства и бурной колониальной экспансии немцев он разглядел возникновение англо-германских противоречий и понял, что значение их для Англии будет возрастать, оттесняя на второй план противоречия с Россией. В августе 1881 г. он направил М.Н.Каткову письмо, полное глубоких и оригинальных мыслей о задачах внешней политики России.

Основными вопросами, поставленными в письме, были отношения с Англией и Австро-Венгрией и — в связи с этим — политика в Азии. Целями России Скобелев считал владение проливами и обеспечение безопасности западных границ. Достижение этих целей он связывал с необходимостью добиться союза с Англией, который исключил бы ее совместные действия с Австро-Венгрией и Турцией и предупредил бы повторение ситуации, сложившейся в 1878 г. Чтобы решить эту очень не простую задачу, он предложил следующий план: отдать Англии весь Туркестан в обмен за отказ ее от поддержки Австро-Венгрии на Балканах и за согласие на приобретение Россией Босфора. Если она оказалась бы несговорчивой, необходима серьезная демонстрация в сторону Индии. Только на этом пути возможен успех в войне на Балканах. Даже в случае достижения соглашения с Англией, но при чрезмерных австрийских притязаниях на Балканах Скобелев считал необходимым держать в Средней Азии сильный отряд для давления на Англию «как угрозу и ру-

чательство за прочность союза. Всю Среднюю Азию можно было бы отдать за серьезный и прибыльный союз с Англией», гарантирующий России Босфор, а Англии — безопасность Индии. Без решения этой главной проблемы уходить из Туркестана нельзя.

Некоторые читатели, может статься, будут покороблены «торговым» методом Скобелева. Как, скажут, он мог превращать Туркестан в разменную монету? Ведь это же цинизм.

Не будем наивными. Скобелев в этом отношении не придумал ничего нового. Можно возражать ему и в том, что владение Туркестаном имело для России лишь значение операционной базы. Известно, что, предпринимая экспедиции, правительство руководствовалось и экономическими целями. Есть основания полагать, что, понимая экономическое значение этого района, Скобелев подчинял экономические соображения военно-политическим. Как бы там ни было, его расчеты были в высшей степени реалистичными. Он был прав в том, что если бы Англии дали понять, что потеря Индии не пустая угроза, а реальность, то ликвидация этой опасности стала бы для нее гораздо важнее тех целей, которые она преследовала, поддерживая Австро-Венгрию на Балканах. Для России же успех на Балканах и овладение проливами были неизмеримо важнее Туркестана. Нельзя не заметить и того, что расстановка сил и цели держав во время Первой мировой войны если не в деталях, то в основных чертах оказались такими, как их нарисовал Скобелев в этом письме.

Демонстрация или настоящий удар в сторону Индии так и остались в планах, хотя они были продуманы во многих вариантах, можно сказать, носились в воздухе.

Россия не дошла до этой меры потому, что ее делала ненужной Германия. Алчность и агрессивность немцев привели и Англию, и Россию, хотя и не сразу, к пониманию необходимости антигерманского союза. Для Скобелева неизбежность этого исхода была очевидной. Уже в 1881 г. он видел в Англии возможного союзника. Показательный в этом отношении разговор с англичанами произошел в Петербурге после Ахал-Теке, то есть не раньше лета 1881 г., на квартире О.А.Новиковой (ее имени мемуарист, правда, не называет). «Хозяйку мы встретили в обществе двух англичан, с которыми Скобелев тотчас же заговорил по-английски. Один из них высказался...

— Вы первый приучили нас заочно полюбить, даже врага!

— Почему же я враг?

— Кто же другой может создать нам затруднения в Индии.

— Там нам делать нечего. Мы отлично можем ужиться бок о бок!

— Да, это вы говорите нашим корреспондентам, а те сообщают в газетах. Но мы не так наивны.

Тонкая улыбка показалась на губах Скобелева.

— Могу вас уверить, что таково мое убеждение... Впрочем, у нас с вами есть общий враг.

— Кто это? Немцы, верно?

— Да... У них теперь широко рты разинуты, флот ваш и ваша торговля едва ли могут им особенно нравиться.

— Мы это знаем».

До конца 70-х гг. Скобелев правильно считал противоречия с Англией основными. После этого рубежа, лично для него четко обозначенного Берлинским конгрессом, он видел главного врага уже не в Англии, а в Германии. Непредвзятый читатель может теперь сам оценить качества Скобелева-политика и понять связь между его политическими и стратегическими идеями. Рассмотрим теперь его взгляды по русско-германским отношениям.

Фундаментальной основой европейской политики было до 1870 г. существование на противоположных концах континента двух действительно великих держав — Франции и России. Между ними лежала масса немецких государств, наиболее крупными из которых были Австрия и Пруссия. Борясь за преобладание в Германии, они строили свою политику на использовании противоречий между Россией, Францией и Англией. Двуручничая и мошенничая, Австрия добивалась территориальных приращений, вызывая, в конечном итоге, возмущение и России и западных держав. Несколько иной была русская политика Пруссии, считавшейся великой, но являвшейся, в сущности, второразрядной державой. Вместе с мелкими немецкими государствами Пруссия объявляла себя другом России, хотя дружба эта никогда не была искренней.

Что же касается России, то сама стратегия ее политики, построенной на дружбе с германскими государствами, была исторически бесперспективной. Это показала уже Крымская война. Предательство Австрии, малодушие Пруссии, бессилие и трусость малых немецких государств — все это требовало от России переоценки ее прежней политики. Необходимость такой переоценки стала еще более настоятельной после 1870 г. Но хотя это было сде-

лано в отношении Австрии, Александр II никак не мог от-
решиться от своего пруссофильства, этой неистребимой
симпатии российских самодержцев. Культивирование
этой бесплодной, пустопорожней дружбы распространя-
лось и на армию и принимало формы, о которых вряд ли
знает нынешний читатель. Я имею в виду песню, которую
сложили для русских солдат:

Русский царь собрал дружину

И велел своим орлам

Плыть за море, на чужбину,

В гости к добрым пруссакам.

Возникновение сильной, агрессивной Германской империи коренным образом изменило политическую обстановку в Европе. Место скромной Пруссии заняла великая держава, стремившаяся диктовать свою волю другим государствам. Заискивания и подхалимство по отношению к России сменились новой политикой, по внешности дружественной, а по существу направленной на то, чтобы изолировать Россию и подорвать ее влияние в Европе. «...Не со вчерашнего дня немец враг наш, но прежде, когда Николай I, командировавший флигель-адъютанта в Германию, называл столичные города *Губернскими* и герцогство Нассауское или иное *Губернией*, у наших немцев был страх хоть какой-то... Теперь не то. За спиной каждого из них стоят Бисмарк и фатерлянд», — так оценивал изменившиеся условия Скобелев в письме Немировичу-Данченко от 1 марта 1882 г.

Помог избавиться от старых пруссофильских иллюзий не кто иной, как Бисмарк. Позиция, занятая Германией на Берлинском конгрессе, сыграла огромную роль в

формировании русского общественного мнения, а с некоторым запозданием — и русской политики. Впервые для русской публики, привыкшей видеть в Пруссии и потом Германии традиционного друга, Германия предстала как замаскированный недруг, который может выступить и как явный враг. Решения конгресса вполне обоснованно возмутили русскую общественность, настроение которой особенно ярко выразил И.С.Аксаков, закончивший свою известную речь проклятием по его адресу. Даже для самого беспристрастного наблюдателя и историка постановления конгресса по своему содержанию были несправедливыми и аморальными, а с точки зрения разрешения международных проблем и перспектив сохранения мира — просто недальновидными. Несмотря на то, что дипломатическое оформление союзов, в результате которого Россия и Германия оказались в противостоявших друг другу блоках, а затем и военное столкновение между ними, произошли значительно позже, эта перспектива уже была неизбежной. «Ни один открытый враг не нанес нам такого жестокого удара, как эта беспримерная в истории дружба... Одним добрым результатом подарил нас Берлинский трактат: он раскрыл русскому обществу глаза на истинную дружбу Германии. С этого времени начинает расти желание вырваться из оков этой дружбы, и более твердая и самостоятельная постановка национальных задач появляется в русском правительстве и в русской печати. Все органы последней... обнаруживают полное единодушие и солидарность по отношению к внешним политическим задачам России... М.Д. Скобелев и здесь является одним из самых даровитых и энергических защитников народного дела...» — констатировал современник господствовавшее в обществе мнение.

Для понимания мыслей Скобелева по русско-германским отношениям напомним, что политическая система, существовавшая в Европе до 1870 г., была порождением Венского конгресса 1815 г. Но положение могло бы быть и иным, если бы Александр I занял другую позицию во время переговоров в Тильзите и если бы другим было содержание заключенного там соглашения. Как известно, Наполеон добивался от России ее участия в борьбе против Англии. На континенте же он хотел совсем уничтожить «подлую династию» Гогенцоллернов и низвести Пруссию до уровня одного из многих рядовых немецких государств. Александр заступился за Пруссию и за немецкие княжества, а вскоре и участие России в континентальной блокаде Англии начало превращаться в фикцию. Россия, таким образом, не проявила энтузиазма в ответ на заманчивую перспективу полюбовно с Наполеоном поделить Европу. Помимо экономических мотивов, заставлявших русских помещиков дорожить английским рынком, и обоснованного недоверия к Наполеону, сыграли свою роль и старинные немецкие связи русских царей, которые из поколения в поколение женились на принцессах из немецких княжеств, поставлявших титулованных невест для династий всей Европы. Этой доли не избежал и Наполеон. Его женитьбой на австрийской принцессе в немалой степени объясняется, что уцелела не менее «подлая», чем Гогенцоллерны, династия австрийских Габсбургов. Возникшая на почве этих родственных связей придворная германофильская камарилья в союзе с остзейскими баронами оказывала пагубное влияние на внешнюю политику России.

Дружба с немецкими государствами и вызывала возмущение Скобелева, который считал позицию, занятую Александром I в Тильзите, огромной ошибкой и истори-

ческим несчастьем России. Наполеон «неспроста открыл свои карты Александру I. В Эрфурте и Тильзите он предложил размежевать Европу... Он отдавал нам Европейскую Турцию, Молдавию и Валахию... с тем только, чтобы мы не мешали ему расправиться с Германией и Великобританией... Подумаешь, какие друзья!.. А мы-то что сделали? Начали играть в верность платоническим союзам, побратались с немцами!.. Ну, и досталось нам за это на орехи... в прошлую войну, имея у себя на плечах немцев и англичан, попали в гордиев узел берлинского трактата, и у нас остался неразрешенным восточный вопрос, который потребует еще много русской крови... Вот что значит сантиментальность в истории». Называя сантиментальностью династические симпатии, Скобелев высказывал свое неверие в такие союзы и подчеркивал их отрицательное значение для России. «В подобных союзах... один льет свою кровь и тратит деньги, а другой честно маклерствует (о Бисмарке. — *В.М.*), будучи не прочь ободрать друга в решительную минуту».

Читатель может возразить: это догадки, спорить о которых не стоит. Неизвестно, как пошла бы история, если бы такое соглашение было заключено.

Согласен. Но Скобелев заслуживает похвалы за то, что он выступал против «сантиментальности» в ее указанном, династическом смысле, против германофильства в русской политике. Не лишена интереса и его мысль (совпадавшая с мыслью М.И.Кутузова) о том, что после изгнания наполеоновской армии в 1812 г. России не следовало посылать свои войска освобождать Германию. Было бы куда разумнее предоставить решение этой задачи самим немцам.

Но все это относилось к прошлому. Интереснее оценки Скобелева современных ему задач русской политики. Он понял, что после 1871 г., когда Россия оказалась лицом к лицу с агрессивным германским миром, самой логичной вещью, которую не могли изменить даже всеисильные, казалось бы, монархи, противоборство России с Германией и Австро-Венгрией становилось неизбежным. Поняв это, Скобелев открыто провозгласил: враг — Германия! Таков был его первый фундаментальный вывод, сделанный тогда, когда и дипломатия, и общественность были еще далеки от столь беспощадной и обнаженной постановки вопроса.

Сделав этот первый вывод, Скобелев логически пришел к решению другого вопроса такой же фундаментальной важности. Это — вопрос о союзниках. Россия была тогда одна, но имела перед собой коалицию центральных держав, еще не оформившуюся, но уже созревшую. Единственной великой державой, заинтересованной в борьбе против Германии и в союзе с Россией, была Франция. К союзу толкала вся совокупность мотивов: и общий враг, и жажда реванша со стороны Франции, и географическое положение двух стран, находящихся к западу и к востоку от Германии, создававшее возможность ее атаки одновременно с двух сторон.

Но тогда сама мысль о союзе между республиканской Францией и монархической Россией казалась химерой. Идея союза пробивала себе путь медленно, подспудно, но необратимо. Скобелев же и здесь был верен себе. Идеологические, как принято теперь говорить, разногласия, кстати, не такие уж глубокие, его не остановили. Он первый открыто и громко — даже скандально громко —

провозгласил: необходим союз России и Франции, направленный против Германии!

Вновь приглашаю читателя самостоятельно оценить аналитические способности этого генерала в политической области. Сейчас я перейду к фактам, и читатель сможет судить с полным знанием дела.

Чтобы рассказать о том, какие шаги предпринял Михаил Дмитриевич для достижения своих внешнеполитических целей, вернемся к периоду, следовавшему за Ахал-Теке. Возвращение его было триумфальным. Восторженный прием со стороны населения, начавшийся в Царицыне, превзошел все, что знал даже он после турецкой войны. Рекорд поставила Москва, устроившая ему такую встречу, какой, можно смело сказать, не был ею удостоен никто и никогда. После официальных докладов и отчетов он поселился в Спасском. Летом 1881 г., получив отпуск, совершил поездку за границу. Но не отдых его занимал. Его целиком захватили вопросы внешней политики. Сам по себе интерес к ним, как мы знаем, не был для него новым. Новым было то, что он начал вторгаться в эту область практически. Ко времени посещения им Парижа в эту поездку относятся его первые контакты с таким видным политическим деятелем Франции, как Гамбетта, принявшие характер довольно прочных связей. Оба деятеля понравились друг другу. Гамбетта, по его же словам, Скобелева «любил и уважал». Скобелева же привлекал в Гамбетте, как утверждает Н.Н.Кнорринг, его оппортунизм, стремление сгладить противоречия и сблизить различные общественные силы в интересах реванша. «При всей стремительности и парадоксальности Скобелева у него были черты, в этом отношении схожие с Гамбеттой. Может быть, в нем сказывались навыки администратора, действовавшего в сложной обстановке, в

условиях, не предусмотренных инструкциями». Догадка Кнорринга не лишена оснований. Если учесть настроение широких общественных кругов Франции, боявшихся и потому не желавших новой войны, что заставляло Гамбетту маневрировать на действительно оппортунистической основе, и, с другой стороны, возникшую уже у Скобелева мысль о союзе с Францией, а также известные нам черты макиавеллизма в его характере, то одобрение им действий Гамбетты, направленных на сплочение нации, пусть даже ценой оппортунизма, очень похоже на Скобелева.

Вернувшись домой, Михаил Дмитриевич испытывал смешанные чувства. «Жилось за границей неохотно, а возвратился против воли», — писал он дяде и связывал эту «двойственность чувств и стремлений» с неустроенностью внутренних общественных вопросов России. В деревне он вел жизнь богатого помещика. Больше всего, помимо политики, он занимался лошадьми. У него был прекрасный конный завод, для которого он привез из Туркмении кровных лошадей, а раньше из Турции — верблюдов и мулов. Крестьяне его любили, называли «наш богатырь» и «батько». Чтобы на него поглазеть, народ стекался из окрестных деревень. Много внимания уделял он крестьянским детям, вникал в организацию занятий в основанной им школе, в день Рождества устроил в ней елку и наделял детей подарками по их успехам. Во время раздачи подарков он весело шутил, а затем велел штурмовать елку, и с улыбкой сказал, что этот штурм напоминает ему атаку Зеленых гор.

Потом на него нашла хандра. Из сангвиника он, по впечатлению гостившего у него П.Дукмасова, превратился в ипохондрика. Оживлялся он, лишь когда бранил немцев. «Терпеть я их не могу! — возмущался он в бесе-

де с Дукмасовым. — Меня больше всего бесит наша уступчивость этим колбасникам. Даже у нас, в России, мы позволяем им безнаказанно делать все, что угодно. Даем им во всем привилегии, а потом сами же кричим, что немцы все забрали в свои руки... Конечно, отчего же и не брать, когда наши добровольно все им уступают... А они своей аккуратностью и терпением, которых у нас мало, много выигрывают и постепенно подбирают все в свои руки...» Немного поостыв, Скобелев продолжал: «А все же какие они патриоты. Я ненавижу трехволосого министра-русофоба Бисмарка, но отдаю должное его патриотизму. Насколько я прежде перед ним благоговел, настолько же ненавижу его после Берлинского конгресса». После этого Скобелев заговорил о предстоящей в близком будущем войне с Германией.

Эти чувства и слова, очень характерные для Скобелева, в значительной степени предвосхищают петербургскую речь, которую он вскоре произнесет. Биографы задавались вопросом: что побудило Скобелева оставить идиллическую жизнь богатого помещика, прерывавшуюся эпизодическими поездками в Петербург, Москву, Париж, и выступить в активной и столь не свойственной ему прежде роли политического оратора? Одни указывали на честолюбие, другие — на избыток энергии, искавшей выхода. Однако главный мотив, наверное, был другой: стремление бороться за достижение своих политических целей, прежде всего привлечь к ним внимание широкой общественности. Он не мог бездействовать, видя растущую угрозу с запада. Без учета этого обстоятельства нельзя объяснить его последовательного, целеустремленного проведения неизменной антигерманской идеи.

Непосредственным толчком, побудившим Михаила Дмитриевича к действиям, послужило восстание черно-

горского племени кривошиев в южной Далмации (Австро-Венгрия). Восстание, начавшееся в 1881 г., было вызвано решением Венского правительства ввести у кривошиев воинскую повинность. Под влиянием этого события в Скобелеве с новой силой вспыхнули чувства славянского братства. В начале января 1882 г. он прибыл в Москву и явился к И.С.Аксакову. О встрече и содержании их беседы рассказывает жена Аксакова А.Ф.Тютчева, дочь поэта и дипломата Ф.И.Тютчева. Начиная с царствования Николая I она была при дворе, хорошо знала придворную жизнь и царскую семью и оставила интересные воспоминания и дневник «При дворе двух императоров». Под 9 января она записала в дневнике: «Он сказал, что 12-го в Петербурге состоится банкет для ознаменования взятия Геок-Тепе, что он, Скобелев, намерен произнести речь и воззвать к патриотическому чувству России в пользу славян, против которых вооружаются в настоящее время мадьяры, и что он хочет открыть подписку в пользу кривошиев. Мой муж советовал ему не предпринимать этого последнего шага, говоря, что с его стороны это будет равносильно призыву к войне; что правительство принуждено будет отречься от него, чтобы не встать по отношению к Германии в положение открытой враждебности, что, кроме того, подписка такого рода не имеет никаких шансов на успех... что страна боится войны и не забыла еще ужасного разочарования Берлинского мира, что она преодолет апатию... только в случае нападения со стороны...»

Аксакову удалось убедить Скобелева отказаться от подписки, но от гласной, широкой, а негласная и в узком кругу все же состоялась. В ОР ГПБ есть расписка Аксакова в получении денег от Скобелева: «1882. Марта 23 получил от генерала Скобелева в пользу славян 530 фран-

ков (публиковать от неизвестного)». Но от своего замысла о произнесении речи Скобелев не отказался. Есть сведения, что он консультировался с графом Н.П.Игнатьевым. Это весьма правдоподобно. Участие Игнатьева в подготовке скобелевской речи подтверждается дневниковой записью Д.А.Милютина: «...после смерти Скобелева при разборке бумаг, оставшихся в его кабинете в Минске (где корпусная квартира 4-го корпуса), нашли черновые политических речей, произнесенных Скобелевым в Петербурге и Париже, с пометками рукою Игнатьева. Все это странно, но не лишено вероятия».

В связи с обстоятельствами подготовки Скобелевым его демарша следует отметить также событие, которое не было значительным, но сыграло роль дополнительного стимула: 5 января 1882 г. в Петербург приехала французская журналистка Адан (Adam). Это — ее литературный псевдоним, настоящее имя — Жюльетта Ламбер. Адан была энергична и честолюбива. Она основала газету «Nouvelle Revue» и в 70-х гг. играла некоторую роль в республиканской партии, лидером которой был Гамбетта. Будучи его близким другом, она разделяла с ним ненависть к немцам, жажду реванша и в связи с этим — идею необходимости антигерманского франко-русского союза. Тесно общаясь с русскими общественными и политическими деятелями, она стала другом России и положительно относилась к славянофильству. Сущность своих политических взглядов она выразила в мемуарах в следующих словах: «Неистовая и страстная антинемка, логически я была славянофилкой». И разъясняла: «Бисмарку хотелось бы, чтобы мы ненавидели Россию; поэтому-то я ее и люблю».

В Россию Ж.Адан прибыла в качестве эмиссара своей партии, очевидно, с целью зондажа почвы для начала

переговоров о союзе (в 1879 г. республиканцы пришли к власти и Гамбетта стал председателем палаты депутатов, а в 1881 г. — премьер-министром и министром иностранных дел). Одной из целей ее поездки было знакомство со Скобелевым, о славе и антигерманских настроениях которого она была много наслышана. Приезд г-жи Адан не остался незамеченным в Петербурге. К.П.Победоносцев в письме Александру III от 6 января так характеризовал предприимчивую француженку: «Без сомнения, в.и. в-ву известно, что г-жа Адан есть политическая авантюристка и состоит в числе главных агентов республиканской крайней партии, в связи с планами и расчетами Гамбетты... Она издательница журнала «La Nouvelle Revue», служащего органом партии. В связи с приездом ее в Россию появились в берлинских полуофициальных газетах статьи о том, будто она едет сюда для тайных политических переговоров, имеющих целью сближение Франции с Россией, с здешними политическими партиями».

Опасения Победоносцева насчет крайностей республиканской партии были напрасны: ничего радикального, придя к власти, Гамбетта не предпринял и проводил, по его собственному определению, политику оппортунизма. Тревога же немецкой печати была вполне объяснима. Кошмар коалиций, владевший Бисмарком, хорошо известен. Но тогда настоящие переговоры о союзе начаться еще не могли, да г-жа Адан и не была официальным лицом. Говоря по-теперешнему, она хотела установить неформальные связи, что могло быть первым и единственным в тех условиях шагом на пути к сближению. Сначала состоялось ее свидание с И.С.Аксаковым. О нем в письме Победоносцеву от 9 января сообщала Е.Ф.Тютчева, другая дочь дипломата: «Аксаков был у нее в первый вечер, просидел с нею два часа *en tête à tête* и вынес самое

лестное для нее впечатление. Он рассказывал разговор, должно быть, очень интересный, судя по его рассказу».

Для Скобелева, по всей вероятности, предстоящее знакомство и, может быть, передача г-жой Адан каких-нибудь устных предложений Гамбетты не были неожиданностью.

В Париже он не раз встречался с лидером республиканцев и подолгу беседовал с ним. Беседы были неофициальными, и содержание их неизвестно. Но, зная антигерманские настроения обоих, можно не сомневаться, что главным вопросом была именно эта тема. Некоторое представление об этом сюжете дает А.Ф.Тютчева: «...из того, что мне мой муж рассказал о разговоре Скобелева, недавно ездившего в Париж, где он много виделся с Гамбеттой и много беседовал с ним об интересах славянства, которые одни могут быть с успехом противопоставлены пангерманизму, мне кажется, что в настоящее время в русской политике готовится нечто совершенно новое; вероятно, между Скобелевым и Игнатьевым заключен договор (pacte); они хотят привести к союзу между Францией и Россией против Германии. Из слов Скобелева невозможно догадаться, известно ли государю обо всех этих переговорах и одобряет ли он их, или они только еще стараются его увлечь. Но я уверена, что в Петербурге что-то затевается и появление в Петербурге некоей г-жи Адан, приятельницы Гамбетты, состоящей редактором довольно влиятельной газеты, тоже одна из нитей интриги. Катков находится в Петербурге, вероятно, с теми же целями».

О знакомстве со Скобелевым г-жа Адан рассказала в воспоминаниях о нем, изданных в России в 1886 г. и представляющих, как упоминалось выше, восторженный

панегирик белому генералу. Впервые она увидела Скобелева в цирке, где могла наблюдать его огромную популярность. При появлении его публика взревела от восторга и с криками «Да здравствует Скобелев!» вскакивала с мест. «Популярность Скобелева можно сравнить только с популярностью Наполеона I, — писала Адан. — От бедной хижины до барских жилищ, как во всех концах России, так и в столицах, всюду с гордостью рассказывают легенды о Ташкенте, Хиве, Коканде, Кашгаре, Плевне, Галлиполи и Геок-Тепе». Удовлетворение, с которым об этом писала Адан, вполне понятно: для осуществления планов франко-русского сближения нужен был именно такой человек. Знакомство состоялось в Европейской гостинице, куда Скобелев явился по записке Адан. По ее словам, она была очарована Скобелевым. Между собеседниками сразу установились доверие и непринужденность.

«— Я не люблю войны, — сказал Скобелев... — Я слишком много воевал... Но есть война, на которую я всегда буду готов... Она будет для меня священная война».

Адан немедленно подхватила эти слова, заявив, что и для нее эта война будет священной. Дальше между ними произошел следующий диалог.

«— Слова: немец — вот враг! — вы, генерал, должны были бы публично произнести в Париже.

— Они не произведут действия и останутся без отголоска. Я был в Париже и не встретил там патриотов.

— Вы плохо их искали.

— Все у вас заняты Бисмарком, его боятся, а потому и терпят, то же и у нас в России.

— Приезжайте в Париж, генерал, повторите ваши слова и вы увидите, какой отголосок они найдут в стране, у которой отняли Эльзас и Лотарингию.

— Кто меня знает во Франции?

— Правда, почти никто, кроме военных и некоторых писателей, занимающихся внешней политикой... Но если призывное слово выскажет герой, то нация всколыхнется, и тогда Франция создаст из истории его жизни легенду, которой не забудут будущие поколения.

— Я приеду в Париж... Я повторю эти слова, составляющие обычную формулу моего мышления».

Сомневаться в точности, с которой г-жа Адан передает этот разговор, не приходится. Приведенные ею слова Скобелева — действительно те самые, которые выражали его внешнеполитическое кредо. Француженка же, как видно, тонко играла на честолюбии генерала. Ему, конечно, пришлись по душе ее слова, обещавшие ему новую славу, уже во Франции, но его согласие приехать в Париж было вызвано не комплиментами Адан, а тем, что цель этой поездки отвечала его собственным замыслам. Искренность этой беседы и быстрота, с которой собеседники пришли к взаимопониманию, были, без сомнения (во всяком случае, в первую очередь), обусловлены совпадением интересов представляемых ими стран. Скобелеву должна была импонировать нескрываемая антинемецкая неистовость французской единомышленницы. Сам не менее неистовый антинемец, он был рад предоставившейся возможности практического действия.

12 января 1882 г., в годовщину штурма Геок-Тепе, в Петербурге собрались его участники. В ресторане Бореля был устроен обед, на котором Скобелев выступил с речью, открыто направленной косвенно против Германии и

прямо — против Австро-Венгрии и в защиту проживавших на ее территории славянских народов. Для понимания внешнеполитических взглядов и всего мировоззрения Скобелева, а также дальнейших событий знание речи необходимо. Кроме того, она интересна сама по себе. Поэтому, думаю, читатели не будут возражать, если я приведу ее целиком.

«Поколение наше переживает многозначительное, небывалое в истории время. Несколько веков тому назад царило кулачное право в международных отношениях. За сим настала эпоха трактатов, соблюдать которые по форме и нарушать по духу являлось выражением наибольшей государственной мудрости (впечатление, произведенное вторжением в Силезию).

Нашему веку суждено было воочию испытать, что сильнейший относительно якобы слабейшего основывает свои отношения на крови и железе, и что правом повелевает сила. Многозначительно, г-да, что подобного официального признания бесправия, подтвержденного фактами, еще никогда не было сделано в истории.

Великие патриотические обязанности наше железное время налагает на нынешнее поколение. Скажу кстати, г-да: тем больнее видеть в среде нашей молодежи так много болезненных утопистов, забывающих, что в такое время, как наше, первенствующий долг каждого — жертвовать всем, в том числе и своим духовным я, на развитие сил отечества.

Если, г-да, в делах частных чувство недоверия друг к другу не может быть никому симпатично, то, напротив того, крайнее недоверие ко всему иноплеменному, могущему нарушить законные исторические идеалы отечества, есть патриотическая обязанность, ибо немыслимо

допустить, чтобы провозглашенная ныне теория торжества сильного бесправия над слабейшим правом могла бы быть собственностью одного лишь племени. Из только что сказанного, мне кажется, явствует, как радостно должно отзываться в патриотических сердцах, когда события слагаются так, что вводят в ошибку прозорливого и талантливое отечественного недруга. Чувство это принимает оттенок особенный, когда находишься в среде людей, своими трудами, доблестью, кровью способствовавших введению в ошибку этого недруга.

Известно вам всем, что высокоталантливый недруг наш сэр Генри Роулинсон в своем сочинении («Россия и Англия на Востоке») еще в 1875 г. заявлял, что вражда ахал-текинцев заведет Россию к многолетним и непомерным расходам людьми и деньгами, вовлечет во вражду с Персией, заставит занимать кордонную линию фортов от устьев Атрека по всему оазису и от Атрека до Мерва включительно, и, наконец, главное, в конце концов нарушит политическое могущество России в Средней Азии.

Отрадно, г-да, в сегодняшней многознаменательный день, озираясь на далекую дорогую нам окраину, иметь возможность фактически убедиться, что... тяжкие предсказания Роулинсона ни в чем не оправдались. Нам слишком всем известно положение дел, чтобы мне входить в подробное рассмотрение его; но очень уже давно наша среднеазиатская, столь буйная окраина не пользовалась таким безусловным спокойствием, как теперь. Никогда, быть может, со времен похода Магомет-шаха на Герат и тесно связанной с этим событием незабвенной деятельности графа Симонича, значение русского посланника в Тегеране не было столь первенствующим. Словом, обаяние русского знамени стоит очень высоко, далеко к востоку, за пределы покоренной области; это,

конечно, не откажутся подтвердить только что вернувшись из Серахса инженеры.

Г-да, чему обязано отечество столь благоприятным исходом великого дела? — Указав на прозорливость Александра II в оценке значения Ахал-Текинского плацдарма и на участие царского брата, командующего кавказской армией (что было официальной данью, так как Скобелев в этой экспедиции все решал сам), Скобелев продолжал: — С почтительной признательностью считаю себя счастливым здесь напомнить о той всесторонней помощи, которую оказывали мне все ближайшие помощники главнокомандующего кавказской армией, наши центральные военные управления, наконец, министерство иностранных дел. Наш посланник в Тегеране, г. Зиновьев, не только облегчил исполнение задачи, но, что еще важнее, обеспечил прочность результатов.

Говорить ли мне о доблести несравненных наших кавказских войск, с которыми связались узами боевого братства славные туркестанские и оренбургские их товарищи! Кавказские знамена в Ахал-Текинскую экспедицию явились тотчас после блистательно выдержанного кровавого боевого испытания в Азиатской Турции и в Дагестане. Большинство этих войск только что участвовало в несравненном в летописях наших штурме Карса.

Слишком велико было наследство славы, врученное начальнику экспедиции, чтобы ему сердцем не дорасти до духа войск, а когда сердце на месте, то и победа на три четверти обеспечена. В самом деле, не могу без глубокого чувства вспомнить про эти войска, про доблестный корпус офицеров; вспомним, г-да, о павших товарищах наших, вспомним о том, как они служили, дрались, умирали; вспомним о незабвенном генерале Петрусевице

— представителе чувства долга, скромности и научной подготовки, вспомним какими героями легли... князь Магалов, граф Орлов, Мамацев, Булыгин, Зубов, Студитский, Яблочков, Мерхилев, Грек, Иванов, Кунаковский, Мориц, Нелепов, Юренев...

Да, г-да, пока в рядах русских будут такие офицеры, будем смело смотреть в лицо какому бы то ни было высоко-обученному неприятельскому строю... а когда настанет час боевого испытания, и мы постараемся быть такими же, какими были они.

Мне остается еще сказать вам несколько слов, но здесь позвольте мне заменить бокал с вином стаканом с водой и попросить вас быть свидетелями, что ни я, да и никто из нас, не говорит и не может говорить под влиянием ненормального возбуждения.

Мы живем в такое время, когда даже кабинетные тайны плохо сохраняются, а сказанное в таком собрании, как нынешнее, так или иначе будет обнаружено, а потому предосторожность — дело не лишнее.

Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он, благодаря своей истории, все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же русский человек случайно вспомнит, что теперь русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде известных *доморощенных* и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования, и этот русский человек, по мнению этих господ, находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-нибудь вакханалий. Вот почему, повторяю, прошу позволения опустить бокал с вином и поднять стакан с водой.

И в самом деле, престранное это дело, почему нашим обществом и отдельными людьми овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса, для русского сердца вполне законного, являющегося естественным результатом всей нашей тысячелетней истории. Причин этому много, и здесь не время и не место их подробно касаться; но одна из главных — та прискорбная рознь, которая существует между известной частью общества, так называемой интеллигенцией, и русским народом. Г-да, всякий раз, когда Державный Хозяин земли русской обращался к своему народу, народ оказывался на высоте своего призвания и исторических потребностей минуты; с интеллигенцией же не всегда бывало то же — и если в трудные минуты кто-либо обанкрутился перед царем, то, конечно, та же интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимое: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом. Г-да, сегодня, в день падения Геок-Тепе, вспоминая о павших товарищах, о доблести войск, невольно просится наружу доброе, святое. Один из славнейших ветеранов великой эпохи наполеоновских войн, маршал Бюжо, имел обыкновение говорить, что на войне убивают одних и тех же. Мое солдатское сердце и недавний опыт подсказывают мне, что здесь собрались именно такие, о которых говорит маститый маршал. Вот почему в солдатской среде мои слова будут приняты только по-солдатски, как ничего общего не имеющие с политикой в данную минуту.

Г-да, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народ-

ность, именуют разбойниками и поступают с ними, как с таковыми!.. Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единовверные нам груди...

Я недоговариваю, г-да... Сердце болезненно щемит. Но великим утешением для нас — вера и сила исторического призвания России».

Не правда ли, генерал был не лишен зажигательного красноречия? Эта речь — преддверие звездного часа Скобелева в политике. Да, у него и в политике был звездный час, к нему я подхожу. Но опасаясь, что не всем понятны высказанные здесь мысли, поэтому кратко прокомментирую речь.

Весь смысл и тон речи — резко антигерманский и, даже прежде всего, — антиавстрийский. Об этом говорит не только ее заключительная часть, но и многочисленные намеки, которые Скобелев не сопровождал именами, но которые были понятны не только слушателям, но и широкой публике. Например, под впечатлением от вторжения в Силезию следует понимать вторжение в эту провинцию армии Фридриха II, который, произведя его в нарушение всех существовавших договоров, открыто похвалялся этим и цинично заявлял, что всегда найдет юристов, готовых обосновать его права на захваченную им чужую территорию.

Слова о крови и железе — явный намек на известное выражение Бисмарка, громогласно заявившего, что Германия может быть объединена только железом и кровью. Вообще вся эта часть речи посвящена разоблачению характерного для германских политиков восхваления силы и ее торжества над правом. Указав на провал английских интриг в Закаспии и на помощь дипломатии

(после Берлинского конгресса впервые), отметив доблесть войск и воздав память павшим, Скобелев после замены бокала с вином стаканом воды совершил непонятный, на первый взгляд, выпад против интеллигенции, которую он противопоставил народу. В чем был смысл этой части речи Скобелева, который сам был широко образованным, интеллигентным человеком и всегда выступал в защиту просвещения и образования? В.Б.Вилинбахов считает, что «здесь проявилось отрицательное отношение Скобелева к революционному движению. С другой стороны, его слова были явно обращены к простому народу, популярность в глазах которого он стремился прежде всего завоевать...».

А мнение автора? — спросит читатель.

На мой взгляд, это объяснение явно ошибочно. Отождествление всей интеллигенции с революционным движением могло бы быть понятным в устах человека такого уровня, как чеховский унтер Пришибеев, но никак не Скобелева. Для этого ему пришлось бы зачислить в революционеры своих друзей Аксакова, Немировича-Данченко, Верещагина, даже О.А.Новикову. Что же касается популярности, то в данном случае этот мотив следует отклонить. В речи Скобелев совершенно ясно говорит о *доморощенных* (подчеркнуто им же) иноплеменниках, которые не оказывались на высоте своего призвания в решительный исторический момент, тогда как народ всегда был на высоте. Не менее ясно Скобелев и объясняет это явление, считая его причиной космополитический европеизм. Конкретно?

Нет сомнения, что Скобелев имел в виду тех, кто не выказал патриотизма во время турецкой войны. Если точнее, то повод к этому выпад против интеллигенции дал

«Вестник Европы», выступивший с насмешками над Скобелевым по поводу его обиды и слез в связи с отказом от оккупации Константинополя. Строки эти, которые, наверное, оскорбили Скобелева лично, оскорбили также его солдатское чувство и патриотизм. Его речь и обиду разделяли не только армия, но и многие представители общественности, которые указывали, что Рейхштадтское соглашение с Австрией предусматривало, согласно официальной информации, оккупацию Боснии и Герцеговины при условии занятия Россией Константинополя. Уходом из него был бы автоматически поставлен вопрос и о прекращении оккупации этих областей. Справедливой была и критика постановлений Берлинского конгресса, разрезавшего Болгарию, но, с другой стороны, не установившего срок австрийской оккупации. К этому надо добавить, что тогда общественность и не знала содержания ни Рейхштадтского соглашения, ни Будапештской конвенции. Оба эти соглашения были тайными. Не зная пунктов о недопустимости образования на Балканах большого славянского государства и об австрийской оккупации Боснии и Герцеговины, содержащихся в обоих документах, общественность преувеличивала неудачу русской дипломатии в Берлине. Однако неудача была налицо и, конечно, она была связана с тем, что армия не вступила в Константинополь.

Это чувство обиды тяготело над Скобелевым и руководило им в его речи. Ирония «Вестника Европы» и вызвала выпад против космополитического европеизма (не случайно и совпадение термина, примененного Скобелевым, с названием журнала). Указанное зубоскальство было плодом пера неизвестного хроникера. Журнал же всегда высказывался о Скобелеве доброжелательно, хотя в связи со следующей его, парижской речью, и кри-

тически. Как и вся русская пресса, журнал был возмущен уступчивостью командования в 1878 г. и результатам» Берлинского конгресса. Позиция «Московских ведомостей» Каткова в этом отношении была далеко не исключением. Обозреватель «Вестника Европы» также писал о сплочении народа, воодушевленного патриотическими чувствами, какого еще никогда не было. Таким образом, Скобелев вовсе не был лишен поддержки интеллигенции, которая не заслужила его резкого упрека.

Предвижу вопрос: почему же все-таки это обвинение интеллигенции в целом? Разве Скобелев не понимал ее общественного назначения, не знал ее самоотверженного труда?

В этом обвинении был смысл. Подхожу к нему. Кнорринг держал в руках черновик речи Скобелева и имел возможность исследовать его и сравнить с текстом, опубликованным в аксаковской «Руси» (к сожалению, он ничего не говорит о местонахождении этого документа). Он пришел к выводу о существенной редакторской правке первоначального текста Аксаковым. Черновик показывает, как тщательно готовился Скобелев к речи и как он внимательно, по своей привычке к всякому публичному выступлению, продумал ее основные положения и выражения, в которые они будут облечены. Подчеркнув провал английских расчетов, Скобелев намерен был закончить эту часть указанием, что для него экспедиция была экзаменом, под которым следовало, конечно, понимать экзамен на звание главнокомандующего. За исключением «экзамена», эта часть речи была опубликована без изменений. В черновом тексте содержался сначала прозрачный намек: теперь станем грудью уже на другой окраине, то есть на германской границе. Но редакцию этого тезиса Скобелев поправил, придав ей ту более осторожную фор-

му, в которой она вошла в печать. Как видно, больших различий в сравнении с аксаковской публикацией до сих пор нет. Разночтение следует дальше. Оно касается критики интеллигенции, которой в черновом варианте нет совсем. Вставка этой части была сделана, по-видимому, под влиянием Аксакова, которое отмечал и Н.Н.Обручев. Но без согласия Скобелева Аксаков все-таки не мог бы ее напечатать, да и стиль скобелевских речей ощущается в ней довольно заметно. Полного единомыслия в этом пункте между ними не было: Аксаков огульно обвинял интеллигенцию в отсутствии патриотизма, а Скобелев говорил лишь о ее недалёковидности, наивности в вопросах внешней политики.

А что означали слова Скобелева о странной робости русского человека, не смеяшего сказать, что он принадлежит к народу великому и сильному и т. д.? — может спросить читатель.

Слова эти не случайны, они выражали весьма характерное для того времени и не очень известное и еще менее понятное большинству читателей явление. Дело в том, что с начала шестидесятых годов в среде демократически настроенной интеллигенции, особенно молодежи, интерес к внешней истории и политике резко упал, а внешний престиж и военные победы России и вовсе не пользовались вниманием, даже вызывали насмешки. Считалось, что защищать и восхвалять внешнее могущество при существовании крепостничества и произвола властей может не сознательный гражданин, а общественно неразвитый человек. Вызывали интерес и пользовались вниманием вопросы социальной истории, больше всего современные общественные задачи. Вот что писала по этому поводу активная участница движения шестидесятых годов Е.Н.Водовозова, воспоминания которой имеют боль-

шую историческую ценность: «Никто не интересовался более внешнею историей — войнами и дипломатическими сношениями... высказывать преклонение перед внешним могуществом России, замалчивать факты, указывающие на произвол верховной власти, — значило подвергать себя насмешкам и презрению».

К этому следует добавить, что русскому характеру вообще никогда не был присущ выставляемый напоказ, кичливый патриотизм, что русский патриотизм был стыдлив, молчалив и заявлял о себе лишь тогда, когда дело доходило до защиты родины. Помните «Севастопольские рассказы» Льва Толстого? Увидев так близко героев этой обороны, проведя с ними вместе много дней и ночей посреди огня и смерти, он пришел к выводу, что «из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине». Наконец, нельзя не учитывать и того, что со своей стороны государственная власть в России в отличие, например, от Германии, занималась воспитанием не патриотизма, не осмысленной любви к родине, а всего лишь верноподданнических чувств. Нам трудно понять В.В.Шульгина, известного деятеля монархического толка предреволюционного периода. В «Письмах к русским эмигрантам» он писал: «В другом театре, в самом Кремле находящемся, я слушал обширную концертную программу. Произвел на меня наибольшее впечатление великолепный хор... Девушки и молодые люди с великим подъемом и силой восклицали:

— Россия, Россия, Россия — родина моя!

Скажу честно, что интеллигенция моего времени, т. е. до революции, за исключением небольшой группы людей, слушала бы это с насмешливой улыбкой. Да, тогда восхищаться родиной было не в моде; не кто иной, как я сам, очень скорбел об этом». Видите, как говорит Шульгин: за исключением небольшой группы. Это была группа людей типа Скобелева. Хотя их было и не так мало, по отношению ко всему так называемому образованному обществу она была действительно небольшой. А масса простого народа совсем ничего не знала о внешних делах своей страны.

Надеюсь, читателю теперь понятны нравственная атмосфера тех лет и слова и мысли Скобелева.

Отношение к его речи в обществе оказалось различным. Германофилы, опасаясь саморазоблачения, вынуждены были помалкивать. Печать же реагировала в целом осторожно, но часть ее, понявшая речь как призыв к немедленной войне, — с паническим испугом. Указывая на неподготовленность России к новой большой войне, прежде всего в связи с внутренними социальными противоречиями и с неблагоприятным состоянием финансов, эта часть печати призывала к отказу от активной политики на Балканах. Против этого капитулянтства и была направлена речь Скобелева. Те, кто видели в ней только жажду новой войны со стороны генерала-забияки, не поняли и не оценили заключенной в ней и обусловленной страстным патриотизмом Скобелева защиты государственных интересов России. Широкая же общественность, настроенная антигермански под влиянием в первую очередь резкой кампании, поднятой Катковым против Бисмарка после Берлинского конгресса, выражала речи полное и горячее одобрение. Дипломат Г.А. де Воллан, например, писал в дневнике: «Обществу не может

нравиться наша приниженность во внешней политике, и потому оно молится такому герою, как Скобелев...» Дипломатия, конечно, лучше знала положение, но на грубое давление Германии она склонна была отвечать лавированием и уступками. «Их (дипломатов. — *В.М.*) склонности к крайней уступчивости и пассивности Скобелев противопоставлял программу, основанную на твердости и в высшей степени активном образе действий», — констатировал в статье о Скобелеве «Русский Биографический Словарь», оглядываясь назад, в 1904 г.

Александр III отнесся к речи неодобрительно, но официально своего неудовольствия не выразил. Иной была, естественно, реакция правительства Австро-Венгрии. Хотя оно и не заявило протеста, но расценило суждения Скобелева о действиях по отношению к кривошиям как вмешательство в свои внутренние дела. Управляющий министерством иностранных дел Н.К. Гире выразил австрийцам «изъявления своего сожаления по поводу этой застольной речи Скобелева». Намек на застольный характер речи был сделан, конечно, для того, чтобы придать ей политически невинный характер. Но ведь Скобелев заранее позаботился о том, чтобы исключить такое толкование, заменив вино водой. Поэтому намек не мог смягчить антиавстрийского выпада Скобелева. Тем не менее «Правительственный вестник» в сдержанных, но определенных выражениях дезавуировал речь. Скобелеву было предложено взять заграничный отпуск, что было официальной формой неодобрения его поведения. Правящие верхи, кроме того, очевидно, рассчитывали, что за границей беспокойный генерал, от которого никогда не знаешь, чего можно ожидать, займется светской жизнью и забудет о политике. Однако Скобелев не собирался отказываться от своих целей. Новую заграничную поездку

он использовал для еще более резких политических выступлений, доставивших правительству еще большие осложнения.

Читатель, умеющий анализировать, вполне может высказать мысль: а генерал-то был не трус. Я имею в виду присутствие не храбрости, а смелости. Ведь качества эти сочетаются далеко не всегда. Храбрец в бою или просто военачальник, отвечающий своему назначению, может быть трусом и приспособленцем перед стоящей над ним властью. Примеров тьма. А в Скобелеве было, выходит, и то и другое. Здорово!

Получив отпуск, Скобелев направился в Париж, где рассчитывал расширить свои французские контакты, прежде всего с Гамбеттой. Во время остановки в Берлине он встретился с В.В.Верещагиным. Это была их последняя встреча. Вот что рассказывает о ней знаменитый художник: «Последний раз виделся я с дорогим Михаилом Дмитриевичем в Берлине, куда он приехал после известных слов в защиту братьев-герцеговинцев, сказанных в Петербурге. Мы стояли в одной гостинице, хозяин которой сбился с ног, доставляя ему различные газеты с отзывами. Кроме переборки газет, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, т. к. заказывать не было времени; масса этого добра была принесена из магазина, и приходилось выбирать по росту, виду и цвету.

— Да посмотрите же, Василий Васильевич! — говорил он, поворачиваясь перед зеркалом. — Ну как? Какая все это немецкая дрянь, черт знает!

С грехом пополам остановился он, с одобрения моего и еще старого приятеля его Жирарде, который вместе с ним приехал, на каком-то гороховом облачении: при-

знаюсь, однако, после, на улице, я покаялся — до того несчастно выглядела в нем красивая и представительная фигура Скобелева.

Во время этого последнего свидания я крепко журил его за несвоевременный, по мнению моему, вызов австрийцам; он защищался так и сяк и, наконец, как теперь помню, это было в здании панорамы, что около Генерального штаба, осмотревшись и уверившись, что кругом нет «любопытных», выговорил:

— Ну, так я тебе скажу, Василий Васильевич, правду — *ОНИ* меня заставили, кто *ОНИ*, я, конечно, помолчу.

Во всяком случае, он дал мне честное слово, что более таких речей говорить не будет...»

Верещагин и здесь верен себе. Его рассказ интересен и важен, но сам он, как всегда, предстает наставником Скобелева. Но это к слову.

В литературе высказывалось немало догадок, кто были эти *ОНИ*. Прав был, на наш взгляд, М.М.Филиппов. Конечно, Скобелев имел в виду прощальные слова Вильгельма на маневрах 1879 г., выходку принца Фридриха-Карла и вообще шовинистические настроения и высказывания германских офицеров, а также призывы немецкой печати к аннексии обширных территорий России. Петербургскую речь, как и парижскую, не понять без учета этого обстоятельства.

В конце января Скобелев прибыл в Париж, где у него был собственный, унаследованный от матери дом. В Париже, в отличие от Лондона, его знали мало. Но, главное, политическая ситуация, в видах осуществления его планов, складывалась здесь неблагоприятно. Как раз в это время пало министерство Гамбетты. Скобелев, таким

образом, терял наиболее заинтересованного и влиятельного союзника, на которого больше всего рассчитывал. Правда, быстро разобравшись в обстановке, он понял, что престиж Гамбетты как политического лидера остается высоким и, следовательно, не все потеряно. «...Значение Гамбетты, как передового деятеля в государстве, — писал он И.И.Маслову, — не поколеблено, и, думаю, что было бы близоруко нам, русским, теперь в особенности, от него отворачиваться». Тем не менее невозможность политического действия угнетала Скобелева. Во втором письме И.И.Маслову (от 2 февраля), пожаловавшись на одолевавшую его скуку, он высказывался пессимистически: «...не будь крайняя необходимость окончательно выяснить счета покойной матушки, думал бы о возвращении в 4-й корпус... Невмоготу бездействовать, а с последними правительственными переменами во Франции круг доступного для меня стал уже».

Но долго бездействовать Скобелев не мог. Поскольку контакты с правительственными лицами исключались, он воспользовался налаженными еще в Петербурге связями: возобновились его встречи с г-жой Адан, которая ввела его в круг реваншистски настроенных французских журналистов. Слушая резкие высказывания Скобелева против немцев и их «Дранг нах Остен», французы решили использовать громкое имя белого генерала для организации антигерманской акции. Как информировала статья в «Руси», написанная Аксаковым уже после смерти Скобелева, французы подстрекали сербских студентов, обучавшихся в Париже, и инспирировали их встречу со Скобелевым. Это было вполне вероятно. С другой стороны, известно, что г-жа Адан и генерал долго обсуждали проект задуманного еще в Петербурге выступления, но пока не знали, где и как его организовать. Публичная

форма, которую оно приобрело, как увидим дальше, оказалась неожиданной для самого Михаила Дмитриевича.

Попытаемся, насколько это теперь возможно, рассмотреть, кто были эти сербы и каковы были обстоятельства встречи. Противники Скобелева и его единомышленников по поводу обеих речей высказывали самые фантастические догадки. Одна из них содержится в неопубликованном дневнике (в записи, помеченной февралем 1882 г. и хранящейся в ОР ГПБ) В.А.Бильбасова, историка, известного исследователя екатерининского царствования и публициста «Голоса». Все действия Скобелева и якобы руководившего им Н.П.Игнатьева он объясняет только их карьеристскими целями. По его словам, Скобелев «по собственному побуждению... приготовил к этому дню речь, которая вся была написана в таком духе, чтобы произвести хорошее впечатление в Гатчине» (резиденция царя. — *В. М.*). Хотя в Гатчине речь действительно понравилась, продолжал Бильбасов, но за содержащиеся в ней антигерманские выпады решено было «с одной стороны, сделать Скобелеву замечание, но не гласное, и, с другой, — назвать в честь его строящийся на Каспийском море пароход его именем. К несчастью для Скобелева, замечание ему поручено было сделать графу Игнатьеву... Он решил воспользоваться Скобелевым для личных целей. Сделав ему, по высочайшему повелению, выговор, он затем, в получасовой беседе, дружески обсуждал со Скобелевым о мерах, какими он мог бы поправить свою речь. Он посоветовал Скобелеву: поправить речь 12 января новой речью и в ней перенести антагонизм от русских немцев на германских и, во-вторых, произнести речь в таком месте и при таких обстоятельствах, чтоб она произвела возможно больший шум в Германии и была бы сочувственна славянофилам. После по-

лучасовой беседы было решено, что Скобелев произнесет речь в Париже, против немцев, в защиту славян». И Бильбасов объяснял цель Игнатьева: «Здесь Скобелев вынимал из огня каштаны для графа Игнатьева... Граф Игнатьев спит и видит сделаться канцлером империи и ищет предлога, даже сам создает поводы к тому, чтобы государь назначил его на место князя Горчакова, впавшего в детство... Когда отношения (России с Германией и Австрией. — *В.М.*) обострятся, то, как надеются участники интриги, государь обратится к гр. Игнатьеву, как к «*homme du jour*» и призовет его на пост министра иностранных дел».

Сейчас я расскажу о своем небольшом, но в нашем контексте важном открытии. И надеюсь доказать важную гипотезу.

Высказанные В.А.Бильбасовым догадки не согласуются с фактами и не вызывают доверия. Не отрицая внимания этих людей к собственной карьере, нельзя все же допустить, чтобы она была единственным мотивом, руководившим ими при решении столь важных вопросов внешней политики. И Скобелев и Игнатьев были патриотами и имели твердые принципы. Во-вторых, нет никаких сведений о том, что Игнатьеву было поручено сделать Скобелеву выговор за его петербургскую речь. Нет данных и о том, что Игнатьев, никак не связанный со Скобелевым в ведомственном отношении, направлял его в Париж (хотя и есть указания, что он в частном порядке советовал Михаилу Дмитриевичу удалиться на время за границу). Как мы увидим ниже, Игнатьев вынужден был даже отказаться, хотя бы внешне, от солидарности с парижской речью Скобелева.

Версия Бильбасова о посещении Скобелева сербскими студентами похожа уже на детектив. По его словам, «за 2 дня до отъезда Скобелева из Петербурга, т. е. через час после свидания его с Игнатьевым, выехал в Париж серб Никандр Васильевич. В Париже он виделся с сербскими юношами, уговаривал их сделать Скобелеву демонстративную встречу, но молодые сербы не согласились на это, тогда Васильевич стал уговаривать их поднести Скобелеву адрес, составленный в самом зажигательном смысле, — и на это сербские юноши не согласились. Из 17-ти сербов, обучающихся в Париже в настоящее время, только четверо (пятым был Васильевич) пришли к Скобелеву и были очень удивлены, когда, в ответ на их скромный адрес, в котором они приветствовали его как героя, храбро сражавшегося за славян на Балканском полуострове, Скобелев отвечал таким *pronunciamento*, восставая, неожиданно для них, не против турок, а против немцев. В тот же вечер Васильевич отнес текст речи Скобелева, заранее переведенный на французский язык, в редакции парижских газет».

По Бильбасову получается, что встреча сербских студентов со Скобелевым инспирировалась из Петербурга через посредство некоего Васильевича. В документах же и в печати, русской и французской, никакой Васильевич, как эмиссар из Петербурга, не упоминается ни единым словом. Вообще само это имя неизвестно. Главное же, выезжая из России, Скобелев не планировал встречи со славянскими студентами и не мог ее предвидеть. Странно, что серьезный историк высказывал столь легковесные суждения.

Гораздо убедительнее выглядят результаты исследования Н.Н.Кнорринга, основанные на материалах лондонского архива. Домашних адресов и имен студентов,

участвовавших во встрече, Кнорринг не нашел, но ему удалось обнаружить адрес, написанный жителями города Крагуеваца (Сербия), с 233 подписями. Даты на нем нет, но одна фраза («Тронуты до дубине душе твоимъ речима, кои си у Петрограду и Паризу») указывает на то, что адрес был написан после парижской встречи. Есть и гораздо более пространный болгарский адрес с 17 подписями и датой: «Париж. 5/17 февруарій 1882». В нем, между прочим, говорилось: «Тоя бльськъ възпроизвежда в колко силни краски осуществлението на предните наши надежди — възобновлението на Сан-Стефанска България».

«До дубине» по-сербски значит «до глубины». А болгарский читателю, наверное, понятен и без перевода. Вернее, это староболгарский, у них тоже была реформа письменности, написание теперь упрощено. Только этот адрес с выражением надежды на восстановление единой Болгарии в границах, определенных Сан-Стефанским договором, и мог быть зачитан на восторженной встрече, состоявшейся на квартире Скобелева 5 февраля, так как в черновой записи, сделанной Скобелевым вслед за этим событием, он упоминает о присутствии болгарской делегации. О болгарском адресе писала и Адан. По ее словам, Скобелев не стал его публиковать, чтобы не повторяться. Весьма правдоподобно предположение Кнорринга, что болгары явились с адресом, а сербы приветствовали Скобелева устно. И, конечно, невозможно подвергать сомнению искренность энтузиазма славянских юношей. Каким было в действительности содержание беседы, дает представление черновик письма Скобелева Аксакову из Варшавы от 18 февраля 1882 г., хранящийся в том же лондонском архиве. Напомнив, что это была не речь, а беседа часа на два, Скобелев продолжал: «Для Вашего сведения прибавляю:

1. Сербские студенты были у меня на квартире и никакого официального приема им делалось не было.

2. Говорил я с ними долго и по душе; старался выяснить им всю опасность обезличиться в Париже в смысле народном... наконец, когда они сами коснулись немецких интриг, я им действительно сказал, что *Drang nach Osten* и для нас опасен, что немец враг всем славянам вообще и что врачеваться от немцев мы не в силах, если отступим от почвы веры и власти в том смысле, как ее истари понимает народ славянский».

Как видно, Скобелев призывал славянских юношей к сохранению национального лица и к патриотизму и лишь в ответ на реплику кого-то из присутствовавших произнес слова, направленные против Германии. Именно эта часть беседы попала в газеты как речь. Однако ее принадлежность Скобелеву бесспорна. И своей аргументацией, и выражениями она очень напоминает петербургскую речь и беседу с А.Ф.Тютчевой (с ней мы скоро познакомимся).

Приведу эту сравнительно короткую речь целиком.

«Мне незачем говорить вам, друзья мои, как я взволнован, как я глубоко тронут вашим горячим приветствием. Клянусь вам, я подлинно счастлив находиться среди юных представителей сербского народа, который первый развернул на славянском востоке знамя славянской вольности.

Я должен откровенно высказаться перед вами, я это делаю.

Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и славянской миссии, в частности. Это происходит потому,

что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. *У себя мы не у себя!* Да! Чужеземец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы — жертвы его интриг, рабы его могущества... Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, гибельным влиянием, что, если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него — на что я надеюсь — мы сможем это сделать не иначе, *как с оружием в руках!*

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого чужака, этого самозванца, этого интригана, этого врага, столь опасного для России и славян... я назову вам его.

Это — автор «натиска на восток» — он всем вам знаком— это Германия.

Борьба между славянством и тевтонами неизбежна... Она даже очень близка. Она будет длительна, кровава, ужасна, но я верю, что она завершится победой славян...

Что касается вас, то естественно, что вы жаждете узнать, как должно вам поступить, ибо кровь у вас уже льется. Я не буду много говорить об этом, но могу вас заверить, что если будут задеты государства, признанные европейскими договорами, будь то Сербия или Черногория... одним словом, вы... вы не будете биться в одиночку. Еще раз благодарю, и, если то будет угодно судьбе, до свидания на поле битвы плечом к плечу против общего врага».

Вот она, эта знаменитая речь. Читатель может сам оценить ее смелость, и прозорливость, и силу выражений оратора. Эта речь и сопровождавшие ее обстоятельства, о которых я расскажу, представляют истинно звездный

час Скобелева в политике. Читатель убедится, что это выражение вызвано вовсе не страстью к пафосу.

Опубликовав эту речь, «La France» в этом же номере постаралась представить ее как голос России и всех славян. В комментарии ее сотрудника К.Фаргта говорилось: «Если бы это заявление исходило от какого-нибудь непризнанного панслависта, от агитатора-интернационалиста, от искателя приключений, его можно было бы рассматривать, как плод работы, ведущейся славянскими комитетами. Но генерал Скобелев является одним из наиболее популярных людей в Москве... Сама Россия, сам славянский мир говорит его устами; он великий воплотитель национальных требований».

По словам Аксакова, Скобелев был изумлен, когда увидел часть своей частной беседы со студентами из славянских стран торжественно напечатанной в виде речи. Едва он явился в редакцию «Nouvelle Revue», как г-жа Адан и ее сотрудники бросились к нему с просьбами: «Простите, но умоляем вас: не отказывайтесь от ваших слов!» Эти смелые слова, обращенные против Германии, убеждали они, нужны для оживления национального чувства Франции, ее надежд на реванш, а сами французы высказать публично такие мысли не могут из страха перед Бисмарком. Чтобы убедить Скобелева, его пригласил на свидание Гамбетта. Эта «речь, — доказывал он, — уже сделала им, французам, великую пользу... она быстро воспламенила сердца патриотическим жаром, возбудив надежды на союз России и Франции... Вот две телеграммы из Гавра и Марселя: и флот, и армия ликуют... Но предупреждаю вас — я в своей газете буду вынужден осуждать бестактность генерала Скобелева ради политической осторожности и чтобы не показаться солидарным с самим фактом произнесения». Вернувшись, Скобелев

по привычке сразу записал на клочке бумаги вкратце содержание беседы и некоторые примечательные выражения Гамбетты. Мы, информировал своих читателей Аксаков, видели и читали этот клочок. Гамбетта говорил о необходимости создать во Франции сильную власть (в частных беседах со Скобелевым он не раз ругал парламентскую систему за создаваемую ею волокиту при проведении важных решений и депутатов за их тупость и отсутствие патриотизма. — *В. М.*) и о союзе России с Францией.

Скобелев не отказался от своего заявления. Но он хотел добиться хотя бы начала деловых переговоров о союзе и отвести всякий ненужный шум от собственной особы. Об этом он прямо заявил в интервью корреспонденту другой французской газеты, «Le Voltaire», Полю Фресне. Скобелев, рассказывал в этом интервью П.Фресне, «...принял меня очень радушно. Он высок, хорошо сложен, одет в сюртук без каких-либо знаков различия: от военного в генерале — только быстрота движений и энергичный голос, голос, привыкший к командованию. Он носит неподстриженную бороду, тонкую, белокурую, в форме веера. Глаза голубые, кроткие, голос звучный, вибрирующий. Генерал Скобелев говорит по-французски почти без акцента, произношение у него на редкость чистое. Что меня особенно поразило в генерале, так это не только многообразие его познаний, но и то, что он обстоятельно изучил все вопросы, коими интересуется Франция. Об организации у нас военного дела, о нашей политике, о причастных к ней людях он высказывается крайне тактичным и совершенно справедливым образом. Это и обаятельный, и в равной мере сведущий собеседник».

Эта часть интервью, не давая по существу ничего нового, интересна, однако, тем, что дополняет наши представления о высокой осведомленности Скобелева в военном деле и политике, на этот раз Франции, почему я и не исключил эти строки из своего повествования. Дальше П.Фресне переходит к главному: «Генерал мне сказал: «Я действительно произнес речь, вызвавшую некоторую сенсацию; и вот я получил от моего адъютанта следующую выдержку из газеты: «Государь император только что дал одному из строящихся на Каспийском море судов имя «Генерал Скобелев». Оказание мне этой чести, крайне редкой, доказывает, что я отнюдь не в немилости... Но, если бы моя откровенность и сопровождалась неприятными для меня последствиями, я все-таки продолжал бы высказывать то, что думаю. Я занимаю независимое положение, — пусть только меня призовут, если возникнет война, остальное мне безразлично. Да, я сказал, что враг — это Германия, я это повторяю. Да, я думаю, что спасение в союзе славян, заметьте, я говорю: славян с Францией. Надо достичь этого. Надо достичь европейского равновесия, но уже не в том виде, как это понимал г-н Тьер, потому что в том виде, в каком оно существовало, оно уже нарушено. Надо его восстановить.

Германия — великая пожирательница — это нам известно — и вы сами, вы особенно, вы, увы! — слишком хорошо это знаете. Восточный вопрос имеет большое, огромное значение. Именно через разрешение этого вопроса и может быть восстановлено то равновесие, о котором я говорил, в противном случае останется лишь одна держава — Германия. Я сказал и повторяю, что я верю в благополучное разрешение, которого я страстно хочу. Я особенно верю в то, что, наконец, поймут истину, — что между Францией и славянами должен быть заключен

союз. Для нас это — средство восстановить нашу независимость. Для вас же — это средство занять то положение, которое вами утрачено.

Вот, подлинно, что я думаю, вы можете рассказать об этом, но все же в интересах того большого дела, осуществления коего я всегда буду добиваться, — не надо создавать вокруг меня шума»».

Парижская речь Скобелева и эта дополнившая ее корреспонденция произвели в Европе впечатление разорвавшейся бомбы. Новая речь была куда более вызывающе-воинственной и прямо направленной, чем петербургская. Если петербургская речь по своему содержанию была в основном обличительной и произнесена эзоповым, хотя и всем понятным языком, то парижская речь была лишена всяких намеков. В этой речи и интервью Скобелев сделал новый шаг, прямо высказав следующие основные положения: враг — Германия (уже не Австрия; враг — вообще — немец); война близка; необходим союз России и славян с Францией в интересах обеих стран и всего славянства, направленный против Германии, против всех немцев. Сформулировать военно-политическую программу более прямо, резко и открыто было невозможно. Нельзя обойти молчанием поразительную, кажущуюся прямо непостижимой прозорливость Скобелева, который, предупреждая, что война может начаться в случае австрийского нападения на какое-либо из славянских государств, предвосхитил ситуацию 1914 г. Говоря, что борьба между тевтонами и славянами будет длительна, кровава, ужасна, но все же кончится победой славян, Скобелев как бы провидел две мировые войны, конечное поражение Германии и ликвидацию навсегда «Дранг нах Остен». Заявляя, что война против Германии будет для него священной, он даже угадал название войны

1941–1945 гг. По-своему прав он оказался и в том, что с немецким влиянием Россия покончит лишь с оружием в руках. Нельзя не согласиться и со Скобелевской оценкой международного положения. Европейское равновесие действительно было нарушено в сторону преобладающего влияния Германии. Восстановление его наступило с заключением русско-французского союза, к которому присоединились славянские государства Балкан (кроме Болгарии) и Англия. Это было равновесие уже в том новом виде, который имел в виду Скобелев.

Речь Скобелева имела историческое значение. Впервые публично указав на общего врага и четко сформулировав вытекающие из этого для обеих стран задачи, Скобелев первым из русских и французских деятелей сделал открытый шаг по направлению к русско-французскому союзу. «Парижская речь Скобелева — инцидент, который уже никогда не был забыт ни дипломатией, ни историками, — комментировал в 1928 г. это событие академик Е.В. Тарле. — Эта речь посетившим его сербским студентам 17(5) февраля 1882 г. стала заметным этапом в намечавшейся подготовке новой группировки европейских держав... О франко-русском союзе мечтал тогда Гамбетта, мечтали еще некоторые деятели, но эти предположения и мечты еще были окутаны туманом. Речь Скобелева была первым событием, которое отчасти конкретизировало и делало правдоподобными упорные слухи, ходившие в Европе с марта 1881 г., что новый русский император Александр III — заклятый враг Германии и, несмотря на миролюбивые заявления, ждет только случая, чтобы напасть на Германскую империю». Во Франции — в армии, среди широкой публики — речь вызвала тем большее сочувствие, что Франция в ту пору не смела думать не только о войне, но и о заявлениях официальных лиц, хо-

тя бы отдаленно напоминающих по своей прямоте и резкости речь Скобелева. Гамбетта, как видим, сразу поспешил заявить о своей непричастности. Скобелев же, больно ударив по Германии, вызвал там серьезную тревогу. «Скобелев грубо напомнил нам, что у нас враг не только на западе, но и на востоке», — так отзывались многие органы немецкой прессы. Германская и австрийская печать месяцами еще писала о выступлении Скобелева, возвращаясь к нему по самым разнохарактерным поводам», — заключал Е.В.Тарле.

Новую и более конкретную, основанную на использовании французских архивов, суммированную характеристику реакции германской и французской прессы и официальных лиц содержит сравнительно недавняя фундаментальная работа другого маститого советского историка А.З.Манфреда, посвященная образованию русско-французского союза. «В Германии речь и беседы Скобелева породили тревогу, — резюмировал А.З.Манфред. — Курсель (французский посол в Берлине. — *В.М.*) сообщал, что многие серьезные люди в Берлине считают войну с Россией весьма вероятной (следует ссылка на французские архивы. — *В. М.*). Во Франции, в правительственных кругах были также напуганы возможностью осложнений с Германией. Тогда как монархическая печать шумно приветствовала антинемецкие речи Скобелева, официозная и полуофициозная пресса поспешила отмежеваться от выступления русского генерала и высказала сдержанность к идее франко-русского сближения. Де Курсель в беседе с кайзером Вильгельмом «поспешил» заверить, что эта «непредвиденная манифестация генерала Скобелева была принята в Париже с холодностью, чтобы не сказать с осуждением». Вильгельм отвечал, что он с удовлетворением отметил весьма достойную сдержанность

французской печати (ссылка на архивы). Инцидент... лишь подчеркнул страх французской правящей буржуазии перед Германией и продиктованную этими трусливыми расчетами боязнь идти на поиски сближения с Россией...»

Характерно для Скобелева, что, видя, какую бурю вызвала публикация его речи французскими газетами, он поступил осмотрительно, дав интервью корреспонденту на этот раз английской «Daily News», в котором убедительно и в сдержанных тонах разъяснил смысл своих высказываний. Отметив, что французские газеты исказили его слова сербским студентам, Скобелев продолжал: «Я явился сюда не для того, чтобы вызвать бурю, а чтобы предотвратить ее, что может быть сделано лишь путем откровенности. Если я заявляю, что существует неприятное обстоятельство, то из этого не следует, что я виновен в существовании этого обстоятельства. А оно заключается в том, что великая война может стать неизбежной, если австрийцы будут продолжать угнетать славян в Боснии и Герцеговине. Вот почему я желал бы путем правды достигнуть того, что мои соотечественники считают достижимым только путем войны». На вопрос корреспондента «Чего же хочет Россия?» Скобелев отвечал: для себя ничего. Но Австрия нарушает решения Берлинского конгресса, вводя в занятых провинциях воинскую повинность и распространяя там иезуитов, изгнанных из Франции. «Славянам одинаково ненавистно и владычество турок, и господство иезуитов. Нужно, чтобы мир знал об этой решимости славян, и чтобы дипломатия, всегда склонная не замечать правды, была вынуждена стать лицом к ней; а этим лучше всего можно предотвратить войну».

Касаясь дальше отношения к Германии, Скобелев подчеркнул, что против нее он ничего не имеет. Но она подстрекает Австрию в ее политике по отношению к населению оккупированных славянских территорий. И в заключение Скобелев охладил пыл тех агрессивных кругов Германии, которые хотели видеть Россию обессиленной, лишенной всякой воли и энергии и тем более неспособной на новую войну: «В Берлине укоренилось убеждение, что Россия вышла крайне истощенной из последней войны. Правда, Россия потратила на войну немало сил, финансы ее не в порядке, и она подверглась внутренним смутам; но не следует забывать, что она обладает 80 миллионами единоплеменного населения и что новый подъем духа может всего вернее прекратить неудовольствие, причиненное неполным успехом последней войны».

Для тех, кто хотел понять смысл парижских выступлений Скобелева, это интервью все разъясняло исчерпывающим образом. Австрийская печать, в нарушение постановлений Берлинского конгресса, открыто требовала аннексии Боснии и Герцеговины, и дело это считалось в Австрии решенным. Поскольку никто не предостерегал Вену от возможных последствий ее намерений, Скобелев взял это на себя, одновременно напомнив Германии об ее обязанностях по соблюдению и защите решений конгресса. Привлечение внимания мировой общественности к подготавливаемой австрийцами аннексии, несомненно, сыграло роль, заставив Вену воздержаться от округления своих границ с помощью мошеннических действий. Не могло не произвести отрезвляющего действия и указание Скобелева на то, что Россия, несмотря на ущерб от последней войны, имеет достаточно сил и решимости, чтобы при необходимости постоять за свои интересы.

В этом же смысле Скобелев высказался в беседе с О.А.Новиковой, знакомившей с его мыслями английское общественное мнение из первоисточника. «Я часто видела Скобелева после его возвращения и всякий раз он отрицал свою речь в Париже; мои слова, сказанные вскользь, не следует считать речью, но вот что произвело впечатление: «Запад ошибается насчет России, — сказал я. — Он думает, что мы так ослаблены войной, что все наше могущество уже иссякло. Это ошибка... Россия жива и, если будут перейдены известные пределы, она решится воевать»».

Уточняя, Новикова спросила: «Так не было в вашей речи нападения на Германию?»

— Конечно, нет, — отвечал он. — Я сказал, чтобы договор, заключенный в Германии и подписанный князем Бисмарком, был свято исполнен; вот и все».

Большинство органов печати в России также поняли парижские выступления Скобелева как призыв к немедленной войне и реагировали одни со сдержанным, другие с резким несогласием и осуждением, и лишь очень немногие, не одобряя этот призыв, одобряли основной смысл речи. Русская пресса не отдавала себе отчета в том, что хорошо понимал Скобелев, а именно: Германия упорно и всесторонне готовится к войне с Россией, и миролюбием с русской стороны избежать войны было нельзя; в Германии военными и ответственными государственными и общественными деятелями постоянно произносятся речи и публикуются статьи, наполненные злобной ненавистью и призывами к войне с Россией, по сравнению с которыми речь Скобелева, как верно выразился Аксаков, — «ласковый детский лепет». В частности, при жизни Скобелева в Германии вышло три издания

книги «Der deutsche Krieg mit Russland», проповедующей аннексию Финляндии, Польши, Кавказа и русской Армении; в Германии и Австрии систематически ведется пропаганда зоологической расовой ненависти по отношению к России и славянам. Русские газеты не раз публиковали такого рода переводные материалы. Но, странным образом, они не связывали все это воедино и не сосредоточивали внимания общественности на той смертельной опасности, которая грозила России со стороны центральных держав. Это и были те беспечность, недалёковидность, наивность интеллигенции в вопросах внешней политики, которые имел в виду Скобелев в своей петербургской речи. Основания для подобного упрека были. Необходимо было отдавать себе отчет, что борьба за внутренний прогресс зависит и от внешнего положения страны, требует обеспечения внешней безопасности. Именно этого и не понимала прекраснодушная интеллигенция. Эту угрозу она не видела и над ней не думала. Тогда еще никто не догадывался о будущих всемирных катаклизмах, о грандиозных мясорубках двух мировых войн. Но Скобелев видел их неизбежность и, как мог, боролся за осознание этой опасности широкими кругами общественности. Какими бы несвоевременно воинственными, не отвечавшими интересам внутреннего развития России ни были речи Скобелева с точки зрения либеральной печати, в них, в их антигерманизме была, по удачному выражению Н.Н. Кнорринга, глубокая внутренняя правда, неотразимая историческая логика, от которой невозможно уйти.

— Позвольте, позвольте! — перебивает меня недоверчивый читатель. — Из чего все-таки следует, что Скобелев предвидел неизбежность мировых войн? Пусть интеллигенция была прекраснодушной и не понимала

внешней угрозы. Но не преувеличивает ли автор прозорливости своего героя?

Давайте вместе оценим расчеты Скобелева. Он утверждал, что славянам, включая Россию, предстоит борьба с Германией и Австрией. Это уже пол-Европы. На стороне России он в перспективе числил Францию, которая в одиночку не могла бороться с Германией, и выступал за англо-русский союз. Это уже вся Европа. Значит, общеевропейская война. Могу привести прямое указание Немировича-Данченко: в последний год жизни Скобелев «говорил о приближающейся опасности большой европейской войны». А если читатель припомнит, Скобелев допускал возможность вмешательства в войну и США (правда, в другой связи). Значит, мировая война.

Из ближайшего окружения Скобелева представляет интерес позиция И.С.Аксакова и Н.П.Игнатьева. О речи в Париже Аксаков поместил в «Руси» сначала лишь текущую информацию без собственного редакторского комментария. Эта сдержанность явно была обусловлена предостерегающим письмом Победоносцева, уже начавшего кампанию преследования печати. Вняв совету, Аксаков, тем не менее, довольно смело выразил свое мнение в ответном письме: «Я вовсе не одобряю парижской речи и... воздержался от всякой оценки. Но я в то же время не понимаю и не разделяю того испуга, который овладел Петербургом, отчасти и тобою. Даже показывать вид, что мы боимся шумихи, поднятой иностранными газетами, — плохая политика... я имею возможность ежедневно наслаждаться чтением таких оскорбительных для России и воинственных статей, перед которыми мои статьи и речи Скобелева — ласковый детский лепет. Я убежден, что пугливость — самый коварный советник...» Относительно реакции в Германии Аксаков писал О.А.Нови-

ковой: «Не думаю, чтоб немцы желали войны и серьезно испугались речи Скобелева. Никогда речи к войне не вели». Здесь Аксаков прав только наполовину. Испуг у немцев все же был. Он вызывался не угрозой немедленной войны, а призывом Скобелева к франко-русскому союзу. Одна мысль о возможности такого союза, направленного против Германии, всегда бросала Бисмарка в холодный пот.

Иначе реагировал Н.П.Игнатъев, писавший тому же Победоносцеву: «Скобелев меня глубоко огорчил, сказав непозволительную речь в Париже каким-то сербским студентам. Он ставит правительство в затруднение своим бестактным поведением». Поверить в искренность этого письма, зная славянофильство и германофобство Игнатъева, просто невозможно. Вполне понятно, что если Аксаков, как независимое частное лицо, издававшее собственную газету, вынужден был считаться с ограничениями для печати, а в остальном не считал нужным слишком горячо заявлять о своей лояльности, то Игнатъев, находившийся на государственной службе, поневоле должен был вести себя осторожно с всесильным и подозрительным советником царя.

Среди высших военных, способных разбираться во внешней политике и не принадлежавших к германофилам, преобладало сочувствие Скобелеву, сочетавшееся с осуждением его «бестактности». Характерно мнение такой незаурядной личности, как уже находившийся в отставке Д.А.Милютин. «Газеты всей Европы наполнены толками по поводу неудачных и странных речей Скобелева — петербургской и парижской, — писал он в дневнике 19 февраля. — Не могу себе объяснить, что побудило нашего героя к такой выходке. Трудно допустить, чтобы тут была простая невоздержанность на язык, необдуманная,

безрассудная болтовня; с другой стороны, неужели он намеренно поднял такой переполох во всей Европе только ради ребяческого желания занять собой внимание на несколько дней. Конечно, подобная эксцентрическая выходка не может встревожить ни берлинское, ни венское правительства, при существующих отношениях между тремя империями; тем не менее, самое возбуждение общественного мнения такими речами, какие произнесены Скобелевым, выказывает больное место в настоящем политическом положении Европы и те черные точки, которых надо опасаться в будущем». Как видно, не одобряя способ действий Скобелева, умный и дальновидный Милютин, понимавший германскую опасность, правильно определил, что его речи выказывают «черные точки, которых надо опасаться в будущем». Умерший в 1912 г. (девятиюста шести лет от роду), Милютин пережил заключение франко-русского союза и всего два года не дожидаясь момента, когда из черных точек возник мировой пожар.

После произнесения своей речи Скобелев недолго пробыл в Париже. В те дни он имел еще одну продолжительную беседу с Гамбеттой в присутствии генерала Галифе. О содержании этих бесед со слов Скобелева сообщал Аксаков. «Согласия», как подозревала Европа, тут быть не могло, был простой обмен мнениями, писал Аксаков. Скобелев резко критиковал традиционную политику Франции, поддерживавшей Турцию против России и славян, и ее проводника Тьера, убеждал, что Франции следует признать наряду с миром латинским и германским мир славянский и его права, а Россию — как его представительницу и покровительницу. Гамбетта с этим согласился, может быть, лишь в силу текущих интересов.

По возвращении Скобелев хотел пространно изложить редактору «Руси» свои впечатления, но не закончил их и передал только шесть страниц черновой рукописи. Прочитируем несколько отрывков из материала, напечатанного Аксаковым.

«Сознаюсь, я переехал французскую границу, глубоко раздраженный и огорченный особенно той бесцеремонностью, с которою немцы преподавали австрийцам: не щадить (в Боснии и Герцеговине. — *В.М.*) православной крови (следует цитата из немецкой газеты. — *В.М.*)... Во Франции, напротив, я встретил много *ИНСТИНКТИВНОГО*, хотя еще и не выяснившегося сочувствия... в таком настроении сердца и головы я сближался с известною частью печати, желающей нам сочувствовать, более страстно, чем осторожно... Этим воспользовались — с целью *доброю*, и, как мне теперь ни трудно, *мне не жаль случившегося*... С. Farcy напечатал то, что ему показалось интересным для пробуждения французского общества, со слов студентов, меня не спросясь. Я мог бы формально отказаться, но переубедили меня и Гамбетта, и m-me Adam. Первый особенно настаивал на ее полезном впечатлении в молодежи, армии и флоте. Так как в конце концов все сказанное в газете «France» сущая правда, и по-моему могло повести *не к войне, а к миру*, доказав, что Русский Царь — сила, то я решился не обращать внимания на последствия лично для меня, и молчанием дать развиваться полезному, т. е. как у нас, так и во Франции, законному и естественному недоверию к соседу».

Когда скандал, вызванный речью Скобелева, дошел до Петербурга, правительство прервало его отпуск, предложив немедленно вернуться домой. Этому решению предшествовала информация со стороны посла во Франции князя Н.А. Орлова и других сотрудников русско-

го дипломатического представительства. Сравнивая белого генерала с Гарибальди, Орлов в письме управляющему министерства иностранных дел Н.К.Гирсу от того же 6 февраля приложил вырезку с речью Скобелева и комментариями К.Фаргта из «France», сопроводив ее выводом: «В них (словах Скобелева. — *В.М.*) от государя требуется незамедлительное объявление войны, иначе он, якобы, будет вынужден к тому волей своих подчиненных... Офицерам всех степеней *повсеместно* запрещается законом произносить политические речи (во Франции. — *В.М.*)... Но в высших берлинских кругах определенно хотят придти с нами к мирному и сердечному соглашению».

О том, каково было настроение в Германии после речи Скобелева, дает представление рассказ Марвина, находившегося проездом в Берлине в конце февраля: «По всему пути в разговорах только и слышалось, что имя Скобелева. В Берлине имя его повторялось в речах и беседах всех классов общества. Я остановился перед окном магазина, в котором висела карта России. К окну подбежала толпа школьников.

— Вот дорога, по которой мы доберемся до Петербурга и проучим Скобелева, — говорил один.

— А если они придут в Берлин?

— О, это невозможно!

Мальчишек сменила группа пожилых людей, которые в кратких восклицаниях выражали свою ненависть к славянам и к Скобелеву. На гауптвахте, находящейся на аристократической оконечности улицы Унтер ден Линден, солдаты вели воинственный разговор о России».

Скобелев и сам был осведомлен об этих настроениях. «Очень уж эти шнельклопсы разозлились на меня, —

рассказывал он в одном из частных писем. — То какой-нибудь унтер-офицер вызывает меня на дуэль, то сентиментальная берлинская вдова посылает мне проповедь о сладостях дружбы и мира, то изобретатель особенного намордника для собак назовет его «Скобелевым» и обязательно сообщает об этом, то юмористические журналы их изображают меня в том или ином гнусном виде...»

Понятно, что при такой обстановке Скобелеву не следовало показываться в Германии. Орлов рекомендовал ему ехать через Голландию и Швецию, но 12 февраля Скобелев выехал более коротким путем через Вену и Варшаву. Благополучно миновав враждебную Австро-Венгрию, он прибыл в столицу Царства Польского. Здесь он снова выступал с речью.

Варшавская речь Скобелева не сохранилась, но и о ней было немало толков среди современников. Известно лишь, что в ней Скобелев проводил ту же идею: необходимость единства славян в борьбе против общего врага. О содержании речи можно приблизительно судить по следующему письму Скобелева: «В Варшаве как офицеры, так и солдаты меня встретили восторженно. Был в офицерском собрании Австрийского полка^[12]. Опять заставили говорить... В течение нескольких часов пребывания в Варшаве я был поставлен в соприкосновение с представителями тамошней печати. Люди всех оттенков в Привислянском крае, по-видимому, крайне опасаются германского нашествия. Даже тяготение к Австро-Венгрии как будто слабее, ибо «все-таки нам будет еще хуже, чем теперь, так что лучше из трех зол выбирать

¹² До 1914 г. его шефом был император Австрийский. С 1914 г. — Кексгольмский полк.

меньшее...»» Еще одно авторское свидетельство варшавских впечатлений Скобелева — его письмо г-же Адан, с которой он, срочно вызванный в Россию, уехал, не попрощавшись: «Я люблю поляков. Это — народ, сохранивший героические традиции... Волей-неволей поляки будут с нами во время войны с немцами. Они не смогут бороться с антигерманским инстинктом своей расы».

Между тем в Петербурге белого генерала ждала гроза. Зная о гневе царя, симпатизировавший Скобелеву великий князь Константин Николаевич не посмел за него вступиться. Государственный секретарь Е.А.Перетц 20 февраля записал в дневнике: «Великий князь желал переговорить с государем о Скобелеве, но не решился, выжидая, не заговорит ли о нем сам государь. Несмотря на то, что они гуляли по парку около полутора часа, вопрос о Скобелеве так и не был затронут». О настроениях при дворе говорят дневники и воспоминания других сановников. П.А.Валуев, например, формулировал свое мнение в следующих неприязненных выражениях: «После речи здесь Скобелев сервировал новую поджигательную речь в Париже, выбрав слушателями сербских студентов».

Предупреждаю вопрос почитателей М.Ю.Лермонтова: да, это Петр Валуев, один из членов «кружка шестнадцати». Судьба почти всех шестнадцати была несчастливой, а то и трагичной. Валуев — единственный, кто достиг высоких государственных постов, графского достоинства и долголетия.

На речь и вызванную ее бурю должно было как-то реагировать и правительство. Инициативу подготовки официального заявления взял на себя Н.П.Игнатъев, представивший императору «всеподданнейший доклад» следующего содержания: «Ввиду шума, который надела-

ли в Германии и на биржах слова, сказанные генерал-адъютантом Скобелевым в Париже посетившим его студентам, мне казалось бы необходимым для предупреждения недоразумений напечатать в «Правительственном вестнике» сообщение, проект которого всеподданнейшим долгом считаю представить В.И.В. и доложить, что я сообщал предположение мое министру финансов и управляющему министерства иностранных дел, которые вполне одобрили как мысль, так и редакцию проекта». В левом верхнем углу этого документа, хранящегося в ЦГИА, рукой, очевидно, императора, начертано: «Хорошо». После высочайшего одобрения, 9 февраля 1882 г. в «Правительственном вестнике» появилось отредактированное Н. П.Игнатьевым и утвержденное Александром III заявление, дезавуирующее парижскую речь Скобелева: «По поводу слов, сказанных генерал-адъютантом Скобелевым в Париже посетившим его студентам, распространяются тревожные слухи, лишённые всякого основания. Подобные частные заявления от лица, не уполномоченного правительством, не могут, конечно, ни влиять на общий ход нашей политики, ни изменить наших добрых отношений с соседними державами, основанных столько же на дружественных узах венценосцев, сколько и на ясном понимании народных интересов, а также и на взаимном, строгом выполнении существующих трактатов».

Это и есть обещанное открытие? — может спросить нетерпеливый читатель.

Доклад Игнатьева — мое нововведение, оно предвещает открытие. Сейчас я к нему перейду.

Прибыв в Петербург, Михаил Дмитриевич явился сначала к военному министру П.С.Ванновскому, преемнику Д.А.Милютина. «Ванновский решился сделать выговор

Скобелеву, — писал Г.А. де Воллан в дневнике. — Но Скобелев, как высокопревосходительный (Ванновский только превосходительный), принял это очень фамильярно и сказал, что он сожалеет». Теперь предстояла встреча с рассерженным царем. Об обстоятельствах аудиенции рассказывает А.Витмер со слов дежурного свитского генерала. Император, «когда доложили о приезде Скобелева, очень сердито приказал позвать приехавшего в кабинет. Скобелев вошел туда крайне сконфуженным и — по прошествии двух часов — вышел веселым и довольным». Витмер добавляет (передавая быстро распространившееся общее мнение): «Нетрудно сообразить, что если суровый император, не любивший шутить, принял Скобелева недружелюбно, то не мог же он распекать целых два часа! Очевидно, талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику в отношении Германии и других соседей». Тот же, но более определенный смысл имеет рассказ В.И.Немировича-Данченко о его беседе со Скобелевым, опасавшимся реакции со стороны царя, и о последствиях уже состоявшейся аудиенции: «Опасения Скобелева не оправдались. В высшей степени интересен рассказ его о приеме в Петербурге. К сожалению, его нельзя еще передать в печати (уже в который раз! — *В.М.*). Можно сказать только одно — что он выехал отсюда, полный надежд и ожидания на лучшее для России будущее».

Возникает законный вопрос: как отнесся император к парижской речи Скобелева? Е.В.Тарле замечает, что об этом «сказать трудно». Может быть, Александр III действительно согласился с мыслями этой речи и вообще со взглядами Скобелева по внешней, а то и внутренней политике, по крайней мере, с их национальным аспектом? Я беру на себя смелость ответить на этот вопрос утверди-

тельно. Высказывая эту гипотезу, примем во внимание, что она влечет за собой вопрос более широкого плана: до сего времени в исторической литературе еще не была сделана попытка выяснить вопрос о воздействии Скобелева на реальное формирование русской внешней политики и, если оно имело место, определить степень этого воздействия.

Кнорринг констатирует, что для смятения гнева царя были нажаты многие пружины: заступничество Игнатьева, передовые статьи Каткова, в которых подчеркивались миролюбивые коррективы, внесенные Скобелевым в его английском интервью, добавим к этому и влияние в. кн. Константина Николаевича, который, можно предположить, все же нашел подходящее время переговорить с государем. К 7 марта, дню аудиенции, острый период миновал, и прием прошел благополучно. По содержанию беседы Кнорринг ограничивается предположением, что, может быть, царь действительно согласился со Скобелевым, и приводит примеры его доброжелательности по отношению к генералу, относящиеся к ближайшему после аудиенции периоду. «Вероятно, — добавляет биограф, — где-нибудь есть собственноручная запись Скобелева об этой аудиенции». Это, собственно, и все, что содержит по интересующему нас вопросу единственная фундаментальная монография о Скобелеве.

Для того чтобы решить поставленную проблему, необходимо рассмотреть следующие вопросы:

- 1) выяснить внешнеполитические взгляды, национальные симпатии и антипатии Александра III;

- 2) сделать попытку реконструкции беседы, состоявшейся во время аудиенции;

3) проследить фактическую внешнюю политику императора после памятной аудиенции.

Рассмотрим первый из этих пунктов. Новый император вступил на престол с репутацией германофоба. По-видимому, это чувство, резко отличавшее его от его венценосных предшественников, было в нем искренним. Не исключено, что у него еще в бытность наследником появились мысли об изменении внешнеполитического курса, но, придя к власти, он первое время приглядывался к обстановке и еще не предпринимал в этой сфере решительных шагов... Именно на это время приходится деятельность Скобелева, который прожил при новом монархе немногим более года.

Чтобы представить личность и убеждения Александра III и понять, чего ожидало общество от нового царствования, приведем выдержки из статьи И.С.Тургенева, который познакомился с Александром III, когда тот был наследником.

Статья опубликована во Франции в «La revue politique et litteraire» 26 марта 1881 г. Осведомленность Тургенева во внутренней и внешней политике, в знании придворных и личных отношений, даже быта и интересов Александра III объясняется его знакомством с некоторыми лицами из ближайшего окружения царя, прежде всего с послом во Франции князем Н.А.Орловым.

«Александр III обладает многими из тех существенных качеств, которые создают если не великих, то, по крайней мере, хороших и настоящих государей, — писал И.С.Тургенев. — ...Он в расцвете сил, здоров телом и духом, у него величественные манеры, царственный вид. Характер у него спокойный, рассудительный, энергичный и уравновешенный. Отличительная черта его... это чест-

ность, честность щепетильная, абсолютная, без компромиссов и без примесей... чрезвычайная прямота не лишена оттенка упрямства». Отметив такие качества нового царя как «широкий и светлый ум», скромность, целомудрие и отвращение к распущенности, искренность, Тургенев далее говорит о национальных симпатиях и антипатиях: «...он русский и только русский... в его жилах течет едва несколько капель русской крови и, однако, он до того слился с этим народом, что все в нем — язык, привычки, манеры, даже самая физиономия отмечены отличительными чертами расы... Утверждают, что он ненавидит немцев. Но при этом смешивают немцев из Германии с русскими немцами: этих последних он действительно не любит. Уверяют, что Францию он любит больше всех других наций. В этом французский шовинизм, может быть, преувеличивает». Тургенев разъясняет, что царь действительно симпатизировал французским республиканцам, что было главным образом обусловлено отвращением к Наполеону III, но после Коммуны «на него нашел яростный гнев против всех делателей кровавых революций... Только с тех пор, как республика начала проявлять благоразумие, в нем произошел, как кажется, новый возврат симпатии к Франции». И, наконец, прогноз о политике: «Те, кто ожидает от нового царя парламентской конституции, скоро утратят свои иллюзии... Его весьма близкие отношения с ультра-национальной партией, напротив, указывают как будто на известное недоверие к конституционалистам. Что касается внешних отношений, то можно утверждать, что царь будет придерживаться политики совершенно мирной...» С Германией будут сохранены добрые связи, к Франции выразится большая, чем прежде, симпатия, к Австрии сохранится недоверие, с Англией следует ожидать сближения.

При оценке статьи следует учитывать, что Тургенев сознательно польстил царю в расчете повлиять на него в то время, когда он еще выбирал политический курс и форму правления. Но в том, что касалось внешней политики, прогноз писателя оправдался, хотя и не полностью. Тургенев, в частности, оказался неправ в оценке отношения Александра III к немцам. Его неприязнь к немцам распространялась не только на русских немцев, но и на Германию и ее руководителей. Это и есть тот фактор, который важен для понимания отношения царя к внешне-политическим идеям Скобелева и его речам.

Известно, например, что, будучи наследником, он во время франко-прусской войны в отличие от отца сочувствовал не немцам, а французам. Император относился к Германии настороженно, подозрительно, а Вильгельма II просто не переваривал. Об отношении его к германскому собрату рассказывает знаменитый физик Н.П.Лебедев со слов генерала П.А.Черевина, начальника охраны, личного друга царя. «Вот кого Александр III терпеть не мог, это Черевин изъяснял откровенно и без малейшей застенчивости. По его словам, величайшей личной антипатией царя был Вильгельм II. И не то, чтобы Александр III его ненавидел, а просто — именно — терпеть его не мог: претило ему от Вильгельма, органически этот последний был противен царю. Настолько, например, что когда Александру III подали к утверждению какой-то церемониал, скопированный с германского двора, царь возвратил его перечеркнутым с надписанием: я не мальчишка и не обезьяна!» Не больше симпатий Александр III испытывал к Бисмарку, которого он на полях дипломатического документа наградил эпитетом «оберскот».

Опасавшийся продолжения в русской политике прежнего германофильского курса, Скобелев в начале

нового царствования делал попытки зондажа настроений Александра III. Возможно, с этой целью он завел следующий разговор с А.Ф.Тютчевой, о близости которой ко двору и ее осведомленности во всем, что касалось жизни и настроений царской семьи, он, конечно, хорошо знал. 9 января 1882 г. Тютчева записала в дневнике о первой встрече и знакомстве со Скобелевым, которого она узнала по виденному ею раньше портрету: «Когда в прошлом году при вступлении на престол государя мы присягали в верности самодержавию, мы делали это в надежде и с твердым убеждением, что новое царствование откроет эру национальной политики и что правительство не будет больше продавать Германии интересов России. И что же, — с жаром говорил он, — мы опять на том же скользком пути; и накануне того, чтобы принести в жертву Пруссии и Австрии Россию и ее интересы в славянских землях. Я ему отвечала, что не думаю этого, что, зная государя с детства, я уверена, что он чрезвычайно тверд в своих взглядах и убеждениях», то есть патриотических и антигерманских.

Таким образом, по первому из поставленных пунктов можно сделать вполне определенный вывод: речи Скобелева, прежде всего их антигерманский смысл, пали на благодатную почву. Они нашли отклик в сознании антигермански настроенного императора. Конечно, это вовсе не означает, что он под влиянием речей Скобелева готов был к немедленной перестройке внешней политики и что он мог одобрительно относиться к партизанскому и, в сущности, незаконному вмешательству в эту область слишком инициативного и горячего генерала. Почему Скобелеву такое сошло с рук, — об этом ниже.

Гораздо более трудным является решение второй из поставленных задач: реконструкция царской аудиенции. Как протекала беседа государя с генералом?

Опять реконструкция? — может выразить недоверие строгий читатель.

Она необходима, ее требует логика повествования. Возражения против реконструкции могут быть признаны законными только при условии, если она спекулятивна, лишена документальной основы, построена на домыслах. А у меня есть прочная опора: раскопанный в фонде Бильбасова ОР ГПБ документ. Да-да, это и есть открытие. Но оно не только в самом факте находки, но и в доказательстве подлинной атрибуции документа и его значения в защите моей гипотезы.

Я уже говорил о домыслах Бильбасова в связи с целями парижской поездки Скобелева. Вместе с листами этой дневниковой записи в архиве Бильбасова имеется отдельный лист, озаглавленный «Слова Г.И. г.-а. Скобелеву», датированный 23 февраля 1882 г. и содержащий выговор Скобелеву за вредные для России последствия его парижской речи. Подписи под документом и указания на источник его поступления нет.

Что следует понимать под сокращением «г.-а.», ясно: «генерал-адъютанту», каковое звание носил Скобелев. Так это и расшифровано научными работниками Отдела рукописей. Но кто этот «Г.И.», обратившийся к Скобелеву со «словами», следующими после указанного заголовка? На обложке папки сказано: «господина Игнатьева». Весь заголовок, таким образом, читается: «Слова господина Игнатьева генерал-адъютанту Скобелеву». Нет сомнения, что поводом к этой атрибуции было убеждение Бильбасова в особых расчетах Игнатьева и в том, что го-

сударь поручил ему сделать Скобелеву выговор. Между тем, под «Г.И.» следует, на наш взгляд, понимать «Государь Император» и читать заголовок следующим образом: «Слова Государя Императора генерал-адъютанту Скобелеву».

Основания для этого вывода, сначала формальные, следующие: Бильбасов (а запись сделана его рукой) не мог именовать Н.П.Игнатьева большими буквами «Г.И.», после чего именуя Скобелева малыми «г.-а.» Везде в тексте он пишет об Игнатьеве, в соответствии с его титулом, «гр. Игнатьев» или просто «Игнатьев». Во-вторых, выражения и тон лица, обратившегося к Скобелеву («Я вами недоволен» и т. д.), никак не могли иметь места в разговоре Игнатьева со Скобелевым, которые стояли примерно на одной ступени иерархической лестницы, между которыми не было прямой субординации и которые находились между собой в близких отношениях. Если бы это была запись беседы, содержащей порицание по повелению государя, то Н.П.Игнатьев должен был начать ее примерно так: «Государь император поручил мне выразить вам свое неудовольствие». Наконец, само содержание выговора, где говорится об общеевропейских последствиях высказываний Скобелева, могло быть реакцией только на парижскую, а не на относительно скромную петербургскую речь, затронувшую одну Австрию. Ведь в дневнике Бильбасов писал о внушении, сделанном Игнатьевым Скобелеву за его петербургскую речь и лишь о намерении произнести в Париже новую речь, чтобы поправить первую. Да и дата на документе, 23 февраля 1882 г. старого стиля, — это дата царской аудиенции Скобелеву, состоявшейся, как известно, 7 марта по новому стилю.

Согласен читатель с этими рассуждениями? Надеюсь. Тогда будем считать установленным: слова, обра-

щенные к Скобелеву, были произнесены императором Александром III. Читатель может спросить: как эта запись попала к Бильбасову?

Ответить на этот вопрос конкретно и точно я не могу. Единственное правдоподобное объяснение может быть таким: после беседы Скобелев, как он всегда делал в важных случаях, записал ее содержание, и эта запись или ее фрагмент (если Скобелев ограничился словами царя, с которых началась беседа, а свои доводы записывать не стал) каким-то образом попала к Бильбасову. Это подтверждает предположение Н.Н.Кнорринга, что где-то должна храниться скобелевская запись аудиенции, хотя в данном случае мы имеем дело не с собственноручным, а с переписанным ее вариантом. Ведь поскольку беседа протекала с глазу на глаз, никто, кроме Скобелева, сделать эту запись не мог. Приведу теперь этот документ полностью.

Слова Г.И. г.-а. Скобелеву. 23.11.1882 г.

Я вами недоволен Конечно, вы хотели возвеличить Россию — полюбуйте же на достигнутые вами результаты. До вашей речи Россия имела вес в Европе — теперь все от нее отшатнулись. Австро-Венгрия раздражена; Германия смеется над нами; Франция не хочет иметь с нами дела, опасаясь быть втянутой в войну, когда она к ней не готова. У Гладстона связаны руки, и русофобы ликуют — их предсказания о войнолюбии России и о стремлении ее к захватам как бы оправдываются. Даже жалкая Турция подняла голову и отказывает в подписи условленной уже конвенции об уплате военного долга, надеясь на скорую войну России с Германиею и Австрией). Вы, конечно, хотели помочь славянам и, раздражив Германию, уничтожили единственно возможный нейтра-

литет: как держава, совершенно нейтральная, если не в Восточном, то в славянском вопросе, Германия была готова предложить свои посреднические услуги, а теперь решительно отказывается помочь славянам Балканского Полуострова. По вашей милости Россия осмеяна, ошкани и совершенно изолирована а Европе.

Это — начало аудиенции, те слова Александра III, которыми он встретил Скобелева. Но для того, чтобы их произнести, нужно было затратить минут десять, а аудиенция, как мы знаем, длилась два часа. Значит, в течение этого долгого времени Скобелев убеждал императора, защищал свою позицию и, вполне вероятно, высказал ему сущность своих внешнеполитических идей. Что говорил Скобелев конкретно? Поскольку документальной записи продолжения беседы у нас нет, приходится строить предположения.

Теперь я обращаюсь к пытливому читателю. На чем следует базироваться для воспроизведения максимально вероятной аргументации Скобелева? Полагаю, что эти предположения должны быть основаны на знании того, что мог и, с учетом характера и мышления Скобелева, того, что он должен был сказать. Наиболее вероятными его аргументами были те, которыми он оперировал в письмах и беседах, посвященных своим речам и вообще внешней политике. В них он выражал свое кредо и, возражая императору, он если не в дословных выражениях, то по содержанию должен был оперировать теми же доводами. В такой ответственной беседе он не мог импровизировать. Он должен был пускать в ход те аргументы, которые долго и многократно продумывал.

Если этот метод верен, — а другого, по-моему нет, — то Скобелев не мог не сказать царю о своих впечатле-

ниях от пребывания на германских маневрах в 1879 г., убедивших его в реальности и серьезности немецкой угрозы. Он должен был пересказать прощальные слова Вильгельма I, с виду простодушное высказывание принца Фридриха-Карла. Эти выходки, о которых Скобелев никогда не мог вспоминать без гнева, он должен был дополнить напоминанием о территориальных претензиях к России, открыто провозглашавшихся на страницах австро-германской печати, и указанием на то, что в назревающем конфликте агрессивную позицию занимает не Россия, а центральные державы. В подтверждение своих слов он мог высказать и известную нам мысль: «Несчастье наше заключалось в том, что правительство не допускало мысли о возможности войны с немцами, почему мы и не обращали внимания на западную границу, тогда как Германия настроила целый ряд крепостей на нашей границе». Убеждая царя в агрессивности Германии и Австро-Венгрии по отношению к России и в трудности одновременной борьбы с обоими врагами, Скобелев, конечно, указывал на Францию как на единственно возможного союзника и доказывал необходимость достижения с ней договора о военной взаимопомощи. Наконец, миролюбивому императору должно было прийти по душе мнение Скобелева о результатах его парижской речи, высказанное им И.С.Аксакову: речь послужила делу мира, а не войны.

Такой была примерно аргументация Скобелева во время этой долгой аудиенции. Она и не могла быть другой, так как приведенные мысли, даже изложенные здесь не полностью, — это неизменные скобелевские мысли. По-видимому, ему удалось убедить государя, чем и объясняется благоприятный для него исход аудиенции. Главной предпосылкой этого результата была, конечно,

определенная предрасположенность Александра III к внешнеполитическому направлению Скобелева. На это есть целый ряд указаний. Е.А.Перетц в дневниковой записи беседы с П.С.Ванновским о Скобелеве передает следующие слова военного министра: «Государь любит Скобелева и сочувствует истинно национальному его направлению». Правда, насчет «любит», зная недоверие царя к генералу во внутренних делах, можно сомневаться, но второе вполне вероятно. Тот же факт констатировал и дипломат Ю.Карцов: «...стремления Скобелева находили отклик в русском сердце императора Александра III; в этом и заключалась опасность, которую представлял Скобелев в глазах европейской дипломатии и петербургских сфер. Недаром Н.К.Гире жаловался, что ему с трудом удается воздерживать *les impatiences du souverain*». Как это всегда бывает после беседы, происходящей наедине, слухи о ней вскоре распространяются, то ли со слов одного или обоих собеседников, то ли в результате догадок или даже подслушивания. Передавая слухи, циркулировавшие в придворных сферах, де Воллан несколько приподнимает завесу над содержанием двухчасовой аудиенции: «Во время аудиенции у государя Скобелев сказал: «Несу повинную голову, русское сердце заговорило». Государь будто со слезами на глазах принял эти слова и наилучшим образом принял Скобелева». Это вполне возможно. Отправляясь на аудиенцию, Скобелев, без сомнения, продумал свою тактику и прежде всего то, чем следовало воздействовать на националистически настроенного государя.

Изложенные соображения подтверждаются письмами М.Н.Каткову Б.М.Маркевича (все они — из ОР РГБ), имевшего доступ к каким-то не называемым им источникам информации. 22 февраля этот петербуржец писал

Каткову в Москву: «В город приехал Скобелев... В Гатчине, говорили, ждет его сильная головомойка. Но мне известно из другого, хорошо информированного источника, что никаких мер против него предпринято не будет». В следующем письме, от 2 марта, Маркевич со слов Скобелева, сказанных его приятелю, описывает уже сам прием: «В Английском клубе третьего дня обедал приятель мой... со Скобелевым, сообщившим о приеме его государем в Гатчине... Г, прежде всего подал ему руку, когда тот вошел, и заговорил о его «вине»... разговор перешел от «вины» Скобелева на другие, более общие предметы... Свидание, по-видимому, оставило в Скобелеве отрадное впечатление. С другой стороны, рассказывают, будто выходя из кабинета государя, он сказал стоявшим в ближнем покое: «Ну уж и задали мне трепку!» Но, имея в виду высоко развитое в государе чувство национальности, можно весьма основательно предполагать, что он в душе никак не мог негодовать на сказанные Скобелевым слова, на которые сочувственно отнеслись все по-русски чувствующие и думающие в России, — и что прием поэтому, сделанный ему в Гатчине, имел именно тот характер, в каком он его передает. Я и раньше слышал, что Г. неохотно согласился на вытребование его из-за границы».

Как видно, сведения Б.М.Маркевича вполне соответствуют сделанным выводам. Другим подтверждением нашей гипотезы служат не оправдавшиеся опасения Скобелева по поводу отставки. Опасения были вполне обоснованными. По пути в Петербург Скобелев писал И.С.Аксакову из Варшавы: «Спокойно взглядываясь в положение дел, я предвижу отставку. Пруссаки давно этого добиваются, как я знаю, с того дня, когда перед Геоктепинским походом я отказался наотрез допустить к войскам племянника гр. Мольтке, причем прямо высказал мнение,

что позорно на русской крови и деньгах учить будущего неприятельского офицера. Моя патриотическая совесть мне и теперь подсказывает, что я был прав, но в Берлине к этому *не привыкли*, да и не любят». Несколько позже, уже из Вильно, Скобелев добавлял: «...меня известили, что меня ожидает неудовольствие государя и отставка». Тем не менее Скобелев остался на службе и сохранил свою должность командующего войсками 4-го корпуса.

И уж без всяких колебаний следует исключить предварительное одобрение царем речи Скобелева, хотя такое впечатление и могло сложиться в Европе. «Что Скобелев, генерал на действительной службе, знаменитейший из русских военных деятелей того времени, говорит никем не уполномоченный, исключительно от собственного имени, — этому никто не поверил ни во Франции, ни в Германии. «Если Скобелев говорит только от себя, без разрешения, то этот инцидент очень интересен с симптоматической точки зрения, для характеристики состояния дисциплины в русской армии», — так высказался князь Бисмарк, весьма раздраженный и взволнованный этим происшествием... — писал академик Е.В.Тарле. — Бисмарк, говоря свои слова о дисциплине в русской армии, имел прямой и очевидной целью поставить Александра III перед альтернативой: либо сурово наказать своевольного генерала, узурпирующего императорскую прерогативу и вмешивающегося в высшую международную политику, либо, оставляя его без наказания, тем самым признать, что Скобелев правильно изложил мнение самого императора. Но, может быть, именно резкостью своего заявления Бисмарк на этот раз несколько испортил дело». Подобным же образом высказался и сам император Вильгельм: «*Mon neveu n'a plus d'armées!*» («Мой племянник не имеет больше армии!»). Неприкры-

тый нажим вызвал в Александре III обратную реакцию и невольно помог Скобелеву. Этим в некоторой степени также, возможно, объясняется благополучное для него окончание всей истории, связанной с его парижской речью, и появившееся у него чувство окрыленности, о котором писал Немирович-Данченко.

Надеюсь, что читатели согласились с моим построением и доказательствами. Этим мы закончили решение второй части поставленной задачи. Остается третья.

Нужна ли она? — может спросить читатель. Автор уже доказал факт активной борьбы Скобелева за внешне-политические интересы России, раскрыв по пути новые связанные с ней обстоятельства.

Все-таки нужна. Она должна показать, была ли эта борьба бесплодной или оказала реальное влияние на формирование внешней политики России, предвосхитила ее. Судить об этом можно только по фактической внешней политике Александра III.

Все уже сказанное позволяет предполагать, что Александр III всерьез задумался над предостережениями Скобелева. Он и сам не мог не видеть агрессивности Германии и антирусской направленности ее политики. Выше были показаны настроения русского общественного мнения в связи с франко-прусской войной. Можно было бы привести и примеры того, что русские газеты высказывали полностью оправдавшиеся прогнозы относительно того будущего, которое ждет Европу в случае победы Пруссии, указывая, что начнется царство милитаризма и непрерывных войн. Ряд мемуаристов отмечал впервые обнаружившийся, по их мнению, факт глубокого расхождения правительства с общественным мнением, возникшего

в связи с отношением к Германии и Франции во время и вслед за этой войной.

Действительно, позиции общественного мнения и дипломатии изменялись далеко не синхронно. Нельзя сказать, чтобы никто из русских дипломатов не понял сущность происшедшей в Европе перемены. Не говоря о А.М.Горчакове и некоторых других из его ближайшего окружения, поразительным предвидением блеснул посол в Париже Н.А.Орлов, сын известного дипломата николаевской эпохи. Умный и широко образованный, талантливый дипломат, он сейчас же по получении известия о седанской катастрофе французов понял и правильно оценил будущее русско-французских отношений. Об этом говорит документ, обнаруженный в АВПР С.В.Оболенской и введенный в научный оборот А.З.Манфредом. 4 сентября 1870 г. Орлов писал Горчакову: «Мне кажется, что 2 сентября (день Седана. — *В.М.*) был заложен первый камень будущего франко-русского союза». На полях документа против указанных слов Александр II написал: «Je ne le comprends pas» — «Я этого не понимаю». В царствование Александра II внешняя политика России не сделала попыток переориентации в соответствии с изменявшимися условиями. К этому еще во время войны призывал царя Орлов. Правильно считая, что влияние Петербурга на Берлин после войны начнет уменьшаться, он, однако, был уверен, что пока война продолжается, «одного лишь слова нашего императора было бы достаточно, чтобы спасти Париж от разрушения». И развивал эту мысль: «Я думаю, что каждая услуга, которую мы могли бы сегодня оказать Франции, никогда не будет забыта и дала бы нам в будущем поддержку со стороны Франции против той же Пруссии».

Не правда ли, умная голова был этот Орлов? Да и рекомендации его все же не прошли даром. Мысли его о том, как строить внешнюю политику после 1870 г., мы видим, в основном совпадали с мыслями Скобелева.

Наблюдательный читатель может спросить: почему же в таком случае Орлов не только не поддержал Скобелева, но был возмущен его демаршем и постарался поскорее выпроводить его из Парижа?

Тут дело сравнительно ясно. Орлов, как дипломат-профессионал, — и в этом он был по-своему прав — увидел в выступлении Скобелева попытку генерала присвоить себе право самостоятельного решения вопросов внешней политики, что делало ненужным дипломатическое ведомство и лично его, Орлова. Недаром он подчеркивал, что во Франции военнослужащим запрещены публичные политические речи. Кроме того, резкость антигерманского выступления Скобелева и особенно его заключительные слова «До свидания на поле битвы против общего врага» создали у Орлова впечатление, что генерал призывает к немедленной войне с Германией, даже вопреки воле императора («иначе он будет вынужден к этому волей своих подчиненных»). Как официальный представитель России за границей, Орлов, конечно, не мог присоединиться к Скобелеву, хотя бы он и разделял его антигерманские настроения и внешнеполитические идеи. Все это объясняет расхождение двух людей, которые, казалось бы, должны были понять друг друга. Кроме того, Скобелев обладал качеством, которого не было у Орлова: самоотверженностью. Ради блага России он не колеблясь поставил на карту свою карьеру, пошел на риск отставки. «Мне не жаль ни своей службы, ни себя лично; я не честолюбец, как меня выставляют немцы, в

грубом значении этого слова». Это — не только слова. Их справедливость доказывают действия Скобелева.

Но путь к франко-русскому союзу был труден и долг. Сразу после своего поражения Франция не могла стать союзницей России. Необходимо было накопить силы, чтобы выступать в качестве равноправного партнера. Давали себя знать и политические различия, вызывавшие взаимное непонимание. Примером может служить следующее письмо О.А.Новиковой И.С.Аксакову от 15 июня 1880 г.: «M-me Adam пишет мне отчаянные письма... Она душой предана франко-русскому союзу; но Рошфорская Франция, кому она может быть полезна?» С другой стороны, либеральным кругам Франции претила сама мысль о сближении с монархической Россией. Не закрывая глаза на эти трудности, Скобелев, тем не менее, доказывал: «Надо этого достичь», надо для этого работать. Его прозорливость проявилась и в том, что он смог правильно определить пути, которые вели к цели в еще не созревших условиях. Как на один из этих путей он указывал на «литературное сближение». Трудно переоценить плодотворность этой идеи. Культурный, прежде всего литературный обмен сыграл огромную роль в сближении двух стран. Неоценима в этом отношении заслуга Е.-М. Вогюэ. Дипломат и политический деятель, он, однако, больше всего способствовал сближению двух стран как литератор. Его книга «Русский роман», вышедшая в 1886 г., открыла для французов русскую литературу, которая с этого времени начала свое триумфальное шествие по Франции и по всему миру. Аналогичные процессы происходили в других сферах искусства, а также в науке. Культурное сближение облегчило сближение политическое, государственное. Факт этот общеизвестен, доказывать его незачем. Новым является лишь то, что пер-

вым автором идеи сближения на поприще культуры был Скобелев.

Однако окончательный шаг со стороны России к оформлению союза с Францией мог быть сделан лишь после выяснения полной невозможности сохранения дружественных отношений с Германией. Немцы сами толкнули Россию на этот шаг, в грубой форме отказавшись летом 1890 г. от возобновления договора о перестраховке. Теперь с Германией все было исчерпано. Это стало ясно даже германофилам. «Нет сомнения, перемена в политике Германии произошла, и нам надо быть готовым ко всяким случайностям», — написал Александр III на полях доклада Н.К.Гирса 11 июня 1890 г. Франко-русский союз стал фактом.

Бесцеремонное германское решение, как и характер последующих русско-германских отношений, при всей их исторической предопределенности, были в значительной степени обусловлены личными особенностями германского монарха. Признавая консерватизм и даже реакционность Александра III, нельзя отрицать (этого не пытались делать даже самые злые его критики) существования в нем очень важной положительной черты: глубокого понимания ответственности за судьбы страны и народа. Немецкий же собрат был лишен подлинного понимания своей ответственности. Это был фанфарон и позер, озабоченный больше всего блеском своих нелепых нарядов, воинственностью своих театральных и всегда глупых выступлений, своей задиристой и неуклюжей политикой вовлекший Германию в непосильную для нее борьбу против превосходящих сил почти всемирной коалиции. Не лишена интереса оценка человека, далекого от политики и от национальной неприязни к немцам, художника и художественного деятеля А.Н.Бенуа, в жилах которого текла,

вместе с французской и итальянской, кровь и немецких предков, который, став русским, считал себя одновременно человеком Запада. Наверное, многие прочли его воспоминания, вышедшие в серии «Литературные памятники». Но, думаю, большинство читателей интересовалось искусствоведческой стороной и не обратило должного внимания на то, что важно в нашем контексте. Характеризуя Александра III, этот не политик, но разносторонний интеллеktуал писал: «...он имел на вещи свое мнение, а его простой здравый смысл выработался на почве глубокой любви к родине. При этом он был честен, прост и в то же время достаточно бдителен, чтобы нигде и ни от кого Россия не терпела ущерба. Без кровопролитных войн, даже без особенных угроз, он, озабоченный тем, чтобы сохранить в добром состоянии «вверенную ему Богом» страну, являл в семье прочих государей и правителей некую твердыню — надежную для друзей, грозную для врагов. Не его вина, если Судьбе или Промыслу угодно было одновременно с ним вызвать к вершению дел мирового значения такую прямую противоположность ему, какой явился Вильгельм II. Не его вина и в том, что вековая дружба с соседом, с Германией, дружба, скрепленная столькими семейными союзами, дружба, на которой было построено все равновесие Европы, была нарушена отказом юного, нелепо тщеславного германского императора (вступившего на престол в 1888 г.) возобновить лучшее и сколь мудрое создание Бисмарка — договор о взаимной поддержке обоих государств... Нельзя винить Александра III и в том, что после этого чреватого последствиями разрыва (и как прямое следствие его) он согласился на демонстративное сближение с Францией». Если любознательный читатель желает знать об указанных чертах Александра III подробнее, он может обра-

титься к мемуарам его ближайшего сотрудника С.Ю.Витте.

Какова была «дружба» Бисмарка, мы уже выяснили. Но он считал необходимым во что бы то ни стало избежать конфликта с Россией и завещал этот принцип своим преемникам.

Читатель, который следит за ходом моего повествования, конечно, спросит: все-таки понял ли Вильгельм II свою ошибку?

Как говорят французы, только на лестнице. Вплоть до 1914 г. он предпринимал многократные отчаянные попытки оторвать Россию от Антанты. Но было поздно.

Приведу теперь объяснение мотивов и целей политики Александра III государственным человеком, министром финансов и председателем комитета министров Н. Х.Бунге. Он напоминает, что сначала Пруссия заискивала у России, извлекая из дружбы с ней одностороннюю выгоду, но после побед над соседями и объединения под своей властью Германии «перестала довольствоваться дружбой России и стала искать преобладания в союзах, которые сначала должны были сковывать Россию, а затем — лишить ее влияния на европейские дела». Указав на недружественные действия нового Вильгельма, Бунге далее объясняет: «Возобновление после Бисмарка Тройственного союза нашло ответ императора Александра III в сближении России с Францией, которое, ослабив преобладание Германии в Европе, дало удовлетворение русскому народному чувству». И, наконец, последнее, чего требовал Скобелев: «Александр III резко поставил начало: «Россия должна принадлежать русским», и этим сам пошел навстречу современным стремлениям русского общества». Это — почти дословное повторение скобелев-

ского лозунга «Россия — для русских», под которым его автор подразумевал ликвидацию немецкого влияния в политической, административной и хозяйственной жизни. Хотя полностью эта цель при царствовании Романовых не могла быть достигнута, немецкие интриги ограничивались уже новой внешнеполитической ориентацией и экономической политикой по отношению к Германии. Так Александр III, отличавшийся консерватизмом, но искренне любивший свою страну и глубоко озабоченный ее безопасностью, сумел найти и осуществить внешнеполитический курс, отвечавший национальным интересам России.

Подытоживая, можем теперь объективно оценить ту роль, которую сыграл Скобелев в этом историческом событии. Призыв к франко-русскому союзу, направленный на обуздание германской агрессивности, имел силу первой идеи, брошенной в еще не подготовленную, но благодатную почву. Он заставил одних поверить в реальность подобной перспективы, других — задуматься над ней. И во время подготовки союза имя Скобелева и его аргументы довлели над участниками переговоров. «Характерно, — подчеркивал Е.В.Тарле, — что и во Франции, и в Германии этот инцидент постоянно вспоминали в 1890 г., когда готовилось заключение франко-русского соглашения, и в 1891 г., когда оно было подписано». Позже к союзу двух держав, как это предвидел и к чему также призывал Скобелев, присоединилась Англия. Прозорливость этого человека была поразительна. Невольно хочется повторить за купринским рассказчиком из «Однорукого коменданта»: «Я считаю так, что он был великий человек и гораздо умнее всех своих современников... Какого полета мысли был человек! Какой прозорливости!» Действительно, Скобелев умел анализировать и смотрел далеко вперед. Я предупреждал, что политиче-

ская прозорливость Скобелева была не меньшей, чем стратегическая. Разве я обманул читателя? Пусть кто-нибудь попробует меня опровергнуть.

Здесь в нашу полемику вмешивается другой, просто вдумчивый читатель, читатель-аналитик, и высказывает следующую философскую мысль:

— Все-таки сколь непонятна, даже непостижима, пока не объяснена наукой сама природа прозорливости, причем именно в политической области. О гениальности, о гении написано много, высказываются разнообразные догадки об истоках и природе дарований Моцарта, Шекспира, Ньютона, Пушкина. Лет пятьдесят существует уже эвристика, но и она не дала четких и вразумительных объяснений. Говорят об озарениях, о том, например, как Менделеев увидел таблицу своей периодической системы во сне и, проснувшись, запечатлел ее на бумаге. Но дальше указания на сам этот факт дело не идет. А какова природа гения-политика? Этот вопрос даже не ставился. Однако как это приятно, если не быть, то хотя бы слыть мудрым и прозорливым. Ах, как это ласкает самолюбие, особенно если можно не только убеждать в этом самого себя, но и вдалбливать в чужие головы! И как дорого народу приходится расплачиваться, когда выясняется, что такой самозванный гений не смог найти верный политический курс даже на несколько ближайших лет, на текущий момент. А Скобелев безошибочно наметил его на многие десятилетия, почти на столетие, и предвидел все основные политические комбинации. Ведь было же немало людей, которые тоже читали, думали, анализировали, а вот не дошли до его выводов. Какими-то непонятными нам средствами и путями природа наделила его особым даром предвидения. Редкий экземпляр. Такие люди рожда-

ются раз в несколько столетий. Беда в том, что капризная история, дав ему этот дар, не поставила его у власти.

Мне нечего возразить этому читателю. Остается соглашаться.

Именно потому, что Скобелев шел вопреки устоявшимся политическим канонам, а также из-за его некоторой запальчивости, резкости его выступлений, обусловленной его горячим патриотизмом, не все современники оказывались способными понять и оценить его идеи. Но у него было и немало сторонников. «Самым решительным сторонником этого антигерманского и профранцузского курса был умерший в 1882 г. генерал Скобелев, — писал А.З.Манфред. — Об этом охотно напоминали и в России, и во Франции — в газетах, журнальных статьях и даже специальных брошюрах. Этот курс поддерживали такие влиятельные офицеры, как начальник генерального штаба Обручев, варшавский генерал-губернатор Гурко, генерал Богданович, опальный генерал Милютин и др.»

К оценкам современников можно добавить ретроспективную оценку, данную в 1901 г. представителем следующего поколения, видным деятелем Славянского общества Гейсманом: «Макиавеллизм наших европейских врагов вызвал боязнь Скобелева, чтобы мы снова с нашим добродушием не попали в их когти. Только поэтому пламенный темперамент и горячий патриотизм Скобелева вынудили его забить в набат без должной сдержанности об угрожающей России опасности от тевтонов... Теперь, оглядываясь на четверть века назад, всем понятно, что Скобелев был предтечей франко-русского союза, парализовавшего среднеевропейский союз, что Скобелев своими речами не только не накликнул новой войны, но сослужил великую службу делу мира».

Заклячая внешнеполитическую главу, сделаем выводы, к которым обязывают факты. Скобелев был природным и талантливим политиком. Особенно высокой оценки заслуживают его блестящие качества стратега. Он умел анализировать обстановку, отличался прозорливостью, умел вырабатывать политический курс. Характерно для него, что он не прибегал к методам отжившей, по его справедливому убеждению, салонной дипломатии, и выступал как политик, использующий «неотразимую силу печатного слова». Но как тактик, он не всегда использовал средства, адекватные правильно определенным стратегическим целям. Однако это слабое место, один из «парадоксов» Скобелева, как их определял М.М. Филиппов, было обусловлено не непониманием путей, ведущих к цели, а служебным статутом генерала, делавшим для него недоступными политические и дипломатические средства. Эти условия рождали непонятные многим современникам «бестактности» белого генерала, партизанскую форму его действий. Но другой формы он найти не мог, ее не было. И действуя по-партизански, он сумел сделать максимум возможного.

Второй вывод касается направленности его внешнеполитического курса. В Европе цели Скобелева и его личные усилия были направлены на сохранение для России территориального status quo и имели оборонительный характер. Правда, в отношении проливов он занимал экспансионистскую позицию, но обладание ими, которое было, по его мысли, делом будущего, он рассматривал как средство обеспечения безопасности государства с юга. В Азии русская политика была экспансионистской. Отказ от экспансии означал бы капитуляцию перед Англией. В таком же положении находилась Англия по отношению к России. Но сам Скобелев допускал возможность отказа от

Средней Азии, если этот шаг послужит обеспечению южных и западных границ.

Все это позволяет утверждать, что внешнеполитическая программа Скобелева диктовалась целями обороны, а не наступления, а элементы экспансионизма вызывались стремлением иметь прочные гарантии нерушимости существующих границ и обеспечения безопасности и интересов России на Балканах, которые Скобелев справедливо связывал с безопасностью на границе с Германией.

Глава окончена. Теперь мне представляется заключительный диалог с вдумчивым читателем. Подозреваю, что он может поставить вопрос: не была ли речь Скобелева использована французами в односторонних интересах?

Основание для такого вывода как будто есть. Его высказывал и Н.Н.Кнорринг: «Скобелев явился в парижском инциденте скорее пассивным лицом, чем активным политиком. Его неопытность в роли политического деятеля дала французской прессе возможность использовать имя знаменитого генерала в данный момент скорее в интересах Франции, нежели России». Действительно, из выступления Скобелева французы постарались извлечь немедленную выгоду, сделав частную беседу достоянием газет и представив ее как выражение официальной политики России. Но этот факт вовсе не означает, что Скобелев сыграл несамостоятельную роль и что его демарш не принес пользы России. Материал говорит об этом, полагаю, достаточно убедительно. Если и можно утверждать о большей активности французов, сразу ухватившихся за речь, то никак нельзя согласиться с мнением об односторонности политической выгоды. При взаимной выгоде трудно взвесить, кто выиграл больше. Что же ка-

сается стремления французской стороны столкнуть Россию с Германией (оно было), то для Франции в ее положении это было естественно, так как выгодно. Если бы Франция была в союзе с Россией, как это произошло через десять лет, и столкновение последней с Германией влекло бы для Франции автоматическую обязанность выступления на русской стороне, она вела бы себя иначе.

Генерал-пронунсименто. Кем был Скобелев

Перейдем к наиболее загадочной части жизни Скобелева. Основной загадкой, самой интересной, но и самой трудной для разрешения, является то, что заставляет говорить о Скобелеве как о генерале-пронунсименто, о его бонапартизме. И современникам и историкам было понятно, что положение в армии и в обществе, достигнутое Скобелевым, его далеко не удовлетворяло, что этот талантливый и честолюбивый человек преследует какие-то особые, очень далеко идущие цели. Но каковы были эти цели и планы? На этот вопрос убедительного ответа еще никто не дал, да этот вопрос в литературе, собственно, еще и не ставился.

Дореволюционные исследователи обходили этот вопрос или ограничивались намеками. Их сковывали как отсутствие документов, так и общественные условия. М.М. Филиппов в 1894 г. замечал, что «еще не все можно писать». Е.Толбухов, опубликовавший свою работу в 1916 г., перед самым Октябрем, оговаривал: «Не все враги Скобелева могут быть названы даже теперь». В.И.Немирович-Данченко, как читатель мог это заметить из моих цитат, не раз сопровождал свои воспоминания замечанием, что рассказать о том или ином вопросе взглядов и жизни

Скобелева он не может, «еще рано». Н.Н.Кнорринг, работавший за рубежом и не стесненный цензурой, сомневался в существовании у Скобелева бонапартистских замыслов и не исследовал эту сторону.

В России доступ в архивы теперь открыт, но обстоятельной книги о Скобелеве пока нет, и документы решающего значения еще не найдены. Этим объясняется, что Скобелеву даются далекие от истины характеристики. Для примера приведу длинную цитату из единственного научного материала о Скобелеве в советской литературе — комментария академика Е.В.Тарле к парижской речи Михаила Дмитриевича, опубликованного вместе с самой речью в «Красном архиве» в 1928 г.

«Генерал Скобелев был в ту пору на несколько особом счету при дворе и в правящем кругу военной бюрократии. Человек больших и общепризнанных способностей, честолюбец «высшего порядка», мечтавший не столько о Суворове, сколько о Наполеоне, с натурой совершенно бесстрашного кондотьера, с относительно большою притом умственной культурой, весьма равнодушный к традициям и вполне уверенный в своем предназначении, Скобелев привлекал к себе особое внимание... Александр II его не любил, оттирал на задний план, явственно опасался; и имел основания опасаться. Скобелев был по своей натуре именно типичным генералом от пронунсименто в стиле испанских и южноамериканских военных командиров, берущих на себя время от времени экспромтом инициативу по части внезапных изменений государственного устройства... «Русский Биографический Словарь» с жаром заявляет, что Скобелев был «настоящий верноподданный», но считает все же необходимым неясно и деликатно прибавить: «он был усерден более, чем требовалось, и не был достаточно сдержан» (с. 582).

Именно «верноподданности» в нем не было никакой... Социалисты, или Александр II, или Александр III, — одинаково его интересовали исключительно с точки зрения возможности лично для него развернуть отпущенные ему силы. Там, где все держалось на повиновении армии, глава династии не любил и не мог любить этого никогда не смеявшегося красавца, которого некоторые считали шарлатаном, другие героем — и все — очень опасным и на очень многое способным искателем приключений, съедаемым тоскою по власти и по славе, умудрившимся приобрести какими-то путями очень большую популярность среди войск, — ту самую популярность, которой так страстно жаждал всю свою долгую жизнь, но которой так и не увидел, например, Драгомиров, не говоря о других. Скобелева не любили генералы, мало любили офицеры — и очень любили солдаты. Сам он никого не любил и никого не боялся, — и решительно не понимал своей жизни вне войны. Его громадные успехи в Азии в 1873–1875 гг., победы в турецкой войне, завоевание Ахал-Теке в 1880–1881 гг., явное и постоянное (всегда на виду у солдат и с рассчитанной целью произвести на них впечатление) бравирование смертельной опасностью, — все это должно было служить лишь прологом к какому-то сложному и огромному будущему... Его боялся и не любил также Александр III, который, во-первых, вообще страшился войн, а, во-вторых, после террористических покушений, ничего так не страшился, как военных переворотов. Боялся (и очень) Скобелева ближайший и довереннейший друг и советник царя Победоносцев... И чем больше восходила к зениту звезда Скобелева, тем подозрительнее, беспокойнее и боязливее делался по отношению к нему двор. Но и тем самостоятельнее чувствовал себя загадочный «белый генерал», вернувшийся в

Европу после штурма Ахал-Теке, жаждавший новой войны, разрушавший свое здоровье оргиями, жегший свечу с двух сторон». Блестящий стилист, автор замечательных исторических портретов, Тарле и здесь блеснул своим мастерством. Его характеристика захватывающе увлекательна, но далеко не во всем верна. Точнее, в ней правильно говорится о личных качествах Скобелева, о том, что все достигнутое должно было послужить прологом к чему-то новому, огромному, непонятному для окружающих. Но нельзя согласиться с Е.В.Тарле в том, что, мечтая о подчеркнутой им роли, Скобелев был совершенно беспринципен, что все без исключения интересовало его только с точки зрения личного успеха. Увлечение Е.В. Тарле авантюристической стороной фигуры Скобелева, стремление к сенсационности доводят его до сравнения Скобелева с кондотьером, до утверждения, что он «умудрился какими-то путями (разве неизвестно какими?) приобрести очень большую популярность среди войск», что он бравировал опасностью с единственной целью произвести впечатление на солдат, что вообще вся его деятельность была лишена каких-либо идейных мотивов. Не подтверждается фактами и то, что Александр II опасался Скобелева и оттирал его на задний план. Не будем останавливаться на этих и других вопросах, ответ на которые уже дан. Важнее выявить мнение Е.В.Тарле об интересующей нас стороне личности нашего героя: Скобелев «мечтал не столько о Суворове, сколько о Наполеоне»; «именно верноподданности в нем не было никакой». Вот в этом историк совершенно прав. Не занимаясь Скобелевым специально, он, однако, сумел проникнуть в характер и мысли этой сложной личности и указал на те замыслы белого генерала, которые не рассмотрены и даже

определенно не отмечены никем во всей довольно обширной литературе о Скобелеве.

Во время Ахал-Текинской экспедиции Скобелев дважды пытался покинуть армию и вернуться в Россию. В первый раз — при известии о смерти матери, о чем он узнал 9 июля 1880 г. еще при Александре II, второй — под предлогом болезни при известии об убийстве императора. Первый случай легко объясним: желание принять участие в похоронах. После отказа, последовавшего с соответствующим внушением, Скобелев, стремясь исправить впечатление, произведенное этим неловким шагом, писал дяде: «Он (император. — *В.М.*) хорошо понял, что мне нельзя было отлучаться, мне же теперь стыдно, что скорбь хоть на минуту смогла во мне заглушить чувство долга. Увы, случившегося не поправить. Я чрезвычайно озадачен тем впечатлением, которое сделала на государя моя неуместная просьба, — если будет возможность, успокой меня». Ничто не заставляет сомневаться, что мотив просьбы был искренним и не заключал в себе чего-либо связанного с политикой.

Вторую попытку, при отсутствии заслуживающих доверия данных, убедительно объяснить нельзя. Что нужно было Скобелеву в Петербурге в дни междуцарствия? Можно предположить, что он хотел как-то повлиять на решение вопроса о престолонаследии или установлении формы правления. Предположение может показаться чересчур смелым, необоснованным. Но ниже мы убедимся, что уже в эту пору, еще не отмеченную политическими выступлениями Скобелева, современники считали его способным на подобные действия, знали, что «верноподданности в нем не было никакой». Во всяком случае нельзя пройти мимо того, что и сановники, и иностранцы придали этому факту важное значение. О циркулировав-

ших об этом в Петербурге слухах английский посол Дуфферинг немедленно донес в Лондон.

Насильственная смерть Александра II произвела тяжелое впечатление на Скобелева. Хотя при этом монархе ему приходилось переживать моменты опалы, Александр II все же сумел понять его способности и по достоинству оценил его заслуги, за что Скобелев называл его своим благодетелем. К тому же имя этого государя в глазах Скобелева было овеяно ореолом столь им ценимых реформ и освободительной борьбы в Болгарии. Пунктом, в котором Скобелев порицал погибшего царя, была внешняя политика. Ее он считал прогерманской и антинациональной, но вину за это возлагал на министров. Прибыв в Петербург, Михаил Дмитриевич прямо с вокзала проехал в Петропавловский собор. Он был уже в том возрасте, когда человек начинает задумываться и оглядываться на пройденный в жизни путь. К этому времени он потерял уже и отца и мать. Этим, очевидно, объясняется его поведение в соборе, где недавно был похоронен погибший царь и гораздо раньше — дед Скобелева, бывший комендант крепости (со слов духовенства Петропавловского собора): «Была панихида по императоре Александре II... — рассказывал очевидец. — В начале панихиды является в собор молодой генерал с двумя георгиевскими крестами: в петлице и на шее, в сопровождении двух дам, одной — графини Адлерберг и другой высокой — ее имя мне неизвестно... Михаил Дмитриевич все время панихиды стоял печальный, и слеза за слезой катились из его глаз. Графиня часто говорила ему что-то на ухо; но он ничего не отвечал и только кивал головой».

С новым же царем отношения с самого начала сложились иначе — и личные, и в плане оценки Скобелевым его политики. Триумфально встреченный в Москве, Ско-

белев ожидал похвалы и от самодержца. Но вместо благодарности генералу, оказавшему империи такие важные услуги, царь встретил его сухо, неприветливо. Не предложив Скобелеву сесть, тоном, в котором сквозило презрение, царь спросил: «А какова была у вас, генерал, дисциплина в отряде?»»

Определенно назвать мотивы, руководившие царем, затруднительно. Возможно, его поведение объяснялось попыткой Скобелева покинуть весной 1881 г. отряд и прибыть в Петербург, что вызвало, как уже отмечалось, нежелательные для правительства толки в столице и в дипломатических кругах.

Осторожный Александр III мог не только увидеть в этом нарушение дисциплины, но и заподозрить белого генерала в намерении как-то вмешаться в высшие государственные дела. Мысль о том, что беспокойный и чересчур инициативный генерал преследовал такого рода цели, вполне могла возникнуть у Александра III, относившегося к Скобелеву с самого начала недоверчиво. А.З. Манфред на основе материала ЦГАОР выяснил, что еще цесаревичем Александр III питал к Скобелеву чувство антипатии, высказывавшееся им в переписке с великим князем Сергеем. В хранящемся в том же ЦГАОР дневнике цесаревича я обнаружил следующие строки об Ахал-Текинской экспедиции: «12 января. Взят штурмом Геок-Тепе под начальством Скобелева, и текинцы бежали и их преследовали верст 15 и порядком побили. Слава Богу, последняя потеря при штурме не так значительна, как можно было ожидать, и не превышает с убитыми и ранеными 400 человек. Подробностей еще нет, но известно, что Скобелев с отрядом двинулся дальше».

Запись всецело фактологическая, информационная. Сквозь эту информативность проглядывает неприязнь к Скобелеву, по адресу которого лично не сказано ни единого теплого слова. «После блистательного похода в Ахал-Теке Скобелев мне рассказывал, — вспоминал Н.Н. Врангель, — как его принял Александр III. Вместо похвалы он высказал неудовольствие на то, что он, главнокомандующий, не сумел сберечь жизнь молодого графа Орлова, павшего во время штурма». Нет сомнения, что неприязнь цесаревича, а затем венценосца к Скобелеву наряду с личными мотивами объяснялась опасением его популярности, нежеланием ее усиливать.

Прием, оказанный царем прославленному полководцу, получил широкую и — стоит это подчеркнуть — неодобрительную огласку. Поведение царя находили неправильным и бестактным, чтобы не сказать резче. Скобелеву сочувствовали, и намерение царя унижить его давало обратный результат: популярность белого генерала возрастала. Ближайший советник и личный друг Александра III, умный и осмотрительный Победоносцев, понимавший, как невыгодно и даже опасно для царя восстанавливать против себя Скобелева, писал самодержцу об этой огласке: «Об этом теперь говорят и на эту тему поют все недовольные последними переменами. Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строганова, который очень озабочен этим. Сегодня гр. Игнатьев сказывал мне, что Д.А.Милютин говорил об этом впечатлении Скобелева с некоторым злорадством». Под «последними переменами», вызывавшими высказывания недовольных, следовало понимать начинавшуюся реакцию и связанные с этим новым курсом служебные перемещения. Отталкивая от себя Скобелева, царь сам усиливал возможную оппозицию.

Напуганный этой перспективой, Победоносцев написал венценосцу беспрецедентное по своей вынужденной смелости письмо. Оно так знаменательно, что для нашего повествования необходимо привести из него следующие обширные выдержки:

Я считаю этот предмет настолько важным, что, рискуя навлечь на себя недовольство вашего величества, возвращаясь к нему, смею повторить снова, что вашему величеству необходимо привлечь Скобелева *сердечно*. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах... Теперь время критическое для вас лично: теперь — или иногда — привлечете вы к себе и на свою сторону лучшие силы в России, людей, способных не только говорить, но самое главное — способных действовать в решительные минуты... Вот теперь, будто бы некоторые, не расположенные к вашему величеству и считающие себя обиженными, шепчут Скобелеву: «Посмотрите, ведь мы говорили, то он не ценит прежних заслуг и достоинств». Надобно сделать так, чтобы это лукавое слово оказалось ложью, и не только к Скобелеву, но и ко всем, кто заявил себя действительным умением вести дело и подвигами в минувшую войну... Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный... Скобелев, скажу опять, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, то есть *люди ему верят и за ним следуют!* Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь... Но Скобелев **ВПРАВЕ** ожидать, что все интересуются делом, которое он сделал, и что им прежде и более всех интересуется русский государь. Итак, если правда, что ваше величество не высказали в кратком разговоре с ним интереса этому делу, желание знать подробности его... Скобелев мог вынести из этого приема горькое чувство... Могу себе представить, что Вам неловко, несвободно, неспо-

койно со Скобелевым и что Вы старались сократить свидание, понятно это чувство неловкости, соединенное с нерасположением видеть человека, и происходящая от этого неуверенность.

Совершенно понятно, что заставить написать это единственное в своем роде за всю историю отношений обер-прокурора Святейшего Синода с царем письмо могла только крайняя необходимость. Письмо полно настойчивых поучений, за которыми стоит страх перед Скобелевым, потому что он стал великой силой, ему верят и за ним идут. Обижать такого человека, включать его в число недовольных — верх неосторожности, даже глупости — таков подтекст письма. Оно также проясняет, что Александр III питал нерасположение к Скобелеву, не желал даже его видеть, и Победоносцев менторским тоном призывает самодержца пересилить себя и оказать белому генералу знаки внимания.

Легко себе представить, как реагировал на этот прием самолюбивый, привыкший к всеобщему поклонению Скобелев. Отношения между царем и генералом характеризовались не только нерасположением царя, но и не меньшим — генерала. Как вспоминал, например, Н.Н. Врангель, «Скобелев Александра III презирал и ненавидел». Именно в это новое царствование в нем крепнут антимонархические убеждения.

Для понимания настроений Скобелева нужно напомнить то глубокое разочарование, которое постигло общественность при вступлении нового императора на престол. В феврале 1881 г. Александр II, наделивший М.Т. Лорис-Меликова диктаторскими полномочиями, после сильных колебаний принял его проект создания верховной комиссии, куда должны были войти высшие сановни-

ки и представители земства. Этот проект, получивший название Конституции Лорис-Меликова, должен был послужить первым шагом к превращению самодержавия в конституционную монархию. Но именно в тот день, когда Александр II подписал законопроект, 1 марта 1881 г., его убили народовольцы. Продвижение законопроекта приостановилось. Теперь самые различные слои общества с надеждой взирали на нового государя, ожидая утверждения конституционного акта. Но 29 апреля, после долгих совещаний и сомнений, под влиянием прежде всего Победоносцева, Александр III объявил свою волю сохранить полноту самодержавной власти, переданной ему предками. В манифесте, написанном Победоносцевым (взявшим за образец формулировки манифеста Николая I), царь оповещал, что приступает к правлению «с верою в силу и истину самодержавной власти», которую он «призван утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Решение царя вызвало небывалую в политической истории России вещь — министерский кризис: того же 29 апреля подал в отставку Лорис-Меликов, 30 апреля — министр финансов А.А.Абаза, 12 мая — Д.А.Милютин. На смену Лорис-Меликову пришел либерал Н.П.Игнатъев, возглавивший новое правительство. Игнатъев предпринял еще одну, ставшую последней попытку создания хотя бы ограниченной формы народного представительства, предложив Александру III к его коронации в Москве созвать Земский собор. Царь выслушал своего министра и как будто согласился, но через несколько часов в тот же день дал ему отставку. Как писал о своем дяде известный советский генерал А.А.Игнатъев, царь прислал следующую записку: «Взвесив нашу утреннюю беседу, я пришел к убеждению, что вместе мы служить России не можем».

Игнатъев, отвечая царю, указывал на верноподданнический характер своего замысла (документ из ЦГАОР): «Мысль о Соборе для укрепления и утверждения самодержавия — не новая. Мне казалось, что предстоящая коронация — самое удобное время для произведения благоприятного поворота в настроении умов и чтобы стать правительству на твердую историческую почву. Я исполнил долг совести, представив о том вашему величеству... 29 мая 1882 г.» Но ничто уже не помогло. Игнатъева сменил реакционер граф Д.А.Толстой. Назначение этого «злого гения России» устраняло все сомнения в характере политического курса, провозглашенного манифестом, осуществление которого началось не сразу. Деятельность Скобелева приходится на этот период поворота от либерализма к реакции.

Не сомневаюсь, что здесь вдумчивый читатель спросит: может ли автор утверждать, что Скобелев руководствовался принципами, убеждением в необходимости ограничения или устранения самодержавия? Может быть, им руководила всего лишь личная ненависть к Александру III?

Я положительно утверждаю: им руководили прежде всего принципы, убеждения. О том, что представляло в его глазах самодержавие, говорят следующие его слова, обращенные к М.Л.Духонину и сообщенные последним в письме Немировичу-Данченко: «А внутри у нас! Что делается внутри — ведь это ужас! Мы еще отвоевываем независимость другим племенам, даруем им свободу — а сами? Разве вы и я — не рабы? Настоящие рабы, бесправные парии, бессильные, разобщенные, вечно подозреваемые...» Факт этих настроений донес до нас и Е.-М.Вогюэ (секретарь французского посольства): «Обед у Адлерберга, бурная беседа о Скобелеве, его презрении к по-

ряду вещей». Под «порядком вещей» можно понимать только существовавший в России строй абсолютной монархии.

Помимо отсутствия политической свободы, еще один мотив заставлял Скобелева быть непримиримым к царскому правительству: антинациональная внешняя политика. По его мнению эта политика унижала Россию, вела ее к гибели, угрожала ей внутренним распадом. Свое понимание обстановки он изложил в письме Аксакову: «Для вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил все, более чем когда-либо проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания... основанием общественного недуга в значительной мере является отсутствие всякого доверия к положению наших дел. Доверие это мыслимо будет лишь тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться».

Как один из парадоксов Скобелева биографы отмечали его лояльность по отношению к Александру II, проводившему ненавистную белому генералу пруссофильскую политику, и неприязнь к его преемнику — германофобу. Ответ на этот вопрос не представляет трудности. Поворота во внешней политике, осуществленного Александром III, Скобелев не увидел. Но реакционный курс его во внутренней политике при жизни Скобелева уже определился. Консервируя старые общественные формы, сохраняя в неприкосновенности институт мо-

нархии, он делал неизбежным рост внутренней оппозиции.

О настроениях Скобелева можно судить с достаточной определенностью по следующему факту. В июне 1881 г. на квартире Д.П.Дохтурова собралась довольно многочисленная компания: новый (после А.В.Адлерберга) министр двора граф Воронцов-Дашков, начальник царской охраны генерал Черевин, Драгомиров, Скобелев, князь Щербатов и сам мемуарист Врангель. Сначала говорили о «хозяине» или — почему-то — «дворнике» Александре III и отзывались о нем нелестно, Потом речь зашла о внутреннем положении России. Все сходились на том, что «самодержавие роет себе могилу». Один только Воронцов делал вид, что настроен оптимистически. После разъезда большинства гостей Скобелев, по привычке меряя шагами кабинет и теребя баки, возмущенно проговорил:

«— Пускай себе толкуют! Слыхали уже эту песню! А все-таки в конце концов вся их лавочка полетит тормашками вверх... Полетит, — смакуя каждый слог, повторил он. — И скатертью дорога. Я, по крайней мере, ничего против этого лично иметь не буду.

— Полетят, полетят, — ответил Дохтуров, — но радоваться этому едва ли приходится. Что мы с тобой полетим вместе с ними, еще полбеды, а того смотри, и Россия полетит...

— Вздор, — прервал Скобелев, — династии меняются или исчезают, а нации бессмертны.

— Бывали и нации, которые как таковые распались, — заметил Дохтуров. — Но не об этом речь. Дело в

том, что, если Россия и уцелеет, мне лично совсем полететь не хочется.

— И не летай, никто не велит.

— Как не велит? Во-первых, я враг всяких революций, верю только в эволюцию и, конечно, против революции буду бороться, и кроме того, я солдат и как таковой буду руководствоваться не моими симпатиями, а долгом, как и ты, полагаю.

— Я?! — почти крикнул Скобелев, но одумался и спокойно, посмеиваясь в усы, сказал:

— В революциях, дружище, стратегическую обстановку готовят политики, а нам, военным, в случае чего, предстоять будет одна тактическая задача. А вопросы тактики, как ты сам знаешь, не предрешаются, а решаются во время самого боя, и предрешать их нельзя».

Эти высказывания говорят о многом, и мы к ним еще вернемся. Пока же сделаем из этого многозначительного диалога ясный и бесспорный вывод: Скобелев понимал неизбежность революции и гибели самодержавия и желал этого. Но людей с таким настроением было тогда немало. Скобелев же отличался от них тем, что он, как верно подчеркивал Победоносцев, мог не только говорить, но и действовать. О решимости Скобелева писал тот же Врангель: «Не умри он преждевременно, он сыграл бы, конечно, решительную роль».

Известный «князь-бунтовщик» революционер-анархист П.А.Кропоткин в своих воспоминаниях писал о намерениях Скобелева: «Из сообщений Лорис-Меликова, часть которых была обнародована в Лондоне приятелем покойного (см. «Конституция Лорис-Меликова», лондон-

ское издание Фонда вольной прессы 1893 г.), видно, что, когда Александр III вступил на престол и не решался созвать Земских выборных, Скобелев предлагал даже Лорис-Меликову и графу Игнатьеву... арестовать Александра III и заставить его подписать манифест о конституции. Как говорят, Игнатьев донес об этом царю и таким образом добился назначения себя министром внутренних дел». Правда, в указанном Кропоткинским издании названного им материала нет, на что исследователи давно обратили внимание. Не будем разбирать, почему он был исключен. Не внушает доверия и сообщение о доносе Игнатьева. Раскрытие царю замысла Скобелева грозило бы ему очень серьезными последствиями, во всяком случае о продолжении службы не могло бы быть и речи. В нашем контексте важно другое: готовность Скобелева к прямым, даже очень рискованным действиям ради введения конституции.

Наконец, в нашем распоряжении есть еще два документа, бесспорно говорящих о попытке Скобелева не только добиться введения конституции, но свержения монархии. Первый из этих документов — письмо, которое после Февральской революции 1917 г. направил в редакцию журнала «Голос минувшего» Ф.Дюбюк, однокашник Скобелева по академии Генерального штаба. В ЦГВИА я пролистал и его послужной список. «Совершившееся в великие дни русской революции в марте 1917 г. (по новому стилю. — *В. М.*) падение дома Романовых заставляет вспомнить об одной попытке свержения этой династии в царствование Александра III, — о замысле Белого Генерала. Правительство Александра III, уверившись в том, что М.Д.Скобелев замышляет сделать переворот и свергнуть династию Романовых...», приняло против него чрезвычайные меры, о которых мы расскажем

ниже. Это документальное свидетельство не оставляет сомнений в намерениях Скобелева.

Второй, неопубликованный документ это — хранящееся в ОР РГБ письмо в редакцию газеты «Утро России» отставного генерал-лейтенанта К.Блюмера, в Ахал-Текинскую экспедицию молодого офицера (послано также после Февральской революции). Возражая Л.Ф.Снегиреву, пытавшемуся в статье о смерти Скобелева представить его в качестве «монархиста *par excellence*» (преимущественно), этот свидетель, близко общавшийся со Скобелевым во время двухмесячного пребывания небольшого летучего отряда на персидской границе, ссылается на многочисленные личные с ним беседы. По его словам Скобелев, «считав себя как бы в своем семейном кругу, говорил на разные политические и патриотические темы без особого стеснения; помню, например, как он однажды довольно недвусмысленно дал понять, что считает ненормальным положение России, как славянской державы, под скипетром немецкой династии». Эта мысль, очень характерная для Скобелева, нам уже известна. Более принципиально следующее сообщение Блюмера. Скобелев, писал он, был предан личности Александра II, «но это нисколько не отражалось на его политических убеждениях. Отношения же его к новому императору вскоре выяснились в отрицательную сторону, а когда стало окончательно определяться реакционное направление правительства последнего, то Скобелев попытался составить заговор с целью арестовать царя и заставить его подписать конституцию. Как видно, монархизм, да еще «*par excellence*», белого генерала мало отличался от политических убеждений его однофамильца, нынешнего министра труда». В этом свидетельстве мы находим новое, независимое от П.А.Кропоткина и Ф.Дюбюка, под-

тверждение плана Скобелева об аресте Александра III и введении конституции. Оно также вновь подтверждает уже нам известный принципиальный антимоноархизм генерала, его политический радикализм, позволявший сравнивать его убеждения с убеждениями социалиста (не исключено, что здесь лежит разгадка многочисленных указаний Немировича-Данченко, что он не может раскрыть читателям убеждения Скобелева).

Следующий шаг Скобелев предпринял летом того же года, во время своей парижской поездки. На этот раз он решил использовать пребывание за границей Лорис-Меликова для того, чтобы прозондировать возможность привлечения его к участию в осуществлении своих планов. Об этом свидании мы знаем по рассказу А.Ф.Кони, находившегося с Лорис-Меликовым в дружеских отношениях. Человек безупречной честности, Кони, конечно, точно передает слова собеседника. Свидание состоялось в Кельне. «Там он меня встретил роскошным обедом, экстренным вагон-салонном и т. д. Мастер был на эти вещи! Встретил на дебаркадере, с напускной скромностью, окруженный все какими-то неизвестными... Умел играть роль!.. Когда мы остались в вагоне вдвоем со Скобелевым, — рассказывает Лорис-Меликов, — я ему говорю: «Что, Миша, что тебе?» Он стал волноваться, плакать, негодовать... «Он меня даже не посадил!» и затем пошел, пошел нести какую-то нервную ахинею, которую, совершенно неожиданно, окончил словами: «Михаил Тариэлович, вы знаете, что, когда поляки пришли просить Бакланова, командовавшего в Августовской губернии, о большей мягкости, он им сказал: «Господа! Я аптекарь и отпускаю лишь те лекарства, которые пропишет доктор (Муравьев); обратитесь к нему!» То же говорю и я! Дальше так идти нельзя, и я ваш аптекарь. Все, что вы прика-

жете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я ему устрою так, что если он приедет смотреть четвертый корпус, то на его «Здорово, ребята!» будет ответом гробовое молчание... Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте! Я ваш аптекарь!..» Я отвечал ему, что он дурит, что все это вздор, что он служит России, а не лицу, что он должен честно и прямодушно работать и что его способности и влияние еще понадобятся на нормальной службе и т. д. Внушал ему, что он напрасно рассчитывает на меня, но он горячился, плакал и развивал свои планы, крайне неопределенные, очень долго. Таков он был в июле 1881 г. Это мог быть роковой для России человек — умный, хитрый и отважный до безумия, но совершенно без убеждений».

Из рассказа Лорис-Меликова можно понять, что в беседе с ним проявились те черты характера Скобелева, о которых говорилось в его общей политической характеристике. Предприняв зондаж и встретив со стороны собеседника увещевания в благоразумии, он не стал раскрываться перед отставным диктатором, так как убедился, что рассчитывать на него нельзя. С другой стороны, то, что сказал Скобелев, нельзя было повернуть против него. Формально говоря, из его высказываний и планов, «крайне неопределенных», следовало только одно: что он недоволен царем за прием после Ахал-Теке. Но это было естественно и к тому же общеизвестно, в этом не было ничего нелояльного по отношению к режиму в принципе. Это формально. А по существу, если читать между строк, становится совершенно понятно: это было предложение совместного антимонархического выступления. Именно так это поняли революционеры. Исследователь народнического движения В.Я.Богу-чарский писал: «Есть известия о том, что будто бы, опираясь на свой авторитет

«белого генерала», Скобелев являлся к Лорис-Меликову с предложением совершить самое решительное прононсиаменто». Лорис-Меликов, конечно, прекрасно понял Скобелева. При всей неопределенности формы, в которой тот развивал свои планы, из его рассказа хорошо видны их направленность и крайняя решительность. Понял... и отказался. Так далеко в своем либерализме он не шел. Что же касается характеристики Скобелева как человека без убеждений, то этот шаблон всегда применялся к волевым и решительным людям, действовавшим вопреки букве закона во всякую переходную эпоху.

Все эти шаги предпринимались белым генералом, конечно, конфиденциально. Но он не стеснялся таких действий и высказываний, о которых заведомо было известно, что они будут доведены до сведения начальства и самого царя.

В начале 80-х гг., после самого большого успеха террористической деятельности народовольцев, убивших Александра II, правящую верхушку и царский двор охватил панический и вполне оправданный страх перед новыми покушениями. Не полагаясь уже на полицию, для борьбы с тайными революционными организациями они решили создать столь же тайную организацию контрреволюционеров, которая должна была повести борьбу против революции средствами самих революционеров: выслеживать и физически устранять вождей и активных деятелей народовольческих организаций. Организация, получившая название «священной дружины», имела центральный комитет в составе Воронцова-Дашкова, генерала Ширинкина (дворцовый комендант), генерала Дурново (казначей). Душой дружины был граф П.П.Шувалов (граф Боби), которому помогали П.П.Демидов (князь Сан-Донато) и князь Щербатов. Игнатьев дал им уничто-

жающую характеристику:»... Шувалов: он ретивый, но молод, неопытен... Сан-Донато донельзя глуп, но все же лучше кн. Щербатова, заведомого вора». Характеристика Игнатьева оказалась, как всегда, верной, вплоть до того, что Щербатов, допущенный к денежным средствам организации, проворовался, едва начав свою деятельность. Есть данные, что в ЦК входил великий князь Владимир Александрович. Организация имела в столице и в провинции местные отделения, которые, в свою очередь, ведали «пятерками» рядовых сыщиков и террористов. Для руководства черновой шпионской работой был приглашен бывший сотрудник недавно ликвидированного ненавистного народу III Отделения генерал В.Н.Смельский, оставивший интересный дневник.

Естественно, «дружинникам» хотелось заполучить в свою организацию такое лицо, как Скобелев. «Генералу Скобелеву тоже предложили вступить в эту лигу, но он отказался наотрез», — вспоминал Кропоткин. Более подробно об этой истории рассказал Смельский:»... когда Скобелев, военный герой, приехал в Петербург и, желая получить в гостинице, где остановился, поболее комнат и, услышав, что более того, что ему дали, не могут отвести других номеров, т. к. они заняты офицерами-кавалергардами, Скобелев проговорил иронически: «Экс-дружинниками», — то слова эти были доведены до сведения великого князя Владимира Александровича и государя, и вследствие этого Скобелев был приглашен к военному министру Ванновскому. Ванновский спросил его: правда ли, что он это сказал? И Скобелев ответил: «Да, это правда, и скажу при этом, что если бы я имел хоть одного офицера в моем корпусе, который бы состоял членом тайного общества, то я его тотчас удалил бы от службы. Мы все приняли присягу на верность государю, и потому

нет необходимости вступать в тайное общество, в охрану».

Своим отказом, сделанным в такой резкой форме и сопровождавшимся указанием на несовместимость пребывания в «дружине» с военной службой, Скобелев открыто противопоставил себя не только этой организации, но и правительству и самому царю. «...Он (Скобелев. — *В.М.*) был в числе немногих сановников, — писал Богучарский, — отказавшихся вступить в «Священную дружину». Неизвестно, кого подразумевал Богучарский под этими «немногими», но можно не сомневаться, что ни один из них не высказал такого нескрываемого презрения к «дружине», как это сделал Михаил Дмитриевич, назвавший ее «охраной». Вполне вероятно, что сыграло свою роль и традиционное для русского офицера презрение к полиции и жандармерии, ко всякому шпионству, сыску и доносительству. «О тех, которые меняли свой мундир на полицейский, Скобелев потом и слышать не мог... Когда у него просили за них, он обрывал прямо: — Ни слова, господа! Вперед говорю, ничего не сделаю. Он с голоду не умирал. Я этого рода оружия терпеть не могу, вы сами это знаете!»

В действиях Скобелева по отношению к «священной дружине» явно и открыто проявилась его оппозиционность, которая, однако, в данном случае выступала лишь в форме фронды. Это не было выступлением против основ режима, но усиливало в глазах правительственных верхов репутацию Скобелева как неблагонадежного.

Предпринятые Скобелевым шаги, по-видимому, убедили его, что среди либералов нет людей, достаточно решительных, чтобы вместе с ним, а точнее, под его руководством бороться против самодержавия. Поэтому, не от-

казываясь от поисков союзников в этом лагере, он стал искать их на крайнем левом фланге, в лагере революционеров.

Вопрос «Скобелев и революционеры» не так лишен смысла, как может показаться на первый взгляд, хотя революционером он, конечно, не был. Н.Н.Кнорринг внимательно прослеживает историю революционного движения в русской армии и пытается таким образом прийти к определению места в этой истории Скобелева. На наш взгляд, этот путь нельзя признать ведущим к цели. Все, что мы знаем о Скобелеве, не дает никакого повода к выведению такого рода генеалогической связи. Конечно, Скобелев воспринял передовые идеи своей эпохи, в том числе те, которые распространялись в армии, вплоть до оппозиционных. Но это и все. Искать какую-либо преемственность организационного характера документы не позволяют. Если говорить о месте Скобелева в истории политического движения в русской армии, то следует, напротив, признать и подчеркнуть его исключительность, его совершенно особый характер, как единственный в истории России факт замысла государственного переворота с объективно революционными целями, но с использованием бонапартистских методов. Поэтому ближе к истине определение Кноррингом Скобелева как военного с психологией участника дворцовых переворотов, наподобие тех, которые происходили в XVIII в., но и оно не вполне точно. Перевороты XVIII века ограничивались заменой одного монарха другим. Скобелев же преследовал более радикальные и широкие цели, хотел преобразовать всю общественную жизнь России на основе своих представлений о ее благе. Он был глубоко огорчен террором народников, он не одобрял этот метод борьбы, разрушавший дорогое для него единство нации, «но не мог не чувство-

вать в нем какой-то глубокой народной правды, к которой он был очень чуток». В своем отношении к революционерам он руководствовался, возможно, и этим ощущением какой-то их внутренней правоты, и принципом: враги моих врагов — мои друзья.

Со своей стороны, народовольцы пытались наладить связи в войсках. Были ли у них на это шансы? — ставит вопрос шлиссельбуржец С.А.Иванов. И отвечает: после 1 марта 1881 г., истощившего силы партии, уже нет, но до этого рубежа были. В подтверждение он «ссылается на начавшееся влияние военной организации своей партии на такие действительно огромного значения силы, как генералы Драгомиров и Скобелев». Насколько это была важная задача, можно судить по определению Ивановым их влияния в армии: «После Скобелева Драгомиров был тогда, пожалуй, наиболее популярным военным именем в России. Популярность Скобелева была шире и демократичнее, ибо распространялась и в массе нижних чинов армии. Кто из русских солдат не знал тогда белого генерала? Имя Драгомирова было известно и популярно в военно-теоретических и в боевых сферах». О попытках народнической организации установить контакт с М.И. Драгомировым С.А.Иванов рассказывает: в 1882 г. «майором Тихоцким велись в Петербурге беседы на политические темы с генералом Драгомировым, занимавшим тогда пост начальника Николаевской академии Генерального штаба. Разговоры эти, которые касались, между прочим, вопроса о задачах военно-революционной организации, Драгомиров заключил, по словам Тихоцкого, дословною фразою: «Что же, г-да, если будете иметь успех, я — ваш!» С тем же М.И.Драгомировым пытались наладить связи и другие народовольцы. Э.А.Серебряков вспоминал об этих попытках: «Буцевич завел связи с некоторыми из

высокопоставленных лиц. Не могу теперь вспомнить, каким образом и под каким предлогом он заручился обещанием известного генерала М.И.Драгомирова дать статью о русской армии для нелегального издания».

Скобелев же сам искал контактов с революционерами. Он был лишен предрассудков, и его не стесняли никакие связи. Интересно, в чем сами революционеры видели мотивы, вызвавшие у него желание установить эти контакты. Тот же С.А.Иванов писал в 1907 г. в журнале «Былое»: «Наиболее талантливым из всего русского генералитета того времени являлся несомненно Скобелев. О широкой популярности его среди русской армии говорить нечего, — она всем известна. Тем не менее или, может быть, благодаря именно этому, он не пользовался особым благорасположением высших сфер, несмотря даже на свое свойство с членами царствующей фамилии (его сестра была замужем за герцогом Лейхтенбергским). В глазах этих сфер он являлся чем-то вроде *enfant terrible* в генеральских эполетах. Скобелева хвалили, расточали ему комплименты, но не любили, завидовали ему и особенного хода не давали. Между тем честолюбие у него было немалое и его недюжинная натура рвалась к чему-то большему. Под влиянием ли этого неудовлетворенного честолюбия, для которого занимаемое им положение не давало достаточной пищи, в силу ли некоторого собственного ему авантюризма (не в дурном смысле этого слова), или по каким-то иным более идейным стимулам — так или иначе, — но им была сделана попытка завести сношения с революционной партией».

Вступая на скользкий путь поисков связей с революционерами, чреватый не только поддержкой, тем более проблематичной и временной, но и опасностями для его дела и для него лично, белый генерал шел к этой це-

ли как к военной цели в бою, по-скобелевски. Прежде всего он хотел толком знать цели и средства революционеров, а также возможности и условия блокирования с ними. Для этого он решил провести рекогносцировку. Дальнейшее рассказывает С.А.Иванов. «В 1882 г. Скобелев предпринял путешествие по Европе... Вскоре по приезде Скобелева в Париж к П.Л.Лаврову явился спутник Скобелева, состоявший при нем в звании официального или частного адъютанта, и передал Лаврову следующее от имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться с Петром Лавровичем для переговоров о некоторых важных вопросах. Но ввиду служебного и общественного положения Скобелева, ему очень неудобно прибыть самолично к Лаврову. Это слишком афишировало бы их свидание, укрыть которое при подобной обстановке было бы очень трудно от многочисленных глаз, наблюдающих за ними обоими. Ввиду этого он просит Лаврова назначить ему свидание в укромном нейтральном месте, где они могли бы обсудить на свободе все, что имеет сказать ему Скобелев.

Петр Лаврович, этот крупный философский ум и теоретик революции, в делах практики и революционной политики оказывался часто настоящим ребенком. Он наотрез отказался от предлагавшегося ему свидания, и так как в ту минуту в Париже не оказалось никого из достаточно компетентных и осведомленных революционеров (народовольцев), которым он мог бы сообщить о полученном им предложении, — на этом и кончилось дело. Впоследствии, в 1885 г., мне пришлось говорить с Петром Лавровичем об этом инциденте и выразить сожаление, что Лавров отклонил подобное свидание и не использовал такой благоприятный случай.

— Да помилуйте, — воскликнул Лавров с искренним и неподдельным изумлением, — ну о чем бы я стал говорить с генералом Скобелевым?

О том, что не произошло, можно, конечно, строить только более или менее вероятные догадки. Можно, однако, предполагать, не пускаясь в область фантазии, что не для одного только личного знакомства искал Скобелев свидания с Лавровым».

Конечно, можем к этому добавить, Лавров допустил непростительную ошибку, отказавшись от встречи без выяснения намерений Скобелева.

Не найдя союзников, белый генерал и тут не сдался. Он готов был действовать один, при условии, конечно, если обстоятельства будут этому благоприятствовать. Точнее, требовалось лишь одно, но очень немаловажное обстоятельство, которое мы еще рассмотрим. Пока же сделаем вывод, к которому подводит фактический материал. Скобелев был врагом режима и добивался его ниспровержения.

Для этого он искал союзников в центре (примем за центр лагерь либералов) и слева, в лагере революционеров.

С оговоркой, что впереди нас ждет еще какой-то материал, примем эту гипотезу. Но каковы были дальнейшие планы Скобелева? — спросит пытливый читатель. — И главное: неужели этот честолюбец, планируя переворот, забывал о себе?

Читатель научился проникать в мои мысли. Я как раз собирался к этому переходить. Попытаемся разобраться в его замыслах.

Мы уже констатировали отрицательное отношение Скобелева к народническому террору. Отношение его к революционерам некоторые биографы связывали с известной его неприязнью к нигилистам. Действительно, современники свидетельствуют, что Скобелев не терпел длинноволосых, непричесанных и неаккуратно одетых людей. Такой внешний вид говорил, в соответствии с ходячим представлением, о принадлежности к нигилистам. Но Скобелев умел разглядеть сущность под какой угодно формой. Неприязнь объяснялась лишь привычками военного человека, внешний вид был для Скобелева вопросом дисциплины. Во время Ахал-Текинского похода один из таких «нигилистов», врач, вызвавший в Скобелеве подозрения своим внешним видом, показав себя на деле, стал в его глазах ценным работником. «Крайне разнородны виды нигилизма — только цель единая, — писал Скобелев дяде. — Тем хуже для тех, которые того не сознают».

В связи с отношением Скобелева к революционерам, к «нигилистам», как их тогда собирательно называли, возникает следующий важный вопрос. Скобелев не раз высказывался, что средством подавления и устранения нигилизма был бы подъем народного духа, патриотизма, вызванный популярной в народе войной, именно — против Германии. Следует ли это принимать всерьез? Был ли Скобелев искренним в этих высказываниях? В.Б.Вилинбахов поддался соблазну и пошел по пути утверждений, что это лишь маскировка, предназначенная для того, чтобы представить себя лояльным по отношению к режиму. Вилинбахов вообще до невозможности раздувает макиавеллизм Скобелева. По его мнению все, что бы ни говорил и ни делал Скобелев, нельзя принимать за чистую монету,

за каждым его словом и каждым шагом стоит какой-то другой, скрытый смысл.

С этой умозрительной, ничем не доказанной догадкой никак нельзя согласиться. Источники, весь строй мыслей Скобелева доказывают, что, высказываясь таким образом о борьбе с «нигилизмом», он говорил то, что думал. Важные сведения по этому вопросу мы получаем из дневника П.А.Валуева. В записи от 17 марта 1882 г. говорится: «Обедал в Английском клубе... Рядом со мной сел генерал Скобелев: замечательный с его стороны вызов к откровенному разговору. Я убедился из этого разговора, что его речи и *даже поездка в Париж, Женеву, Цюрих — результат московско-игнатьевских внушений*. Его уверили, что возбуждением воинственного патриотизма можно парализовать и даже подавить нигилизм».

Высказывание о подавлении этим способом нигилизма, как увидим ниже, полностью согласуется с неизменными взглядами Скобелева на этот актуальный тогда вопрос. Да это было далеко не только его мнение. «Вестник Европы», например, информировал своих читателей о реакции немецкой печати на бытовавшее в России суждение, что «панславизм может положить конец нигилизму. Эти мечтатели, — писала немецкая газета, — хотят изгнать черта Вельзевулом, и тем бессознательно питают обоих...».

Правда, возникает вопрос, зачем понадобилось Скобелеву представлять дело так, будто он действовал по чужому внушению, что на него вовсе не похоже. Можно допустить, что он хотел убедить Валуева и, как видим, не без успеха, что мысли о «воинственном патриотизме» это не только его, Скобелева, мысли, что они имеют под собой широкую общественную поддержку, что его устами

глаголет если не Россия, то значительная часть образованного и влиятельного общества. В связи с этим вопросом В.Я.Богучарский цитирует из дневника П.А.Валуева запись еще одного его разговора со Скобелевым. На вопрос графа, прекратила ли бы война, за необходимость которой высказывался Скобелев, политические убийства, Скобелев отвечал, что все это смогло бы успокоиться. Эту цитату Богучарский сопровождает следующим замечанием: «Не исключена возможность, что именно в этом направлении мыслей Скобелева лежит ключ к разгадке его желания повидаться с Лавровым...» И Богучарский делает вывод, в котором звучит разочарование: «А раз это так, то о каком же влиянии военно-революционной организации на Скобелева может быть речь? Нет, для этого она, да и вся партия «Народной воли» слишком слабы».

Хотя разгадка не лишена оснований, заключение видного исследователя истории политической борьбы несколько наивно, причем именно политически. Скобелев вовсе не собирался быть под чьим бы то ни было влиянием, быть кем-то руководимым. Такие рассуждения могут быть объяснены только незнанием Богучарским личности и взглядов Скобелева, которым он специально не занимался. Но дальше в работе Богучарского следует материал, который действительно проливает свет на цели Скобелева и средства, которыми он хотел воспользоваться. «С этими напечатанными нами в «Русской мысли» строками, — писал он, — не согласился один хорошо в то время известный писатель». Догадаться, кто это был, нетрудно, так как Скобелев дружил и был откровенным только с одним известным писателем. Это, конечно, В.И. Немирович-Данченко. Вот полностью его письмо Богучарскому.

«Я только из Вашей статьи узнал, что в 1882 г. Скобелев искал в Париже свидания с Лавровым. В половине 80-х гг. я, однако, слышал в Петербурге, что он через... (идет имя одного в то время считавшегося большим «либералом», но впоследствии таковым вовсе не оказавшегося, генерала^[13]) пробовал закинуть ниточку в революционные круги. Это меня тогда не особенно удивило.

Чтобы понять Скобелева, надо помнить, что это был не только человек огромного честолюбия, но, когда надо было, и политик, — политик даже в тех случаях, когда могло казаться, что он совершает политические бестактности. В последние годы он несомненно создал себе такое credo: правительство (в смысле старого режима) отжило свой век, оно бессильно извне, оно также бессильно и внутри. Что может его низвергнуть? Конституционалисты? Они слишком слабы. Революционеры? Они тоже не имеют корней в широких массах. В России есть только одна организованная сила — это армия, и в ее руках судьбы России. Но армия может подняться лишь как масса, а на это может ее подвинуть лишь такая личность, которая известна всякому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть провозглашение войны немцам за освобождение и объединение славян. Этот лозунг сделает войну популярною в обществе. Но как ни слабы революционные элементы, и их, однако, игнорировать не следует, — по меньшей мере как отрицательная сила, они могут создать известные затруднения, а это нежелательно. Во всяком случае Скобелев мог говорить о борьбе с «нигилизмом», но на самом деле вряд ли

¹³ «Судя по всему, подразумевается М.И.Драгомиров». (Прим. В.Я.Богучарского.)

он об этом думал. Движущая и важнейшая цель у него была другая, и она всецело поглощала его».

Это письмо близкого к Скобелеву человека очень важно для понимания его целей и мировоззрения.

Важный документ, соглашается читатель. И объясняет он многое. Но не все. Остается непонятным, какая все-таки была у Скобелева движущая и важнейшая цель.

Объясню свою гипотезу. Но она представляет цепь умозаключений. Прошу внимательно проследить за моей мыслью.

Из письма следует не известный по другим документам факт, о котором Немирович-Данченко слышал в Петербурге в середине 80-х гг., то есть уже после смерти Скобелева, что он через Драгомирова пытался «закинуть ниточку в революционные круги». Получается, во-первых, что предложение свидания П.Л.Лаврову в Париже было не единственной попыткой Скобелева связаться с революционерами. Во-вторых, письмо объясняет и поведение М.И.Драгомирова. Не исключено, что, ведя доверительные беседы с народниками и давая им определенные обещания, он выполнял просьбу Скобелева, который через него подготовлял собственную с ними связь. И если слывший в результате этих бесед большим либералом Драгомиров «впоследствии таковым вовсе не оказался», то это очень просто объяснить тем, что с последовавшей вскоре смертью Скобелева для него исчез побудительный мотив к поддержанию дальнейших связей с революционерами. Главная же ценность письма состоит в том, что оно раскрывает, хотя и не до конца, кредо Скобелева. Почему не до конца, сейчас объясню.

В войне с Германией Скобелев видел средство решения всех внутренних и внешних проблем. Тому, что он

этой войны хотел, есть целый ряд бесспорных свидетельств. П.А.Валуев 30 июля 1881 г., после беседы со Скобелевым, писал: «Множатся зловещие признаки. Генерал Скобелев говорит о необходимости войны с Германией. Одно средство, по его мнению, поправить наше экономическое (sic) и политическое положение. Даже *династический вопрос*». В упоминавшейся беседе Е.А.Перетца с П.С.Ванновским последний говорил о Скобелеве: «Нельзя доверять ему корпус на западной границе, сейчас возникнут столкновения с Германией и Австрией, может быть, он даже сам постарается вызвать их... Против него Гире и Бунге, очень опасаящиеся, чтобы из-за выходок белого генерала... не вышло политических осложнений, а может быть, и войны». Такие опасения высказывались и с немецкой стороны, в том числе Бисмарком, не желавшим, как хорошо известно, войны с Россией. «Непосредственная опасность для мира между Германией и Россией вряд ли может возникнуть иначе, — высказывал свое мнение Бисмарк, — как путем искусственного подстрекательства или благодаря честолюбию представителей русской или германской армии вроде Скобелева, желающих войны до того, как они состарились, чтобы отличиться в ней».

Опасения такого рода выходок со стороны Скобелева были напрасными, в военных вопросах он был, как мы знаем, очень осмотрителен. Но его убеждение в германской агрессивности по отношению к России было не догадкой, а основывалось на знании фактов. Он справедливо полагал, что время работает против России, так как Германия не только усиленно вооружается, но и проводит враждебную России политику. В цитированном выше письме неизвестному генералу он характеризовал политику Бисмарка по отношению к России: «... чего я опас-

юсь, так это политики канцлера, того упрямства, с которым он стремится изолировать нас в Европе. Раньше, чем через десять лет, он создаст нам на Востоке такие затруднения, которые восстаноят против нас не только Германию, но и всю Европу. Он старается всеми силами подкопаться под нас; уничтожить нас нравственно, поспорить с Францией, Турцией и Балканскими народностями, и затем оставить нас одинокими, лицом к лицу с нашими промахами и глупостями, совершенными под его руководством... почему я тысячу раз предпочту, чтобы война между нами и Германией возгорелась теперь, а не через пять или десять лет... *Что касается меня, то я ни на что более не надеюсь*, и сожалею о том, что у нас нет достаточно прозорливых людей, чтобы понять, что нам следует нанести удар гордости Пруссии и защититься от ее интриг прежде, чем она доведет нас до бессилия посредством ее лживых заверений дружбы, на которые она столь щедра, когда дело идет о том, чтобы замаскировать истинный смысл своей политики». Возвратившись с германских маневров, Скобелев высказывал сложившееся у него убеждение о намерениях немцев: «Рано или поздно, наделают они нам хлопот. Нам ведь от них ничего не надо, а им давно хочется отхватить от нас Остзейские губернии да Польшу. Но трудно ожидать, чтобы они этим удовлетворили свой волчий аппетит. Вот, по моему мнению, и следовало сократить их теперь же».

Все это достаточно объясняет, почему Скобелев был за немедленную войну с Германией с внешнеполитической и военной точек зрения. Но для его мышления характерно, что в войне с Германией он видел средство решения и внутренних проблем.

Последнее непонятно, замечает читатель.

Чтобы понять ход его мыслей, следует прежде всего учесть, что он считал Россию распадающимся, находящимся в состоянии депрессии обществом. «Нигилизм» и политические убийства были, по его мнению, лишь одной из внешних форм этого кризиса. Основу же кризиса он видел в антинациональной внешней политике. Династия, полагал Скобелев, утратила свой престиж уже в турецкую войну, отказавшись от вступления в Константинополь и приняв решения Берлинского конгресса. После этого злополучного конгресса, сыгравшего столь большую роль в формировании взглядов Скобелева вообще и вызвавшего в нем, в частности, недоверие, если не презрение к династии и ее правительству, в письме И.И.Маслову (из Военно-исторического архива) он писал следующие очень характерные для него строки: «Уже тогда (после стояния под Константинополем. — *В.М.*) для слишком многих из нас было очевидно, что Россия обязательно заболит тяжелым недугом — свойства нравственного и заразительно растлевающего... Опасение высказывалось тогда открыто; патриотическое чутье, увы, не обмануло нас. Да, еще далеко не миновала опасность, чтобы произвольно недоделанное под Царьградом не разразилось бы завтра громом на Висле и Бобре! В одно, однако, *верую и исповедую*, что позорящая Россию... крамола есть в весьма значительной степени результат того почти безвыходного разочарования, которое навязано было России мирным договором, не заслуженным ни ею, ни ее знаменами».

В этом письме выражены две главные мысли. Во-первых, дипломатические неудачи породили в русском обществе нравственный недуг, в том числе «крамолу». Очень скобелевская мысль. Источник всех внутренних неурядиц, включая террор, Скобелев видел в этих неуда-

чах и их персональных виновниках, царских министрах, в отсутствии у них подлинного патриотизма и вследствие этого в их неспособности проводить национальную внешнюю политику (сравним с замечанием о Шувалове в следующем письме). Не в революционерах источник зла, их деятельность — лишь проявление нравственного недуга, закономерно возникшего в «результате почти безвыходного разочарования», созданного антинациональной внешней политикой. Во-вторых, неудачи России, в которых Скобелев обвинял Бисмарка, чреватые «громом» уже на западной границе, войной с Германией.

В другом письме тому же И.И.Маслову, написанном вскоре после убийства Александра II, когда общество ожидало конституционных, а часть его и внешнеполитических перемен, проскальзывают нотки надежды. Не в уступках и колебаниях надо искать «величия, и внешнего, так и внутреннего преуспевания отечества... Печальное решение было бы, в виду грозных внешних и внутренних врагов, отказываться от самого исторического призвания, от пролитой реками православной крови, от нашего природного *права бытия* во всем его размере — нравится это или нет германо-австрийским культуртрегерам, должно быть России безразлично... люди слабые... будут, конечно, теперь проповедовать теорию необходимости внутренних преобразований в ущерб нашей политической и исторической самобытности. Повторяю, это поведет к пагубным последствиям... Невольно вспоминается столь резкий, но, увы, верный ответ Наполеона I князю Меттерниху на Дрезденские предложения: «L'honneur peut

conserver un couronne, mais l'infamie jamais»^[14]. Спасибо за все графу Шувалову-Берлинскому^[15]».

И здесь Скобелев настойчиво доказывает зависимость внутреннего положения от внешней политики. Его особенно беспокоит — и в его словах чувствуется неподдельное страдание — международный престиж России, которому угрожают нынешняя политика и авторы теории первоочередности внутренних преобразований. Скобелев, как мы знаем, сам был их сторонником. Он высказывается лишь против проведения их «в ущерб» интересам России в международной сфере перед лицом грозных внешних врагов.

Но надежды на обновление внутренней жизни были разрушены Александром III, похоронившим конституционные проекты. До изменений в его внешней политике, как мы уже говорили, Скобелев не дожил. С этого времени он потерял веру в способность правительства вести национальную внутреннюю и внешнюю политику. Отсюда его критическое отношение к правящим верхам, которое он высказывал, не стесняясь в выражениях. Личность Александра III стала в его глазах символом реакции и тормоза развития России. По словам Валуева, Скобелев был настроен непримиримо против гатчинских порядков, то есть всей политики нового царя.

Где же выход? Его Скобелев видел в национальной политике, в таком ее крутом и решительном повороте, который оживил бы нацию, вызвал бы взрыв патриотиз-

¹⁴ «Честь может спасти корону, но подлость — никогда» (фр.).

¹⁵ Скобелев имеет в виду графа Петра Андреевича Шувалова, члена русской делегации («второго делегата») на Берлинском конгрессе. Его брат Павел — боевой товарищ Скобелева, впоследствии — посол в Берлине.

ма и подъем народных сил. Этот поворот — война с Германией. Лозунг войны с Германией, избавления России от происков и влияния немцев, освобождения и защиты славян был бы, по его мнению, понятен армии и поднял бы ее на борьбу. Но как быть с народом, с массой крестьян, в основном неграмотных и не испытывавших никаких антигерманских чувств? Нижеследующее письмо дает ясный ответ на этот вопрос. «История учит нас, что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскрешением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве». Это чувство можно возбудить в народе, если он поймет, что речь идет о самостоятельности его национальной жизни и независимости, которой угрожает беспощадный враг. Но чтобы армия и народ поняли этот лозунг и поверили в него, он должен исходить от такой личности, которая в их глазах пользуется безграничным доверием и уважением, от сверхгероя, общего кумира. Такой личностью — и с полным основанием — Скобелев считал себя.

Можно сказать без натяжек, что за свою дореволюционную историю Россия никогда не знала личности, популярность которой доходила до таких фантастических размеров. Не было в России города без площади, улицы или хотя бы переулка Скобелева; не было крестьянской хижины, в которой не висел бы портрет белого генерала. Об армии нечего и говорить: солдаты молились на любимого вождя, готовы были за ним в огонь и в воду. Огромной была популярность Скобелева и среди балканских славян. Скобелев был, без сомнения, единственным в

России человеком, способным осуществить тот план, который он задумал.

Все сказанное позволяет теперь представить этот план более или менее ясно: Россия переживает упадок, ей угрожают распад и гибель; старая власть прогнила, бессильна; других сил, способных обновить страну, нет; для спасения родины нужен лозунг, который был бы понятен народу и армии и вызвал бы взрыв патриотических чувств, вдохнул бы в народ новую силу; этот лозунг — война с Германией; армию возглавит в этой войне он, Скобелев, любимый армией и народом белый генерал. Он изучил германскую армию и знает, как с ней бороться, у него готов план войны; он победит Германию и... И тогда он, спаситель отечества, станет во главе России и устранил старый, отживший режим. Он полностью перестроит всю страну по своей давно разработанной детальной программе.

В том, что командующим в случае войны с Германией, фельдмаршалом, будет назначен он, Скобелев не сомневался. Да это, собственно говоря, было общим мнением. Недаром военный министр П.С.Ванновский говорил: «...Скобелева надо поставить самостоятельно. Главнокомандующий он был бы отличный...» Обдумывая свой план, Скобелев не мог не вспоминать почитавшегося им Наполеона, который также взлетел на волне военного успеха. Дело было за войной с Германией и тогда — за победой. Все остальное придет само собой. Это — то, чего не расшифровывал Немирович-Данченко в письме Богучарскому, та самая цель, которая «всецело поглощала его». Но как писатель и, следовательно, психолог, а также как человек, с которым Скобелев откровенно делился своими мыслями, он все же лучше других понял героя своих воспоминаний и, кстати, нескольких других книг.

Прав он был и в том, что, совершая, казалось бы, бестактности, Скобелев действовал как политик. Его бестактности (политические речи), если сопоставить их с политическими условиями и его тайными планами, в действительности били в ту же цель: они должны были внушить и укрепить в обществе мысль о неизбежности войны с Германией и о том, что командующим в этой войне должен быть он, Скобелев. Поистине все для Скобелева слилось в призыве к войне с Германией: и тревога за судьбу России перед лицом открыто накоплявшего силы и почти не скрывавшего своих целей врага; и надежда на внутреннее обновление страны; и личные, бонапартистские планы. Вот оно, отмеченное выше необходимое благоприятное условие, при котором Скобелев мог бороться против режима один, без союзников из либералов и революционеров. Вот почему в последний год своей жизни Скобелев так упорно твердил о необходимости войны с Германией. Таков был, на мой взгляд, ход мыслей Скобелева, насколько это можно представить на основании имеющихся в нашем распоряжении документов, учета исторических условий и знания взглядов, характера и мышления этого человека.

И еще одно замечание. Чтобы понять до конца Скобелева и его планы, нужно привлечь малозначительное, на первый взгляд, но если вдуматься, важное указание — его беседу во время Ахал-Текинской экспедиции с А.В.Верещагиным, на которую в цитированном выше комментарии к парижской речи Скобелева ссылался Е.В.Тарле. По словам Верещагина, Скобелев спросил его, кто такие социалисты и чего они домогаются. Услышав в ответ, что социалисты хотят установить такой общественный строй, при котором он, Скобелев, будет не нужен, он заявил, что в таком случае он намерен против социалистов бо-

роться. В духе своего толкования личности и целей Скобелева Е.В.Тарле замечал, что и социалисты, как и вообще все окружающее, интересовали этого генерала с той же единственной точки зрения личного успеха. Ничего другого в этом диалоге он не увидел.

На наш взгляд, дело обстояло не так просто. Трудно допустить, чтобы Скобелев не имел понятия о сущности и целях социалистического движения. Общее представление о социализме у Скобелева, как и у всех начитанных людей того времени, конечно, было. Его резко отрицательный отзыв о социалистах (если Верещагин точно передает его слова) важен совсем в другом, именно — в рассматриваемом аспекте.

Осуждение «смуты» Скобелевым и несогласие его с террором позволяют с достаточной уверенностью предположить, что он хотел предотвратить насилие и кровопролитие, которые почти неизбежно сопровождают революцию. Будучи уверенным в неизбежности крушения старого режима, он не мог не опасаться этого крайнего и нежелательного, с его позиции, поворота событий. Коль скоро революция назрела, нужно, по крайней мере, чтобы во главе общественного движения стали не подозрительные политиканы, а человек, преданный народу, каким Скобелев считал себя.

Так вот чем завершил автор свои рассуждения, произносит читатель. Допустим, все так. А задумывался ли автор над оценкой этого плана с точки зрения национальных интересов? Выиграл ли бы народ, удайся Скобелеву его план? Характеризовать его как прогрессивный или реакционный?

Поскольку план не был реализован, на этот вопрос приходится отвечать в чисто абстрактной форме. Придя к

власти, Скобелев провел бы серьезные социально-экономические преобразования. Какие? Трудность ответа на этот вопрос вызывается неполнотой и отрывочностью наших знаний о взглядах Скобелева на задачи внутреннего развития. С уверенностью можно сказать следующее: преобразования Скобелева были бы направлены к облегчению жизни народа, прежде всего крестьянства, о тяжелой доле которого он неоднократно говорил. Можно также не сомневаться, что Скобелев установил бы определенную форму народного представительства. Еще более несомненно, что это была бы национальная внутренняя политика, ограничивающая влияние немецкого капитала в народном хозяйстве и полностью его устраняющая в государственном аппарате и в армии. В отношении внешней политики можно говорить с гораздо большей, даже с полной уверенностью. Это была бы политика объединения сил славян в борьбе против Германии, союза с Францией, приобретения проливов, поисков путей соглашения с Англией. В случае возникновения трудностей в решении последней задачи Скобелев без колебаний нанес бы удар в сторону Индии. И, конечно, он провел бы важные мероприятия по укреплению армии и всей обороноспособности страны. Вот, в слишком, может быть, общих чертах, но зато с несомненной достоверностью то, чего можно было ожидать от «правительства Скобелева».

А осуществимость плана? — продолжает допытываться дотошный читатель.

Это уже не такой абстрактный вопрос, он в большей степени основан на реальной истории. В том, что Скобелев имел все личные, субъективные предпосылки для того, чтобы стать русским Бонапартом, никто и никогда не сомневался. Грин верно определял черту характера Ско-

белева, которая была прежде всего необходимой для этого: «Скобелев — безусловно и в высшей степени исключительный человек, обладающий способностью стать выше обстоятельств, один из немногих, способный скорее создать свою судьбу, чем следовать за ней».

В отношении же объективных условий дело обстояло менее благоприятно. В сущности, для совершения государственного переворота и захвата власти был только один подходящий момент — момент междуцарствия. Трудно сказать, как они могли возникнуть, но в народе в это время ходили слухи, что во время коронации в Москве будет совершен переворот, Александра III отстранят от власти и на трон взойдет Скобелев под именем царя Михаила. Но во время междуцарствия Скобелев находился в Туркмении. Отлучиться ему, как мы знаем, не разрешили, скорее всего именно из-за опасений подобных эксцессов. Когда же он возвратился, новый император уже вступил в права и провозгласил свое самодержавие. Момент был упущен. Теперь шансов на свержение династии не осталось. Не понимать этого Скобелев не мог. Чтобы реально представить себе его шансы на успех, следует учесть, что в правительстве, при дворе и в армии у него было много завистников и врагов, число которых он своими высказываниями успешно умножал. С Александром III у него был лишь «худой мир». Политических и организационных предпосылок для переворота также не было, поскольку не существовало организованной политической группировки, на которую он мог бы опереться. При таких условиях, окруженный недоверием и подозрительностью, Скобелев, конечно, не мог рассчитывать на успех, несмотря даже на его популярность. Обаяние его личности, его власть над массой казались безграничными, но в войсках это была не политическая,

а только боевая, военная популярность. Российская действительность не содержала в себе благоприятных условий для проявлений бонапартизма, даже для такой популярной и талантливой личности как Скобелев.

Иное дело — война с Германией. Она поставила бы Скобелева во главе единственной, как он говорил, организованной силы в стране — над армией. Это была бы уже власть, правда, пока только военная, но при благоприятном стечении обстоятельств военная власть может превратиться во власть политическую и государственную. Для этого нужно одно: победа. А на нее Скобелев твердо рассчитывал. Победа над сильнейшей военной державой Европы создала бы Скобелеву мировую славу и поставила его в ряд немногих, насчитываемых единицами великих полководцев. Она превратила бы в ничто скептиков и недоброжелателей, вознесла бы Скобелева высоко над Александром III с его присными. Народное доверие, народная любовь сами решили бы вопрос о власти. Для Скобелева ее взятие стало бы тогда делом лишь тактики и техники.

А был ли этот расчет реалистическим? — добивается заинтригованный, неугомонный читатель.

В случае, если бы в войне с Германией армию возглавил Скобелев и добился победы, такой исход был бы вполне возможным. Расчет Скобелева трезв и ясен, в нем, как и в его военных планах, — ничего фантастического или метафизического. Оглядываясь на сто лет назад и спокойно взвешивая «за» и «против», приходится это признать.

Теперь становится понятным странный, казалось бы, ход рассуждений Скобелева, который решение внутренних проблем искал во внешней политике. Ведь внешняя

политика, как хорошо известно, определяется внутренней, а не наоборот. Но это положение правильно теоретически, а на практике проявляется лишь как конечная и не всегда четко наблюдаемая зависимость. Не раз бывало, учит история, что в определенных условиях именно внешняя политика оказывалась ключом к решению внутренних проблем. Так и оценивал положение Скобелев в применении к условиям своего времени и своим личным целям. В российских условиях начала 80-гг. он нашел единственный путь к власти и тем самым к преобразованиям, которые он замыслил. Этот путь лежал через войну с Германией и победу — к личной диктатуре. Другого пути не было и быть не могло. Борьба, которая потребовала бы крайнего напряжения всех сил страны, победа, новая власть и новые порядки привели бы, по его замыслу, к внутреннему миру, к единству нации и к прекращению террористических актов революционеров. Последние действительно могли бы прекратиться хотя бы потому, что революционерам понадобилось бы время, чтобы разобраться в существе новой власти. Затем все зависело бы от ее внутренней политики и искусства в области социального маневрирования. Это — все, что можно сказать с уверенностью. Дальнейшие рассуждения увели бы нас в область беспочвенных предположений.

Так что Скобелев подходил к делу практически. Он занимался не сочинением трактата о соотношении внутренней и внешней политики, а искал пути решения конкретных политических задач. Но в запальчивости он допускал преувеличения, прежде всего в оценке деятельности дипломатии. После Крымской войны русская дипломатия действовала очень умело, свела к минимуму последствия поражения и очень скоро добилась и ликвидации статей Парижского мира, ограничивавших сувере-

нитет страны, и восстановления ее престижа. Неудача на Берлинском конгрессе объяснялась не отсутствием у дипломатов патриотизма и профессионального искусства, а тем, что единственный если не союзник, то благожелатель, каким привыкли считать в России Бисмарка, занял по сути антирусскую позицию, поставив Россию в полную изоляцию. Но даже и при этом условии неудача была вовсе не крахом, так как цели войны, во всяком случае открытые, которых добивалась общественность, были достигнуты: освобождена Болгария и образовано болгарское государство, окончательно признана независимость Сербии и Черногории, ликвидирована вассальная зависимость Румынии. Престиж России оставался высоким. Неправ был Скобелев и в характеристике России как распадающегося общества. Некоторые его высказывания заставляют, однако, предположить, что он понимал вопрос более правильно, чем представляется на основе этой характеристики. В беседе на квартире у Дохтурова на замечание хозяина, что «того и смотри, и Россия полетит», Скобелев отвечал: «Вздор, династии меняются или исчезают, а нации бессмертны». Эта правильная мысль, да и другие высказывания Скобелева аналогичного содержания ставят под сомнение искренность его убеждения в распаде и приближающейся гибели страны и нации. Не исключено, что он пускал в ход этот тезис, чтобы усилить свою аргументацию по критике династии и всей правящей верхушки. Без сомнения, он видел новые общественные силы, способные обновить страну. Об этом прямо говорят его высказывания в той же беседе, что «вся их лавочка полетит тормашками вверх», что революция неизбежна. И выразил свое к этому отношение: «Скатертью дорога».

Вот тут у автора получается неувязка, замечает пылливый читатель. С одной стороны, автор доказывает, и как будто убедительно, что Скобелев планировал захват личной власти, с другой — что он сочувствовал приближавшейся революции. Как же это совместить?

Противоречие это кажущееся. У него все было продумано, все взвешено. Ответ на этот вопрос, насколько я понимаю, содержится в следующем его замечании: «В революциях, дружище, стратегическую обстановку готовят политики, а нам, военным, в случае чего, предстоять будет одна тактическая задача. А вопросы тактики, как ты сам знаешь, не предрешаются, а решаются во время самого боя...» Скобелев не хотел быть орудием этих будущих политиков (может быть, ему припомнились слова Наполеона, не желавшего стараться ради успеха «этих адвокатов»), он не был уверен, что они поведут страну по правильному пути, он им, наверное, не доверял. Он сам хотел взять на себя роль политиков, то есть определять стратегию политического переворота и решать, в соответствии с ней, тактические вопросы. Этими тайными мыслями, которые он не хотел выдать, объясняется его реакция на слова Дохтурова о том, что он, Дохтуров, как солдат, в случае революции будет руководствоваться присягой, долгом, и полагает, что Скобелев будет вести себя так же. «Я?! — почти крикнул Скобелев, но одумался и спокойно, посмеиваясь в усы, сказал» то, что я сейчас цитировал. Реакция очень многозначительная. Скобелев чуть не проговорился, но вовремя удержался. Это — единственный намек на мечты о власти, исходивший от него самого. Понять его и всю эту сцену можно только так. Цель Скобелева была в том, чтобы перехватить руководство революционным и всем общественным движением из рук политиков и направить

его по тому пути, который он считал соответствующим коренным интересам России.

Не выдавая себя словами и какими-либо другими откровениями, Скобелев, однако, не мог избежать подозрений. Само поведение белого генерала не могло не вызывать опасений у царя и его окружения. В самом деле, как оценить поведение генерала, который берет на себя смелость публично и скандально-громко высказывать собственное мнение по вопросам высокой политики, составляющим прерогативу императора, критиковать и поучать правительство? Который в резкой форме отказывается охранять особу императора? Который ведет себя независимо, никого не боится, пользуется огромной популярностью и которому все сходит с рук? И — главное — о котором ходят слухи как о претенденте на престол? Вполне естественно, что современники, анализировавшие обстановку, независимо друг от друга приходили к заключению, что Скобелев метит в Бонапарты.

Вот, например, как становились все более определенными и уверенными оценки наблюдателя со стороны, Е.-М.Вогюэ: «29 марта 1877 г. Генерал Скобелев, русский Галифе, которым он, может быть, станет». Как видим, намек на возможную политическую роль Скобелева сделан еще до Ахал-Теке, в марте 1877 г., когда генерал в политике открыто еще не выступал. «13–25 февраля 1880 г. Любопытный обед и беседа со Скобелевым: редкий дар очаровывать этого великого актера-солдата»; «6–8 марта 1880 г. Интересный обед с элитой молодого русского либерализма у Мишеля Анненкова^[16].

¹⁶ Генерал М.Н.Анненков, участник Ахал-Текинской экспедиции, строитель Закаспийской железной дороги, брат виконтессы де Вогюэ.

Патриарх Тургенев, Скобелев накануне своего отъезда в Среднюю Азию, Градовский, либеральный публицист из «Голоса», Урусов — известный прокурор... Будет ли Скобелев убит или возвратится из Азии, как Бонапарт возвратился из Египта?» (обращает на себя внимание факт знакомства Скобелева с Тургеневым, о котором в других источниках не сообщается). А вот запись Вогюэ от 22 марта—17 июня 1881 г. (после неприветливого царского приема), сделанная в Париже: «Видел Скобелева на общем обеде и долго беседовали. Интересный человек. Гений тревожный, обольщающий, опасный, который готовится играть роль Бонапарта у себя на родине. Он в настоящее время пессимист до последней степени. Он мне рассказывает о его приеме молчащим сфинксом Гатчины; он ему попробовал высказаться по общей политике: тот показался непонимающим и отпустил его через десять минут. «Все это кончится кровавой грязью», — говорит генерал». Еще более определенно выглядит запись от 21 февраля 1882 г., сделанная вскоре после недозволенного для генерала вторжения в вопросы внешней политики: «Камень в пьедестал. Все способствует фортуне этого человека; говорят, требование о его отставке прекращено. Но тогда популярность Скобелева конкурирует с популярностью Александра III... Все обезумевшие Петербурга говорят о его династических претензиях... этот человек занимает сегодня Россию больше, чем царь, невидимый в Гатчине. Ну-ка, История, шагай, старая кляча, своими бесконечными дорожками!»

Последняя запись особенно красноречива. Вогюэ говорит уже не о подозрениях в бонапартизме, а прямо о династических претензиях Скобелева, слухи о которых упорно ходили в столице, о популярности прославленно-

го генерала, превосходящей популярность царя. (Перевод везде мой, на русском языке цитируется впервые.)

Отзывы отечественных деятелей ничем не отличаются от оценок этого иностранца. Московский генерал-губернатор князь В.А.Долгорукий при виде восторженного приема, оказанного Скобелеву Москвой при его возвращении из

Туркмении, когда князь, затертый экипажами встречавших, не мог выбраться из толпы, буквально повторил на следующий день слова Воюэ: «J'ai vu hier Bonaparte revenant d'Egipte»^[17].

П.А.Валуев по поводу петербургской речи Скобелева записал: «Генерал Скобелев... начинает походить на испанского генерала с будущим *pronunciamentos* в кармане». Даже А.Ф.Тютчева 9 января 1882 г. высказала свою догадку о том, на что способен друг ее мужа: «...сильная воля и страстное честолюбие, которые, как мне кажется, соединяются у Скобелева, легко могут захватить бразды и направить Россию по своему усмотрению». Ю.Карцов высказывался прозрачным обиняком: «В дружеской компании его в шутку называли *Monsieur le premier Consul*», давая этим понять, что видят в его положении и поведении сходство с тем, как начинался путь к власти Наполеона. Эти отзывы достаточно ясно говорят о том, что современники, присматривавшиеся к внутривосточной жизни, понимали, что наблюдают небывалое в русской истории явление — появление отечественного Наполеона.

¹⁷ «Вчера я видел Бонапарта, возвратившегося из Египта» (*фр.*). Исторический вестник. 1895. Т. LIX, с. 107.

В связи с замыслами Скобелева, скрытыми от глаз общественности, но без сомнения существовавшими, попытаемся решить еще одну из тех загадок, которые в таком изобилии возникают при изучении деятельности этого необычайного и столь интересного человека. Я имею в виду династические планы Скобелева в Болгарии и его тайные связи с действовавшими в южнославянских странах национально-освободительными организациями. Эта страница деятельности Скобелева еще меньше раскрывается в литературе. Документов, проливающих на нее свет, нет совсем, ввиду чего описать ее сколько-нибудь связно и сделать убедительные выводы не представляется возможным. Начнем с события, которое, как увидим дальше, тесно связано с этой стороной деятельности белого генерала, — с убийства его матери. Официальное описание этого непонятного и жестокого убийства содержится в трехтомном отчете русской военной администрации о ее деятельности по управлению Болгарией в 1877–1879 гг. и в мемуарах некоторых современников.

Ольга Николаевна была энергичной и волевой, но в то же время доброй и великодушной женщиной, отдававшей много сил и личных средств благотворительности. Летом 1880 г. она, уже вдова, приехала в столицу Восточной Румелии Филиппополь (Пловдив). Как говорится в указанном отчете, «желая посвятить остаток своих дней стране, которая была свидетельницей подвигов ее сына, особенно той ее части, которая наиболее нуждалась в утешении — Восточной Румелии, Ольга Николаевна несколько раз посетила эту область после войны, щедро помогая сиротам и неимущим. В 1880 г. она приехала в Филиппополь со значительной суммой денег (в несколько сот тысяч), высказывая желание купить себе для

постоянного жительства хутор и построить в нем усадьбу, мечтала и об основании монастыря. Она... занималась устройством школ, больниц и т. п., причем ее всегда сопровождали унтер-офицер Иванов и Узатис».

Капитан Алексей Алексеевич Узатис, в описываемый период командир роты саперов восточнорумелийской милиции, происходил из богатой семьи, проживавшей в Нижнем Новгороде. Дома он получил хорошее воспитание, знал немецкий, французский, английский языки, потом самостоятельно овладел турецким, черногорским, болгарским. В Николаевском инженерном училище Узатис шел хорошо, но был исключен за юношескую, довольно дерзкую выходку. В 1876 г. он отправился за генералом М.Г.Черняевым бороться за славянскую свободу, но не в Сербию, куда шли все добровольцы из России, а в Черногорию, где не было никого. Явившись рядовым, он своей отвагой завоевал уважение черногорцев и князя Николая, не подозревавших, что этот смуглый юноша — выходец из России. Во время русско-турецкой войны он появился охотником в 16-й скобелевской дивизии. Под Плевной Скобелев обратил внимание на его необычайную храбрость, приблизил его к себе и стал поручать ему дела, требовавшие особого мужества и распорядительности. За боевые отличия Узатис был удостоен многих наград. Этот краткий послужной список рисует человека, несомненно способного, но склонного к приключениям и, по-видимому, с неустойчивой психикой. По описанию офицера В.В.Яшера, давнего знакомого семьи Скобелевых, это был красивый брюнет лет 24-х, смуглый, с восточным типом лица, южного, очевидно греческого, происхождения, постоянный в своих взглядах, очень сдержанный, почти молчаливый. «Но в выразительных темно-

серых глазах его, — добавлял Ящеров, — нет, нет, да и промелькнет что-то как будто ненормальное».

Как любимец сына Ольги Николаевны, Узатис тотчас сделался самым близким ей лицом. Он сопровождал Ольгу Николаевну в поездках, и его она попросила помочь в покупке имения за весьма выгодное для него вознаграждение.

Узатис же в это время был одержим идеей организации восстания в Македонии, ее присоединения к Болгарии и создания «единой сан-стефанской Болгарии» от Черного до Эгейского моря. В восьми верстах от Филиппополя, у подножия Родопских гор, он отыскивал уединенное место, откуда легко было поддерживать связь с вожаками македонцев, а для отвода глаз занялся постройкой здесь мельницы. При доме находились три черногорца. Македонские вожаки и местные болгары были безгранично преданы Узатису как любимцу обожаемого ими белого генерала. С уважением относились к Узатису и русские, находившиеся в Болгарии. Князь А.Н.Цертелев, русский консул в Восточной Румелии, был настолько высокого мнения о честности Узатиса, что говорил: «Если бы у меня в консульстве было несколько миллионов денег, то, в случае экстренной отлучки куда-нибудь, я попросил бы Узатиса переселиться ко мне и быть на время моего отсутствия хранителем сокровища».

Когда Ольга Николаевна приехала в Восточную Румелию, подготовка восстания близилась к завершению. Было найдено оружие, подобраны руководители. Оставалось только добыть деньги. Узатис знал, что генеральша привезла с собой полумиллионный капитал и попросил у нее какую-то сумму на свои цели. Она шутя посоветовала

ему бросить мельницу и ехать с ней. Наверное, это не означало отказа, но Узатис понял ее так.

В день отъезда Ольга Николаевна пригласила Узатиса и Яшерова на утренний чай. Кроме них, было еще несколько офицеров и начальница пловдивского госпиталя М.Смольникова. После ухода гостей генеральша с помощью Узатиса уложила вещи и все свои деньги. Узатис ушел, а Скобелева, почувствовав мигрень, перенесла поездку на следующий день. Но вечером ей стало лучше и она решила ехать не откладывая. Изменила она лишь одно: по совету М.Смольниковой отвезла деньги на хранение в консульство и взяла с собой только 46 тысяч рублей. О дальнейших событиях утром следующего дня рассказали М.Смольникова и унтер-офицер Иванов.

Около 11 часов вечера по шоссе, ведущему в Черпан, выехали две коляски: в одной сидела Скобелева с М. Смольниковой и Ивановым на козлах, во второй — капитан артиллерии Петров, также присутствовавший на завтраке, и горничная генеральши Катя. Проводив Ольгу Николаевну с ее спутниками до палаток лагеря, расположенного на берегу Марицы, Петров и Смольникова повернули назад. Вскоре горничная заметила на шоссе фигуру, в которой узнала Узатиса. Думая, что он пришел провожать, она окликнула Скобелеву и кучера. Коляска остановилась, но пассажиры не увидели подошедших сзади двух черногорцев. Ни слова не говоря, Узатис подошел к коляске, поднялся на подножку и, выхватив ятаган, ударил им Иванова. Удар был бы смертельным, но в этот момент черногорцы схватили Иванова за руки и дернули с козел вниз. Поэтому удар пришелся в руку у плеча, причинив тяжелую рану. Еще не поняв происходящего, Катя закричала: «Капитан Узатис! Что вы сделали!» Но, поняв, тихо проговорила: «Не убивайте генераль-

шу! Возьмите все!» Ударом ятагана Узатис убил и ее, после чего повернулся к Ольге Николаевне.

— А! — сказал он. — Ты мне не хотела дать, что я просил, так я теперь и так возьму все!

С этими словами он, вероятно, приподнял голову Ольги Николаевны, не произнесшей ни слова, и нанес удар в шею. Уже одна эта рана, по заключению врачей, была смертельной, но потерявший самообладание Узатис продолжал наносить обеим женщинам новые удары.

Опомнившийся от неожиданности кучер развернул лошадей и хотел ускакать, но его стащили, коляска опрокинулась, оба тела упали на шоссе. Кучер вырвался и побежал. Узатис, уверенный что его подручные справятся с Ивановым, погнался за кучером и прикончил его. Черногорцы же, отскакивая от экипажа в момент его падения, выпустили из рук Иванова, которому успели нанести еще одну легкую рану, и он бросился бежать по шоссе к городу. Стрелять ему вслед убийцы не посмели, так как уже близко находился лагерь. Они догнали Иванова, вцепились в шинель и стали колоть его в затылок. Но их волнение и толщина двойного воротника шинели спасли Иванова: сначала он их несколько шагов тащил за собой, а когда крючок и верхняя пуговица шинели оборвались, сузил плечи назад, шинель соскользнула и оба убийцы, не удержавшись на ногах, упали вместе с ней. Уже показалась стоявшая на окраине города кофейня, и черногорцы повернули назад. Иванов, вбежав в кофейню, где за стаканом вина сидели два жандарма, успел крикнуть: «Генеральша Скобелева зарезана! Убийца — капитан Узатис!» — и упал без чувств.

Вернувшись к Узатису, черногорцы не решились признаться ему, что Иванов ушел, и сказали, что убили

его. А Узатис, перерыв чемодан в поисках денег, нашел только 46 тысяч и не мог понять, куда девались те сотни тысяч, которые он сам уложил. Не подозревая, что Иванов жив, он приказал черногорцам спешить на мельницу, а сам поскакал в лагерь, к своим саперам.

Тем временем Иванов пришел в себя. Когда ему перевязали раны, он потребовал от жандарма (другой поскакал в лагерь) вести себя к русскому военному агенту капитану Экку, которому рассказал обо всем происшедшем^[18].

Скоро об этом узнали и другие официальные лица. Весь город проснулся, на поиск убийц выехали экипажи и многочисленные конники, на шоссе, у опрокинутого экипажа с двумя трупами и находившимся недалеко третьим, появились представители власти, следователи, врачи. В лагере же поручик артиллерии Вишневский, узнав об убийстве от второго жандарма, и, уверенный, что Узатис вернется в домик при мельнице, с несколькими кавалеристами помчался туда. Он подъехал к дому шагом, унтер-офицера с двумя рядовыми послал занять тропинку, ведущую в горы, с приказом никого не пропускать со стороны мельницы, и, привязав коней в чаще, с пятью спешившимися конниками подкрался к двум освещенным окнам. Вишневский заглянул в окно и увидел в левом углу комнаты сложенное в кучу оружие, а справа — двух передевавшихся черногорцев, у ног которых валялось окровавленное белье. Дверь распахнулась разом. Вишневский прыгнул между убийцами и их оружием. Остальные схватили растерявшихся от неожиданности черногорцев. На вопрос «Где Узатис?» оба отвечали, что в го-

¹⁸ Унтер-офицеру Матвею Иванову Скобелев и его сестры назначили из своих средств пожизненную пенсию (ЦГИА, ф. 934, оп. 1, д. 934, лл. 105–106).

рах. Едва Вишневский успел сесть в седло, как услышал пистолетный выстрел. Подъехав, он увидел Узатиса, корчившегося в смертных судорогах. Оказалось, он появился на тропинке сразу после постановки на ней засады. Унтер-офицер преградил ему дорогу:

— Ваше благородие! Приказано не пропускать!

— Отчего, голубчик?

— В Пловдиве несчастье случилось: генеральшу Скобелеву зарезали!

Узатис немного подумал, потом проговорил:

— А! Генеральшу зарезали?

Спокойно и медленно повернувшись, он сделал несколько шагов, вынул из-за пояса пистолет и выстрелил себе в рот.

В кармане Узатиса нашли офицерский Георгиевский крест, который он с себя, наверное, снял перед убийством. Черногорец Андрей, главный доверенный Узатиса, показал, где спрятаны деньги. Их нашли в целости у мельницы под каменной плитой колодца...

Да, страшная, дикая история, скажет читатель. Но, конечно, добавит: надо все-таки хотя бы попытаться ее разгадать. А главное, непонятно, к чему клонит автор в связи с основным сюжетом.

Как сейчас убедимся, связь с основным сюжетом есть, хотя и не совсем ясная. Для начала попытаемся выяснить, имели ли путешествие и убийство Ольги Николаевны политическую подоплеку. Можно положительно утверждать, что ее поездка была предпринята с ведома сына. При взаимном уважении и привычке советоваться друг с другом в важных вопросах противоположное мне-

ние исключается. Основной вопрос — цель поездки. Напомним, как мать поощряла честолюбие сына, как она, например, ухватилась за мысль, высказанную на квартире Скобелева в Петербурге кем-то из гостей в присутствии П.А.Дукмасова, о предстоящей экспедиции в Закаспийский край и о возможном назначении Михаила Дмитриевича ее начальником. Подобным же образом Ольга Николаевна вела себя и во всех других случаях, когда речь шла о карьере сына. Сопоставим с этим другой хорошо известный факт посещения Ольгой Николаевной болгарского парламента и о восторженном приеме, оказанном ей депутатами как матери белого генерала. В разговоре с Н.И.Гродековым, подготовлявшим Михаила Дмитриевича к известию о гибели матери, последний сказал, что послал матери телеграмму, чтобы она вернулась, и добавил: «Чего она там лазает по парламентам, только больше раздражает моих врагов, когда ей в парламенте кричат ура как матери известного русского генерала». И посылка телеграммы, и эти слова Скобелева вновь говорят о том, что поездка была предпринята с его ведома и что он, вероятно, даже руководил ею. В связи с этим нельзя не указать на предложение Скобелеву, последовавшее со стороны А.Баттенберга, занять пост военного министра Болгарии. Скобелев всерьез думал об этом и готов был согласиться. С В.В.Верещагиным у него был на эту тему следующий разговор:

— Дайте мне совет, — сказал Скобелев. — Баттенберг предлагает мне пойти к нему военным министром. Дает слово, что через два года затеет драку с турками (для воссоединения двух Болгарий. — *В.М.*).

Верещагин иронически заметил:

— Вы неравнодушны к белому перу, что болгарские генералы носят на шапках.

— Черт знает что! Вы шутите! Знаете, я говорю серьезно. Я уже почти дал согласие.

— Откажитесь, попросите, чтобы государь отказал.

В конце концов Баттенбергу отказали, заявив, что Скобелев нужен России.

Отказ Скобелева представлял, быть может, его ошибку и потерю для Болгарии. Он искренне любил эту страну и ее народ и больше всего был озабочен укреплением ее суверенитета и воссоединением двух ее частей. Он сам создавал болгарскую армию и, конечно, сделал бы много полезного для ее укрепления.

Существовало мнение, что отказ Скобелева был связан с тем, что он думал о большем — о болгарском престоле. М.М.Филиппов писал: «...носились даже слухи, будто Скобелев метит в болгарские князья. Слухи эти имели некоторое основание. О возможности своей кандидатуры Скобелев сам говорил многим близким, и весьма вероятно, что его мать, Ольга Николаевна, поддерживала этот план». Книга Филиппова вышла в свет в 1894 г., когда еще были живы многие современники Скобелева. Вероятно, работая над книгой, он консультировался с этими близкими Скобелеву людьми. Ниже мы увидим, что Филиппов действительно пользовался методом опроса участников и свидетелей минувших событий. О том, что Ольга Николаевна хлопотала о кандидатуре сына на болгарский престол, писал другой биограф, А.Струсевиц, не ссылаясь, правда, на источник. Но если об этом говорилось в книге, вышедшей в псковской провинции, то, видимо, эти притязания Скобелева стали в литературе

того времени общим местом, не требующим доказательств.

Сопоставление материалов наталкивает на следующую мысль. Путешествие Ольги Николаевны помимо благотворительности (она несомненна) преследовало и другие цели, как-то связанные с замыслами белого генерала. Одной благотворительностью и желанием купить имение невозможно объяснить, зачем она взяла с собой, подчеркнем — наличными, полмиллиона рублей, колоссальную по тем временам сумму; почему, имея возможность ехать утром следующего дня в сопровождении пяти офицеров, она пренебрегла этой возможностью и отправилась в путь ночью почти одна, имея при себе 46 тысяч рублей, также очень большие деньги (что для покупки имения, которое она еще даже не выбрала, было вовсе не нужно, да и оплатить покупку гораздо удобнее было путем безналичного расчета).

Каковы были эти замыслы Скобелева? Он мог претендовать на роль главнокомандующего армией в новой войне с Турцией и, возможно, рассматривал ее как этап на пути создания славянской федерации, что требовало финансирования тайных национально-освободительных организаций балканских славян, пребывавших в составе Австрии, и Ольга Николаевна выполняла какое-то поручение сына.

Эту догадку косвенно подтверждает следующий рассказ князя Д.Д.Оболенского, относящийся к июню 1882 г. «Он уже не верил в продолжительный мир, установленный на Берлинском конгрессе, и твердил, что на Балканском полуострове неминуемо начнется опять смута. Как-то я зашел к нему... и застал Скобелева читающим (французскую газету со статьей Адан. — *В.М.*).

— Ты читал известия из Болгарии? — спросил он меня.

— Нет.

— Прочти... Турки нарушили границы, были уже стычки. Если это верно, то я там буду через три недели, и тогда посмотрим...» И дальше Скобелев сказал, что у него есть готовый план обороны Болгарии.

«Но надо взять с собой много денег, — добавил он. — Я все процентные бумаги реализую, все продам. У меня на всякий случай будет миллион денег с собой. Это очень важно, не быть связанным деньгами, а иметь их свободными... Через несколько дней... я встретился с Михаилом Дмитриевичем в Петербурге и зашел к нему. Я застал его в распоряжениях... он был занят ликвидацией своих бумаг и обращением их в чистые деньги». В итоге Скобелев действительно собрал, по словам Оболенского, миллион рублей, как он объяснял, «на случай — будет надобность ехать в Болгарию».

О желании Скобелева ехать на Балканы в случае возникновения там новой «смуты» известно и из других источников. Например, Б.М.Маркевич 22 февраля 1882 г. писал Каткову о циркулировавших в столице слухах: «Он-де только и желает, чтобы отняты были у него вензеля: он в этом случае немедленно вышел бы в отставку и отправился в Герцеговину...» Но рассказ Д.Д.Оболенского о собирании для этого миллиона рублей существенно конкретизирует эти сведения и придает им новый смысл. Если войну ведут государства, то генералы, как известно, ее не финансируют. Следовательно, в случае болгаро-турецкого конфликта деньги были нужны Скобелеву или для реализации его династических замыслов в Болгарии, или для финансирования повстанческого дви-

жения южных славян, которое он хотел лично возглавить. Важным в этой связи является следующее место из воспоминаний Ю.Карцова: «М.Д.Скобелев предлагал образовать болгарские четы и бросить их в Македонию, чтобы вызвать турок на новую резню». Это дало бы повод для болгарского вмешательства, может быть, и при русской поддержке, с целью присоединения Македонии к североболгарскому княжеству. Не исключено, что в планах Скобелева действия по освобождению славян могли начаться и в других районах Балкан. А.С.Ионин, например, рассказывал Г.А. де Воллану, что Скобелев хотел ехать в Герцеговину.

Вот всё, что весьма, как видим, немногие материалы позволяют сказать с достаточной долей обоснованности о балканских планах белого генерала. И Ольга Николаевна выполняла, по-видимому, какое-то связанное с одним из звеньев этих планов поручение сына, скорее всего дипломатического свойства и несложного характера. Оснований для других выводов документы не дают.

Правда, нуждается еще в объяснении поведение Узатиса, который сам хотел возглавить македонское движение. Но с его стороны это могла быть руководящая роль лишь на каком-то низовом уровне. Конкурировать со Скобелевым как с вождем Узатис не мог и, конечно, это понимал. Допустимо такое предположение: подготавливая восстание в Македонии, Узатис действовал по поручению или с ведома Скобелева, но, увидев у Ольги Николаевны такие огромные деньги, не смог побороть вспыхнувшей в нем жадности, решил присвоить деньги и скрыться. Попутно укажем на заблуждение Н.Н.Кнорринга, считавшего, что банда Узатиса напала на Ольгу Николаевну по ошибке, не зная, кто находится в экипаже. Все материалы опровергают эту версию. Узатис хоро-

шо знал, кто станет его жертвой. Для оценки мотивов его поведения следует также указать на известный факт. Как писал В.И.Немирович-Данченко, во время оккупационной службы в Болгарии «...один из людей, которым Скобелев доверял, вынул бриллианты из его шпаги и продал их в Константинополе. Хотели было дать делу ход, как узнаёт об этом Скобелев. — Бросьте! И ни слова об этом! — Помилуйте! Как же бросить... Ведь сабля жалованная! — Забудьте о них! Как будто ничего не случилось. — При встрече с виновным он не сказал ему ни слова... Только перестал подавать ему руку». Этим вором был брат Алексея Узатиса, которого Скобелев не отдал под суд «ради его брата». Он ограничился лишь тем, что обоих братьев, состоявших в числе его адъютантов и ординарцев, отчислил в части. Хотя великодушный, как всегда, Скобелев простил этого бесчестного человека, мстительный Алексей мог затаить злобу и выместить ее на Ольге Николаевне. Поскольку он покончил самоубийством, не оставив никаких писем, планов и т. п., ответить на вопрос о руководивших им мотивах точно и убедительно мы, может статься, никогда не сможем.

Для современников балкано-славянские связи Скобелева составляли тайну, в которую были посвящены немногие. Поэтому и материалов о них сохранилось так мало. Но подозревать Скобелева в таких связях и намерениях можно было на основании простых наблюдений за его поведением. Он сам толкал к этому выводу своими речами и высказываниями в пользу вызволения славян из-под иноплеменного ига. Если поведение Скобелева в России заставляло говорить о его бонапартизме, то его панславистские идеи, его желание лично возглавить освободительную борьбу славян породили сравнение его с Гарибальди. «Это славянский Гарибальди в Сербии со

всеми русскими сердцами, следующими за ним!» — восклицал Е.-М.Вогюэ. С Гарибальди сравнивал Скобелева и посол в Париже Н.А.Орлов. Называя Скобелева Гарибальди, современники подразумевали роль вождя национально-освободительной борьбы, включавшей, быть может, и некоторый социальный смысл.

Вот я и завершил изложение моей гипотезы о бонапартистских замыслах Скобелева. Насколько убедительно и адекватно источникам ее построение, пусть судит читатель. Допускаю, правда, некоторое разочарование читателя моим пессимизмом в отношении раскрытия дела Узатиса и некоторых других загадок.

Действительно, загадок и тайн Скобелев оставил нам много, впереди нас ждут еще новые. Существование их в значительной степени связано с тем, что все его соучастники оказались очень молчаливыми. К примеру, адъютант, являвшийся в Париже к Лаврову. Кто это был? Почему после смерти Скобелева он не обмолвился о своей миссии ни единым словом? А при желании он, наверное, мог бы пролить свет на замыслы своего патрона. Исключений мало. Это — Дюбюк, Блюмер, Пашино. Почему так сложилось дело? По-моему, в данном случае допустима такая догадка: участники кружка, группировавшиеся вокруг Скобелева, — его адъютанты и ординарцы — были связаны круговой порукой, взятым на себя обязательством молчать, как устно, так и печатно, не только при жизни Скобелева, но и после его смерти. Но есть надежда. Где-то хранится еще не обнаруженный большой архив Скобелева, о котором я расскажу ниже. Есть также сведения, что в Болгарии после войны 1877–1878 гг. осталось много еще не разобранных и не опубликованных русских документов, относящихся как к самой войне, так и к послевоенному трехлетнему управлению. Так что

не все потеряно. Как всегда бывает, последующие поколения знают больше современников и чем больше проходит времени, тем больше прибавляется знаний. Нужно только одно: серьезное изучение Скобелева.

Последний вопрос этой главы, также (и наверное по тем же причинам) не ставившийся дореволюционными биографами, но который, по-видимому, нельзя обойти: кем был Скобелев в общественно-политическом отношении? Чьи мысли и интересы — какой группы, класса или, может быть, даже чего-то большего он представлял и выражал?

Трудность ответа вызвана не только мраком тайны, покрывающим внутривидовую деятельность Скобелева. В этом отношении я сделал что мог и теперь буду опираться на свои, убедительные или неубедительные, выводы. Трудность определяется сложностью и противоречивостью самого Скобелева. Выскажу первое, что легче всего поддается определению: Скобелев был представителем и выразителем взглядов передовых и патристически настроенных высших военных кругов. Можно сказать, их наиболее последовательным и, уж конечно, самым ярким выразителем. Это правильно, но далеко не исчерпывает Скобелева, который был не только военным, но и политиком и общественным деятелем. Именно эта его сторона затрудняет дефиниции. Пытаясь его определить с этой стороны, В.И.Немирович-Данченко писал: еще нельзя «очертить убеждения Скобелева во всей их полноте. Он не был славянофилом в узком смысле — это несомненно. Он выходил из рамок этого направления, ему они казались слишком тесны. Ему было дорого народное и славянское дело... Взгляды на внутреннее устройство, на права отдельных племен, на многие внутренние вопросы у него были совершенно иные. Если уж

необходима кличка, то он скорее был народником». Затрудняясь в выборе «клички», писатель все же находит ее: народник, то есть поборник, защитник интересов народа. Определение Немировича-Данченко основано на гораздо более полном знании убеждений Скобелева, чем это доступно нам, и даже делая скидку на его восхищение Скобелевым (относящееся, кстати, к его военным и личным качествам, а не к общественным убеждениям, которые писатель, по его собственным словам, во многом не разделял), мы не имеем оснований сбрасывать со счетов эту характеристику.

Характеристика Скобелева с общественно-политической точки зрения, частично цитированная выше, содержится в «Отечественных записках». «Что заставило его остановиться на войне с немцами и считать Петербург *гнилым* городом — собственное ли внутреннее убеждение, случайно ли запавшая в голову мысль, столь часто повторявшаяся за последнее время всюду, что запутали нас немцы и нигилисты, или же просто соображение, что на этом скорее всего можно объединить общество и либо пропасть и перейти в нирвану, либо куда-нибудь выйти — решить, разумеется, довольно трудно. Куда именно выйти? Этому вопросу Скобелев, по-видимому, особого значения не придавал... Видно было, что он шел и говорил как-то непроизвольно, точно не сам собою, а как будто кто-то толкал его сзади, кто — неизвестно: фатум, обстоятельства или чья-то невидимая рука, смотревшая на него, может быть, просто как на прекрасное историческое мясо, могшее послужить для временного воплощения народного духа и национальной идеи. Что Скобелев был воплощением не одних только личных желаний и стремлений — это весьма вероятно; но был ли он воплощением именно народного духа и стремлений, а не духа

и стремлений только какой-нибудь части общества — это еще вопрос». Вместе с цитированными выше строками этого автора о том, что Скобелев хотел помогать мужику, думал о будущем счастья, о независимости и свободе народов, заслуживает внимания его мысль, что Скобелев воплощал не одни только личные желания и стремления. В то же время нельзя согласиться с тем, что он-де действовал и говорил произвольно: все его действия и речи были глубоко продуманы и взвешены.

Из других толстых журналов развернутую характеристику общественно-политического лица Скобелева дал «Вестник Европы». Его подход к оценке Скобелева — совсем другой. Автор говорит прежде всего о популярности Скобелева в армии и народе, которую, однако, не связывает, как аксаковская «Русь», с политическими выступлениями белого генерала. Ссылаясь на Западную Европу и Россию, он утверждает, что «наиболее широкой славой всегда и везде пользовались знаменитые полководцы», и что «чувства русского народа к Скобелеву отличаются от чувств его к Радецкому или Гурко только степенью, а не свойством». Объясняя степень славы и популярности Скобелева, автор писал: «Мы едва ли ошибемся, если скажем, что в памяти и воображении народа Скобелев занял место рядом с Суворовым не только потому, что оба слыли (почему только слыли? — *В.М.*) непобедимыми, но и потому, что оба умели проложить себе путь к солдатскому, а, следовательно, и к народному сердцу. Это умение дается не каждому: можно любить солдат не меньше, чем любил их Скобелев

или Суворов, но не обладать искусством выражать эту любовь в тех формах, в которых она приобретает неотразимо обаятельную силу». Журнал, в частности, указывает, что Скобелев относился к солдату как к мысля-

щему человеку и гражданину, «предпочитал осмысленное повиновение механическому, слепому», что перед боем он совещался не только с офицерами, но и с унтер-офицерами, представлявшими солдатскую массу. В статье также подчеркивается административный талант Скобелева, не уступавший, быть может, военному, его высокая образованность.

Дальше журнал переходит к главному, что нас интересует. Он старается быть объективным и высказывает мнение, что это был «ясный, самостоятельный ум, свободный от традиционных предрассудков». Но журнал остается при своем прежнем мнении, что Скобелев не был «государственным человеком», что его мысли по вопросам внутренней и внешней политики ошибочны и неприемлемы для общества, а его исторические параллели представляют «исторический дилетантизм». В доказательство автор ссылается на исповедовавшуюся Скобелевым мысль о «причинной связи между берлинским трактатом и внутренней крамолой». Другой аргумент — письмо Скобелева в редакцию «Московских ведомостей» по вопросам внешней политики. Мы уже рассматривали это письмо, полное прозорливости. Журнал же увидел в нем только абсурд. «Каким образом, — иронически вопрошал автор, — обладание Босфором может оградить наши, открытые теперь, границы, каким образом Царьград может помочь нам в защите Варшавы, — это загадка, неразрешимая, конечно, не для нас одних». Высказываясь, что масса народа может поддержать лишь вынужденную, оборонительную войну, автор заключал: «Но мы никогда не согласимся с тем, чтобы ее мог вдохновить крик: «К Босфору, к Царьграду, в Святую Софию»; мы никогда не назовем «народными и святыми» слезы, пролитые при отступлении от Константинополя».

Как видно, отказывая Скобелеву в качествах государственного человека, журнал не смог понять и по достоинству оценить мысли этого письма. Указывая на значение владения Босфором для обеспечения защиты открытых для вражеских нашествий западных границ, Скобелев имел в виду ликвидацию угрозы со стороны могущего пройти в Черное море иностранного флота, как это было в Крымскую войну. Обладание Царьградом дало бы также возможность парализовать Австрию на суше и не допустить превращения Турции и Болгарии в инструмент австро-германской политики на Балканах (читателю, конечно, понятно, что я лишь разъясняю мысли Скобелева, отнюдь не разделяя его экспансионизма). Обеспечив тыл с юга, можно было бы повернуться лицом на запад и обратить силы на укрепление и защиту этой границы. Если этот не известный нам автор дожил до Первой мировой войны, он имел бы возможность убедиться в значении этой проблемы и в частности — обладания Босфором. Не решив ее, Россия оказалась вынужденной вести войну не только на протяжении фронта от Балтийского до Черного моря, но и на Кавказском фронте против Турции и на Черном море — против соединенных сил Турции и Германии. Известно, какой военный и политический вред причинили России прошедшие через Босфор германские крейсера «Гебен» и «Бреслау». Вот когда сомневающиеся получили запоздалую возможность понять, «каким образом Царьград может помочь нам в защите Варшавы».

Что же касается несогласия с призывом «К Босфору, к Царьграду...», то здесь смешаны разные вопросы. Мысли Скобелева опирались на его концепцию естественных границ государств, которые для России проходили на юге по Босфору. Это — планы человека, который мыслил категориями своей эпохи. Поскольку они были связаны с

захватом чужих земель, массу народа не мог бы вдохновить этот призыв. В этом журнал прав. Но его критика обиды и слез Скобелева по поводу отхода от Константинополя — совсем другое дело. В данном случае речь шла не об аннексии чужой земли, а лишь о временном вступлении в город армии, одержавшей великую победу в освободительной, справедливой войне. Реакция Скобелева выражала законное негодование всей армии, принесшей на алтарь победы огромные жертвы и не получившей морального удовлетворения от вступления во вражескую столицу.

И последнее, что необходимо отметить в связи с оценкой Скобелева «Вестником Европы». Журнал ошибается, когда утверждает, что чувства народа к Скобелеву отличались от его чувств к другим героям турецкой войны «только степенью, а не свойством». Ниже мы покажем, что народная любовь к Скобелеву вызывалась отнюдь не только его военной доблестью. Да и вообще мнение о том, что массы народа знают и любят больше всего полководцев, весьма спорно, по крайней мере, по отношению к русскому народу. Русский народ всегда больше знал и любил борцов за народное дело, народную свободу. О них он слагал легенды и песни.

Попытаемся, наконец, и мы определить свое мнение. Сначала суммируем то, что установлено. Скобелев был противником крепостничества, сторонником облегчения участи крестьянства и всего народа. Он относился к солдату как к полноправному гражданину, добивался ликвидации помещичьих замашек, еще бытовавших в среде офицерства. Он был сторонником народного представительства, устранения монархии; мечтал о личной власти с целью переустройства общественной жизни на благо народа; экономил государственную копейку, обе-

регал ее от расхитителей; помогал бедным, помогал крестьянам; боролся против влияния в России иностранцев; добивался обеспечения внешних интересов России. Нельзя умолчать, что Скобелев был и богатым помещиком и — поскольку он был обладателем капитализированного дохода в виде векселей, акций, облигаций, — капиталистом. Но важно, как он намерен был распорядиться своим богатством. В завещании он писал о «выделении села Спасского с домом, садом и земельным обеспечением на *инвалидный дом*, который тем более мне близок и к сердцу, и к совести, что на моей ответственности при постоянном боевом командовании лежит много геройской крови, да, к сожалению, и в предстоящих действиях еще ляжет. Я чувствую потребность сделать в пределах возможного для наших инвалидов доброе». Инвалидному дому присваивается наименование Скобелевского и предоставляется «в собственность из состоящих при этом селе удобных земель и всякого рода угодий потребное количество оных в таком размере, чтобы доходами с этих земель или угодий вполне обеспечивалось на вечные времена содержание и существование предполагаемого инвалидного дома».

Признать это решение обычным для богатого человека того времени, имеющего к тому же родственников, нельзя. Оно скорее напоминает поступки некоторых декабристов и передовых людей более позднего времени, отказывавшихся от своих земель в пользу крестьян, дававших им вольную и рассматривавших этот шаг в качестве своего вклада в уничтожение крепостного права. Вообще Скобелеву в высшей степени была свойственна, как писал не установленный мной автор, «замечательная черта», заключенная в «русском интеллигентном характере, — это инстинктивное тяготение, страстное влече-

ние к народу». Весьма важно и следующее замечание того же автора: «Скобелев был истинно русский мирской человек». Хотя Скобелеву довелось заниматься лишь филантропической деятельностью, она все же была добрым и благородным делом и соответственно оценивалась народом. Вот, например, свидетельство Немировича-Данченко, очевидца и наблюдателя Скобелева в его повседневной жизни: «Отзывчивость на чужую нужду и горе до конца не покидала Скобелева. Мне рассказывал Духонин, что Михаил Дмитриевич никогда не брал своего жалования корпусного командира. Оно сплошь шло на добрые дела. Со всех концов России обращались к нему, даже часто с мелочными просьбами то о пособии, то о покровительстве, то о заступничестве. Обращались и отставные солдаты, и мещане, и крестьяне. Раз даже какая-то минская баба прислала письмо о пропитом мужем полушубке. К чести Скобелева нужно сказать, что в этом случае для него не было ни крупных, ни мелких просьб. Он совершенно правильно рассуждал, что для бабы зимний полушубок так же нужен, как отставному притесняемому деревней солдату — его пропитание. И ни одна просьба не была оставлена без внимания. Он посылал деньги, хлопотал, просил... В Москве раз иду я с ним по Никольской. Вдруг кидается к нему какой-то крестьянин.

— Сказывают, батюшка генерал, ты самый и есть Скобелев?

— Я...

— Спасибо тебе, родимый... Вызволил ты меня... Из большой беды вызволил... Дай тебе Бог...

— Когда? В чем дело?..

— Писал я к тебе... Затеснила меня уж очень волость... А тут отставной солдат был один — пиши, говорит,

Скобелеву, он услышит, будь спокоен. Я и послал тебе письмо. А ты губернатору нашему приказал не трогать меня, меня и успокоили... Спасибо тебе, защитник ты наш...

Вот тайна изумительной популярности, вполне заслуженной покойным генералом.

— Тысячи приходилось писать и пособия рассылать таким образом! — сообщал мне Духонин».

Другой пример: по газетным конволютам П.А.Ефремова в ЦГАЛИ я установил не упоминающийся в литературе факт: Скобелев содержал двух вывезенных из Болгарии сирот, которые, повзрослев, после его смерти были препровождены на родину. Что же касается армии, то здесь забота Скобелева о простых людях выражалась по отношению не к отдельным, хотя и многим лицам, а к массе. Ибо кто же еще солдаты, как не сыны народа?

Как и боевая деятельность Скобелева в глазах солдат, его забота о людях из народа приобретала неотразимо обаятельную силу и вызывала к нему со стороны народа безграничную любовь. Доказательство этому — реакция народа, именно массы, толщи народа на смерть Скобелева. Никогда в своей истории Россия не знала такой всенародной скорби по смерти какого-либо отдельного лица, как та, которая была выражена народом по отношению к Скобелеву. Я еще опишу эти похороны. Пока же подчеркну: это была именно всенародная скорбь, смерть Скобелева народ воспринял как свое большое горе. И не менее важно: народ не хотел и не мог примириться со смертью своего любимого героя и защитника. Выражением этих чувств и мыслей стала, как ее определял Н.Н.Кнорринг, «пошедшая по Руси красивая и проникновенная легенда: будто Скобелев не умер, а, в виде

бедного и гонимого властью странника, скитается по деревням, имея какое-то *дело к народу*». Эта красивая и проникновенная легенда (свидетельств ее существования я мог бы привести не одно) жила в народе стойко и долго. Уже в XX веке, во время столь неудачной японской войны, в народной фантазии Скобелев являлся рязанским мужиком. Излишне доказывать, что такую легенду народ мог сочинить лишь о человеке, которого он считал не только близким себе, но своим кровным и прямым порождением, своей надеждой и защитником. Отношение народа к Скобелеву при его жизни и после его смерти дает более чем убедительный ответ на вопрос о том, кем был в его глазах и кем был объективно Скобелев.

Глава VII. Последние дни. Смерть и посмертная судьба

Когда до Петербурга дошла весть о парижской речи Скобелева, это вызвало к нему новый взрыв интереса и сочувствия, питавшийся как сенсационностью новости, так и содержанием речи. «В Петербурге только и разговору, что про Скобелева, Суворова II тож», — писали 20 февраля в Москву М.И.Жихареву, исследователю творчества П.Я.Чаадаева. Прибытие белого генерала в Петербург было и на этот раз встречено овациями. Армия и подавляющая часть населения, которым импонировала его политическая смелость, одобряли смысл его речи. Но часть двора, германофилы и личные недруги злобно шипели. Это разнообразие настроений отразил в письме Каткову Б.М.Маркевич: «В город приехал Скобелев... Молодежь кричала ура, дамы кидали букеты. Об этом злобно передавали в одном светском доме... Партия так называемой Святой дружины рвет и мечет против него». В другом письме он добавлял: «Немцы за то страшно на него негодуют, купно с нашими либералами, которые в клубе... «обходят» его бережно, как зачумленного. Сам же он смеясь рассказывает, что из германского посольства Швейниц и Лигнер *froides, mais comprenes* (холодны, но узнают. — *В.М.*), но Вердер не кланяется и отворачивает от него голову *avec affectation* (подчеркнуто. — *В.М.*)»^[19].

¹⁹ Генерал Вердер — военный уполномоченный германского императора в

Офицеры четвертого корпуса и частей, расквартированных вокруг, наперебой выражали Скобелеву свою преданность и солидарность как символу оппозиции по отношению к начавшейся бюрократизации военной жизни, служившей одним из симптомов близких уже контрреформ Александра **III**, и выразителю национальных интересов. Характерно следующее письмо от 17 февраля в редакцию газеты Каткова: «Мы, нижеподписавшиеся, офицеры 8-го флотского экипажа, обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой напечатать от Вашего имени и от имени товарищей наших о нашем пламенном желании поднести сочувственный адрес генералу Скобелеву, этому выразителю задушевных желаний русского народа. Мы хотели поднести этот адрес генералу при встрече, но наше ближайшее начальство запретило нам лично обращаться к генералу».

Началась серия обедов, сопровождавшихся демонстративным чествованием Скобелева. Наконец, сверху дали понять, что эти обеды и застольные беседы, которые власти не могли контролировать, но которые были наверняка критическими по отношению к новым порядкам, нежелательны. Офицеры Австрийского полка, дважды чествовавшие Скобелева обедом, просили его прислать портрет для помещения в дежурной комнате. Командир этого полка генерал Панютин, герой Шейнова, писал Скобелеву: «...всякий видевший и слышавший Вас уже очарован Вами и всюду, куда Вы поведете, — пойдет». Скобелев хотел отправить портрет и дать ответный обед. На это последовал определенный запрет. Возмущенный Скобелев все объяснял происками немцев, которые-де ведут его травлю. «Здесь меня продолжают уси-

ленно травить, — писал он О.А.Новиковой из Петербурга. — Ежечасно выясняется весь вред для нас, русских, от немцев, в обширном смысле слова». Корреспондентка с ним солидаризировалась. По ее мнению, все неприятности ее друга были «иллюстрацией силы немецкой партии». Другие друзья Скобелева, в том числе из гражданских лиц, были того же мнения.

Антигерманские речи и высказывания Скобелева получили всероссийское распространение и вызвали широкий общественный резонанс, на который он, может быть, и рассчитывал, когда говорил, что «чужестранец проник всюду», что «у себя мы не у себя». Все, кто возмущался если не засильем немцев, как во времена бироновщины, то их широким проникновением во все сферы русской жизни, находили в речах Скобелева созвучие своим настроениям. «С легкой руки Скобелева раздражение против немцев стало у нас расти быстро», — констатировало эмигрантское «Общее дело». Свой антигерманизм Скобелев выражал как мог, во всяких формах. Например, «...на обеде в Гатчине в день рождения императора Вильгельма не присутствовали: Игнатьев и два кавалера прусского ордена «Pour le mérite» Скобелев и Имеретинский».

Иллюстрацией роста антинемецких настроений стала вышедшая в 1882 г., при жизни Скобелева, брошюра К.В.Трубникова под характерным названием «Немец и иезуит в России», в которой, в частности, говорилось: «Генерал Скобелев в настоящую минуту является самым видным, модным человеком в Европе... В речах Скобелева о немцах в России нет ничего нового. Ново только одно: утверждение Скобелева, что от влияния немцев мы избавимся лишь с оружием в руках... В России хозяева, конечно, русские, а не немцы... Пагубное, унижительное для нас состояние дел заключалось в том, что немцы

считали себя имеющими преимущественное право занимать высшие места на поприще государственного и общественного служения». Сам Скобелев более других возмущался этим положением. Д.Д.Оболенский вспоминал, что во время поездки по Москве, где на каждом шагу красовались немецкие вывески, Скобелев говорил извозчику: «Читай», и после того, как тот произносил чуждые его слуху имена, всякий раз повторял: «Что же это такое с матушкой Москвой Белокаменной? Совсем онемечилась». Некоторые друзья даже опасались, что Скобелев может стать жертвой немецкой ненависти.

Вопрос пытливого читателя. Наблюдая антигерманизм Скобелева, в тех условиях, конечно, вполне оправданный, не могу отделаться от мысли: может быть, это чувство было какой-то ненавистью к немцам просто как к немцам, чем-то вроде кровной или расовой ненависти?

Я и сам чувствую, что пора на этом остановиться. Давно уже хочу предостеречь читателя от представления о слепой, шовинистической ненависти Скобелева к немцам, которое могло сложиться после всего здесь и ранее сказанного. Ненависти к немцам просто как к немцам у Скобелева не было и быть не могло. Достаточно сказать, что ряд его ближайших друзей были немцами (дядя А.В. Адлерберг был шведского происхождения). Русским немцем был уважаемый Скобелевым К.П.Кауфман, таким же, в первом поколении, был О.Ф.Гейфельдер. Начальником штаба скобелевской колонны при переходе Балкан после ранения Н.А.Куропаткина стал русский немец Ф.Э.Келлер, безупречно честный и храбрый офицер^[20].

²⁰ В 90-х гг. Ф.Э.Келлер был директором Пажеского корпуса. Бывший паж А.А.Игнатъев вспоминал: «...пылкий, увлекающийся граф Келлер, ничего, впрочем, не сохранивший от своего когда-то немецкого происхождения... стремился прежде всего воспитать в нас, будущих офицерах, то чувство личного

Масса русских немцев участвовала в турецкой войне, в том числе в составе дивизии Скобелева. Многие из них погибли в этой войне, своей кровью и жизнью доказав преданность России. Вообще следует напомнить, что в России жило много немцев, как и других иностранцев, которые полностью и давно обрусели, считали Россию своей родиной и были искренне преданы ей, в том числе в тех случаях, когда дело шло об отношениях России с Германией. В своей истории Россия знала таких немцев, как Бирон и Бенкендорф, но были и такие, как Пестель, Кюхельбекер, несколько поколений Фонвизиных, доктор Гааз и др. Всего этого не мог не знать Скобелев, повседневно общавшийся со многими из таких немцев. Его выступления против «немцев» были направлены не против немцев как таковых, а против антирусской и антиславянской политики Германии, против ненавидимого им «трехволосого русофоба» Бисмарка и тех сравнительно немногих немцев в России, пребывавших главным образом при царском дворе, которые были инструментом германского влияния. Это — необходимое дополнение, без которого Скобелев может показаться шовинистом, одержимым кровной и беспричинной ненавистью ко всем без разбора немцам.

За Скобелевым закрепилась репутация чуть ли не единственного человека, который может говорить царю правду, а царю должно быть стыдно даже заподозрить честного и бескорыстного генерала в желании занять какое-либо высокое место. «Какое назначение может возвысить Вас, — выражала это общее мнение О.А.Новикова

достоинства, которое Скобелев считал основой воспитания не только офицеров, но и солдат. Командуя отрядом в русско-японскую войну, Келлер погиб во главе сибирских стрелков так, как о том всегда мечтал его бывшей начальник: на командном боевом посту» (ЦГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, ед. хр. 75, л. 18–19).

в письме Скобелеву, — разве Вы уже не стоите выше всевозможных чиновников и министров?»

Но в собственных глазах Скобелева его положение становилось все более неопределенным, не удовлетворявшим его потребность в действии. Командование корпусом в мирных условиях не могло поглотить его целиком. Военные приготовления Германии требовали ответных мер со стороны России, чего правительство, по его мнению, еще не осознало.

Знарок военной истории может возразить: Скобелев ошибался. Есть данные, что с образованием Германской империи со стороны России уже начались некоторые военные приготовления.

Читатель прав: здесь Скобелев преувеличивал. Уже в 1873 г. Милютин представил правительству соображения на случай войны на западе. Начало планомерной подготовки к войне положил Обручев, под руководством которого в 1880 г. были разработаны наметки первого варианта плана войны с Германией и Австро-Венгрией. Но Скобелев был прав в том, что подготовку следовало вести активнее. По ее интенсивности Россия значительно отставала от Германии.

Во внутренней политике с приходом министерства Д.А.Толстого началась открытая реакция, вызывавшая в Скобелеве отвращение, которого он не скрывал. Он понимал, что ходит по лезвию ножа, что конфликт с правительством возможен в любой момент. Это угрожало отстранением от дел, в том числе общественных, и тогда — вынужденной бездеятельностью, потерей популярности и влияния. Положение еще больше усугубил последовавший 5 апреля 1882 г. высочайший приказ, запрещающий военным служащим речи политического характера и под-

тверждавший запрет лицам, состоящим на государственной службе, издавать сочинения о внутренней и внешней политике государства без дозволения начальства. Не имевший, как военный, трибуны для пропаганды своих взглядов в печати, Скобелев терял и эту малую возможность влиять на общественное мнение. «Запрещение военным чинам произносить тосты, речи произвело громадное впечатление на Скобелева, который уже решил подавать в отставку, — писал в дневнике де Воллан. — Его отговорил Обручев, сказавши ему, что он поставит в затруднительное положение правительство. В минуту горечи и отчаяния он сказал: «Неужели вы ожидаете чего-нибудь от...»»

Правда, после этого запрета он иногда выражал свои настроения иносказательно. Однажды он был приглашен на обед к конногвардейцам в Петергоф. Вперед было условлено, что речей произноситься не будет, но обед затянулся за полночь, и Скобелеву захотелось придать бездумной застольной беседе приятное ему направление. Он спросил стихотворения Хомякова, любимого им поэта-славянофила. Ему подали книгу, и он всю ночь своим звучным голосом декламировал офицерам эти стихи. Восхищенные слушатели проводили его кавалькадой верхами от Петергофа до его петербургской квартиры, изрядно напугав полицию непривычным шумом в столь ранний час. «Скобелев опять скомпрометировал себя... — писал Маркевич Каткову, — ...решили устроить *promenade militaire*, и ехать в Петербург верхами «в виде демонстрации мимо окон германского посольства».

Но такого рода самовыражение, хотя и развлекало, не могло, конечно, удовлетворить Скобелева. Он томился бездействием, состояние его было угнетенным. Возникал вопрос о его назначении в Туркестан, на место выходя-

щего в отставку Кауфмана. Генерал Троцкий и другие сослуживцы с энтузиазмом приветствовали подобную перспективу, считая, что назначение Скобелева стало бы благом для края. Была у него и мысль «надеть фрак», выйти все-таки в отставку и заняться земской, литературной или какой-либо другой деятельностью. Как человек работающий, усидчивый, знающий, он преуспел бы на любом поприще. Но все это для Скобелева при его характере было неприемлемо. После завоевания европейской известности, стольких блестящих авансов он не мог сойти просто на нет.

Н.Н.Кнорринг высказывал мнение, что к лету 1882 г. Скобелев уже сыграл свою политическую роль. Эпоха «пронунсименто» миновала, если, добавлял он, эти мысли вообще были у Скобелева. Это неверно. Популярность Скобелева оставалась на высоком уровне и еще могла бы ему послужить, если бы дело дошло до реализации его тайных планов. Но обстоятельства ему не благоприятствовали. Войны с Германией не было, и миролюбивый император ее отнюдь не планировал. Поэтому спасение России от германской военной опасности и замысел Скобелева через войну с Германией прийти к диктатуре не мог быть реализован. Думается, это состояние дел выражали высказанные им в описываемый период многозначительные слова: «Не мне докончить все, что я задумал». Либеральная же печать, не отдававшая себе отчета в назревании военного конфликта, не могла сочувствовать мыслям Скобелева и видела в нем вредного и опасного для России человека. Даже его ненависть к войне, имевшая принципиальный, гуманный характер, не вызвала доверия. К этому нужно добавить старую обиду. Скобелев вновь и вновь кипел негодованием.

Связанный с Петербургом рождением, семейными воспоминаниями, чиновного и холодного Петербурга Михаил Дмитриевич в последний период жизни не любил. Перефразируя Пушкина, он писал И.И.Маслову: «В Петербурге все по-старому, скука, холод и гранит». В том же письме он замечал, что хоть и не бросает камень в нынешних правительственных деятелей, «но факт остается фактом — живется душно». Ему все милей становится Москва, и простотой, домашностью своей жизни, и тем, что рядом находилось Спасское, где он, устав от жизни, теперь любил бывать и где только и чувствовал себя по-настоящему дома.

Весной 1882 г. Скобелева постигла большая личная потеря: умер К.П.Кауфман. 1 марта 1881 г. его сразил апоплексический удар, он год болел и скончался в мае 1882 г. Скобелев был многим обязан Кауфману и искренне почитал своего друга-наставника, с которым были связаны дни боевой молодости. Скобелев постоянно информировал его о событиях на Балканах, потом — в Закаспии. Но порадовать уже находившегося при смерти генерала победой не пришлось.

Приехав к себе в Спасское, Скобелев заказал панихиду по Кауфману. «В церкви он все время был задумчив, потом отошел в сторону, к тому месту, которое выбрал сам для своей могилы... Священник о. Андрей подошел к нему и взял его за руку. — Пойдемте, пойдемте, рано еще думать об этом...» Скобелев всего на месяц пережил Кауфмана.

Для понимания душевного состояния Скобелева этого периода и всего его умонастроения очень важно раскрыть смысл, который он вкладывал в одно любимое им стихотворение Ф.Шиллера, выражавшее какие-то его со-

кровенные мысли. Автор некролога в «Русской Старине», подписавшийся инициалами Н.Ш., рассказал об этой неизвестной стороне его внутренней жизни: «С давних пор Михаил Дмитриевич восхищался одним стихотворением Шиллера (в сноске указано: «Sehnsucht». — *B.M.*), имевшим для него, как он лично выражался пишущему эти строки, значение целого откровения. Оно кончается словами:

Du mußt glauben, du mußt wagen,
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.

Всю кратковременную жизнь свою провел Скобелев в поисках за таинственным «Wunderland» и воображению его рисовалась, конечно, другая картина, чем «безболезненная кончина». Будущему биографу Скобелева нельзя упустить из вида приведенный нами факт, весьма важный для объяснения его внутреннего мирозерцания и внешних проявлений его деятельности...»

В моем непрофессиональном подстрочном переводе эти строки означают:

Ты должен верить, ты должен дерзать,
Только чудо может тебя перенести
В прекрасную волшебную страну.

В решение задачи кое-что вносит Н.Н.Кнорринг. Если читатель не забыл, Н.Ш. — это Н.К.Шильдер. В письме Скобелеву от 12 июня 1882 г. из Гатчины Н.К.Шильдер вспоминает о каком-то разговоре с ним, о какой-то цели, какой-то волшебной стране, куда страстно стремился Скобелев. Ее он определял стихами Шиллера «Wunder-

land». Перелистав Шиллера, Н.К.Шильдер нашел его: «Sehnsucht», и оно объяснило ему пылкого и мечтательного Скобелева. Согласно толкованию Кнорринга, в нем противопоставляются два мира, реальный и идеальный, и рекомендуются пути поисков идеального. Выделяются следующие строки:

Вот челнок колышут волны...

Но гребца не вижу в нем.

Согласен автор с этим толкованием? — задаст читатель законный вопрос. Какой здесь конкретный смысл?

Нельзя не согласиться с Н.К.Шильдером в том, что этот факт очень важен для биографа Скобелева, но поскольку вопрос связан с проникновением во внутренний мир человека, тем более природы такой сложной и тонкой, как Скобелев, мысливший категориями не только политики и науки, но и литературы, ответить на него исчерпывающе и с очевидной для всех убедительностью я не могу. Не буду полемизировать с толкованием, данным в работе Н.Н.Кнорринга. Одно, на мой взгляд, можно утверждать смело: не удовлетворенный окружающей действительностью, не находивший в ней своего места, Скобелев мечтал о волшебной стране, о чудо-стране, о другом обществе, и стихи Шиллера оказались очень созвучными этим настроениям и мечтам. Читатель-психолог не преминет заметить, что это объяснение общего характера, что между мыслями Скобелева и стихами Шиллера была, быть может, какая-то более сокровенная, даже более глубокая связь. Не буду возражать. Могу на это только сказать, что поэзия и ее восприятие каждым индивидом — такая сфера деятельности человеческого сознания, где далеко не все поддается рационалистическому объясне-

нию. Может быть, кто-нибудь решит эту загадку убедительнее меня.

Подавленное состояние Михаила Дмитриевича усугублялось окружающими его непониманием и интригами. Он не без оснований жаловался на одиночество. Очень отрицательно сказывалось на нем отсутствие верной и умной подруги жизни, хотя сам он по-прежнему энергично доказывал, что военный человек должен оставаться холостяком. Его начинают посещать дурные предчувствия, приходят мысли о близкой смерти. О его настроении в эти последние дни жизни можно судить по тому, что он говорил генералу М.Л.Духонину: «Умирать пора... Один человек не может сделать более того, что ему под силу... Я свое дело выполнил, и далее мне не идти вперед, а назад Скобелевы не пятились. Теперь мудреное время, и мне остается разве только «размениваться». Раз я вперед идти не могу — чего же жить?»

В этом неприятии жизни без великих дел, без подвигов — весь Скобелев. На чем он теперь отводил душу, так это помощь нуждающимся учащимся Минска, почетным гражданином которого он был единогласно избран, и нуждающимся нижним чинам его корпуса. Еще при жизни отца он, сам живя скромно, материально поддерживал многих. Став же после смерти отца богатым человеком, он расширил эту деятельность, внося в нее свойственную ему систему. Все свое жалованье корпусного командира он приказал «отчислить в особую запасную сумму», которая целиком шла на пособия, причем не раз подтверждал, чтобы «просящим о пособии никогда отказа не было».

В мае 1882 г. Скобелев совершил последнюю поездку в Париж. Важных событий на этот раз не произошло.

Связанный приказом не произносить политических речей и не выступать в печати, Скобелев, однако, в частных беседах, как писал встречавшийся с ним здесь де Вогюэ, продолжал критиковать правительство. В Париже он вновь виделся с г-жой Адан. После возвращения его встретил в Москве В.И.Немирович-Данченко. По словам писателя, он снова был бодр, весел и, как всегда, полон планов и проектов. Высказавшись о переживаемых странной трудностях, он именно тогда произнес цитированные выше слова: «А все-таки будущее наше. Мы переживем и эту эпоху... Не рухнет Россия». Вера в светлое будущее России никогда не покидала Скобелева.

С удвоенной энергией взялся Михаил Дмитриевич за работу по боевой подготовке своего корпуса. Более чем когда-либо он был уверен в близости столкновения с Германией. В июне он инспектировал кавалерийскую дивизию и приказал драгунскому полку вплавь преодолеть реку Супртель, приток Наревы. Полк замялся. Командир тоже усомнился: не перетонули бы. Тогда Скобелев, взяв первую попавшуюся солдатскую лошадь, переплыл реку в оба конца, после чего сказал: «Видите, братцы, как делается. Теперь сделайте то же самое». Полк совершил переправу без потерь. Итогом этих учений явился приказ по корпусу от 15 июня. Это был последний приказ Скобелева, ставший как бы его военным завещанием. В конце июня г-жа Адан получила письмо от некоего капитана Л. К письму была приложена приписка генерала: «Не думайте, сударыня, что я этим совершил какой-либо особенно геройский подвиг; я только стараюсь подготовить армию к великой борьбе, день которой скоро наступит. Я исполню свою роль, если буду жив... Мрачные предчувствия меня осаждают».

В последние месяцы жизни Скобелев часто ездил из Минска в Москву, где останавливался в «Славянском базаре» или в гостинице Дюссо, а иногда у Ивана Ильича Маслова. Он был крестником еще деда Михаила Дмитриевича, почти воспитанником Скобелевых, которым был обязан всем. Он очень любил Михаила Дмитриевича, был с ним на ты, называл его Мишей, а тот, в свою очередь, доверял ему безгранично. Маслов вел все дела Скобелева.

В Минске едва не произошло событие, которое могло положить конец холостяцкой жизни Скобелева. В доме генерала Духонина снимала комнату молодая девица Е.А. Головкина, классная дама минской гимназии. При встрече со Скобелевым она ему очень понравилась, о ней уже говорили как о невесте белого генерала. Большую роль в их сближении сыграл, между прочим, ее интерес к военным наукам. Ее познания, столь не обычные для женщины, произвели впечатление на Скобелева. Женитьба на бедной и незнатной, но очень образованной девушке еще больше увеличила бы популярность белого генерала. Но дело расстроилось. Об этом стоит пожалеть, женитьба могла бы уберечь Скобелева от некоторых холостяцких привычек, сыгравших вскоре роковую для него роль.

21 июня у Скобелева состоялся обед с участием человек шести-семи. Присутствовали личный адъютант Скобелева Эрдели, прежний адъютант, уже полковник, Баранок, военный врач Вернадский, барон Розен. «За обедом Скобелев был очень весел и разговорчив, — рассказывал позже участник турецкой войны П.Агапеев со слов своего брата, служившего в 1882 г. в Минске. — Иронически поглядывая на барона Розена, он доказывал, что война между нами и Пруссией почти неизбежна, что если волею государя императора он будет призван командовать ар-

мией, то с радостью и гордостью примет такое назначение и своей головой отвечает, что прусская армия будет разбита и мы победим».

На следующий день, 22 июня, Скобелев, получив месячный отпуск, в сопровождении всей компании отправился в Москву. 25-го он намерен был выехать в Спасское и провести там время до больших маневров. Сюда он пригласил в гости Н.И.Гродекова. В гостинице он снова встретил Д.Д.Оболенского. На этот раз встреча получилась невеселой. Скобелев был явно не в духе. На вопрос князя о причинах плохого настроения он «отвечал не сразу. — Да что, — задумчиво протянул он... — мои деньги пропали...

— Какие деньги? — спросил я, — украли у вас бумажник?

— Какой бумажник — мой миллион... весь миллион пропал бесследно.

Я ужаснулся.

— Как? Где? — мог я только спросить.

— Да и сам ничего не знаю, не могу ни до чего добраться... Вообразите себе, Иван Ильич реализовал, по моему приказанию, все бумаги, продал все золото, хлеб и... сошел с ума на этих днях. Я и не знаю теперь, где деньги. Сам он невменяем, ничего не понимает. Я несколько раз упорно допрашивал его — где деньги; он в ответ чуть не лает на меня из-под дивана: впал в полное сумасшествие... Я не знаю, что делать...

— Да ведь миллион такая сумма, что ее нельзя незаметно похитить. Дайте знать по всем банкам, наведите справки...

— Да я все это и делаю... но ни в одном банке не оказывается моих денег... Видно, Иван Ильич не клал в банк никаких денег...»

Потеря миллионного состояния была, конечно, не шуточным делом. Но рассказ Д.Д.Оболенского вызывает вопросы, которые ставят пропажу под сомнение. Ниже мы попытаемся на них ответить.

Вечером 24 июня Михаил Дмитриевич пришел к Аксакову и был у него до 23 часов. Уходя, он оставил связку документов с просьбой сохранить их. «Боюсь, что у меня их украдут. С некоторых пор я стал подозрительным», — объяснил он свою просьбу.

На другой день в гостинице Дюссо барон Розен давал ответный обед в честь полученной им награды. Общество было то же, что и в Минске, но теперь Скобелев был настроен мрачно. Почему-то ему снова вспомнились слова священника при отпевании погибших солдат в Ахал-Теке, и он обратился к Баранку: «— А помнишь, Алексей Никитич, «и слава человеческая аки дым преходящий?» И добавил к этому: «Суета сует»».

После обеда компания разъехалась. Скобелев поехал в гостиницу «Англетерр» (ее называли и просто «Англия»), где он заказал отдельный кабинет. Его душевное состояние и мотивы поведения в этот последний вечер жизни прослежены биографами. Под влиянием мрачного настроения ему захотелось найти забвение в грубом чувственном кутеже. Вечером он ужинал с двумя кокотками. Около 12 часов пополуночи лакеи, находившиеся в коридоре, услышали стоны и возню, затем женщины выбежали с криками, что генералу дурно. Послали за врачом, но он застал Скобелева уже мертвым. Московский обер-полицмейстер генерал Огарев перевез тело в гости-

ницу Дюссо. При вскрытии присутствовали Д.Д.Оболенский, А.П.Баранов, производил вскрытие прозектор Московского университета профессор Нейдинг. Как было констатировано в заключении, причиной смерти послужил паралич сердца и легких. В воспоминаниях Оболенского говорится, что сердце оказалось сильно изношенным.

Какой странный конец такой героической жизни! Попробуем разобраться в обстоятельствах и причинах.

Характеристика здоровья и физического состояния Скобелева, содержащаяся в записках доктора О.Ф.Гейфельдера, как будто бы подтверждает закономерность подобного исхода. При первом знакомстве Скобелев не показался ему физически крепким человеком. Мысль эта долго занимала доктора, и при первой возможности он подробно исследовал генерала. Вот его антропологически точное описание: «Он был высокого роста, стройного телосложения; скелет скорее мелкий, чем крупный, широта плеч не особенно развита (что при погонах или эполетах не так бросалось в глаза)... Пульс у Скобелева был слабоват и мелкий и соответственно тому деятельность сердца слаба, и звуки сердца, хоть и частые, глухие. Этот результат дал мне основание заключить... о слабой мускулатуре сердца». Еще раньше, после контузии, полученной под Плевной, о необходимости беречь здоровье Скобелева предупреждал доктор Алышевский. Не слишком крепкое здоровье, которое к тому же Скобелев не берег (он никогда не лечился и не отдыхал), а также постоянная внутренняя борьба, связанная для него с необходимостью поддерживать свою репутацию белого генерала, который не боится врага и от которого отскакивают пули, конечно, вела к ускоренному износу организма. Прибавим к этому, что он вел жизнь, о которой Е.В.Тарле

верно писал: «Жег свечу с двух сторон». При сопоставлении с этими фактами и заключениями врачей может показаться заслуживающей доверия версия, что причиной смерти Скобелева послужила сама обстановка римской оргии, чрезмерное сексуальное возбуждение в сочетании с алкоголем. Но многое говорит и против этой версии.

Мы неоднократно имели случай наблюдать огромную физическую выносливость Скобелева, сутками не покидавшего седла и полностью восстанавливавшего силы за несколько часов сна. Это не может не противоречить заключению доктора Гейфельдера. Он и сам указывал на эти качества генерала: «Впрочем, у него была такая эластическая натура, что от всех впечатлений он весьма быстро поправлялся». Постоянно наблюдая Скобелева, он констатировал только нарушения работы желудочной системы, вызванные неправильным питанием. Так что от факта, что Скобелев не обладал железным здоровьем, до его смерти в сравнительно молодом возрасте в результате остановки сердца еще далеко. Поэтому, не исключая первую версию, следует допустить и вторую: Скобелев умер не своей смертью. И современники, в своем подавляющем большинстве, не верили в естественность его смерти.

А мнение автора? — с полным основанием спросит читатель. И главное, что говорят документы?

Автору дело тоже представляется в таком свете. Произошло убийство. Политическое убийство. Доказательства? Есть, во-первых, пусть и не бесспорное, физическое, медицинское подтверждение: сразу после смерти лицо Скобелева приобрело необычно желтый цвет и покрылось синими пятнами, какие бывают при отравлении некоторыми смертельными ядами. В пользу этого вывода

говорит и убеждение самого Скобелева, которое он не раз высказывал близким людям: «Я знаю, что мне не позволят жить...» И еще: «В одном я убежден, что умру не сам. Не вследствие естественных причин... Есть не одни предчувствия на это».

Определенность, с которой высказывался Скобелев, не оставляет сомнений в том, что он ждал насильственной смерти и знал, что враги ее готовят. К сожалению, он никому не открыл, откуда он ждал покушения, кому так нужно было его устранить. Единственным методом, позволяющим сделать близкие к истине предположения, является постановка старого, как мир, вопроса: «*Cui bono?*» Кому выгодно? Логичный вывод, сразу сужающий круг поисков, таков: это, во-первых, внешние враги, то есть, говоря прямо, Германия и ее агентура в России, и, во-вторых, самодержавие, для которого не были секретом антиправительственные планы Скобелева. Возникают, таким образом, две версии. Рассмотрим первую из них.

Мнение о том, что Скобелев пал жертвой германской ненависти, среди современников доминировало. Оно отразилось и в том же рассказе Куприна: «Пусть не болтают глупости, что умер он от пресыщения излишествами... Такие люди умирают на поле брани или от отравы. Вся Москва знала и говорила, что по воле Бисмарка поднесен ему был в бокале вина неотразимый яд и в час его смерти выехал из Москвы в Петербург специальный агент на экстренном поезде». Не будем придавать этим словам значение, выходящее за рамки того, чего можно ожидать от рассказа писателя-беллетриста. Но они, эти слова, правильно передают мнение общественности. Через пять лет князь Н.П.Мещерский (не путать с редактором «Гражданина» В.П.Мещерским, как это сделал В.Б.

Вилинбахов) в письме К.П.Победоносцеву, комментируя последствия уже тогда сделанных решающих шагов в достижении русско-французского союза, высказывался: «Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются. Пали еще многие, но дело было сделано». Эта уверенность осталась в обществе непоколебленной. В 1916 г. ее выражал Е.Толбухов: «...сразу пошел слух, что смерть Скобелева неестественна, что он был отравлен. Это была чисто народная молва... Замечательно, что и в интеллигентных кругах держалось то же мнение. Здесь оно выражалось даже более определенно: назывались лица, которые могли участвовать в этом преступлении, направленном будто бы Бисмарком».

Читатель-логик, тем более читатель-криминалист (почему бы в числе читателей не быть и криминалисту?) укажут: пока что автор доказал одно — что эта версия среди современников доминировала. Но где же доказательства истинности этой версии?

Определеннее других высказывалась на этот счет г-жа Адан: «Три раза смерть таинственно поразила трех людей, которые в войне с Германией могли бы стать источником непобедимой силы для своего отечества: Скобелева, Шанзи и Гамбетту». Этот факт отметил и де Вогюэ. Узнав о смерти Гамбетты, он записал в дневнике: «Странная судьба! Рука женщины убила его, как Скобелева...» Напомнив, что всех троих смерть настигла при одинаковых обстоятельствах, Адан ставит вопрос: «Кто выиграл от исчезновения этих трех людей?» И, намекая на свою осведомленность, утверждала: «Скобелев умер при драматических обстоятельствах, подробности которых мне известны». Отстаиваемая ею версия состоит в том, что, как ей сообщили какие-то лица, которых она не

назвала, обе кокетки были подосланы из Берлина, куда приехали из Гейдельберга, и выполняли задание немецкой разведки. Адан решительно заявляла, что располагает документами, подтверждающими ее версию. Проверкой этой версии серьезно занимался М.М.Филиппов.

В 1889 г. Филиппов посетил г-жу Адан в ее имении Жиф и пришел к убеждению, что она твердо верит в свои документы. Не исключено, что ее мистифицировали, добавлял Филиппов. Из Франции он переехал в Гейдельберг (для защиты докторской диссертации, чему в России мешало «препятствие казуистического характера»), где продолжил свои розыски. Но ни от гейдельбергских русских, которых было немало, ни от немцев он не узнал ничего нового. Никто не слышал того, что доказывала Адан. Много позже, накануне Второй мировой войны, новую попытку найти документы предпринял в Париже Н.Н.Кнорринг. Но и эта попытка ни к чему не привела. Наследники Адан заявили, что «в ее архиве никаких следов о генерале Скобелеве вообще не обнаружено». Такой ответ заставляет усомниться в искренности наследников, ведь если не искомые документы, то переписка Адан со Скобелевым и материалы для книги воспоминаний не могли исчезнуть без следа. Естественным является вопрос: если французская журналистка действительно располагала документами, как она об этом твердо заявляла, то почему она их не опубликовала? И почему этого не хотят сделать ее наследники? Возможны два ответа. Либо этих документов вообще не было и г-жа Адан стала жертвой мистификации или сама мистифицировала публику, либо были и остаются какие-то причины, побуждавшие ее и побуждающие наследников до сих пор держать эти документы под спудом.

Отнестись осторожно к версии, которую защищала Адан, заставляет и ее утверждение о гейдельбергском происхождении кокоток. Дело в том, что они не были приезжими. Об одной из них, некоей Ванде, получившей кличку «Смерть Скобелева», достоверно известно, что ее хорошо знала вся кутящая Москва, где она постоянно проживала. Некоторую ясность вносит Ю.Карцов: «Обстоятельства кончины Михаила Дмитриевича породили легенду. Одна из героинь роковой оргии была немка. В этом факте, казалось бы, самом обыденном, некоторые заподозрили, что дело не обошлось без Бисмарка, и в своем предположении убедились еще быстрее, когда разнеслась молва, что князь Александр Болгарский, приехав в Москву, не только пожелал познакомиться с означенной девицей, но и сделал ей ценный подарок. Но если бы князь Александр думал, что Скобелев умер не своей смертью, а был убит, он, вероятно, остерегся бы даром себя компрометировать. Его поступок, не совсем деликатный, объясняется гораздо проще: любопытством развратного воображения. Г.Скандраков, чиновник департамента полиции, который как раз в это время служил в Москве, уверял меня, что Скобелев был так щедр и пользовался такой популярностью, что сами эти девицы первые выдали бы того, кто решился бы им предложить что-нибудь против Михаила Дмитриевича». Это вполне конкретное свидетельство компетентного полицейского чина убедительно разрушает версию о Гейдельберге. Обе девицы были обыкновенными кокотками, далекими от политики. Да и вообще «немецкая» версия, несмотря на свою правдоподобность, не находит фактического подтверждения. Подозрение не снято, но при отсутствии доказательств оно остается всего лишь подозрением. Я согласен с чита-

телем-криминалистом: отходить от принципа презумпции невиновности нельзя.

Более обоснованной выглядит вторая версия. Известно, как — и не без оснований — боялись Скобелева верхи. В то же время они не могли справиться с ним открыто. Нужно было избавиться от него, избежав огласки. Единственным способом было тайное убийство. Подходящим инструментом могла стать «священная дружина» или другая, более законспирированная организация. Такой близкий к Скобелеву человек, как Немирович-Данченко, не сомневался, что смерть Скобелева — дело рук «дружины». В послереволюционное время он даже называл лиц, подписавших приговор. По его словам, это были один из великих князей и граф Боби Шувалов.

Наибольшее доверия заслуживают, на наш взгляд, два упоминавшихся выше источника. Первый — официальное заявление Ф.Дюбюка, опубликованное в журнале «Голос минувшего» весной 1917 г. Приведем теперь полностью этот важный документ.

Смерть Скобелева (письмо в редакцию)

Совершившееся в великие дни русской революции, в марте 1917 г., падение дома Романовых невольно заставляет вспомнить об одной попытке свержения этой династии в царствование Александра III, — о замысле Белого Генерала. Вот что я слышал из уст незабвенного председателя Первой Государственной Думы Сергея Андреевича Муромцева,

Правительство Александра III, уверившись в том, что М.Д.Скобелев замышляет сделать переворот и свергнуть династию Романовых, учредило особый негласный

суд из сорока лиц. Этот суд «Сорока» большинством в 33 голоса приговорил Белого Генерала к негласной смертной казни и поручил полицейскому офицеру привести приговор в исполнение. Палач блестяще справился со своей задачей, за что получил следующий чин и большое денежное вознаграждение.

М.Д.Скобелев, приехав в Москву и остановившись в гостинице Дюссо, поздно вечером отправился на Петровку в гостиницу «Англия» для кутежа с известной ему женщиной, получившей впоследствии кличку «Смерть Скобелева». Белый Генерал и его собутыльница проводили время весело и шумно. Одновременно с этим, в соседнем номере вела себя также бурно какая-то компания, которая вдруг начала кричать «ура» и провозглашать здравицы народному герою. Скобелев заинтересовался соседями и, узнав от лакея, что компания состоит из пяти молодых московских купчиков, послал им в благодарность за чествование пять бокалов шампанского. С тем же лакеем был прислан ответный бокал шампанского; Скобелев выпил его залпом и тотчас же скончался. Под видом купчиков кутили сыщики, а в шампанское была прибавлена большая доза цианистого калия.

Все официальные сообщения и разные слухи о смерти Скобелева — измышление полиции.

Ф.Цюбюк.

Второй документ — почему-то не опубликованное письмо генерала К.Блюмера в редакцию газеты «Утро России», посланное в опровержение описания обстоятельств смерти Скобелева, в котором доказывался ее естественный характер, а сам Скобелев был представлен больным и припадочным человеком. Письмо это довольно длинное, приводить его полностью нет необходимо-

сти. Основные мысли автора таковы: «Скобелев был очень вынослив и отличался вообще весьма крепким здоровьем, он никогда не страдал ни сердечными, ни какими бы то ни было припадками». Во всех отношениях он был нормальным человеком. Полицмейстер Огарев нарушил свои обязанности, требовавшие сохранения в неприкосновенности всей обстановки, в которой застигла Скобелева смерть, и, завладев его телом, перевез его в гостиницу Дюссо. Следователь Побидимов не провел законного следствия. Вскрытия тела проведено не было. Преданный Скобелеву черногорец доктор Гвоздянович, уверенный в преступлении и настаивавший на своем присутствии при вскрытии тела, был отстранен от дела, «печати было приказано молчать и — Святая дружина восторжествовала! Так трагично погиб, в цвете лет, от рук наемных убийц, славный русский герой...».

Как видно, в обоих письмах даются очень близкие описания. Правда, в одном пункте К.Блюмер информирован недостаточно: вскрытие тела, как мы знаем, производилось. Но и это была не судебно-медицинская экспертиза, а обычное вскрытие, проведенное единственным специалистом в присутствии нескольких лиц, не причастных к медицине. К тому же оно было проведено келейно, без должной гласности, чем и объясняется, что К.Блюмер о нем даже не знал. Во всем остальном его доводы действительно говорят об отсутствии обстоятельного расследования.

Выглядит как будто убедительно. Но только выглядит, только кажется. Нельзя не видеть, что оба автора не располагают никакими документальными доказательствами и пользуются опять-таки всего лишь слухами. Дюбюк ссылается на умершего Муромцева, Блюмер — на недопущение к вскрытию Гвоздяновича, что также ничего не

доказывает, хотя оба руководствуются хорошими намерениями. Утверждение Немировича-Данченко сенсационно, но также звучит бездоказательно. Надо учитывать, что после падения династии ей приписывали все нераскрытые преступления, все вообще мрачное, что было в истории России. Всё валили на проклятый царизм. И оба указанных письма выдержаны в том же разоблачительном духе. Важно и то, что характер деятельности «священной дружины» никак не похож на возможность совершения ею такого тяжелого и так ловко осуществленного преступления. Дружина была бездеятельной, никаких мало-мальски крупных, заметных убийств революционеров не произошло, это были действительно всего лишь лоботрясы. 7 декабря 1882 г. стало известно о самороспуске дружины. Да и отношение верхов к Скобелеву не было таким простым, скорее — двойственным: его опасались, но в то же время и ценили, он был нужен, в критическую минуту заменить его было бы нечем. Не учитывать этого высшие сферы не могли. Никакой «суд сорока» не посмел бы взять на себя ответственность за такую преступную инициативу. Все-таки закон в России был. В итоге приходится сделать заключение о несостоятельности и второй версии. Отсутствие убедительных доказательств не снимает вероятности убийства. В последнее время в печати появлялись указания на то, что убийство было делом рук масонов, были и обещания опубликовать книгу документов (например, в журнале «Слово»). Но пока этих документов нет, остается считать вопрос открытым.

Вернемся теперь к злополучному миллиону и к судьбе состояния Скобелева. Документы ЦГИА несколько проясняют этот вопрос. «Суд признал наследниками к имуществу генерал-адъютанта М.Д.Скобелева три его родные сестры: княгиню Белосельскую-Белозерскую,

супругу флигель-адъютанта Шереметьеву и графиню Богарне, каждую в 1/3 части». Было образовано «Главное управление наследниц генерала Скобелева». Управляющим сестры поставили Р.А.Мазинга, контролером по имениям А.Г.Голубенцева, вводом наследниц во владение занимался барон К.К.Врангель, опекуном назначили П.П. Дурново (управляющий департамента уделов). Отсутствие среди этих лиц И.И.Маслова, который при жизни Скобелева был его поверенным в делах, по-видимому, подтверждает его невменяемость. Главное богатство составляли имения. Их было много (в Рязанской, Калужской, Воронежской, Тамбовской губерниях и майорат в Царстве Польском), в том числе родовое имение Чернышино в Калужской губернии, доставшееся еще от прабабки. Все они были в целостности (любимое Скобелевым Спасское получили Белосельские-Белозерские). Что же касается активов в виде банковских вкладов, ценных бумаг и золота, то они оказались невелики: в Москве, например, на сумму 52 832 рубля, в Минске — на такую же примерно сумму, еще небольшие суммы. Основная их часть пошла на оплату долгов по векселям. Небольшая величина активов как будто бы согласуется с операцией по накоплению крупной суммы наличными (есть и документы о продаже И.И.Масловым принадлежавшего Скобелеву хлеба). С другой стороны, нельзя не учитывать, что операция представляла собой не разовое, а длительное дело, выполнявшееся И.И.Масловым в то время, когда он был еще здоров. И конечно же, как деловой человек (управляющий Московской удельной конторы), он не мог не знать, что каждую вновь поступившую сумму следует хранить в банке, а не держать дома наличными. Приходится с осторожностью отнестись и к утверждению Д.Д. Оболенского, что «И.И.Маслов так и не приходил в себя и

умер сумасшедшим, пережив Михаила Дмитриевича на десять лет. А миллион так и канул в вечность бесследно». По крайней мере первому из этих утверждений есть убедительное опровержение. Умерший в 1891 г. И.И.Маслов завещал около полумиллиона рублей на развитие народного образования в знак «глубокого сочувствия великим реформам Александра II». Уже тот факт, что по законам Российской империи, как и всякой другой страны, душевно больной человек не имел права распоряжаться своим состоянием, говорит о том, что версию о сумасшествии И.И.Маслова, длившемся до его смерти, следует исключить. Сопоставим с этим фактом нам уже известный: отправляясь в Закаспийскую экспедицию, Скобелев сделал И.И.Маслова своим душеприказчиком и завещал крупную сумму на дело народного образования. Сопоставление наводит на весьма правдоподобную мысль, что указанные полмиллиона есть часть скобелевского миллиона. Так что хотя ничто не опровергает рассказ Д.Д.Оболенского о накоплении наличного миллиона и кое-что его даже как будто косвенно подкрепляет, есть основания сомневаться в пропаже этой суммы.

Смерть Скобелева, настигшая его на вершине славы и в расцвете лет, потрясла Россию и вызвала всенародную скорбь. Все органы отечественной печати откликнулись на это событие, поместив некрологи памяти народного героя. Пресса всех славянских стран напечатала исполненные неподдельного сочувствия некрологи и соболезнования. Горе болгар, живших в Москве, описал Немирович-Данченко: «Мы потеряли в нем все... Болгария плачет теперь, как осиротелая мать над единственным своим сыном». В Петербурге, продолжал он, я получил телеграмму из Тырнова: «Весь город в слезах, в каждом

доме стенания... В церквах за него молятся». Подобной же была реакция Сербии и Черногории.

Пресса Западной Европы широко комментировала смерть Скобелева, напечатав в общем сочувственные некрологи. Английские и французские газеты высказывались в таких выражениях: «Со Скобелевым не может не быть победы», «Равновесие ума и характера», «Воля равна уму». Газеты подчеркивали высокий авторитет Скобелева за границей, соглашались, что горячности, рисовки в последнюю кампанию в нем уже не было, он созрел как полководец, военный и административный деятель. Он не жил процентами со своей славы. Высказывалась также уверенность, что со смертью Скобелева дело славянской свободы не умрет. В Германии реакция на смерть Скобелева была смешанной. Там была хорошо известна Скобелевиада, — название, придуманное немецкими журналистами для обозначения посеянных Скобелевым антигерманских настроений. Поэтому, с одной стороны, высказывалось нескрываемое злорадство по поводу избавления от *Deutschenfresser* (пожирателя немцев), как называли Скобелева в Германии. Официозный орган канцлера писал, что «смерть похитила рьяного врага немцев, на обращение которого к лучшим чувствам нельзя было рассчитывать». Самому Бисмарку приписывались слова: «Смерть Скобелева равняется потере Россией стотысячной армии». В этом же духе высказывались многие неправительственные органы печати. Например, «*Borsen Courier*» писала: «Ну и этот теперь не опасен... Пусть панслависты и русские славянисты плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому,

чтобы превратить слово в дело». Как видим, довольно цинично. В то же время немецкие военные специалисты и объективные наблюдатели, военные журналы высоко оценивали талант и военные заслуги Скобелева.

На событие такого масштаба, каким была для России смерть Скобелева, должна была реагировать и верховная власть. Непосредственно в день его кончины государь направил княгине Белосельской-Белозерской телеграмму следующего содержания: *«Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей. Александр»*. Корвет «Витязь» император повелел переименовать в «Скобелев».

Почитательница Скобелева В.Н.Чичерина взяла на себя все бремя хлопот, связанных с похоронами. В ЦГИА хранится толстенная папка подписанных ею документов по расчетам с поставщиками и исполнителями разнообразных работ.

Похороны Скобелева носили небывало торжественный характер и были поистине народными. 26 июня тело набальзамировали и положили в гроб в парадном генерал-адъютантском мундире. От академии Генерального штаба к гробу был возложен венок с надписью: «Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному»; венки от полков, в которых служил Скобелев, Кавалергардского и Гродненского гусарского, от лиц, служивших на Закаспийской железной дороге, от многих учреждений и неизвестных лиц. Среди провожавших были генералы Ганецкий, Радецкий, Имеретинский, два великих князя. На двадцати семи подушках несли ордена и

три Георгиевских креста. Для отдания воинских почестей были выделены наряды от полков, сражавшихся под командованием Скобелева. Конный отряд возглавлял генерал Дохтуров. Прибыли делегации от войск 4-го корпуса, Московского военного округа, от Генерального штаба. От гостиницы Дюссо до церкви Трех Святителей, заложенной дедом Скобелева, где происходила панихида, войска стояли шпалерами. В ночь на 28 июня, перед панихидой, в церкви перебивало около 60 тысяч человек, и «все это простонародье, — добавляет А.Ф.Тютчева, — так как высшие классы дворянства и купечества в это время года отсутствуют из Москвы». За гробом вели лошадь Скобелева. Когда выносили гроб, «все пространство от церкви до вокзала железной дороги было покрыто сплошным ковром из лавровых и дубовых листьев, и вся огромная площадь перед вокзалом представляла собой море голов... народ, который не мог проникнуть в церковь, чтобы отдать покойному последнее лобзание, бросился на помост, с которого только что сняли гроб, и покрывал его поцелуями».

Что происходило в эти дни в Москве, ярко изобразил А.И.Куприн: «Как Москва провожала его тело! Вся Москва! Этого невозможно описать. Вся Москва с утра на ногах. В домах остались лишь трехлетние дети и недужные старики. Ни певчих, ни погребального звона не было слышно за рыданиями. Все плакали: офицеры, солдаты, старики и дети, студенты, мужики, барышни, мясники, разносчики, извозчики, слуги и господа. Белого Генерала хоронит Москва! Москва ведь!»

Картину дополняет В.И.Немирович-Данченко: «...на площади уже целое море. Народ на крышах домов, на кремлевской стене... на фонарях. Народные похороны, — говорит кто-то рядом. И действительно, мы видим, что

они народные». Под грохот пушечных и ружейных залпов гроб внесли и поставили в вагон. «Народные похороны стали чисто народными, когда поезд наш тронулся... Вагоны наши двигались до Рязани по коридору, образованному массами народа... Это было что-то, до тех пор неслыханное.

Крестьяне кидали свои полевые работы, фабричные оставляли свои заводы, и все это валило к станциям, а то и так, к полотну дороги. У самого полотна стояли на коленях. Все это под жаркими лучами солнца, натомившиеся от долгого ожидания. Уже с первой версты поезду пришлось поминутно останавливаться. Каждое село являлось со своим причтом, со своими иконами. Большая часть сел вышла на встречу с хоругвями — совершенно исключительное и небывалое явление... В конце концов казалось, что это не похороны одного человека, а совершается какое-то грандиозное явление природы. Так поезд подошел к Раненбургу. Тут ждали гроб крестьяне села Спасского». У спуска на мост через реку они пожелали нести гроб на руках: «С этого места мы и отца его, и мать носили на руках». Пронесли гроб мимо дома, перед которым была разбита клумба, золотистыми буквами изображающая слова:» Честь и слава». 30 июня, под колокольный звон, гроб опустили в фамильный склеп церкви села Спасского. Над могилой был повешен боевой значок, сделанный В.В.Верещагиным и сопровождавший белого генерала в последнем походе. Солдаты и народ говорили «душа был человек» и подчеркивали, что любили его за храбрость, простоту и любовь к народу. Все называли его «наш Скобелев».

Эти похороны и народные чувства — лучший ответ на поставленный выше вопрос о том, кем был Скобелев в глазах народа. Всем, к каким бы слоям общества ни при-

надлежали люди, было понятно, что в лице Скобелева страна потеряла великого патриота, человека громадного ума. Даже в революционных кругах высказывались сожаления о его безвременной смерти. Известный публицист народнического направления Н.К.Михайловский выразил общее мнение:» Если нас когда-нибудь постигнет бедствие войны, мы с глубоким сожалением вспомним о Скобелеве».

Посмертная судьба Скобелева, как и его жизнь, сложилась не гладко, противоречиво. Недруги продолжили злословие и в дни общерусского траура. «С М.Д.Скобелевым исчезла огромная двигательная сила, — писал Ю. Карцов. — Русские люди слились в чувстве единодушной скорби. Зато в Петербурге у многих отлегло на душе. В обществе на счет покойного отпускались злые шутки и рассказывались анекдоты». К старым поводам для злословия прибавился новый: обстоятельства смерти Михаила Дмитриевича. Представляется нужным хотя бы кратко остановиться на этом вопросе.

После развода с княгиней М.Н.Гагариной Скобелев вел холостяцкую жизнь, довольствуясь непродолжительными связями. Обосновывая этот образ жизни, так сказать, теоретически, он избрал себе девиз: военный человек должен быть холостым, женишься — не совершишь ничего великого. По достижении зрелого возраста он, судя по воспоминаниям близких к нему людей, стал испытывать потребность в семейном очаге, но уже не хотел отказаться от принятой на себя роли убежденного холостяка, а может быть, не хотел заниматься хлопотами, связанными с последствиями неудавшегося брака. Об азарте, с которым Скобелев отстаивал свой девиз, говорит эпизод периода Закаспийской кампании. Как-то за обедом в Красноводске Михаил Дмитриевич высказался,

что «все женатые люди — далеко не военные, это честные граждане, и после каждого дела их тянет к семье, к родному очагу...». Услышав эти слова, полковник Вержбицкий встал и заявил, что он «холост и потому готов в огонь и в воду, и на тот свет вместе с Михаилом Дмитриевичем». Адъютант Баранок тут же достал записную книжку и предложил Вержбицкому собственноручно записать эти слова, что тот и сделал. Довольно скоро эти роковые слова сбылись. 25 июня следующего года Вержбицкий ночью скоропостижно умер в Тифлисе в гостинице «Лондон», а Скобелев почти в тот же час в Москве в гостинице «Англия». Холостяцкие привычки, прежде всего та легкость, с которой Скобелев шел на связи со случайными женщинами, были если не причиной, то предпосылкой рокового для него ужина 25 июня.

Не такой смерти хотел для себя Михаил Дмитриевич. «Очень ему хотелось умереть на поле чести, на поле настоящей битвы! Что делать, «повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить» — не мог помириться Михаил Дмитриевич с фактом, что ему уже не двадцать лет!» — рассказывал В.В.Верещагин. Но почему-то Скобелев думал, что судьба не даст ему такой смерти. Во время последнего похода офицер Можайский, который вел дневник экспедиции, записал следующие его слова: «Увидите, что я умру глупейшим образом на постели, а не от пули или почетного удара штыком». Мысль о такой, мирной смерти вызывала у него отвращение: «Неужели меня смерть застанет не у Мраморного моря, не на вершине Гималаев, а на подушке, пропитанной ландышами из Берлина... Тьфу!» Но «...нужно признать, что судьба была, в конечном счете, к нему милостивой: она не дала ему славной смерти, но избавила его от мед-

ленного умирания», — высказывал свое мнение Н.Н. Кнорринг.

Тем, кто чернил Михаила Дмитриевича за обстоятельства его смерти, хорошо ответил один из журналов в фельетоне, в котором ведется разговор Козьмы Пруткова с таким же сочиненным, литературным персонажем Н. Шарченко. В этом диалоге Козьма Прутков говорит: «В каждом человеке есть два лица: частное и общественное... Как общественный деятель Скобелев был честнейший и благороднейший человек и один из самых горячих, самоотверженных патриотов... и если он имел какие-нибудь слабости, вредившие собственно ему, то никому нет до них дела и они нисколько не могут умалить ни его заслуг отечеству, ни снять его с того высокого пьедестала, на который поставили его подвиги».

Лично я не имею существенных возражений против этого мнения и мог бы высказать некоторые доводы в оправдание даже самих обстоятельств смерти Михаила Дмитриевича, но не хочу этого делать: они прозвучат диссонансом трагическому финалу. Что же касается желания самого Скобелева, если, конечно, он мог бы его посмертно высказать, то все мое изучение характера этого человека заставляет утверждать без колебаний: если бы ему пришлось выбирать между медленной смертью от какого-нибудь расширения, суждения или недостаточности и тем, что реально произошло, то он тысячу раз предпочел бы тот конец, который его постиг. Такой уж это был человек. Так что не будем судить Скобелева. Будем помнить, сколько раз за свою боевую жизнь он мог погибнуть со славой. Человек не выбирает себе смерть. Она приходит к нему без приглашения и без выбора.

Еще более страстный характер имели продолжавшиеся после смерти Скобелева споры о его месте в военной истории, об оценке его заслуг перед Россией. Эти споры еще больше усилило решение академии Генерального штаба, поставившей Скобелева рядом с Суворовым. Как и при жизни, не только поклонники, но и объективно мыслящие военные специалисты, историки, журналисты и мемуаристы в своем абсолютном большинстве воздавали Скобелеву должное и соглашались, что сделанное им за его недолгую жизнь навсегда вошло в историю. Как всегда после смерти крупного человека, найдутся злопыхатели и по адресу Скобелева, писал, например Н.К.Шильдер. Но «много ли выиграла история от кропотливых разоблачений г. Юнга относительно юношеских годов и первых шагов службы корсиканского героя?» Плодотворнее изучать сделанное, которое, несмотря на краткость жизни Скобелева, велико. Надо собирать наследие, указывала «Русская Старина».

Шильдер оказался прав: злопыхатели нашлись. Типична в этом отношении книга публициста «Голоса» Г.К. Градовского, того самого Грегуара Градовского, о котором Вогюэ писал как об участнике обеда либеральной элиты с присутствием, в числе других, и Скобелева, а во время турецкой войны — корреспондента на Балканах. В этом памфлете была предпринята попытка полной дискредитации Скобелева. Метод Градовского, мягко говоря, нельзя назвать объективным. Он собрал все, за что получал нарекания Скобелев (взятие Хивы, эпизод под Шейновом), и объявил, что белый генерал был лишен полководческого таланта. Победы Скобелева он объяснял везением, высмеивал решение академии. В полемическом запале он дошел до грубых выпадов сугубо личного характера. Нападки Градовского, обусловленные его личной

неприятно к Скобелеву, оказали ему плохую услугу. Печать всех направлений единодушно оценила его книгу как тенденциозную, несправедливую, в некоторых моментах даже нечестную.

Но в России помнили и любили Скобелева. В начале русско-японской войны, в ноябре 1904 г., при академии Генштаба был образован Комитет имени М.Д.Скобелева. В его состав вошли многие видные военные деятели, в том числе сподвижники Скобелева и близкие к нему люди: А.Н.Ку-ропаткин, А.Н.Маслов, уже генерал-майор, полковник А.В.Верещагин, генерал-майор К.Э.Белосельский-Белозерский и его жена, сестра Скобелева Надежда Дмитриевна (председатель). Задачей Комитета было собирание материалов Скобелева и о Скобелеве, пропаганда его наследия и меры по увековечению его памяти. Устав Комитета разослали по частям, со всех концов России немедленно пошли пожертвования. В Тифлисе, где не раз бывал и служил Скобелев, редакция газеты «Кавказская армия» решила издавать «Скобелевские сборники». В первом сборнике, вышедшем в 1908 г., говорилось: «Пережитая война наводит на мысль, что будь жив Скобелев, и последствия войны не были бы так ужасны». Дальновидность Скобелева снова вспомнили в 1914 г.: «Как только началась кровавая борьба, имя Скобелева ожило... он был апостолом и пророком этой борьбы», — писал автор одной из брошюр начала войны. — Его труды о политике и войне «имеют уже 35-летнюю давность, но все это так свежо и верно оправдывается событиями, словно писано и сказано вчера».

В этих неудачных войнах имя Скобелева продолжало вдохновлять армию. В 1916 г., в разгар войны, Главное управление военно-учебных заведений выпустило брошюру И.В.Казначеева «Генерал-адъютант Михаил

Дмитриевич Скобелев. Биографический очерк». Вот как: армию учили Скобелевым. Не только руководящие деятели, но и военные люди старого поколения, даже невысокого ранга, знавшие Скобелева, понимали, что война могла бы сложиться иначе, если бы были учтены его предостережения и советы, и тем более если бы он был главнокомандующим. Таково, например, мнение его ординарца Е.В.Гущика, высказанное им А.И.Куприну: «Вот мы теперь п..... и к такой-то матери эту проклятую войну. А он за двадцать пять лет до нас ее предвидел. Говорил, что самый наш главный, природный и единственный враг — немец и что нет удобнее минуты, чтобы свернуть ему голову, а то потом поздно будет. Он не таил своих мнений, высказывал их громко. Говорят, что и раньше он говорил об этом же всенародно, перед французами. Правда ли это? Ну вот, видите, значит, правда... И с тогдашними своими солдатами он все мог бы сделать».

Не забывали о Скобелеве и враги. Во время отступления 1915 г. 10-я армия под угрозой двустороннего охвата в относительном порядке отошла из Восточной Пруссии, вторично занятой русскими войсками. Немцам удалось отрезать в Августовских лесах лишь 20-й корпус. Солдаты пошли в последнюю отчаянную атаку с одними штыками, расстреляв все патроны. Корпус погиб. Германский генерал, руководивший боем, сказал кучке захваченных пленных: «...преклоняюсь, господа русские, перед вашим мужеством». И отдал честь. Известный тогда немецкий военный корреспондент Р.Брандт писал 2 марта 1915 г. в «Шлезисхе фольксцейтунг»: «Честь XX корпуса была спасена...» Солдаты совершили «геройство, которое показало русского воина в полном его свете, которого мы знаем со времен Скобелева, времен штурма Плевны!»

С публикацией литературного наследства Скобелеву не повезло. Вскоре после его смерти А.Н.Маслов с помощью А.Н.Баранка издал сборник приказов Скобелева. Это было важное документальное издание, характеризующее не только военную деятельность их автора, но и определенный этап истории русской армии и ее военного искусства. В этом большая заслуга А.Н.Маслова. Но в сборник вошли не все приказы Скобелева и, что еще важнее, приказы далеко не исчерпывают всего им написанного. Современники сообщают, что Скобелев много писал и вообще много времени отдавал кабинетным занятиям. Даже иностранка, г-жа Адан, была осведомлена об этой стороне жизни Скобелева: «Скобелев оставил много замечательных трудов: военные рассказы, доклады о состоянии войск, заметки и наблюдения и т. д.» Наши представления о Скобелеве были бы значительно беднее, если бы в свое время не было опубликовано то, что использовано на страницах данной работы. Но это — лишь вершина айсберга. В беседе с П.А.Дукмасовым Скобелев говорил: «Кому все это (указывая на свои рукописи. — *В.М.*) достанется? Будут ли когда-нибудь обнародованы мои труды?» Эти слова звучат как завещание нам, потомкам. Скобелев вел большую переписку, некоторые его письма были рассчитаны на публикацию. Эта переписка содержит много важных сведений не только военного, но и общественно-политического характера, не говоря уже о личных отношениях и личности самого Скобелева. «Большая и интересная задача — издание переписки Скобелева», — справедливо отмечал Н.Н.Кнорринг. Она составила бы, наверное, несколько томов и стала бы интереснейшим памятником эпохи. Интересно было бы также разыскать и опубликовать испанские материалы Скобелева, книги, испещренные его заметками.

Задача обнародования и изучения литературного и документального наследия Скобелева непосредственно связана с судьбой, постигшей его архив. Читатель помнит мое обещание рассказать о нем и его судьбе. Из письма М.Л.Духонина, хранящегося в лондонском архиве и введенного в научный оборот Н.Н.Кноррингом, известно, что сразу после смерти Скобелева все материалы и документы из его квартиры в Минске, всего, по описи 28 июня 1882 г., 36 номеров папок, пакетов, свертков, десяти записных книжек, были опечатаны и отправлены в Петербург в Военно-Ученый архив Главного штаба. Туда же были отправлены документы, затребованные от И.С.Аксакова, М.Н.Каткова, А.В.Адлерберга. Действия властей со всей очевидностью говорят о том, что архив Скобелева представлял большую государственную ценность, а на него самого, по-видимому, велось досье. Поневоле напрашивается параллель с судьбой архива Пушкина. Неизвестны судьба и местонахождение разработанного Скобелевым плана войны с Германией. Е.Толбухов писал, что «сообщникам Бисмарка приписывалась пропажа плана войны с немцами, разработанного Скобелевым и выкраденного тотчас после смерти Михаила Дмитриевича из его имения». Но нет уверенности, что все было действительно так. Вполне возможно, что вместе с другими документами изъятию подлежал и план, что он был присоединен к архиву и хранился вместе с ним. Определенную нить, о перспективности которой для поисков судить пока трудно, дает М.И.Полянский: «Разбор оставшихся после него бумаг по высочайшему повелению был поручен особой комиссии под председательством графа А.В.Адлерберга, но когда они будут опубликованы для всеобщего сведения, невозможно определить даже приблизительно». Во всяком случае, если комиссия работала,

должны остаться следы ее работы, которые, возможно, приведут и к самому архиву. Занимаясь в архивах, автор этих строк не обнаружил значительных по объему и собранных в одном месте скобелевских манускриптов, в том числе ни одной записной книжки. Следовательно, использованные на страницах данной работы архивные документы — не из минского архива. Необходимы поиски на государственном уровне.

Изучение жизни и деятельности Скобелева в до-революционное время велось довольно активно. Скобелеву посвящены публикации, мемуары, исследования, массовая литература в виде популярных брошюр и лубочных изданий, художественная литература, причем ее нельзя назвать бедной. Это — романы, повести, драматические произведения, много стихов и песен, в том числе солдатских. Немалая литература о Скобелеве существует и на иностранных языках. В 1902 г. вышел в свет библиографический указатель, включающий не только литературу, но практически все, относящееся к памяти Скобелева на этот год. В 1908 г. указатель был издан с дополнениями.

Во время войны с Германией 1941–1945 гг. представители старшего поколения, знавшие о Скобелеве, пытались возродить и использовать его имя для подъема патриотических чувств народа и воодушевления армии. Генерал А.А.Игнатъев подготовил несколько статей, он же (один и в соавторстве с народным артистом Б.Н.Ливановым) написал киносценарий и пьесу о Скобелеве. Н.Н. Шаповаленко создал историческую пьесу «Смерть Скобелева». Ни одна из этих работ не была разрешена к публикации и постановке. Положение не изменилось до сих пор.

Созданию иконографии Скобелева, прижизненной и посмертной, отдали щедрую дань изобразительные искусства. Было создано много портретов, скульптур, гравюр, сняты фотографии. Известный баталист Ф.Рубо, автор Бородинской и Севастопольской панорам, написал маслом диораму, установленную в посвященном памятному штурму Геок-Тепинском музее. Картины на сюжеты из военной жизни Скобелева написали художники Лагорио, Кившенко, Сверчков, Дмитриев-Оренбургский, не говоря уже о Верещагине. Местонахождение большинства из этих картин неизвестно, исчезла и диорама. Были сочинены несколько маршей «Скобелев», один из них исполнялся еще при его жизни, некоторые были записаны на грампластинки.

Не могу не рассказать читателю о моей иконографической находке. В ЦГИА хранится черно-белая репродукция масляного портрета Скобелева. Видно, что писан с натуры. Если пользоваться выражением Куприна, ну уж и портрет! Скобелев изображен в рост, в мундире с Георгиями и белой фуражке, на боку клинок, рукоять которого перевита Георгиевской лентой. Сходство полное. Живопись старинная, академическая, чувствуется, что фактура гладкая, впечатление такое, как будто смотришь фотографию. Лишь в нижнем углу художник из щегольства сделал несколько небрежных мазков. Вот бы разыскать подлинник. Это была бы, наверное, не менее интересная работа, чем та, которую провел И.Андроников с портретом Лермонтова. Но там была другая задача, идентификация. Здесь же задача в том, чтобы определить автора и найти портрет. Если бы кто-нибудь из читателей-искусствоведов занялся этим делом!

Еще более драматичной стала судьба всего, что было сделано по увековечению памяти Скобелева. А сдела-

но было немало. Вскоре после его смерти ему был поставлен памятник в м. Ораны Виленской губернии, в самом Вильно, при военном собрании, был создан музей Скобелева. Подготавливалось создание музея Гродненского гусарского полка «с отделом, исключительно посвященным памяти нашего однопольчанина генерала М.Д.Скобелева». Обращаясь к П.М.Кауфману (внуку туркестанского генерал-губернатора), заведующий музеем писал: «Для полка, где служил русский народный герой почти десять лет и в котором принял свое боевое крещение, ценно иметь такой вклад как рукописи своего бывшего офицера для воспитания в молодом поколении гродненских гусар того могучего духа, каким отличался Скобелев». В этом отделе каждая вещь будет воспитывать «будущие поколения молодых людей для славы и могущества своей матушки России». Кауфман распорядился послать копию записки об индийском походе, посвященной белым генералом его деду.

В начале нашего века активно шла подготовка к сооружению памятников Скобелеву в Петербурге и в скобелевском лагере в Барановичах, на которые были объявлены открытые конкурсы. В 1908 г. была объявлена подписка для образования фонда на памятник Скобелеву в Москве. Недостающие средства выделила казна. Из 27 проектов победил проект отставного полковника П.А.Самонова. 24 июня 1912 г., в 30-ю годовщину со дня смерти Скобелева, в самом центре Москвы, на Тверской площади, при огромном стечении народа, в присутствии многих соратников Скобелева, военных делегаций из Болгарии и Сербии, памятник был торжественно открыт. Он представлял величественную и красивую группу. В центре возвышалась конная фигура Скобелева с поднятой над головой шашкой. По бокам располагались две группы фи-

гур пехотных солдат и офицеров, одна из которых изображала эпизод из турецкой, другая — из туркестанской войн. Вокруг пьедестала в нишах были вделаны одиннадцать бронзовых барельефов с изображениями эпизодов этих войн. По сторонам памятника были установлены четыре огромных стильных канделябра с пятью стильными электрическими фонарями каждый. Памятник стал одним из украшений Москвы. Насколько знаю, если не считать памятника Суворову и установленных перед Казанским собором в Петербурге памятников Кутузову и Барклаю де Толли, это был единственный в России памятник генералу.

Читателю, конечно, хотелось бы зримо представить этот памятник, увидеть хотя бы фотографию. Такое желание было и у меня. Изображение крупного формата мне найти не удалось, хотя где-то оно, конечно, есть, как есть, очевидно, и старые кадры кинохроники. Но в ОР ГПБ мне показали несколько дореволюционных почтовых открыток с фотографическим изображением памятника, в том числе сцены его открытия. Там же я узнал, что есть собиратели старинных открыток, имеющие уникальные, государственного значения коллекции, и что они ведут между собой обмен. Путем обмена мне удалось приобрести две скобелевские открытки: с изображениями памятника и парохода «Скобелев». Фотографии — наше единственное представление о перечисленных памятниках, потому что все они снесены, в том числе московский.

Не лучше охраняется все связанное со Скобелевым в его родных местах, на Рязанщине. Дом в Спасском не сохранился, от усадьбы не осталось ничего. Парк запущен. Церковь, когда-то, по словам П.Дукмасова, богато изукрашенная, в которой похоронены белый генерал и его родители, находится в аварийном состоянии, готова

вот-вот обрушиться, могила — без призора. Хорошо хоть награды Скобелева сохранены и находятся в Рязанском музее-заповеднике.

Не так обстоит дело в Болгарии. В числе памятников освободительной войны болгары с любовью сохраняют посвященные Скобелеву. Это — парк Скобелева на холме в городе Плевен; парк освободителей Плевена с бюстами героев ее штурмов и осады, в том числе Скобелева; русская церковь (храм-памятник в селе Шипка), построенная по инициативе О.Н.Скобелевой и Н.П.Игнатьева на сбор пожертвований, с 32 мраморными досками с именами погибших, и ряд других. В 1903 г. были реставрированы и по сие время сохраняются скобелевские редуты под Плевеном. В 1983 г. близ Плевена, где начинается шоссе, ведущее на Ловеч (Ловчу), установлен 22-метровый памятник отряду Скобелева с рельефной композицией. В 70-х — начале 80-х гг. в Плевене, на территории Скобелевского мемориала, воздвигнуто еще более масштабное, грандиозное сооружение — первая в Болгарии панорама, художественно-архитектурный комплекс, посвященный столетию освобождения от османского ига, созданный коллективом советских и болгарских художников под руководством заслуженного художника РСФСР Н.В.Овечкина, представлявшего в этом содружестве студию советских баталистов имени М.Б.Грекова. Наряду с этими монументальными, в Болгарии много небольших, но от этого не менее впечатляющих памятников, трогающих своей непосредственностью, интимностью. Таков памятник-беседка О.Н.Скобелевой под Пловдивом, где было совершено убийство.

Но блеснул и у нас луч надежды: в Рязани установлен, наконец, памятник Михаилу Дмитриевичу. Дальше, будем надеяться, дело дойдет и до Спасского, а там и до

московского памятника. Делом занимается возрожденный Скобелевский комитет. И мы, может быть, увидим то отношение потомства к памяти Михаила Дмитриевича, которого ожидали военные, писатели, публицисты. И тогда сбудется пророчество генерала Анучина: *«Скобелевская легенда сделается достоянием истории русского народа и будет передаваться из поколения в поколение почитателями русской доблести и отваги. С течением времени все мелочи, так сказать житейское, отпадет, и легенда будет славить русского чудо-богатыря как нечто идеальное».*

Всею своею жизнью Скобелев учит: учит патриотизму, самоотверженности, чести, отваге. Жизнь и деятельность этого великого патриота — важная и славная страница нашей истории. Вот почему имя Скобелева не может быть и не будет забыто.

Список использованных архивов и литературы

АВПР — архив внешней политики России.

ВИМАИВ и ВС — архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ГИМ — архив Государственного исторического музея.

ОР РГБ — отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (Москва).

ОРРНБ — отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (С.-Петербург).

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (Государственный архив Российской Федерации).

ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив (С.-Петербург).

ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив Москвы.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских.

Апушкин В.А. Скобелев о немцах. Его заветы славянству. Птг, 1914.

Ахал-Текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—81 годах. Из воспоминаний д-ра *А.В.Щербака*. СПб, 1884.

Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956.

Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. 1—3. М., 1980.

Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1912.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.

Граф *Валуев П.А.* Дневник. 1877—1884. Птг, 1919.

Верещагин А.В. Дома и на войне. 1853—1881. СПб, 1886.

Верещагин А.В. На войне. (В память 25-летия освободительной войны). Воспоминания о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М., 1902.

Военные поучения фельдмаршала *Мольтке*. Пер. с нем. СПб, 1913.

Воспоминания о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и М.Скобелеве его ординарца *Петра Дукмасова*. СПб, 1889.

Врангель Н.Н. Воспоминания. Берлин, 1924.

Газенкампф М. Мой дневник. 1877—1878 гг. Изд. 2. СПб, 1908.

Генерал Скобелев. Воспоминания г-жи *Адан (Жульетты Ламбер)*. СПб, 1886.

Градовский Г.К. М.Д.Скобелев. СПб, 1884.

Греч Н.И. Записки из моей жизни. М.—Л., 1930.

Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч.И. СПб, 1839.

Григорович Д. В. Русские знаменитые простолюдины. СПб, 1860.

Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т.2, СПб, 1884.

Дневник Д.А. Милютина Т.4. М., 1950.

Дневник Е.А. Перетца. 1880–1883. М.—Л., 1927.

Елец Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Т.1. СПб, 1898.

Journal du vicomte E.-M. de Vogué. Paris — Saint-Petersbourg. 1877–1883. Paris, 1932.

Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926.

Заславский Д. Взволнованные лоботрясы. Очерки из истории «Священной дружины». М., 1931.

Игнатъев А.А. 50 лет в строю. Т.1. М., 1952.

Извлечение из отчета генерал-адъютанта Скобелева о маневрах I, II, XV германских корпусов в 1879 г. Изд. Военно-Ученого комитета Главного штаба. СПб, 1883.

История дипломатии. Изд. 2. Т.Н. М., 1963.

История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т.1. М., 1975.

История русской армии и флота. Вып. XII. М., 1913.

История Узбекской ССР. Т.1. Кн.2. Ташкент, 1956.

Карпович Е.П. Родовые призвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб, 1886.

Карцев Ю. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. СПб, 1906.

Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1882 год. М., 1898.

Кашкаров Д.Д. Взгляды на политику, войну, военное дело и военных М.Д.Скобелева. СПб, 1893.

Quelques mots sur le général Skobeleff par un officier russe. По поводу брошюры г-жи Адам «Генерал Скобелев». Paris, 1887.

Кнорринг Н.Н. Генерал Скобелев. 4.1—II. Париж, 1939–1940.

Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969.

Крестовский Вс. 20 месяцев в действующей армии (1877–1878). СПб, 1879.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966.

Кубасов И.А. Иван Никитич Скобелев. Опыт характеристики. СПб, 1900.

Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Ловча и Плевна. 4.1. СПб, 1895.

Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, б.г.

Ламсдорф В.Н. Дневник. Т. I. М.—Л., 1926.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М., 1958.

Либрович С.Ф. На книжном посту. Птг — М., 1915.

Майер А.А. Год в песках. Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции. 1880–1881. Кронштадт, 1886.

Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875.

Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975.

Мартынов Е.И. Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб, 1900.

Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. СПб, 1887, приложение (автобиография).

Михайлов О. Куприн. (ЖЗЛ). М., Мол. гвардия, 1981.

Мнение командира 4-го армейского корпуса генерал-адъютанта Скобелева об организации местного военного управления и о корпусах. Б.м., 1881.

Модзалевский Л.Н. Из педагогической автобиографии. СПб, 1897.

М.М. Белый генерал М.Д.Скобелев. Очерки боевой жизни и кончины его. М., 1882.

На кладбищах. Ревель, 1921.

Наполеон. Избр. произв. Т.І. М., 1941.

Немирович-Данченко В. И. Год войны (дневник русского корреспондента). 1877–1878. СПб, 1879.

Немирович-Данченко В.И. Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. Изд. 3. СПб, 1903.

Нестеров Ф.Ф. Связь времен: опыт исторической публицистики. М., 1980.

Nos amities politiques avant l'abandon de Revanche. Paris, 1908.

Нотович Н.А. Жизнеописание М.Д.Скобелева. СПб, 1882.

Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

Общество ревнителей военных знаний. 1908, Кн. 3.

Генерал-майор *Н. Р. Овсяный*. Русское управление в Болгарии в 1877–1878—1879 гг. СПб, 1907.

Окунь СБ. История СССР. 1796–1825. Л., 1948.

Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Вып.3. Переписка Александра II с главнокомандующим. СПб, 1899.

Отчет командира IV армейского корпуса генерала от инфантерии М.Д.Скобелева, копии приказов, диспозиции войскам, связанные с маневрами IV армейского корпуса с 3 по 10 сентября 1881 г. ЦГВИА, ф. 189, ед. хр.60.

Памяти М.Д.Скобелева. Б. м. и г.

Панчулидзева С.А. История кавалергардов. СПб, 1908.

Паренсов П.Д. Из прошлого. 4.1–3. СПб, 1904.

К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. I. 4.2. М. — Птг, 1923.

Полянский М.И. Библиографический указатель литературы, относящейся к биографии М.Д.Скобелева. СПб, 1902.

Полянский М.И. Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева. СПб, 1908.

Priaux A. Les Russes dans l'Asie Centrale. La dernière Campagne de Scobelev. Paris, 1886.

Приказы генерала М.Д.Скобелева (1876–1882). СПб, 1882.

Приказы Павла войскам, направляемым в Индию. ЧОИДР, 1860, кн. Ш.

Присоединение Туркмении к России. Сборник архивных документов. Ашхабад, 1960.

Русский Биографический Словарь. Т. 18. СПб, 1904.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977.

Сборник военных рассказов, составленный офицерами — участниками русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ТЛИ. СПб, 1879.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып.64. 4.2.

Советская Военная Энциклопедия. Т.7.

Советская Историческая энциклопедия. Т. 12.

Со Скобелевым в огне. Воспоминания *П.Дукмасова*. СПб, 1895.

Степняк-Кравчинский СМ. В лондонской эмиграции. М., 1968.

Струсевиц А. Один из богатырей XIX века. Остров, 1899.

Трубников К.В. Немец и иезуит в России. СПб, 1882.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. 14. М.—Л., 1967.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Т.Н. М., 1929.

Филиппов М.М. М.Д.Скобелев. СПб, 1894.

Хивинский поход в 1873 г. (по официальным материалам). СПб, 1873.

Чанцев И. А. Скобелев как полководец. 1880–1881. СПб, 1883.

Шлихтинг. Основы современной тактики и стратегии. 4.2. Кн. 1. СПб 1910.

Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961.

Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.

В книге использованы также материалы дореволюционных периодических изданий:

«Былое»

«Век»

«Вестник Европы»

«Военно-исторический сборник»

«Военный сборник»

«Голос минувшего»

«Известия Императорского Русского Географического Общества»

«Исторический вестник»

«Минута»

«Новое время»

«Общее дело»

«Отечественные записки»

«Разведчик»

«Русская Старина»

«Русский архив»

«Русский вестник»

«Русь»

«Скобелевский сборник»

«Туркестанские ведомости»

«La France»

Примечания

1

«Quelques mots sur le général Skobeleff par un officier russe. (Несколько слов русского офицера о генерале Скобелеве.) По поводу брошюры г-жи Адам «Генерал Скобелев»». Paris, 1887, p. III. В дальнейшем — «Quelques mots...». (*Здесь и далее прим. автора.*)

2

За недостатком места автор не имеет возможности давать подробные примечания по каждому цитируемому источнику. В конце книги приведен список использованных литературных и архивных материалов.

3

Современное написание фамилии декабриста — Батеньков. (*Прим. ред.*)

4

Отрывки из писем А.И.Куприна 17.09.86 г. опубликовала «Литературная газета» с выражением благодарности Л.К.Гущик.

5

«Quelques mots...».

6

По-французски пишется Adam, произносится Адан.

7

Западным отрядом номинально командовал румынский принц Карл, фактически — его начальник штаба генерал П.Д.Зотов. С прибытием Тотлебена Зотов вернулся в 4-й корпус, а Тотлебен занял его место.

8

«Вы явились, чтобы проэкзаменовать меня до моих внутренностей, вы видели два корпуса, но скажите его величеству, что при необходимости все пятнадцать исполнят свой долг так же хорошо, как эти два» *(фр.)*.

9

«Дорогой друг! Как хотите, но Австрия должна идти на Салоники» *(нем.)*.

10

Источник: Полянский М.И. Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева. СПб, 1908 г., с.64. 1 верста = 1,0668 км.

11

«Эти ночные атаки вызывают во мне такое чувство, как будто я пил киссингенские воды» *(фр.)*.

12

До 1914 г. его шефом был император Австрийский. С 1914 г. — Кексгольмский полк.

13

«Судя по всему, подразумевается М.И.Драгомиров». *(Прим. В.Я.Богучарского.)*

14

«Честь может спасти корону, но подлость — никогда» (*фр.*).

15

Скобелев имеет в виду графа Петра Андреевича Шувалова, члена русской делегации («второго делегата») на Берлинском конгрессе. Его брат Павел — боевой товарищ Скобелева, впоследствии — посол в Берлине.

16

Генерал М.Н.Анненков, участник Ахал-Текинской экспедиции, строитель Закаспийской железной дороги, брат виконтессы де Вогюэ.

17

«Вчера я видел Бонапарта, возвратившегося из Египта» (*фр.*). Исторический вестник. 1895. Т. LIX, с. 107.

18

Унтер-офицеру Матвею Иванову Скобелев и его сестры назначили из своих средств пожизненную пенсию (ЦГИА, ф. 934, оп. 1, д. 934, лл. 105–106).

19

Генерал Вердер — военный уполномоченный германского императора в Петербурге. Швейниц — германский посол.

20

В 90-х гг. Ф.Э.Келлер был директором Пажеского корпуса. Бывший паж А.А.Игнатъев вспоминал: «...пыл-

кий, увлекающийся граф Келлер, ничего, впрочем, не сохранивший от своего когда-то немецкого происхождения... стремился прежде всего воспитать в нас, будущих офицерах, то чувство личного достоинства, которое Скобелев считал основой воспитания не только офицеров, но и солдат. Командуя отрядом в русско-японскую войну, Келлер погиб во главе сибирских стрелков так, как о том всегда мечтал его бывший начальник: на командном боевом посту» (ЦГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, ед. хр. 75, л. 18–19).